

Хроники Фильнии. Пробуждение тьмы.

18+

Михаил Важинский

t.me/marketologmanager

Михаил Важинский

Хроники Фильнии. Пробуждение тьмы.

Пролог

Король Бренер не испытывал никакого удовольствия, находясь в полуразвалившейся лачуге среди ночи на окраине города. Двадцатисемилетний монарх уже не раз скривил свое красивое немного худощавое лицо от невыносимого запаха сырости и нечистот, которыми, казалось, пропитались даже каменные стены. В полумраке оранжевый свет фонаря вырисовывал высокий стройный силуэт его величества, отражавшийся в огромном зеркале, висевшем на стене. Тень короля падала на пол, стены, и казалась чем-то зловещим среди этого полумрака и гробовой ночной тишины. Бренер находился здесь немного – не более двух минут – но и этого времени хватило, чтобы ему захотелось поскорее убраться отсюда. Да и зачем, собственно, он вообще явился сюда, в это отвратительное место, которое, пожалуй, навещали разве что какие-нибудь оборванцы. Несмотря на столь позднее время, король прибыл сюда без охраны, в сопровождении всего лишь одного слуги, ждущего на улице.

Неделю назад молодой король Братнии Бренер, получил загадочное письмо от какого-то незнакомца. Содержание письма было кратким: неизвестный, представившись «другом», пообещал королю выдать важную информацию, касающуюся давних недругов его страны. Незнакомец пообещал поделиться этой информацией и попросил Бренера явиться в это, давно позабытое всеми место. Удивленный король поинтересовался у слуг: «Кто принес письмо?». Но ответа получить не смог, поскольку ровным счетом никто во дворце не знал, каким образом письмо оказалось в кабинете Бренера. Тогда венценосец, не задумываясь, кинул письмо в огонь, решив, что кто-то из приближенных захотел над ним подшутить. Скоро Бренер позабыл о письме. Ненадолго. На следующий день он обнаружил точно такое же письмо от незнакомца в столовой – на столе прямо возле своего завтрака. И снова никто не смог сказать, откуда оно взялось. Бренер был немного обескуражен, поскольку отчетливо помнил, как бросил точно такое же письмо в камин. Он собственными глазами видел, как огонь пожирал кусок пергамента. Немного поразмыслив, Бренер решил, что это проделки его младшего брата принца Герберта. Письмо

написано, конечно, не его рукой – это явно бросалось в глаза, но что мешало брату изменить почерк? Или кто-то из его доверенных написал под диктовку Герберта – тоже не исключено...

После завтрака король направился в его покои и, указывая на пергамент, требовал, чтобы Герберт немедленно во всем признался. Двадцатилетний принц в недоумении посмотрел на брата, затем прочитав содержимое письма, улыбнулся и сказал, что ему не в чем признаваться, поскольку он его не писал. Тогда небесно-голубые глаза Бренера блеснули, и он сказал:

– Если ты решил меня разыгрывать, братец, то советую оставить эту затею. Во всяком случае, придумал бы что-нибудь интереснее, а не вот эти глупые записочки.

– Но я в самом деле ни при чем, – Герберт от удивления вытаращил глаза на брата так, что, казалось, они вот-вот вылезут из орбит.

– Не ври мне, – не унимался Бренер. – Больше не смей писать подобную гадость.

Бросив эти слова в лицо брату, король покинул покои принца.

Второе письмо ждала та же участь, что и первое. Огонь проглотил его, а оставшийся пепел Бренер уничтожил кочергой, смешав его с золой.

Обнаружив снова точно такой же пергамент на третий день у себя в спальне, Бренер был вне себя от ярости. Не приводя себя в порядок, он, как есть, в ночной пижаме, тут же отправился в покои брата, желая проучить того как следует. И как же удивился король, когда один из слуг принца объявил, что Герберт убыл из дворца еще вчера после полудня и до сей поры не возвращался. Выходило, что брат и в самом деле не причастен ко всей этой странной ситуации с письмом. Но кто же, в таком случае, решил так подшутить над королем? У кого хватило смелости на столь дерзкий поступок? Вряд ли это сделал кто-нибудь из слуг.

Вне себя от злости, король отправился в свои покои.

Весь день он пребывал в самом мрачном настроении. Он снова изучил пергамент. Как и в предыдущие два раза почерк был один и тот же, с красиво выведенными, наклоненными вправо под небольшим углом, буквами. Король решил сравнить это странное, не дававшее покоя письмо с другими письмами от придворных.

Он провел за этим занятием добрых два часа, но так и не нашел никакого сходства ни с одним письмом. Раздосадованный и раздражённый он снова – уже в который раз – перечитал содержание пергамента. И тут у него стали закрадываться мысли, которые до сей минуты не приходили в голову. Раз никто из слуг не приносил письма, и никто не видел человека, который его передал, да и ни один почерк не совпал, то, возможно, это не совсем обыкновенное письмо. Велика вероятность, что тут задействована магия. Тогда ясно, почему после сожжения король вновь обнаруживал пергамент целым и невредимым.

Король решил проверить теорию и вновь бросил послание в огонь. На следующий день, как он и предполагал, письмо вновь поджидало своего адресата в рабочем кабинете прямо на столе. Разумеется, никто из слуг ничего не видел и ничего не знал. Видимо, тут и в самом деле задействована магия, к тому же незнакомец так и написал, что король обнаружит зеркало, перед которым ему и нужно будет встать. Что ж, магическое происхождение письма вполне объясняло постоянное воскрешение оногo из огня. Но это нисколько не изменило отношения Бренера к автору послания. Он по-прежнему относился с недоверием к незнакомцу, именовавшему себя замечательным словом «друг». Ведь непонятно, какие цели он преследовал и что на самом деле задумал.

Письмо вновь отправилось в огонь.

Так повторялось до тех пор, пока на утро седьмого дня, вновь обнаружив пергамент целым и невредимым, король решил положить этому конец. По всей видимости, этот незнакомец решил замучить монарха, свести с ума, довести до нервных припадков, но все же добиться своего. К тому же, у короля Бренера нет придворного мага, который помог бы ему в этом странном деле или хотя бы что-нибудь посоветовал. Магов в Братнии очень мало, и все они занимаются своей деятельностью подпольно, так как отец Бренера запретил в стране практику магии и колдовства. Молодой король давно хотел отменить запрет, но все никак, что называется, «не доходили руки».

В конечном итоге, на утро седьмого дня Бренер решил все-таки явиться в указанное в письме место, параллельно ругая недалёковидность своего покойного отца. Охрану он решил с собой не брать, поскольку она вряд ли помогла бы ему против какого-нибудь колдуна, а вот разнести сплетни по всему городу о том, что король

ходит во всякие странные места по ночам – очень даже могла. Но и пойти совсем один он тоже не решился.

Король Бренер стоял в полуразвалившейся лачуге, в ожидании незнакомца. Вообще ему это все порядком надоело. Мало того что его заставили притащиться в это отвратительное место, так ему еще приходилось стоять тут и кого-то ждать! Да где такое видано, чтобы король, самодержец, ждал кого-нибудь? Просто неслыханно! Бренер твердо решил для себя – еще минута, и он навсегда уйдет отсюда и будет сжигать назойливое письмо каждый день до тех пор, пока не найдет какого-нибудь мага, который поможет ему избавиться от него окончательно.

Пока король мысленно проклинал и письмо, и незнакомца, зеркало вдруг вспыхнуло ослепительным ярко-синим светом. Зажмурившись, Бренер резко отвернулся в сторону, отчего прядь белоснежных волос ниспала ему на лицо, закрыв правый глаз. Он зачесал ее назад и стал медленно поворачиваться к зеркалу, свет из которого уже стал ослабевать.

Бренер обнаружил в зеркале, светящимся приглушенным синим светом, тёмную фигуру, напоминавшую человека, облаченного в плащ с накинутым на голову капюшоном. Первым заговорил незнакомец:

– Приветствую тебя, король Бренер, – голос звучал, словно из какой-то трубы. – Рад, что ты наконец-то решил принять мое скромное предложение и все-таки пришел в эти далеко не королевские покои.

– Это даже покоями нельзя назвать, – фыркнул Бренер. – Это какой-то вонючий сарай! Ты, видимо, специально выбрал это место. Хотел, чтобы я задохнулся!

– Прошу прощения, я не думал, что в этом месте имеется неприятный запах. Просто я хотел, чтобы наша встреча осталась никем незамеченной. А лучшего места, чем это я просто не нашел.

– Еще и опоздал. Разве должно королю кого-то ждать? – интонация Бренера так и сквозила пренебрежением и высокомерием.

– И вновь я вынужден просить прощения у вашего величества, – ответил незнакомец. – Я являюсь сюда уже в седьмой раз, и не думал, что сегодня вы будете здесь, поэтому немного задержался.

– Немного задержался, – фыркнул Бренер. – Так, значит, ты тот самый «друг», который решил меня довести до сумасшествия этим

проклятым письмом, которое я каждый день обнаруживал у себя вновь и вновь?

– Вы правы, – прозвучал трубный голос. – И снова я прошу прощения за то, что окаянное письмо каждый вечер после того, как я не смог вас встретить здесь, вновь оказывалось целым и невредимым. Признаюсь, я каждый раз восстанавливал его после каждого сожжения, в надежде, что вы все-таки придете сюда. И вот мои надежды сбылись, чему я очень рад.

– Кто ты такой? Как твое имя? – спросил Бренер.

– Я тот, кем назвался в письме. Я ваш друг, – ответил незнакомец.

– Это не ответ, – отрезал Бренер. – Я хочу знать твое настоящее имя.

– Ваше величество, позвольте мне не называть своего имени, до определенного момента.

– С какой стати я должен разговаривать с тем, чье имя мне неизвестно?

– С той, ваше величество, что я могу оказать вам неоценимую помощь в достижении одной очень важной для вас цели.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил Бренер. – И признаться честно, у меня все меньше желания стоять здесь и разговаривать с неизвестным, чей силуэт я могу наблюдать лишь в зеркале.

– Ваше величество, позвольте мне вам кое-что сказать. Я же обещал поделиться с вами информацией, так давайте я вам все расскажу, а вы уже решите, стоит ли нам продолжать разговор или нет.

Бренер на секунду задумался, а затем дал утвердительный ответ.

– Ваше величество, ваша страна за многовековую историю многое на себе испытала. Бесконечные войны, из-за которых ее первоначальные большие территории значительно уменьшились и отошли к соседнему государству. И теперь Фильния считается самой могущественной и самой большой страной. И все это за счет вашего народа, за счет территорий, которые так бессовестно отняли правители Фильнии. Я знаю, что многие короли вашей страны, ваши предки пытались вернуть Братнии былое могущество. Но, к сожалению, у них ничего не вышло. Я же могу вам в этом помочь. Я знаю, как это сделать. Как вернуть былую славу вашему народу раз и навсегда.

Незнакомец умолк, а Бренер стоял в полном недоумении. Все, что говорил этот силуэт в зеркале, суцая правда. Его предки много

воевали с Фильнией – этим могучим западным соседом. И с каждой войной от его страны откусывали по кусочку. Последняя война произошла десять лет назад – тогда его отец потерпел поражение. И хоть с тех пор все попытки вернуть стране ее исторические земли были оставлены, король Бренер нет-нет, да и задумывался о том, как же несправедливо обошлась судьба с его народом. Как же было бы замечательно хоть раз одолеть своего огромного соседа, почувствовать вкус заслуженной победы. Что и говорить, речь незнакомца заинтересовала Бренера.

– Так, стало быть, ты знаешь способ, как одержать победу над Фильнией?

– Верно, ваше величество. Я не просто знаю способ, как одержать победу над Фильнией, но я готов вам помогать, вести вас от победы к победе до полного сокрушения врага.

Бренер на секунду задумался.

– Звучит красиво. Но ты сам знаешь, что мой народ ни разу не одерживал победу над этой страной. Почему в этот раз должно быть иначе?

– В этот раз вам буду помогать я, ваше величество, – Бренеру показалось, что незнакомец улыбается, хотя он и не видел его лица. – Если вы нападете на Фильнию, то обещаю вам – я приведу вас к победе.

– Вот еще. Почему я должен тебе верить? Вдруг это провокация со стороны короля Милата? Может это он в очередной раз хочет унижить мою страну, втянув ее в войну?

– Справедливое замечание, ваше величество. Но уверяю вас, я никак не связан с королем Милатом. Более того, я ненавижу Милата всей своей душой, а потому хочу вам помочь. К тому же, если бы Милат захотел, он не стал бы так изощряться, подсылая к вам кого-то, столь необыкновенным способом. Он бы просто напал на вас, ведь фильнийцы считают вашу страну слабой.

Замечание по поводу слабости Братнии больно кольнуло Бренера в самое сердце. Он вновь ненадолго задумался, размышляя о том, что ему наговорил незнакомец.

– Ваше величество, – прервал размышления Бренера голос из зеркала. – Только представьте, как о вас заговорят ваши подданные, когда вы поведете свое славное войско от победы к победе. Вы

навсегда впишете свое имя в историю как король, которому впервые за несколько веков удалось одолеть фильнийцев. О вас и о вашей армии станут слагать легенды, а ваши дети и внуки будут с гордостью вспоминать и ровняться на вас. Вы вернете былую славу своей стране. Только представьте себе это.

И Бренер представил. Его разум перенесся в другой мир, где он едет на своем коне, а теплый ветер развивает его знамена. Жители страны рукоплещут его войску, одержавшему несколько побед подряд. Перед его конем дороги устланы цветами; улыбающиеся красавицы стараются изо всех сил выделиться, чтобы он взглянул на них среди радостно приветствующей его толпы. Он улыбается. Он на пике славы. Ему воздвигают памятники по всей стране. Бренер – первый король, который смог вернуть Братнии былое величие, одолев, казалось, непобедимого врага.

Да. Это было бы здорово. Войти в историю – он всегда об этом мечтал. А тут незнакомец, как нарочно, об этом заговорил.

– Звучит все замечательно и речи твои сладки как мед. Но я даже не знаю твоего имени? Как я могу тебе доверять?

– Ваше величество, я могу вам назвать свое имя, но, во-первых, оно вам ничего не даст, вы меня не знаете, во-вторых, нет гарантий, что я назову вам свое настоящее имя. Проверить это вы никак не сможете. Моя гарантия – это ваша победа. Я понимаю – вы сомневаетесь, еще бы, какой-то незнакомец предлагает развязать войну с сильным противником. Но разве я стал бы так отчаянно настаивать на нашей с вами встрече, да еще в таком отвратительном месте, если бы я хотел вас обмануть или впутать в какую-нибудь авантюру?

– Все может быть, – заметил Бренер.

– Я не стал бы этого делать. Уверяю вас. Как я уже сказал, гарантия того, что я вас не обманываю, ваша победа в первой же битве. Riskнув, навсегда войдете в историю, как смелый и непобедимый король, вернувший своей стране утраченное могущество. Не согласитесь, ну что ж ... так тому и быть. Все останется как есть, и мы позабудем об этой встрече раз и навсегда.

Бренера терзали сомнения. Незнакомец знал куда бить и попадал туда, куда нужно. Его сладкие речи очаровали короля. И хоть сомнения полностью не исчезли, но, в целом, он был готов рискнуть. Мысль, что он может войти в историю вскружила молодую голову.

– Так значит, ты собираешься мне помочь в войне против Фильнии. И, насколько я понимаю, напасть на своего давнего недруга должен я, верно?

– Да, ваше величество. Соберите армию и нападите на Фильнию. А я вам гарантирую вашу победу. У этой страны есть слабые места, ударив по которым, она не устоит. Крепость Пирс – вот ваша цель. Обо всем остальном, я расскажу вам во время нашей следующей встречи, когда вы будете готовы выступить. Встретимся тут же, как и сегодня, ровно в полночь.

– Снова в этом месте? Среди этой отвратительной вони?

– Прошу простить меня, ваше величество, но это наиболее подходящее место.

– Почему нельзя встретиться во дворце? – не унимался Бренер. Перспектива вновь оказаться здесь его нисколько не радовала.

– Во дворце много лишних ушей, которые могут услышать наш разговор. Я полагаю, вам не хочется, чтобы кто-нибудь узнал, что вам кто-то помогает в войне с фильнийцами.

Что верно, то верно. И как это Бренер сразу об этом не подумал? Этот незнакомец весьма не глуп. Возможно, он и в самом деле знает нечто такое, что может сослужить на пользу его армии и стране в целом.

– Хорошо, я согласен, – сказал Бренер так, будто он делал одолжение незнакомцу. – Только не вздумай опоздать в следующий раз.

– Ни в коем случае, ваше величество. Этого больше не повторится.

– Как ты узнаешь, что я готов выступить?

– Поверьте, для меня это не составит никакого труда. Ну, так что ж, встречаемся здесь, когда вы будете готовы, и я дам подсказку, которая приведет вас к первой победе.

После этих слов зеркало вновь вспыхнуло синим светом. Бренер отвернулся на секунду. Когда он вновь повернул голову, перед ним снова висело самое обычное зеркало. Никакой фигуры больше в нем не было. Король развернулся и быстро зашагал к выходу.

Оказавшись на улице, Бренер остановился и вдохнул полной грудью прохладный летний воздух. Мысли его прояснились, а настроение улучшилось.

«Пожалуй, и впрямь стоит довериться этому незнакомцу. Можно попробовать рискнуть. Но все-таки надо держать ухо востро. Он

наверняка знает ся с темными силами».

Тут королю стало не по себе. Легкий холодок пробежал по его телу, и он в сопровождении слуги, быстро зашагал прочь от этого места.

Глава 1

Город Ландрсмит – столица и жемчужина Фильнии. Когда его закладывали древние предки много веков назад, они вряд ли предполагали, что этот небольшой ни сколько не примечательный городишко, превратится в огромный красивейший и богатейший город всей страны.

Здания города выстроены из белого камня, а улицы вымощены брусчаткой. Вокруг него длинной каменной змеей обвилась стена – высокая и непреодолимая. Любой гость мог проехать лишь через большие ворота, от которых по обе стороны, словно стражи, сидели два громадных, размером с башню, каменных льва, смотрящие гордым взором вдаль горизонта.

В самом центре Ландрсмита по-хозяйски расположился роскошный дворец, окруженный великолепными благоухающими садами, длинными изумрудными аллеями, шумными фонтанами и прудами с кристально-чистой водой. Сам же дворец огромный. Поговаривают, что в нем насчитывается шестьсот восемьдесят одна комната и чуть ли не целая тысяча слуг. Белоснежный камень, из которого выстроен дворец, в ясные погожие дни при ярком свете солнца особенно выделялся, словно это был и не дворец вовсе, а огромная жемчужина, окруженная многообразной палитрой цветущих садов. Что и говорить, это могучее, красивое здание с большими колоннами и великолепной позолоченной лепниной – чудо фильнийской архитектуры. Это по праву самое красивое и самое примечательное творение во всей стране. Даже поговаривают, что внутри весь дворец отделан золотом и драгоценными камнями; иные предполагают, что внутри все сделано из белоснежного мрамора, начищенного до зеркального блеска, что куда ни посмотри, везде увидишь свое отражение.

Было чудесное по-осеннему теплое утро. На небе ни облачка. Легкие дуновения ветра изредка поднимали опавшие желтые листья, разнося их во все стороны. Именно в это прекрасное утро вдоль деревьев, мирно готовящихся к зимнему сну, гулял тридцатилетний мужчина – среднего роста и в меру упитанный. Вьющиеся темные волосы ниспадали на широкие плечи. Красивое точеное лицо с

голубыми глазами и аккуратно подстриженной черной бородой выдавали в нем аристократа. Король Фильнии – Милат. Сегодня у него особенно хорошее настроение. Почему, он и сам не знал. Позавтракав, Милат решил не вникать в государственные дела с самого утра, отложив их на послеобеденное время. Вместо этого он вышел на прогулку со своим любимым лабрадором Гуно. По дороге к липовой алее король подобрал небольшую корягу и швырнул ее в сторону. Гуно, словно вихрь, устремился за ней, и через несколько секунд, виляя хвостом, вернулся вместе с корягой в зубах. Улыбающийся Милат наклонился и, почесав ухо пса, бросил деревяшку. Гуно рванулся с места, поднимая пыль. Через мгновение под ногами у короля снова лежала та самая коряга. Гуно, высунув язык и прижав бежевые уши, ждал, когда игрушка вновь отправится в полет. Милат, довольный и улыбающийся, взял корягу, но вопреки ожиданиям пса, кидать не стал. Вместо этого, король направился вглубь аллеи. Гуно запротестовал и попытался отобрать у хозяина палку, вцепившись в нее зубами. Этого король и ждал. Милат остановился и попытался отобрать корягу, но пес не поддавался. Он уперся лапами в землю и с рыком тащил палку на себя. Милат же, видя, как его пес входит в азарт, тащил палку к себе, с каждым разом прибавляя силы, впрочем, не настолько, чтобы отобрать ее у Гуно. Так продолжалось недолго. Наконец, король поддался четвероногому другу и отпустил палку; пес фыркнул и, пожевав палку, бросил. Почесав пса за ухом, король направился дальше, легкой спокойной походкой. Гуно бегал поблизости, а Милат гулял, наслаждаясь солнцем и теплом, которое оно дарило последние деньки.

Все было бы хорошо, и прогулка, наверное, еще долго продолжалась, если бы не одно обстоятельство. Когда король уселся на лавку, почесывая черную густую бороду, на аллее появился невысокий седой мужчина лет шестидесяти на вид – один из дворцовых слуг, который пришёл сообщить Милату о прибытии гонца со срочным донесением. Королю, как бы ему ни хотелось, пришлось вернуться во дворец, объявив слуге, что он примет гонца в рабочем кабинете.

Гонец – белокурый юноша лет двадцати – вошёл к Милату через несколько минут. Высокий, стройный с худощавым вытянутым лицом и серыми глазами, под которыми проявились тёмные круги – гонец явно не спал всю дорогу. Коричневые потертые сапоги и синий плащ,

пыль на которых говорила, что молодой человек, прибыв в город, сразу направился во дворец, не позаботившись о том, чтобы привести себя в порядок.

Войдя в королевский кабинет, гонец отвесил глубокий поклон.

– С какими новостями ты ко мне пожаловал? – улыбнулся король, обнажив желтые зубы.

Поскольку молодой человек впервые в жизни видел монарха на таком близком расстоянии, от смущения его уставшее покрытое дорожной пылью лицо залилось румянцем.

– Ваше величество, – произнёс он еле слышно, – я прибыл из крепости Пирс.

– Продолжай, – сказал король; от такого неожиданно-мягкого тона лицо юноши еще больше покраснело, и он стал похож на переспевший помидор.

– Мне велено передать вам это письмо, – гонец достал из-под плаща свиток.

Милат жестом подал знак, и юноша вручил послание королю. Надломив печать, король принялся читать.

По мере чтения лицо короля становилось все мрачнее и мрачнее, словно пелена туч скрыла яркое солнце. Дочитав, Милат отложил в сторону свиток и посмотрел на молодого человека. Тот стоял, опустив взгляд на пыльные сапоги.

– За сколько дней ты сюда добрался? Наверное, сильно вымотался за время, проведенное в пути? – спросил король.

Гонец оторвал взгляд от сапог и, немного приподняв голову, исподлобья, посмотрел на короля.

– Я добрался сюда за три дня. Но я нисколько не устал, – поспешил он заверить короля.

– Вздор, – ответил Милат. – Отсюда до крепости Пирс неделю пути, если не больше. Дорога наверняка вымотала тебя. Поэтому отдохни и как можно скорее отправляйся назад, в крепость. Передай Фэйтону, что я вышлю помощь.

Поклонившись, юноша вышел из кабинета. Как только гонец удалился, король позвонил в колокольчик. Через мгновение явился высокий мужчина.

– Валмер, – сказал король тоном, не терпящим каких-либо возражений, – через час будет заседание совета. Сделайте так, чтобы

все явились вовремя.

– Слушаюсь, ваше величество, – Валмер поклонился и вышел из кабинета.

Через час все члены совета были в сборе. Подобные собрания проходили во дворце в специальном помещении – в огромном зале, поражавшем любого вошедшего не только размерами, но и роскошью. Хотя со временем членам совета приелся начищенный до блеска мраморный пол, никого не удивляла огромная роспись во весь потолок в виде обнаженной женщины с прикрытыми водорослями интимными местами. Она выходила из вспенившегося моря, протягивая руки к серому небосводу, усыпанного алмазами, блестящими в свете пяти громадных золотых люстр, которые свисали, словно груши с потолка. Большие каменные статуи первых десяти королей Фильнии, подобно часовым, охраняли этот зал, с мечами в руках наперевес. Огромный резной стол из красного дерева стоял посередине зала, во главе которого возвышался обитый парчой трон, вырезанный из цельной глыбы белого мрамора в виде оскалившейся пасти льва. Члены совета, расположившись по обеим сторонам от стола на девяти резных стульях с бархатными подушками, откровенно скучали.

Прибывшие на совет – все мужчины благородного происхождения – обсуждали причину их внезапного сбора. Заседания совета происходили строго в определенные дни. Никогда еще не было такого, чтобы король созывал всех столь внезапно, поэтому многие были удивлены неожиданному собранию.

Кто-то думал, что Милат хочет обсудить бюджет и связанные с ним дела, кто-то полагал, что речь пойдет о новых налогах, а кое-кто и вовсе считал, что король попросту собрал всех, чтобы навсегда распустить совет, поскольку уже давно ходили слухи, что монарх им недоволен. Это Милат демонстрировал на каждом собрании. Так считал Валлаход, но никто из присутствующих в зале не воспринимал его высказывания всерьез.

Дверь в зал отворилась, и все смолкли. Собравшиеся поднялись с насиженных мест. Вошел король. Он прошёл мимо подчинённых, прошелестев по мрамору полами зеленой мантии с золотыми узорами,

изображавшими всадника с копьем. Поправив усыпанный драгоценными камнями с золотой пряжкой пояс, он величественно опустился на трон и коротким кивком позволил остальным сесть.

– Итак, уважаемые члены совета, – начал король, – думаю, многим из вас интересно, для чего я здесь всех собрал. Не стану томить вас излишним ожиданием и сразу перейду к делу. Сегодня утром прибыл гонец из крепости Пирс и вручил мне это.

Милат положил на стол пергамент.

– Наместник Фэйтон сообщает, что король Бренер стягивает войска к нашей границе, и просит выслать к нему подкрепление как можно скорее.

Слова короля сильно впечатлили присутствующих, оставив отпечаток недоумения и удивления на лицах. Однако к пергаменту так никто и не притронулся, даже заинтересованного взгляда не удостоилось письмо.

– Ваше величество, – прохрипел Валлаход – седой сухощавый старик, с длинным крючковатым носом, рассеченным розоватым шрамом; один его глаз был темный как ночь, другой – с бельмом. – Мне, и, думаю, остальным присутствующим тоже, интересно знать, насколько сведения точны. Не ошибся ли наместник Фэйтон?

Милат испытывал отвращение, находясь среди этих людей, которые, по его мнению, несут лишь чепуху. Помимо всего прочего эти люди ещё и жадные до денег властолюбцы. Король презирал совет и давно подумывал его распустить, но все никак не мог решиться, ибо каждый из присутствующих имеет влияние в стране. Милат считал, что эти люди не приносят никакой пользы Фильнии. Власть и деньги – вот то, что их интересует. Распустить совет, сделать так, чтобы эти люди никак не могли навредить трону и королевству надо обязательно, только действовать нужно осторожно. Но как? Нужен весомый повод, чтобы распустить совет...

Вполне возможно, что вопрос старого Валлахода уместен, но у Милата он вызвал лишь раздражение.

– Не думаю, что Фэйтон ошибается, – ответил король после короткой паузы. – Он умный и аккуратный человек. Он просит о помощи, значит, ситуация действительно серьезная и не терпит долгих рассуждений.

– Тогда вышлем на подмогу дополнительный гарнизон, – вмешался в разговор Вагрел – главный военачальник королевства. Огромный мужчина, напоминающий телосложением медведя. Прядь кудрявых огненно-рыжих волос собрана в аккуратный хвост на затылке, а во взгляде больших голубых глаз читалась не только искренняя доброта, но еще светлый ум и преданность. Вагрел – единственный член совета, которого Милат уважал, кому доверял.

– Вы верно рассуждаете, Вагрел, – заметил король. – Но сколько людей, по-вашему, необходимо отправить?

– Думаю, три тысячи будет достаточно, – немного подумав, ответил рыжий.

– Хм, три тысячи, – задумчиво произнес Милат. – А что думают остальные?

– Я думаю, ваше величество, трех тысяч будет вполне достаточно, – прохрипел Эмиас.

– Остальные тоже так считают? – король обвёл советников тяжёлым взглядом.

Все в разной степени ответили скупыми кивками.

– Это интересно, – усмехнулся Милат. – Господин Эмиас, вы только что сказали, что трех тысяч будет вполне достаточно. А вы знаете, сколько людей насчитывает гарнизон, находящийся в крепости Пирс?

Вопрос застал Эмиаса врасплох.

– Нет, ваше величество. Я не знаю, сколько людей у Фэйтона.

– А вы, Трэйтор, знаете? – спросил король так, словно отчитывал нерадивого ученика.

– Нет, ваше величество, не знаю.

– Ну а вы, Малкин-Грэй, знаете? – не унимался Милат.

– Нет, ваше величество, я тоже не знаю.

– Как же вы тогда соглашались сейчас с тем, что трех тысяч достаточно, если не знаете ответа на такой простой вопрос? Почтенные господа, – продолжил Милат после короткой паузы, – знаете, что меня удивляет больше всего? Никто из вас даже не притронулся к письму. Абсолютно никто, хотя оно лежит здесь на столе, прямо перед вами. И вы прекрасно знаете, раз я положил его на стол, значит, его можно взять и прочитать. Так было всегда. Неужели вам не интересно, что творится на восточной границе? И вы так запросто соглашаетесь с Вагрелом, даже не зная какой гарнизон в

крепости Пирс. Вагрел, скажите присутствующим, сколько людей под командованием Фэйтона.

– Девятьсот солдат и офицеров.

– Спасибо, Вагрел.

Милат окинул всех тяжёлым взглядом, будто смотрел на провинившихся детей.

– Итак, девять сотен, – продолжил он. – Если прибавить три тысячи, то получается три тысячи девятьсот. Ровно три полка. Я считаю, что этого недостаточно, поскольку, по словам Фэйтона, войско братнищев насчитывает не один десяток тысяч. Если бы хоть кто-то из вас прочитал письмо, вам было бы об этом известно. И это, всего лишь, приблизительные подсчеты. К сожалению, узнать точную численность вражеской армии невозможно.

– Ваше величество, верно, забыли, что крепость Пирс неприступна, – заговорил Эмиас. – Еще никому и никогда не удавалось ее взять.

– Я знаю об этой крепости больше вас, господин Эмиас. И вы только что это доказали.

Слова короля неприятно кольнули Эмиаса. Тот от обиды замолчал и больше на собрании не проронил ни слова.

– Да, эта крепость никогда не оказывалась в руках врага. Любой горожанин скажет вам об этом. Однако крепость неприступна лишь потому, что ее всегда стойко обороняли до подхода основной армии. К тому же, насколько я понимаю, братнищцы еще никогда не нападали на нас такой многочисленной армией.

– Верно. Король Бренер совсем забыл, как его войско бежало без оглядки в прошлый раз, – ехидно заметил Валлаход. – Что ж, мы ему напомним об этом. Освежим, так сказать, память.

Члены совета рассмеялись. Многие присутствующие помнили тот день, когда братнищская армия потерпела сокрушительное поражение неподалеку от крепости Пирс. Тогда окончательно и закрепилась за ней слава неприступной. Правда, это было десять лет назад, и братнищцами тогда правил не король Бренер, а его отец. С тех пор братнищцы больше не рисковали идти войной на своего большого соседа.

Однако король Милат почему-то не разделял радости присутствующих. Он не засмеялся, его лицо стало еще мрачнее.

– Трех тысяч будет недостаточно, – заметил Милат.

– Сколько же вы хотите направить людей, ваше величество? – спросил Малкин-Грэй.

– Тридцать тысяч. Вы слышали, Вагрел? В крепость Пирс необходимо направить тридцать тысяч воинов, и как можно скорее. Вы возглавите этот поход.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Сколько необходимо времени на сборы? – спросил Милат.

– Думаю, пяти дней будет достаточно, – ответил Вагрел.

– Это слишком много. Даю вам три дня.

– В таком случае, разрешите приступить к делу прямо сейчас?

– Ступайте.

Вагрел встал из-за стола, поклонился и покинул заседание.

– Если остальным нечего добавить, – король вновь обвёл тяжёлым взглядом членов совета, – то не смею вас задерживать. Можете быть свободны, господа.

Все поднялись и, поклонившись, направились к выходу.

Спустя минуту в зал вошел высокий мужчина средних лет, с седеющими вьющимися волосами, спадающими на узенькие плечи. Его вытянутое овальное лицо напоминало яйцо с маленьким носом и такими же маленькими глазами, напоминающие две черные бусинки, смотрящие сквозь очки.

– Ваше величество, он здесь, – сказал мягким баритоном вошедший.

– Пусть войдет, Валмер, – приказал Милат.

Мужчина направился к двери в противоположном конце зала и отворил ее.

В помещение вошел седой, облаченный в коричневую шерстяную мантию старик – обладатель длинного крючковатого носа и маленьких голубых глаз. Он зашагал к королю, опираясь на посох, похожий на длинный корень дерева, раздваивавшийся у самого верха.

Милат поднялся с места и направился к старику.

– Дорогой Лестер, рад тебя видеть! – расплываясь в дружелюбной улыбке, король обнял старика. Тот отплатил ему тем же. – Мне кажется, что ты совсем не стареешь!

– Ваше величество мне льстит, – улыбнулся Лестер. – К сожалению, годы берут свое, и моя седая борода тому прямое доказательство, – при этом маг рукой погладил короткую белоснежную бороду.

– Вовсе нет, дорогой друг. По мне, ты нисколько не изменился. Все такой же бодрый взгляд и крепкие объятия. Но хватит об этом, – король направился к столу и уселся на первый, попавшийся стул. – Присаживайся, Лестер, – Милат указал на место рядом с ним.

Старик повиновался.

– Дорогой друг, ты, наверное, удивлен, что я не дал тебе отдохнуть и сразу же позвал к себе, после твоего возвращения с севера?

– После стольких лет службы вам, я ничему не удивляюсь, – заметил Лестер.

– Кстати, как там все прошло?

– В целом, неплохо. Хоть несколько жителей тех краев остались покалеченными, я все исправил. Больше горные черти туда не сунутся. Я задал им такую трепку, что они надолго ее запомнят.

– Это хорошо, – король посерьёзnel. – У меня есть к тебе новое и очень важное поручение, которое я могу доверить лишь тебе. Но для начала хочу посвятить тебя в одну тайну, о которой знаю лишь я и Валмер. Два дня назад из Вестермского замка украли книгу.

Последние слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Лицо мага вытянулось в огромный овал, а глаза, казалось, вылезут из орбит – настолько его удивили слова Милата.

– Кому-то удалось усыпить всю стражу замка. В один миг все уснули крепким непробудным сном, – продолжил король. – Предполагаю, что в чан с едой подмешали усыпляющее зелье. Когда оно прекратило свое действие, обнаружилось, что книги в замке нет.

– А как же защитные руны? Неужели не помогли? – Лестер все никак не мог прийти в себя после такой шокирующей новости.

– Защитные руны, начертанные вокруг книги, которые должны были защитить ее от любого мага или ведьмы, не помогли. По всей видимости, орудовал какой-то весьма сильный колдун.

– Но ... ведь ... неужели стража совсем ничего не видела?

– Все, кто охранял замок, клянутся своей жизнью, что ничего подозрительного в тот день не видели. Последнее что они помнят – обед. После него всех сморил глубокий сон. Я запретил кому-либо из охраны замка рассказывать о пропаже книги. Им велено продолжать службу так, словно ничего не произошло. Паника и пересуды среди населения нам не к чему. Ты, мой славный друг, тоже никому ничего не говори о пропаже книги.

– Вы всегда можете на меня рассчитывать.

– Я в этом не сомневаюсь. К сожалению, это еще не все новости, – продолжил король после короткой паузы. – Сегодня утром мне стало известно, что король Братнии собрал немалое войско и готов вот-вот на нас напасть. Буквально четверть часа назад я обсуждал это с членами Верховного совета.

– С чего это король Бренер стал точить на нас зуб? Недаром говорят, что беда не приходит одна, – заметил маг.

– Это да, – живо отозвался Милат. – Беда не приходит одна. Но, как выяснилось, эти два, казалось бы, разных события имеют гораздо больше общего, нежели могло показаться на первый взгляд.

– Я вас не совсем понимаю.

Милат подал знак стоявшему все это время позади Лестера Валмеру, и тот извлек из внутреннего кармана какую-то небольшую вещицу, которая легко помещалась в ладонь.

– Единственное, что обнаружили солдаты в Вестермском замке в день пропажи книги было это, – с этими словами он разжал ладонь перед, повернувшимся к нему, Лестером.

Увидев в руке Валмера заколку для плаща в виде черного, с распахнутыми крыльями ворона со стрелой в лапах маг еще больше оторопел.

– Это братнийская заколка, – сказал Валмер, хотя Лестер итак это знал. Ему сотни раз в своей долгой жизни приходилось встречать братнийский герб.

– Так, стало быть, братнийцы украли вестермскую книгу, – сказал Лестер, больше самому себе, нежели присутствующим.

– Да. Я думаю, они решили с помощью книги одержать победу, – заявил Милат.

– Если бы они ее открыли, мы бы уже давным-давно об этом знали, – заметил маг.

– Верно, – согласился Валмер.

– Это значит, что у Бренера нет ярмских камней, – продолжил Милат. – Во всяком случае, пока нет.

– Зачем вам понадобился я? – спросил старик, хотя уже знал ответ.

– Хочу, чтобы ты разыскал ярмские камни, Лестер, – твердо заявил Милат.

– Ваше величество, никто не знает, где они спрятаны. Возможно, вовсе и нет причин для опасения, – предположил Лестер.

– Верно, эти камни никому никогда не удавалось найти. Но это вовсе не значит, что это совсем невозможно. Братнийцы их тоже ищут. Мне сообщили, будто Бренер нарядил несколько экспедиций на их поиски. Валмер перевернул не одну библиотеку, пытаясь найти хоть какую-то информацию о них, но все тщетно. Возможно, король Бренер знает куда больше нас.

– Я думаю, Лестер, – сказала Валмер, – что со своими знаниями и опытом ты сможешь разыскать камни.

– Не так-то это легко будет сделать. Я даже не знаю с чего начать.

– Лестер, – снова заговорил король, – мы не можем допустить, чтобы Бренер нашел ярмские камни раньше нас. Нельзя допустить, чтобы они открыли вестермскую книгу. Ты не хуже меня знаешь, чем это грозит и во что может вылиться. Если братнийцы нас опередят, страшно представить, что тогда начнется. Бренер обретет такое могущество, какое не снилось ни одному живому существу на всем белом свете.

– Если братнийцы откроют книгу, все погрузится во тьму, и ты сам это прекрасно знаешь, – вторил королю Валмер. – Если кто и может разыскать ярмские камни и не допустить возрождение зла, то только ты, Лестер. Ты сильный мудрый маг, которого никакая тьма не сможет окутать своими мерзкими щупальцами.

– Тебе не впервой выполнять мои сложные поручения, Лестер, – продолжил мягко давить король. – Ты столько лет служишь мне верой и правдой, и ни разу не было такого, чтобы поручение осталось невыполненным. Уверен, у тебя все получится, дорогой друг.

– Ну что ж, – вздохнул старик, после некоторых раздумий, поднимаясь с места, – я готов служить вашему величеству.

– Когда отправишься? – спросил король.

– Сегодня же. Соберу кое-какие вещи и отправлюсь в путь. Может, пока буду собираться, придут какие-нибудь мысли, с чего следует начать

– Тогда желаю тебе удачи, – король встал со стула и крепко обнял старика на прощание.

Вечером того же дня, несмотря на сильный ливень, облачившись в серый плащ и накинув капюшон на голову, Лестер покинул город.

Глава 2

Хмурые осенние тучи покрыли серой пеленой все небо, не давая пробиться ни единому солнечному лучику. Уже два дня подряд шел дождь, прекращаясь лишь ненадолго. Дороги размылись, превратились в грязную жижу, в которой увязал конь Лестера. Маг устал и промок до нитки. Вода с плаща стекала тонкими струйками. Все, о чем он сейчас мечтал – это кружка горячего чая да жаркий огонь в камине. Наконец, на горизонте показалось небольшое поселение. Заметив дым, тянувшийся тонкими серыми струйками из труб домов, Лестер прищпорил коня. Тот, уставший не меньше хозяина, и желая, как можно скорее отделаться от наездника пустился в галоп из последних сил.

Лестер въехал в деревню и направил коня к дому, что расположился неподалеку от трактира. Это было небольшое приземистое здание, с двумя круглыми окошками, в которых горел свет. Спешившись, маг постучал в деревянную дверь с синей облупившейся краской. Открыли не сразу. На пороге стоял высокий лысый мужчина – довольно мускулистый, с широкими плечами и узкой талией. Его большие голубые глаза поначалу взглянули очень неприветливо на Лестера. Но это было всего лишь мгновение. Хозяин дома узнал мага и тут же расплылся в самой дружелюбной улыбке, бросившись обнимать насквозь промокшего старика.

– Какими судьбами тебя занесло в такую глушь? – на радостях спросил хозяин дома, выпуская мага из крепких объятий.

– Рагнер, давай я сначала войду в дом. Пустишь? – улыбнулся маг.

– Конечно! Ты еще спрашиваешь, – он отступил вглубь дома, пропуская гостя.

Лестер поспешил внутрь – в теплом и сухом месте быть куда приятнее, чем стоять под проливным дождём.

– Глазам не верю! Ну, ты меня и удивил, – Рагнер толкнул дверь, и та со скрипом закрылась. – Хоть бы предупредил, что заедешь в гости, я бы порядок навел. Снимай плащ. Ух, ну и мокрый же он, хоть выжимай. Давай-ка я его возле огня повешу.

– Ну и погодка на улице, да? – продолжал Рагнер, развешивая промокший плащ возле камина. – Второй день льет. Хоть из дома не выходи. Ты присаживайся поближе к огню быстрее согреешься.

Уставший с дороги Лестер охотно уселся в большое мягкое кресло возле камина.

– Как ты добрался? – спросил Рагнер, сев в точно такое же кресло рядом с Лестером.

– Спокойно, без каких-либо приключений. Разве что дождь немного подпортил дорогу.

– Да, дороги, наверное, все размыло.

– Так и есть. Да и вообще, не очень приятно ехать под дождем два дня.

– Так ты всю дорогу ехал под дождем? – удивился Рагнер.

– Да. Он как раз начинался, когда я выезжал из Ландрсмита.

– Ну, дела. Так ты примчался прямиком из столицы. Слушай, ты же, наверное, проголодался как волк. А я уселся и ничего тебе не предложил. Я сейчас...

Рагнер встал и отправился к столу собирать ужин. Пока он гремел посудой, параллельно что-то рассказывая гостю, маг осматривался.

Внутри дома было всего лишь две комнаты, одна из которых служила одновременно кухней и гостиной, поскольку в ней же находился камин, на котором хозяин готовил еду, и старый стол с двумя такими же старыми табуретами. Повсюду пыль и паутина – во всем чувствовалась нехватка женской руки. Над столом висела отвратительная картина – какой-то неумелый художник изобразил несколько подсолнухов.

Возле теплого камина после долгой и мокрой дороги, Лестер почувствовал небывалый уют. Приятное тепло и мягкое кресло позволили наконец-то расслабиться. Пока Рагнер гремел посудой, маг почувствовал – еще чуть-чуть, и он провалиться в сон.

– Еда, конечно, не королевская, но, думаю, тебе понравится, – эти слова вырвали Лестера из приятной дремоты.

– О, благодарю, – маг принял тарелку из рук хозяина.

В ней лежало несколько отваренных картофелин, помидор и пару куриных ног. Лестер принялся уплетать еду с большим аппетитом.

– Ну и удивил же ты меня. Хотя я очень рад. Давненько мы с тобой не виделись, – Рагнер снова уселся в кресло рядом с Лестером. – Ну

ладно, ешь, потом поговорим.

Маг быстро и с аппетитом прикончил ужин и протянул деревянную тарелку Рагнеру.

– Добавки? – заботливо спросил хозяин.

– Нет-нет, я наелся, – улыбнулся Лестер.

– Вот поэтому ты такой худощавый. Сколько тебя помню, ты всегда мало ел. Ну, раз ты наелся, может, тогда махнем по одной, а? У меня тут как раз припасена бутылка отменной гномьей настойки.

– Пока не хочу, – Лестер покачал головой.

– Тогда рассказывай, как жизнь? Мы с тобой, сколько не виделись, год? Два?

– Чуть больше года. Где-то ... хм... год и четыре месяца. Да, так и есть. Я был у тебя проездом в июле позапрошлого года.

– Да, славно мы тогда посидели в «Двух пинтах хмельного», – усмехнулся Рагнер, вспоминая последний приезд Лестера.

– Этот трактирщик, как его имя, хм ... забыл. Такой еще полный с красной физиономией. Как же его ...

– Ты имеешь в виду того самого трактирщика Глэймора, этого толстяка, который пытался нас выгнать, за два разбитых стакана, и за то что я качался на люстре, – Рагнер говорил с притворно-серьезным видом.

– Потом ты грохнулся прямо на стол, за которым выпивали два старика.

– Да, кажется, стол после этого не подлежал восстановлению.

– Ты еще потом уверял меня, что ничего не заплатишь этому Глэймору, – лукаво улыбнулся маг. – Ну, так как, ты заплатил за стол, или нет?

– А как же? Конечно, пришлось заплатить, – с ноткой грусти в голосе ответил Рагнер. – Старик Глэймор устроил мне разнос после твоего отъезда и наотрез отказывался впускать в трактир. Пришлось не только заплатить за стол, но еще и целый месяц бесплатно работать у него по вечерам.

– Если бы мы тогда поспорили с тобой, ты бы проиграл, – усмехнулся Лестер. – Но правильно сделал, что заплатил. Ух, ну и шуму же мы тогда наделали в этом захудалом заведении. Как думаешь, сегодня нас Глэймор впустит в «Две пинты хмельного»?

– Вряд ли, – Рагнер покачал головой.

– Почему?

– Старика Глэймора больше нет с нами. Он умер полгода назад. Так что ему вряд ли удастся впустить нас в «Две пинты хмельного». Теперь там всем заправляет его прелестная дочурка Бэлла.

– Прелестная дочурка, значит. Она и впрямь хороша? – Лестер подмигнул Рагнеру, на что тот громко рассмеялся. – У тебя с ней роман? – не унимался маг.

– Вот еще, – ответил Рагнер. – Когда я сказал «прелестная дочурка», я вовсе не имел в виду, что она и впрямь прелестная. Сказал так... для красного словца. Бэлла она ... как тебе сказать ... – Рагнер подбирал слова, почесывая гладко выбритый подбородок с небольшой ямочкой. – Скажем так, она копия своего покойного отца. Материнская красота ей не передалась.

– А-а, вот как. Ну что ж поделать. Природе не прикажешь. Ну а эта Бэлла, я полагаю, не будет возражать, если мы заглянем в ее трактирчик.

– Бэлла всегда рада посетителям.

– В таком случае пойдем и выпьем по кружке крепкого эля.

Плащ Лестера, несмотря на жаркий огонь в камине, все еще не высох. Маг хотел, было, его накинуть – благо до трактира рукой подать – но Рагнер отдал ему свой темно-коричневый плащ. Сам же хозяин накинул на себя старый, изъеденный в некоторых местах молью серый плащ, который давно не носил. Погасив камин, друзья направились в трактир.

Внутри заведения было весело,людно и дымно. Казалось, что чуть ли не вся деревня здесь собралась. Зал почти полностью забит посетителями. Все столики оказались заняты. В дальнем углу сидели несколько музыкантов, которые не щадя инструментов, играли задорную музыку, под которую весело кружилось несколько пар. Единственная разносчица – молоденькая белокурая девушка – то и дело носилась между столиков, подавая хмельное пиво в больших деревянных кружках. Спертый воздух, пропитанный запахом пота и алкоголя, казалось, так и просится, чтобы его выпустили наружу, раскрыв все окна и двери, но никому и в голову не приходило сделать это.

Не обнаружив ни единого свободного стола, Лестер и Рагнер направились к стойке и заказали два темных эля. Полная девушка с

коричневыми сальными волосами, собранными в хвост на затылке, приняла заказ с таким выражением лица, будто перед ней сидели два насекомых. Она медленно повернула свое грузное тело и направилась к другому концу барной стойки, чтобы налить эль.

– Это и есть та самая Бэлла, – шепнул Рагнер.

– Ну и ну, – присвистнул Лестер. – Как она только не распугала всех клиентов. Ты видел, как она на нас посмотрела?

– Ее все любят, Лестер. Бэлла, несмотря на свой недружелюбный вид, очень хороший человек. Как говорится, внешность бывает обманчива.

Выпили по кружке эля, затем еще по одной. В скором времени друзья стали неотъемлемой частью царившего в трактире веселья. Они пили, танцевали, смеялись, так же как и все, кто присутствовал в «Двух пинтах хмельного». И хоть поначалу маг то и дело ловил на себе любопытные взгляды местных, которые редко видели его в деревне, он ни сколько этого не смущался, целиком и полностью погрузившись в царившую здесь атмосферу.

– Рагнер, у тебя гости сегодня? – спросила одна пьяная женщина, которой на вид было не меньше тридцати. Она подошла к друзьям, когда те решили передохнуть возле барной стойки после нескольких танцев.

– Как видишь, Луиза.

– Хм, что-то больно лицо его знакомо, – Луиза прищурила маленькие темные глазки-бусинки.

– Это мой друг Лестер. Он заезжает ко мне в гости иногда. Возможно, ты его видела.

– Возможно, и видела, – ответила Луиза заплетающимся языком. – Ты прости, парень, – обратилась она к магу, – я люблю мужиков, но старики не в моем вкусе, ик.

– А ты, Луиза, как я погляжу, сегодня прям в ударе, – заметил Рагнер, улыбаясь во весь рот.

– А вот лысые мне нравятся, – Луиза перевела пьяные глазенки на Рагнера.

– Приятно слышать, Луиза. А что-то я твоего мужа здесь не вижу, – Рагнер бегло окинул взглядом зал. – Он что, отпустил тебя одну?

– Роберт напился и уже давно храпит дома. А я что, должна была его там стеречь? Оно мне надо? Я не сторожевой пес. Я женщина, и могу

делать все, что хочу. Никто не смеет мне указывать. Даже Роберт.

– Конечно, Луиза, ты абсолютно права, – Рагнера забавлял вид этой пьяной женщины. Лестер тоже стоял и не скрывал улыбки.

– Вот и пусть спит, а я буду танцевать.

Сказав это, Луиза, так же внезапно, как и появилась, повернулась и шатающейся походкой ушла. Друзья переглянулись и заказали еще по одной кружке эля.

– Только не превращай ее ни в кого, – сказал Рагнер, делая большой глоток.

– Даже в мыслях не было, – улыбнулся Лестер. – Ты, похоже, ей приглянулся.

– Луиза давно на меня глаз положила, хоть и пытается это скрыть. Во всяком случае, когда трезвая, – добавил Рагнер, заметив, какой взгляд бросил на него маг. – Вот только она не совсем в моем вкусе. Да и с ее муженьком мне не хочется конфликтовать. Старина Роберт, за которого она вышла замуж, кузнец в нашей деревне. Его кулак, пожалуй, не меньше моей головы.

– С таким не захочешь ссориться, это уж точно, – согласился Лестер.

– Вот и я о том же.

– Ну а скажи, ты жениться не надумал? – спросил маг, допивая эль.

– Пока не на ком, – ответил Рагнер. – У меня был тут один мимолетный роман, но это так... не серьезно.

– Хм, а не боишься слишком затянуть с этим?

– Нет, не боюсь. Уверен – судьба обязательно сведет меня с той, с кем мне суждено прожить всю жизнь. Главное не сопротивляться ей.

Домой вернулись под утро. Уставшие от танцев и пьяные от крепкого эля они мгновенно уснули, как только голова коснулась подушки. Рагнер положил гостя на кровать, а сам лег на полу. Не прошло и пяти минут с их возвращения, как по дому уже разносились два громких храпа.

– Ну и любишь же ты поспать, – сказал Рагнер.

За окном давным-давно рассвело. Солнце впервые за несколько дней пробилось сквозь пелену туч. Наконец-то распогодилось. Дул легкий,

довольно теплый для глубокой осени, ветерок, чуть покачивая макушки почти голых деревьев.

– Который час? – вставая с кровати, осведомился Лестер.

– Не знаю. Думаю, почти полдень. А не плохо мы вчера посидели, – радостно заметил Рагнер.

Вдруг Лестер почувал восхитительный, наполнявший весь дом, аромат. Аромат только что пожаренного омлета с колбасками. У Лестера тут же потекли слюнки, и заурчало в животе.

– Да, было славно. Ты приготовил завтрак?

– Да, пока ты спал.

– Пахнет вкусно.

– Садись к столу, – пригласил Рагнер.

Лестер охотно повиновался. На столе стояли две тарелки, на которых расположились румяные, хорошо прожаренные колбаски и омлет. Так же рядом с ними стояла миска с овощами, несколько яблок, ломоть копченого сала, кусок сыра и чайник со свежесваренным чаем. Когда с завтраком было покончено, Рагнер принялся убирать со стола.

– Хорошо у тебя здесь. Тихо, спокойно, чистый деревенский воздух, – маг говорил, растягивая каждое слово. – Никогда не думал вернуться на службу?

– Нет. Мне тут очень нравится.

– Понимаю, – согласился Лестер.

– Ты надолго пожаловал? Ты не подумай, что я тебя выпроваживаю, – поспешил он заверить гостя. – Просто интересно.

Лестер ответил не сразу. Его лицо приняло самое серьезное выражение.

– Это зависит от тебя, – он вперил взгляд в собеседника.

– Не совсем тебя понимаю, – от удивления Рагнер замер с тарелкой в руках, которую он протирал полотенцем.

– Я сюда приехал не только для того чтобы повидаться с тобой. Видишь ли, в столице сейчас неспокойно. За короткий промежуток времени произошла пара очень странных событий.

– Каких?

Лестер рассказал другу обо всем, что случилось. О пропаже Вестермской книги, о предстоящей войне с братницами, и наконец, о том, что король послал его найти ярмские камни. Чем больше рассказывал маг, тем озабоченнее становилось лицо Рагнера. Наконец,

Лестер закончил повествование. Где-то минуту в доме царила полнейшая тишина. Маг наблюдал, как его друг осмысливает все, что он только что услышал.

– Значит, Милат считает, что это братнийцы украли книгу, – прервал молчание Рагнер.

– Да. Заколка для плаща, обнаруженная в Вестермском замке, указывает на них.

– Но, как им это удалось? Ты же не хуже меня знаешь, что к книге почти невозможно подобраться.

– По всей видимости, орудовал весьма сильный колдун. Волшебные руны не давали подойти к книге ближе, чем на три метра.

– Милат думает, что братнийцы выкрали книгу, чтобы победить в войне, которую они пытаются развязать.

– Это верно. Но, как я уже тебе сказал, ярмских камней у них, судя по всему, нет. Иначе мы бы уже знали об этом.

– Милат поручил тебе невыполнимую задачу. Ярмские камни невозможно найти. Ты и сам прекрасно знаешь, что на протяжении тысячи лет всякие темные колдуны пытались их отыскать, в надежде обрести небывалое могущество. Всех их попытки провалились. Аксиос их надежно спрятал.

– Я это знаю. А еще я считаю, что нет ничего невозможного. Тем более Милат мне и раньше поручал не самые легкие задания. Да, согласен, что в этот раз задача намного тяжелее...

– Не тяжелее, Лестер, – перебил Рагнер. – Она просто невыполнима. С таким же успехом он мог бы тебе поручить достать звезду с неба. И то это было бы проще, поскольку звезду ты хотя бы видишь ночью.

– Так или иначе, я отправляюсь на поиски этих камней. Раз братнийцы их ищут, нужно, во что бы то ни стало, опередить их.

– Даже не представляю, как ты будешь это делать.

– Я не собираюсь делать это один, – маг многозначительно посмотрел на Рагнера.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Как я уже говорил, я приехал сюда не только для того чтобы повидаться с тобой. Я хочу, чтобы ты поехал со мной. Одному мне будет тяжело искать камни.

Рагнера будто молния ударила.

– Я?!

– Да.

Наступила длинная пауза. Рагнер сначала изумленно смотрел на Лестера, но потом его черные брови немного сдвинулись к переносице, отчего лицо стало очень серьезным.

– Ты ведь знаешь – я давно не работаю на монарха. Девяти лет службы в королевской страже мне вполне хватило.

– Знаю, – маг кивнул.

– И признаюсь честно, мне не хочется никуда отсюда уезжать. Тем более по делам его величества.

– Я прекрасно все понимаю, – Лестер поднялся с места и начал расхаживать по комнате. – Но я прошу тебя помочь не королю, а мне. Один я не справлюсь. Мы ведь с тобой друзья. Неужели ты откажешь в помощи давнему другу?

– Не знаю, Лестер, – нахмурился Рагнер.

– Как это не знаешь? – возмутился Лестер. – Я в кой-то веке прошу тебя о помощи, а ты не знаешь, готов ли мне помочь?

– Не обижайся, Лестер, – Рагнер почувствовал себя виноватым. – Я столько лет никуда отсюда не выезжал, а тут ты приезжаешь и просишь меня покинуть родной дом, да еще при этом неизвестно на какой срок, чтобы искать вещи, которые могут быть спрятаны где угодно. С чего ты вообще решил, что мы найдем эти камни? Я лично не верю в успех данного предприятия.

– Да что тебя держит здесь? Ни жены, ни детей. Конечно, тут хорошо, но мне кажется, что тебя засасывает это болото. Тебе надо выбраться отсюда. Помнишь, ты мне вчера говорил, что не нужно сопротивляться судьбе? А что если именно сейчас, эта самая судьба пытается внести в твою жизнь перемены? А ты им сопротивляешься, вцепившись в свою деревушку. К тому же, тебя потом совесть загрызет, что ты отказался помочь единственному другу.

Лестер стоял, пронзая взглядом собеседника. Тот, однако, не мог ничего ответить. Маг постоял еще немного и затем, надев свой плащ, решительно направился к выходу.

– Ты куда?

Лестер замер, когда уже взялся за ручку и собрался открыть дверь.

– Ну, я вижу, что все мои попытки убедить тебя бесполезны. А терять время мне не хочется. Спасибо за прием, дорогой друг. А теперь прощай.

Лестер вышел из дома. Рагнер в полной растерянности поставил тарелку, которая все это время находилась у него в руках, на стол и кинулся вслед за магом.

– Постой!

Лестер уже начал седлать лошадь.

– Неужели ты вот так уедешь?

– Придется, – сухо ответил маг, не отрываясь от дела.

Рагнер стоял в полной растерянности, не зная, как поступить. Ему почему-то стало стыдно, и в голове мелькнула мысль, что он не может вот так просто отпустить Лестера одного. Маг был прав – совесть загрызет его. Она уже обнажила страшные клыки. Он не сможет потом спать спокойно, зная, что не помог другу, когда тот просил.

– Ладно. Твоя взяла. Я еду с тобой.

Лестер повернулся к Рагнеру, улыбаясь во весь рот.

– Я так и думал, – с этими словами маг крепко его обнял.

– Только мне надо сначала кое-что собрать, – сказал Рагнер, когда ему наконец-то удалось вырваться из объятий мага.

Сборы оказались не долгими. Рагнеру нашёл старую походную сумку своего отца. Вытряхнув из нее клопов и пауков, сложил в нее кое-какие вещи и немного еды в дорогу. Затем достал меч, с рукоятью в виде змеи, и снял со стены лук с колчаном стрел. Закрыв дом, он зашел к старому приятелю, который жил от него через два дома. В двух словах Рагнер объяснил тому, что должен уехать из деревни на неопределенный срок, и, передав ключи, попросил приятеля присматривать за домом во время его отсутствия. На этом сборы в дорогу были окончены. В скором времени двое друзей покинули деревушку, направившись в восточном направлении.

Глава 3

Король Бренер снова стоял в полуразвалившейся лачуге. Как и в прошлый раз, он взял с собой только молодого слугу, который стоял на улице, в ожидании господина.

В этот раз ждать пришлось недолго. Только король явился в это отвратительное место с фонарем в руке, как тут же большое овальное зеркало, висевшее на облупившейся стене, ослепительно вспыхнуло синим светом. Бренер прикрыл глаза ладонью. Через пару секунд он услышал знакомый трубный голос:

– Приветствую тебя, король Бренер, – Монарх опустил ладонь и увидел в зеркале темный силуэт человека в плаще и капюшоне. Король промолчал, лишь легким кивком он приветствовал незнакомца.

– Я полагаю, ваше величество, ваши воины готовы выступить?

– Да, все готово.

– Позволю себе нескромный вопрос: сколько воинов насчитывает ваше войско?

– Пятьдесят тысяч человек, – в голосе Бренера прозвучали нотки гордости. – Даже мой отец столько не собирал.

– Чудно. Значит, ваше величество хочет войти в историю и принимает мою помощь, – заключил незнакомец.

– Я решил пойти на риск. Однако я по-прежнему тебе почти не доверяю.

– Понимаю. Смею вас заверить, что в скором времени ваше недоверие исчезнет, рассеется как туман. Как я и обещал, я помогу одержать вашему войску победу. Однако считаю своим долгом сообщить вам важную информацию. Король Милат знает о ваших намерениях напасть на его страну. Он распорядился выслать дополнительный гарнизон в крепость Пирс.

Бренера эта информация застала врасплох. Он понимал, что Милат в любом случае вышлет армию. Но он никак не думал, что это произойдет так скоро. По его подсчетам это должно было произойти лишь после того, как он напал бы на крепость. Бренер рассчитывал, что нападение окажется внезапным для противника. Поэтому новость,

что Милат уже обо всем знает и даже выслал подкрепление, весьма огорчила Бренера.

– Это очень плохая новость, – Бренер помрачнел. – Я не рассчитывал, что Милат так скоро обо всем узнает.

– О, не переживайте так, ваше величество. Уверю вас, это подкрепление, – незнакомец усмехнулся, – вам никак не грозит.

– Я надеялся взять крепость до подхода основных сил фильнийцев, – продолжал Бренер, игнорируя незнакомца.

– Ваше величество, я обещаю, что крепость окажется в ваших руках до того, как армия Милата подойдет к ней. Более того, я обещаю, что ваши воины даже не встретятся с войском Милата.

– Как ты можешь такое обещать? – спросил Бренер. – Ведь ты же сам только что сказал, что Милат отправил помощь гарнизону, расположенному в крепости. Кстати, сколько воинов насчитывает войско, направляющееся в Пирс?

– Тридцать тысяч, – ответил незнакомец. – Насколько мне известно, они пока не направляются к крепости. Но это должно произойти со дня на день.

– Почему ты так уверен, что моя армия не встретится с армией противника?

– Я сделаю все, чтобы этого не случилось, – ответил незнакомец. – Каким образом? Пусть это останется моим маленьким секретом. Вам же я раскрою другой секрет, который поможет вам быстро овладеть крепостью.

– Я слушаю.

– Крепость Пирс считается неприступной, и это правда. Она еще ни разу не оказывалась в руках врага. Но у всех на свете есть слабые места, и данная крепость не исключение.

– Продолжай, – приказал король, когда незнакомец замолчал, чтобы еще больше разжечь любопытство Бренера.

– В крепости есть тайный подземный проход. Он выходит прямо к берегу реки Сенева, которая протекает неподалеку. Направьте своих людей строго на север от Пирса, на полтора километра, к берегам этой реки, там и найдёте этот проход. Он неприметный, но найти его можно. Насколько мне известно, рядом с ним должна расти осина или ива. Точно сказать не могу. Но и это уже не плохой ориентир. Пройдя по нему, ваши люди попадут прямо в крепость. Этого никто не будет

ожидать. Ночью вы откроете ворота, и ваша армия войдет в Пирс. Гарнизон в ней не большой, поэтому вы быстро всех перебьете.

– Сколько растет на берегах Сенева ив и осин? Наверняка десятки. Пройдет много времени, прежде чем мои люди найдут тайный проход.

– Ваше величество, вашим людям не нужно осматривать десятки ив и осин. Главный ориентир – полтора километра строго на север от крепости. Уверен, ваши воины не собьются и легко разыщут проход.

– Что ж, надеюсь, ты меня не обманываешь.

– Так и есть, ваше величество. И вы в этом скоро убедитесь.

– Одного я не могу понять – для чего тебе это все? Почему ты помогаешь мне? Почему ты так заинтересован в поражении своей страны? Ведь, насколько я понимаю, ты из Фильнии.

– Хм, я вам говорил, что ненавижу Милата и жажду ему отомстить, – в интонации незнакомца испарились тепло и учтивость, с которыми он все время говорил с Бренером. Теперь это был ледяной голос, от которого запросто могли пойти мурашки по коже. – У меня с ним давние личные счёты. Его поражение в этой войне – это и ваша победа, и моя месть. Лишь после его поражения я смогу спокойно спать по ночам.

– Видимо, сильно он насолил тебе, раз ты готов ввергнуть родину в войну, – заметил Бренер.

– Вы не представляете сколь сильно, – и это был страшный, ледяной ответ. Бренер почувствовал, как по его телу пробежал холодок. Он больше не стал задавать вопросов незнакомцу по поводу его отношений с Милатом. Ему и так стало все ясно.

– Моя армия выступает в самое ближайшее время, – желая сменить тему разговора, сказал Бренер.

– Превосходно, – голос незнакомца слегка потеплел. – Когда вы возьмете крепость, я снова появлюсь и дам вам следующую подсказку.

– Мне приказать моим людям, чтобы они взяли это зеркало с собой?

– Нет, не нужно. Я могу появиться в любом зеркале, в которое вы смотрите. Прощайте, и желаю вам удачи в предстоящей битве.

Зеркало вновь засияло ярко-синим. Бренер повернулся и направился к выходу из этого отвратительного места. Фраза незнакомца насчет зеркала заставила Бренера испытать неприятное чувство. Раздражает сама мысль, что этот неизвестный может появиться в любом зеркале! А вдруг он явится ночью и будет наблюдать, как Бренер спит? Ужас!

Стоило об этом подумать, как у него пробежали мурашки по коже. К тому же, очевидно, что незнакомец знает с темной магией. А как иначе? Ни один белый маг не станет развязывать войну. Они добрые и на такое просто не способны. Но Бренера мало волновало, что незнакомец знает с темными силами. Для него была важна только победа в войне с фильнийцами. А кто ему будет помогать в её достижении, его не интересовало. Конечно, эта темная фигура вызывала в нем некоторые опасения, и даже страх. Но это больше от неизвестности. Если бы Бренер знал, хотя бы имя незнакомца, тогда другое дело. И все же молодой король очень надеялся, что таинственный помощник говорит правду, и что эта помощь, которую он оказывает, сильно повлияет на исход этой войны. В конце концов, надо же хоть раз утереть нос этим фильнийцам! А то зазнались совсем! Будут знать, что братнийский народ тоже не промах, и может бить врага.

Вскоре Бренер вернулся в свои покои, пройдя через один из многочисленных тайных ходов – он знал их все, как свои пять пальцев.

В его спальне догорала последняя свеча, а слуга спал крепким сном, расположившись в кресле. Король не стал будить нерадивого прислужника, а разделся и лег в постель. Однако ему долго не удавалось уснуть. Такое бывает накануне важного события. Бренер представлял, как завтра приедет к своим войскам, и как он их впервые в своей жизни поведет в бой. От этого кровь начинала пульсировать в висках, а сердце бешено колотиться. Какой тут мог быть сон? Бренер еще молод – ему всего двадцать семь. При его правлении страна ни разу ни с кем не воевала. Для него война с Фильнией – грандиозное событие. Он сильно волновался, и в тоже время ему не терпелось поскорее начать. Бренер долго размышлял о завтрашнем дне, но, в конце концов, под утро ему все-таки удалось уснуть.

Ранним утром, когда солнце только показалось из-за горизонта, окрашивая небо в кроваво-алый цвет, король, собравшись в дорогу вместе со своей свитой, отправился к войскам. Путь предстоял недалекий, поэтому уже вечером Бренер был в военном лагере. Для короля приготовили отдельный шатер, внутри которого землю застелили медвежьими шкурами; посередине поставили огромный деревянный стол, на которой развернули большую карту. Вокруг нее стояли пятеро мужчин – военные помощники короля и командиры

войска. Когда в шатер вошел король, все присутствующие встали и склонились в глубоком поклоне.

– Добрый вечер, ваше величество, – поприветствовал вошедшего высокий темноволосый мужчина, улыбаясь белоснежной улыбкой.

– Здравствуй, Кеслер, – ответил монарх, поправляя свою белую челку.

– Надеюсь, дорога не сильно вас утомила? – осведомился Кеслер, сопровождая короля взглядом голубых глаз.

– Путь прошел для меня как одно мгновение, и я несколько не устал, – ответил Бренер, садясь за стол. – Присаживайтесь, господа.

Те послушно заняли свои места.

– Может, вы все-таки хотите отдохнуть, ваше величество? – спросил невысокий лысоватый мужчина.

– Ни в коем случае, Айрен. Я практически не устал. К тому же нас с вами ждет много дел. Сейчас не время отдыхать.

– Ваше величество, войска готовы выступить в любой момент, – сказал Кеслер. – Мы ждем лишь вашего приказа.

– Превосходно. Я полагаю, что нападать лучше до рассвета. Как вы считаете?

– Я согласен. Как раз гарнизон крепости будет спать. Наше нападение окажется неожиданным, что сыграет нам на руку.

– Ах да, фильнийский король Милат уже обо всем знает. Он выслал дополнительное подкрепление в Пирс.

– Простите, ваше величество, но ничего подобного мне неизвестно, – удивился Айрен. Его мелкие серые глазки забегали по сторонам.

– Значит, ваши люди плохо работают, – заметил Бренер.

– Осмелюсь доложить, что мои люди никогда не подводили меня. Они всегда обо всем мне вовремя докладывают.

– Что ж, считайте, что в этот раз они вас подвели. Надеюсь, вы сделаете нужные выводы, – с этими словами король повернулся в сторону Кеслера.

– Разумеется, ваше величество, – Айрен смиренно согнулся в коротком поклоне.

– Несмотря на то, что есть вероятность, будто это подкрепление не дойдет до крепости, нам надо взять ее как можно раньше. За несколько дней.

Среди присутствующих прокатилась волна удивления. Никто не мог поверить своим ушам. Как можно взять такую крепость за несколько дней? Несмотря на то, что численный перевес в пользу братнищцев, все понимали, что король требовал невозможного. Но выразить это вслух решился лишь Кеслер.

– Ваше величество, – в его голосе прозвучали тревожные нотки. – Боюсь, что взять Пирс за такой короткий срок невозможно. Эта крепость почти неприступна.

– Я прекрасно это знаю и без вас, господин Кеслер, и понимаю ваши опасения. И, тем не менее, крепость необходимо взять до возможного прибытия подкрепления, чтобы избежать сражения на два фронта.

– Но, ваше величество, это невозможно. Даже если мы бросим все свои силы разом, нам не удастся взять Пирс за такой короткий промежуток времени.

– Не переживайте, Кеслер. Я думаю, у вас все получится, при ваших талантах. Кроме того, – король наклонился к карте, – у крепости есть одно уязвимое место.

– Какое? – удивился Кеслер.

Король пальцем ткнул в синюю полосу, и присутствующие наклонились к карте, чтобы рассмотреть место, в которое указывал Бренер.

– Возле реки Сенева в полутора километрах к северу от крепости, находится тайный проход. Он ведет прямо в Пирс, – Бренер провел указательным пальцем от реки к месту, где было указано местоположение крепости.

– Я такой информацией не владею, – заметил Айрен.

– К сожалению, эти сведения получены не от ваших людей, – укоризненно произнес король, не удостоив собеседника взглядом. Айрен замолчал.

– Похоже, среди фильнищцев есть предатель, – констатировал Валтер – самый молодой помощник короля. Уже в двадцать три года он успел показать монарху преданность и храбрость. Поэтому Бренер и назначил его одним из своих военных помощников.

– Вполне возможно. Но нас сейчас это не должно волновать. Сведения точные. Поэтому Валтер, я хочу, чтобы вы организовали несколько отрядов в поисках этого тайного прохода.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Пока мы будем наступать на крепость, вы будете искать. И чем скорее отыщите, тем быстрее падет Пирс. Стены этой крепости неприступны, но, если один из наших отрядов проберется внутрь и откроет ворота, победа будет за нами. Да и еще, возле прохода должна расти то ли ива, то ли осина. Одно из этих деревьев служит ориентиром.

– Обещаю вам разыскать этот проход как можно скорее, – звонко сказал Валтер. При этом в его красивых карих глазах загорелся огонек.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь. И помните, в этом сражении многое зависит от вас, дорогой Валтер. Именно вам я отвожу одну из ключевых ролей, поскольку как только вы найдете проход, судьба крепости будет предрешена.

– Прошу простить мою нескромность, – заговорил Кеслер, – но мне не совсем ясно, почему подкрепление, высланное Милатом, может не дойти до крепости?

– Этого я точно сказать не могу. Но вероятность, что подкрепление не дойдет, очень высока. Во всяком случае, насколько мне известно, подкрепление вообще не должно подойти. Но, я все-таки допускаю, что оно может и дойти до крепости. Так что нужно управиться с захватом крепости как можно быстрее.

– Есть ли еще какие-то вопросы? – спросил Бренер после минутного молчания. – Раз вопросов нет, вы все свободны. Ступайте и отдохните хорошенько. Завтра нас ждет тяжелый день.

Присутствующие глубоко поклонились и вышли. Мысли каждого из них были заняты предстоящей битвой. Лишь Айрен пребывал в полном недоумении. Это его задача информировать короля обо всем, что происходит как у врага, так и во дворце среди придворных. Какие слухи ходили, кто что говорил, кто куда ходит и что при этом делает. Айрен глаза и уши короля повсюду, где это необходимо его величеству. Много лет он превосходно справлялся со своей задачей, а тут ему вдруг выказывают неудовлетворение. А ведь его люди никогда не подводили. Слова короля сильно затронули его самолюбие. Войдя к себе в шатер он, не раздевшись, плюхнулся в походную постель – большую перину, устланную овечьими шкурами. Немного поразмыслив, Айрен твердо решил выяснить, кто так хорошо информирует короля.

Глава 4

Крепость Пирс – огромный шестиугольный бастион. Когда архитекторы много лет назад закладывали первые камни, они не заботились о красоте и презентабельности будущего комплекса оборонительных сооружений. Высокие башни напоминали грубых серых гигантов, а замок, по-хозяйски расположившийся в центре крепости, был настолько уродлив и не пропорционален, что казался громадным горбуном среди прочих мелких построек. Однако, несмотря на отвратительную, откровенно говоря, безвкусную архитектуру, стены крепости, да и самого замка крепки и надежны. А большего от них и не требовалось. Уж сколько раз за свою многовековую историю крепость Пирс переживала осады. Полчища недругов не единожды пытались ее захватить. Но, ни одна попытка не увенчалась успехом. Армия врага налетала на крепость, словно коса на камень. Недаром об этой крепости ходили легенды, будто ее невозможно захватить. И все же Пирс удавалось удержать только потому, что на помощь вовремя приходило подкрепление. Не было еще такого случая, чтобы гарнизон крепости долгое время сражался один на один с неприятелем.

Поздним вечером Фэйтон – наместник крепости Пирс – сидел в кабинете, подперев подбородок рукой. Седой, с железным характером мужчина в преклонном возрасте смотрел на потрескивающий огонь в камине, придаваясь размышлениям, когда в дверь постучали.

– Войдите, – пробурчал старик

Дверь со скрипом отворилась.

– Ах, это вы, Алан, – сказал он, увидев на пороге высокого смуглого длинноволосого мужчину. – Ну что, есть новости?

– Нет, господин, – послышался приятный баритон. – Я зашел, чтобы доложить, что все спокойно.

– Ну, доложил? Теперь садись, – Фэйтон жестом указал Алану на деревянный стул, стоявший сбоку от своего кресла.

Гость повиновался.

– Как настроение у солдат? – спросил наместник.

– Боевое. Многие прямо таки рвутся в бой и ждут не дождутся противника.

– Вот глупцы, – фыркнул наместник, глядя в жарко пылающий камин. – Для них битва это всего лишь какая-то забава, а не кровь, смерть и страдания. Настрой, конечно, хороший для битвы, пусть уж лучше они рвутся в бой, нежели будут трястись как трусливые зайцы.

Алана удивили подобные слова, но виду он не подал.

– Я полагаю, многим надоела рутинная скучная жизнь в крепости, – заметил подчинённый. – Каждый день ничем не отличается от предыдущего. Поэтому весть, что скоро будет битва, многим показалась глотком свежего воздуха. К тому же, мы всегда били братнищев – об этом знает каждый. Поэтому воины уверены в быстрой победе.

Фэйтон бросил взгляд серых водянистых глаз на молодого, ещё не повидавшего жизни солдата. Свет, отбрасываемый камином – единственным источником света в помещении – вырисовывал четкие контуры красивого лица собеседника. Алан смотрел на Фэйтона большими карими глазами, и в этом взгляде старик прочитал самоуверенность и, как ему показалось, какую-то детскую наивность. Рассуждения этого молодого юноши, которому всего двадцать три года отроду, для старика были глуповатыми. Этот юнец, как и большинство солдат крепости, не видел ни одной войны. И сейчас сидит да рассуждает о предстоящей битве не как о чем-то страшном и трагичном, а как о каком-нибудь походе, из которого обязательно все вернутся живыми и невредимыми. Фэйтон отвернулся от собеседника и снова устремил взгляд к огню.

– Ты рассуждаешь так, потому что еще молод, – заговорил Фэйтон. – Меня радует твой боевой настрой, но, скажу тебе откровенно, нет ничего хорошего ни в какой войне. Многим из солдат сейчас не терпится вступить в схватку с противником, но это все именно из-за того, что они никогда войны не видели. Не слышали стоны тяжело раненных товарищей, не теряли друзей в битвах, не видели отрубленных конечностей и рек крови, которые текут после каждого сражения. Лишь клинки, – он похлопал по своему кинжалу, висевшему сбоку на поясе, – рады любой войне, поскольку только тогда они упиваются кровью. Лишь на войне они исполняют свое истинное страшное предназначение. Алан, – Фэйтон повернулся к

собеседнику, – в войне нет ничего хорошего, запомни это раз и навсегда.

Наступила тишина. От удивления Алан вытаращил глаза на старика. Он никогда еще не слышал из его уст ничего подобного. Это был какой-то другой Фэйтон, не тот, что раньше.

– А как же война оборонительная? – спросил он несколько минут спустя. – Ведь это не мы хотим напасть на братнийцев, а они на нас. Получается, что мы вынуждены биться, разве не так?

– Ты прав, Алан. Война оборонительная, когда ты защищаешь свою страну – есть правое дело. Защищать свой народ должно и нужно. С этим не поспоришь. Но лучше бы войны не было.

Снова воцарилось молчание. Фэйтон сидел и о чем-то размышлял, глядя, как потрескивают поленья в огне. Казалось, что старик ушел в себя и позабыл, что Алан по-прежнему находится в кабинете.

– Значит, гонец сказал, что Милат обещал выслать подкрепление? – вдруг спросил Фэйтон.

– Да, все верно, – Алан коротко кивнул.

– Надеюсь, это подкрепление подойдет вовремя, иначе нам придется туго. Я уверен, что не сегодня, так завтра, братнийцы нападут.

– Даже если они и нападут, мы сможем легко обороняться до прихода подкрепления. Эта крепость неприступна, – заметил Алан.

– «..сможем легко обороняться..», – передразнил старик. – Очень даже нелегко, скажу я тебе. Я очень далек от мысли, что братнийцы просто так решили пойти на нас войной. И уж тем более ударить по нашей крепости. Их король либо совсем безумец, либо он что-то задумал. Я больше склоняюсь ко второму варианту. Тем более что их там десятки тысяч, а нас тут всего девятьсот, – Фэйтон до того разгорячился что лицо его побагровело, а на виске вздулась вена.

Снова воцарилось молчание. Алан смотрел на старика и удивлялся такой резкой перемене в настроении начальника.

– Можешь идти, – немного успокоившись, сказал наместник. – Как только появятся новости, сразу же ко мне.

Алан поднялся и молча удалился.

Светало. Туман густой непроглядной пеленой заволакивал горизонт. Ни малейшего дуновения ветра. Тихо и спокойно. Один из часовых, уставший и сонный ходил по стене, ожидая смены. Внезапно где-то вдали ему послышался непонятный гул. Часовой остановился и

вслушался. Нет, ему не показалось. Звук точно доносился откуда-то из-за горизонта. Он попытался рассмотреть что-нибудь в том направлении, но все попытки были тщетны. Туман не позволял увидеть что-нибудь дальше ста пятидесяти метров. Однако звук приближался, и с каждой минутой становился все громче, отчетливее. Теперь его слышали все, кто находился на стене. Один из часовых обратился к приятелю:

– Ты ведь тоже это слышишь?

– Да.

Оба вглядывались в горизонт.

– На что это, по-твоему, похоже? – спросил первый.

– Не знаю, как будто где-то гремит гром, – ответил второй.

– Да. Похоже, где-то сейчас идет гроза.

– Странно. Она идет прямо на нас, хотя ветра совсем нет.

Тут его осенило. Он сорвался и быстро помчался к огромному колоколу, находящемуся неподалеку...

Услышав звуки колокола, звонко оповещавшие, что неприятель подошел к крепостным стенам, Фэйтон тут же бросился вон из своей комнаты. Через несколько минут он уже был на стене, по дороге столкнувшись с Аланом, который бежал оповестить наместника. Оказавшись на стене, Фэйтон увидел воистину зловещее зрелище: горизонт был покрыт тысячами людей в черных металлических доспехах, словно вышедшее из берегов море. Казалось, что эта чернота поглотила огромной металлической пастью всю землю, и готовилась накинуться на крепость. Не было видно ни конца, ни края этому громадному войску. Сотни развевающихся на ветру знамен, изображавших черного ворона со стрелой в лапах. Впереди в одну линию неприятель выкатил полтора десятка требушетов, и уже готов открыть залп огненными снарядами.

Фэйтон приказал лучникам приготовиться и ждать его команды. В скором времени полетели, рассекая воздух, первые огненные снаряды, обрушиваясь на расторопных людей и здания. Вспыхнули первые пожары. Следующий залп не заставил себя долго ждать. Огненные шары врезались в стены и башни, попутно снося все на своём пути.

Здания рушились, заваливая камнями и кирпичами не успевших выбежать на улицу людей. Кое-где появились клубы черного дыма. Женщины, дети и старики в ужасе выбегали на улицу, порой даже толком не одетые и хватались за ведра, чтобы тушить возникающие то тут, то там очаги пламени.

Довольно скоро вперед двинулись первые колонны противника. Фэйтон приказал лучникам открыть огонь. В небо взмыли сотни стрел. Они смертельным дождём обрушились на неприятеля, пробивая доспехи и вонзаясь в тела. Последовал следующий залп, а за ним еще и ещё. Куча мертвых тел росла с каждой минутой. Стрелы защитников крепости быстро находили цель. И все же, несмотря на потери, вражеская пехота по-прежнему продолжала наступление. Фэйтон увидел, как нападающие стали двигаться небольшими группами, неся в руках осадные лестницы. Наместник тут же приказал находящимся поблизости лучникам стрелять по этим группам. Но толку от этого было немного – как только падал один из братнических воинов, его место тут же занимал другой. Через несколько мгновений на стену под непрерывающимся потоком стрел стали взбираться первые солдаты противника. Заскрежетала сталь, залязгали мечи. Началась схватка на стене. Обороняющиеся с криком встречали врага, обрушивая на него удары мечей и топоров. Некоторым удавалось опрокинуть лестницы, но их тут же заменяли другие.

Фэйтона тоже бой не обошел стороной. Внезапно перед ним оказалась фигура в черных доспехах. Старик одним махом выхватил меч из ножен и, отразив удар, проткнул противника насквозь. Не успел он опомниться, как ему пришлось отразить еще один выпад другого нападающего. Тот, не желая отступить, попытался ударить еще раз, но старик, несмотря на возраст, ловко увернулся и, обезоружив неприятеля, проткнул его грудь. Однако отдышаться ему не удалось: на него летел еще один братниец. Фэйтон уже встал в боевую стойку, чтобы отразить удар, как вдруг нападающий замедлился, а изо рта потекла мелкая струйка крови. Солдат, прохрипев что-то, упал. Позади него стоял Алан. Старик хотел кивком поблагодарить его, но не успел, поскольку тот повернулся и кинулся на следующего вражеского солдата.

Пока разгорался бой на стене, братницы пытались пробить ворота крепости. Они подкатали длинный таран, и, несмотря на то, что

стрелы нещадно выкашивали врага одного за другим, принялись бить тараном по большим, обитым металлическими листами воротам. В какой-то момент казалось, что оборона крепости не выдержит, и ворота вот-вот распахнутся перед противником. Чтобы не допустить такого рокового исхода, защитники швыряли в недруга все, что попадалось под руку. Но противник не собирался отступать. Неся огромные потери, братницы решили, во что бы то ни стало, пробить ворота.

Храбрые защитники крепости смогли найти управу на неугомонного противника. Несколько человек поднесли бочки с горючей смесью. Их быстро открыли, и жидкость полилась на противника, отчаянно штурмовавшего ворота. Еще через секунду к ногам осаждающих упал зажженный факел, и раздались душераздирающие вопли. Солдаты, которые так отчаянно пытались пробить ворота, вспыхнули как спички и бросились прочь, оставив таран и кучу трупов своих товарищей. Эти живые факелы кричали не своим голосом. Пламя, которое невозможно было погасить, терзало их плоть, и только пущенная стрела могла оборвать их адские мучения.

Бой длился целый день. Повсюду летали стрелы, слышался лязг оружия и крики людей. Казалось, что этот кошмар никогда не кончится. Но к вечеру братницы прекратили наступление, не добившись никакого успеха. Фильнийские солдаты стойко обороняли крепость. Несмотря на то, что битва прекратилась, солдатам, которые итак вымотались за целый день непрерывающегося боя, кинулись на помощь женщинам и старикам, которые бились с пожарами. Кровожадное ненасытное пламя не собиралось сдаваться просто так. Пока тушили одно здание, огонь успевал перекинуться на соседнее. Лишь глубокой ночью удалось погасить последние очаги пламени...

Поздним вечером Бренер сидел в своем шатре, нервно постукивая пальцами по столу. Он нервничал не потому, что ему не удалось сегодня взять крепость, и не потому, что потери по предварительным докладам оказались серьезными. Он нервничал, потому что давно ожидал важные вести, которых до сих пор не было.

В шатер вошел Кеслер, и остановился на пороге, ожидая разрешения короля пройти. Бренер взглянул на вошедшего и с нетерпением спросил:

– Есть ли новости от Валтера?

– Пока нет, ваше величество.

– Тогда для чего ты пришел? – раздраженно бросил король.

– Я бы хотел поговорить с вами насчет завтрашнего наступления.

– Слушаю тебя.

– Мне кажется, что мы должны оставить эту затею, и отступить. Если так и дальше пойдет, мы потеряем армию, а крепость так и не возьмем.

– Как ты смеешь такое мне предлагать?! Как у тебя вообще язык повернулся? В своем ли ты уме, несчастный? Мне такие военные советники, Кеслер, даром не нужны, ты понял меня?! – вспыхнул Бренер. Его голубые глаза наполнились яростью. Он встал с места и немного приблизился к Кеслеру.

– Ваше величество, я всего лишь забочусь о вас и о вашей армии, – начал поспешно тараторить Кеслер.

– Я не отступлю, поджав свой хвост, чтобы потом фильницы смеялись мне вдогонку. Я не ты, Кеслер, – король стал говорить чуть тише, но все же на повышенных тонах. – Если мы возьмем Пирс – крепость, в неприступности которой уверен каждый фильниец, они станут нас бояться. А потом, когда эта война кончится, спустя многие годы все будут говорить, как Бренер со своей армией покорил крепость, которую никто и никогда не мог взять. Поэтому, Кеслер, не смей даже подходить ко мне со своими бредовыми идеями. Я ни за что не отступлю! – Бренер вновь перешел на крик. – Слышишь меня?! Ни за что! Убирайся отсюда, и возвращайся, как только будут новости от Валтера.

Кеслер, обруганный и униженный, отвесил глубокий поклон и поспешно вышел. Разгоряченный и нервный Бренер принялся расхаживать в шатре. Он продолжал ждать. Монарх надеялся, что сейчас Кеслер снова вернется и скажет, что Валтер нашел проход. Но ничего этого не произошло. Весь вечер от Валтера новостей не было, отчего Бренер становился все более раздражительным. Он даже обругал слугу, который накрывал ему ужин, за то, что тот слишком медленно все делал. Всю ночь Бренер не сомкнул глаз. Он все ждал,

что вот-вот к нему придут и скажут хоть что-то, хоть какие-то новости от Валтера. Неведение буквально сводило короля с ума. Всю ночь он проворочался, а ранним утром, находясь в самом плохом расположении духа, отдал приказ к наступлению.

Следующий день по-прежнему не принес никаких успехов братнищам. Хоть они и сражались отчаянно, и даже несколько раз пытались пробить ворота, за что их снова облили маслом и подожгли. После этого к воротам они больше не подходили. На стене им тоже не везло: фильныйцы ловко сбрасывали с осадных лестниц карабкавшихся наверх воинов. Тех же, кому все-таки удавалось взобраться на стену, ждала неминуемая гибель от разъяренных защитников. Вечером бой закончился. Среди братнищев были большие потери и мрачное настроение. Всю ночь в их лагере звучали вопли раненных и искалеченных солдат. Король хотел было выйти и пройтись среди воинов, чтобы их немного подбодрить, когда к нему в шатер вошел Кеслер, а следом за ним грязный с исцарапанным лицом и радостной улыбкой Валтер.

– Ты нашел его? – с нетерпением спросил король.

– Да, ваше величество, – ответил Валтер с довольной ухмылкой, поправляя каштановые волосы.

– Отлично, – выдохнул король, еле сдерживая свою радость. Если бы он был один в шатре, то подпрыгнул бы как ребенок, которому подарили на день рождения долгожданную игрушку. Но довольная улыбка, расплзшаяся по его лицу, говорила, что настроение короля значительно улучшилось.

– Рассказывай все что знаешь, – приказал Бренер.

– Мы нашли проход, ваше величество. Он находится в лесу недалеко от реки Сенева. Было довольно трудно его отыскать, но мои люди справились. Как вы говорили, рядом с проходом растут две осины. Их широкие ветви закрывали проход, отчего мы сразу не смогли его найти, – тут Валтер замолк на мгновение, переводя дух, и продолжил. – Мы вошли туда. Пройдя километра полтора, по длинному сырому коридору, мы очутились прямо перед лестницей, которая ведет в небольшой домик, в котором, как мне показалось, никто не живет. Осмотревшись немного, мы спустились и вернулись назад.

– Валтер, ты и твои люди будут щедро вознаграждены, – сказал довольный Бренер. – Но у меня вопрос: сколько людей сможет пройти по этому коридору?

– Я думаю, вооруженный отряд из тридцати человек запросто пройдет. При желании, мне кажется, туда можно направить и большее количество людей.

– Чудесно! – Бренер подошел к карте и, улыбаясь, ткнул пальцем в то место, где была обозначена крепость. – Завтра на рассвете крепость будет нашей.

– В этом нет никаких сомнений, ваше величество, – вмешался в разговор Кеслер.

– Мы направим туда два отряда. Поздно ночью, когда все будут отдыхать, наши солдаты проберутся в крепость и откроют ворота. А когда они будут открыты, наша армия войдет в крепость. К утру Пирс падет, – Бренер отошел от стола и присел в походное кресло. – Валтер, вы возглавите отряды, а вы Кеслер, поведете в бой армию, когда ворота будут открыты, – в ответ оба поклонились и вышли.

Глубокой ночью, когда, казалось, весь мир еще спит, Валтер вместе со своими людьми шел по длинному коридору, освещая путь факелами. Поначалу братнийцам пришлось идти по колено в воде. Но по мере приближения к крепости, влага отступила, и в коридоре стало сухо. Пройдя по нему, они очутились перед железной лестницей. Вскрабавшись по ней, братнийцы оказались в небольшом домике, в который с трудом поместились все люди. Валтер тихонько приоткрыл входную дверь, и вышел, перед этим подав знак своим товарищам, чтобы они оставались на месте. Оказавшись на улице, Валтер принялся осматриваться. Оказалось, что домик находится недалеко от стены, а до ворот расстояние – не более трехсот метров. Валтер собирался уже зайти внутрь, как он заметил какое-то движение неподалеку. Он моментально присел за бочки, что стояли в десяти метрах от дома, и начал всматриваться в темноту. Из темноты что-то двигалось прямо к дому, в котором прятались братнийцы. Вскоре это что-то превратилось в вооруженного солдата. Валтер не сводил с него глаз. Солдат шел спокойно, неторопливо. Он уже прошагал мимо притаившегося за бочками Валтера. Надо было что-то срочно предпринять. Если солдат увидит дом, набитый братнийцами, он тут же закричит. А этого крика будет достаточно, чтобы сорвать весь план.

Валтер действовал быстро: когда солдат собрался уже открывать дверь, братниец сзади закрыл ему рот и перерезал горло. Валтер оттащил еще бьющееся в предсмертной агонии тело туда, где он прятался каких-то несколько секунд назад. Осмотревшись еще раз, Валтер вернулся в дом. Через несколько минут, из дома один за другим выбегали люди, которые в черных доспехах были практически не заметны среди кромешной ночной тьмы. По мере приближения к воротам эти люди разделились на две группы: одна направилась на стену, другая продолжила движение к воротам. Пробираясь по стене, ближе к воротам, чтобы подать знак как только они будут открыты, на пути отряда повстречалось трое часовых. Все они очень удивились неожиданному появлению неприятеля, но поднять тревогу не успели. Вскоре послышался скрип натягиваемой тетивы, а затем в небо взмыла зажженная стрела. В следующее мгновение ночную тишину разорвал вопль тысяч людей, врывающихся на территорию крепости. Как только ворота распахнулись перед братницами, участь гарнизона Пирс была предрешена.

Сражение длилось недолго. Всего через час последние очаги сопротивления были подавлены. Отчаянно сопротивлявшегося Фэйтона убили из арбалета. Одна стрела пронзила горло, вторая – вонзилась в грудь. Старик даже не мучился. Смерть пришла к нему мгновенно.

Бренер въехал в крепость на белом коне с гордо поднятой головой. Солдаты встречали его радостными криками, а кто-то в знак уважения бил мечом по щиту. Король был счастлив как никогда. В его первой войне это была первая битва, в которой он одержал верх. Он буквально чувствовал пьянящий вкус победы. Ему казалось, что он властелин всего мира. Теперь фильнийский король точно станет его бояться. Но об этом он подумает чуть позже, сейчас он наслаждался своим первым триумфом.

Из девятистот солдат, оборонявших крепость, в живых осталось всего пятьдесят. Среди них был и Алан, раненный в ходе битвы в плечо и ногу. Бренер, в порыве великодушия, сохранил всем пленным жизнь и отпустил, чтобы они рассказали своим соотечественникам, что над неприступной крепостью отныне развивается знамя с черным вороном, сжимающим в лапах стрелу.

Вечером в занятой братни́цами крепости шел пир. Солдаты много пили и ели. Бренер тоже дал себе волю. Выпив с военными советниками, он отправился в спальню, в которой когда-то спал Фэйтон, и впервые за эти дни уснул сном младенца.

Глава 5

По марионской дороге ехали два всадника – Лестер и Рагнер. Первый на гнедом коне, в коричневом плаще и с посохом в руках. Второй – на вороном, в синем плаще из-под которого торчала рукоять меча. За спиной висел лук и колчан со стрелами.

Стоял приятный, один из немногих для глубокой осени, солнечный день. Поля уже давным-давно убраны, а деревья сбросили последние листья, готовясь встретить зиму. Уже третий день путники находились в дороге, которая поначалу пролегала через густонаселенную местность. Первые два дня то и дело попадались небольшие деревеньки, в которых можно было плотно поужинать и заночевать. На дороге они в основном встречали простых крестьян на деревянных телегах. Хотя один раз они увидели шесть ведьм, которые летели на больших сухих ветках, выстроившись клином. Они пролетели над Лестером и Рагнером довольно низко – настолько, что путники даже смогли разобрать несколько слов, сказанные ведьмой, которая летела самой первой. На путников они не обратили никакого внимания.

– По всей видимости, летят на шабаш, – заключил Лестер, провожая их взглядом. – Этих бояться не стоит. Они занимаются белой магией. Людям никакого вреда они не приносят.

– Эти ведьмы довольно симпатичные. И не такие уж старые.

– Это все потому, что они не знаются с темными силами. Тьма обычно высасывает все хорошее из человека, в том числе и красоту с молодостью. Хотя иные темные ведьмы на какое-то время могут с помощью колдовства сделать себя моложе. Но все равно их довольно легко вывести на чистую воду.

– И как это сделать?

– Плеснуть в лицо водой. И тогда обман тут же вскроется. Всю наколдованную красоту смоем, и ведьма примет свой истинный облик.

– Буду иметь в виду.

На четвертый день пути деревни исчезли, и их сменили просторные поля с засохшей травой, на которых порой росли одинокие деревья. На протяжении всего дня путникам не попалось ни единой живой души.

Время близилось к вечеру. Солнце постепенно катилось за горизонт, уступая место холодной звездной ночи.

Рагнер, несмотря на крепкое телосложение, невероятно устал. Чего нельзя было сказать о его друге: маг ехал так, словно только что сел на коня, будто и не было за его плечами целого дня пути. Сообразив, что Лестер даже и не думает останавливаться на ночлег, Рагнер взял инициативу в свои руки:

– Лестер, разве ты не устал за целый день, проведенный в дороге?

– Не очень. Только ноги немного болят.

Маг явно не собирался останавливаться на ночлег. Если Рагнер сейчас сам не скажет, что пора отдохнуть, то они так и будут ехать до самого утра. При этой мысли у него еще сильнее заныла спина. Да что там спина! Болело все тело. Еще немного, и он просто выпадет из этого проклятого седла. К тому же, они уже давно ничего не ели. Если он согласился ехать с Лестером, это не значит, что его нужно теперь морить голодом. Хватит с него! Пора останавливаться на ночлег.

– Нам пора разбить лагерь, – заявил Рагнер.

Лестер, посмотрев на друга, остановил коня и спешился.

– Пожалуй, ты прав, – сказал он, потирая правое колено.

Рагнер не заставил себя долго ждать. Он в один миг спрыгнул с коня и почувствовал невероятное удовольствие. Какое же это счастье наконец-то оказаться на земле, после целого дня пути сидения в одной позе. Он принялся разминать спину, чувствуя, как хрустят позвонки. Затем он стал разминать ноги, сгибая и разгибая колени. Какое блаженство! Было приятно просто взять и пройтись, чувствуя, как все тело оживает после долгой дороги.

Пока Рагнер приходил в себя, Лестер, привязав коней дереву недалеко от дороги, принялся разводиться костер. Наломав немного дров, он сложил их, затем что-то пробубнил и ударил посохом о землю. В следующий миг дрова загорелись и вверх, тонкой полоской, устремился дымок. Лестер, довольный проделанной работой, принялся доставать припасы из мешка. В тот самый момент, когда он раскладывал еду, подошел Рагнер. Он приблизился к огню и почувствовал сильный жар. Несмотря на то, что костер был маленьким, от него исходило такое сильное тепло, словно горело целое дерево.

– Какой маленький костер, и такой сильный жар, – удивился он.

– Пустяки, – небрежно бросил Лестер, доставая из мешка какой-то сверток.

– Пахнет вкусно, – заметил Рагнер, почувствовав, как у него текут слюнки.

Лестер развернул сверток, в нем оказался большой кусок копченого мяса. Отрезав пару добрых ломтей, он завернул остаток и убрал в мешок. Недолго думая, Рагнер уселся напротив друга и накинулся на еду. Хотя ассортимент пищи был не большой – несколько кусков хлеба, копченое мясо и пара яблок, Рагнер готов был поклясться жизнью, что никогда ничего вкуснее не ел. Мясо буквально таяло во рту, а черствый хлеб казался самой вкусной едой на целом свете. Лестер же пожевал немного хлеба, съел яблоко, а мясо, которое он так и не доел, отдал проголодавшемуся другу, который даже не заметил, как и его проглотил.

– Мне кажется, что я так вкусно в жизни не ел, – заметил Рагнер, заваливаясь на спину.

– Это все потому, что ты давно не ел. Вот у тебя и разыгрался аппетит, – улыбнулся Лестер.

Солнце окончательно скрылось. На землю опустилась ночь. Дрова приятно потрескивали в костре, искры от огня вздымались вверх, создавая приятный уют посреди природы.

– Послушай, Лестер, – Рагнер перевернулся на бок, подперев голову рукой, – мы уже четыре дня в пути, а ты до сих пор так и не сказал, куда мы направляемся.

Лестер встал, размял спину, а затем уселся, устремив голубые глаза на друга.

– Мы едем к моей старой знакомой. Я порой обращаюсь к ней за помощью. Она живет на этой земле так давно, что даже трудно себе представить, а потому многое знает. Сразу оговорюсь, я понятия не имею, сколько ей лет. Однако точно могу сказать, что когда я появился на свет, она уже была не молодой. Хотя по ней этого и не скажешь. Думаю, она сможет помочь нам в поисках камней. Возможно, даст какой-нибудь совет. А может, мы прокатаемся зря, и ничем она не поможет. Хотя надеюсь, что она хоть что-то нам подскажет.

– Ты в этом уверен? То есть, я хотел сказать, ты уверен, что стоит еще кому-то рассказывать про то, что король послал тебя разыскивать камни?

– Можешь быть спокоен, Рагнер, – ласково сказал Лестер. – Она не из болтливых. Ей можно доверять. К тому же, надо с чего-то начать. У нас нет никакой информации об этих камнях.

– Ты прав. Если ты ей доверяешь, значит и я тоже.

Вскоре Рагнер уснул, оповестив об этом приятеля сильным храпом. Лестер же лежал и смотрел в ночное небо, усыпанное мириадами звезд. Он думал о том, что с ним произошло в последние дни, начиная со страшных вестей в королевском дворце, и заканчивая недавним разговором с Рагнером. И вдруг у него возникло какое-то странное ощущение надвигающихся перемен. Что-то подсказывало ему, что перемены эти будут грандиозными и страшными. Спокойная жизнь заканчивается. Мир должен измениться. Он уже начинает меняться, только никто еще этого не замечает. Но Лестер ... старый маг чувствовал это нутром. То, что еще вчера казалось невозможным, сегодня уже было реальностью. Еще десять дней назад маг даже представить не мог, что кому-то удастся выкрасть книгу из Вестермского замка, и что он будет вместе с Рагнером пытаться разыскать ярмские камни. Размышляя об этом, маг не заметил, как уснул.

Ранним утром Рагнер проснулся от того, что ему было невыносимо жарко, несмотря на то, что вокруг была глубокая осень. Оказалось, что костер горел всю ночь, хотя в него никто не подкладывал дров. Кроме того, ветки, которые маг поджег с помощью своих магических трюков, совсем не прогорели. От огня исходил такой же жар, что и накануне вечером. Немного удивившись, Рагнер встал. Тут ему снова пришлось удивиться – оказывается, маг давно проснулся и, приготовив завтрак, ходил поблизости, что-то рассматривая у себя под ногами.

– Что ты там пытаешься увидеть? – зевая, спросил Рагнер.

– За ночь тут распустились цветы, – не отрывая взгляда, ответил маг.

Рагнер опустил глаза и увидел у себя под ногами белоснежные ромашки, которых еще вчера тут не было. Они росли повсюду в радиусе десяти метров. Такие чистые и девственно белые, каких никто никогда не видел. Да и вряд ли увидит. Рагнер был в недоумении. Он подумал, что все это ему кажется, и, протерев глаза, он еще раз всмотрелся себе под ноги. Но цветы, как он ожидал, не исчезли. Напротив, они цвели на прежнем месте, слегка колышась под легким дуновением ветра.

– Что это такое? – удивился Рагнер.

– Ромашки, – улыбаясь, заметил Лестер.

– Я вижу, что это ромашки, – пробурчал Рагнер, – но откуда они тут взялись? Они ведь уже давно отцвели.

– Ты прав, Рагнер, но магия оставляет следы. Порой такие прекрасные, как эти цветы. Жаль, что они завтра засохнут, – грустно подытожил Лестер.

– Почему они завтра засохнут? – недоумевал Рагнер.

– Потому что сегодня мы отсюда уедем, и действие магии прекратится. Природа вновь возьмет свое, – Лестер подошел к приятелю и, усевшись на место, заявил. – Давай завтракать.

Позавтракав жареными колбасками с хлебом, друзья вновь отправились в путь. Как только они отъехали, костер погас, а дрова рассыпались, превратившись в золу.

Еще два дня путники пробыли в дороге, повстречав за это время всего несколько мелких деревень, в которые они даже не заезжали. В прочем, в этом и не было надобности. Провизии у них хватало, а лишний раз попадаться людям на глаза Лестеру не хотелось. Вскоре все чаще стали появляться деревья, вытесняя поля. А на утро шестого дня пути друзья съехали с марионской дороги на узкую тропу, которая привела их в густой дремучий лес, настолько старый и древний, что казалось, будто он растёт тут с самого начала существования мира. Огромные деревья с большими кривыми ветвями, с которых почему-то не осыпалась листва, обступили путников со всех сторон. Рагнеру показалось странным, что лес не сбросил листву, хотя на улице уже глубокая осень, которая совсем скоро уступит место зиме. Тропинка, по которой они ехали, стала очень узкой – настолько, что на ней едва мог поместиться путник, не задевая ветви деревьев. Кони замедлили шаг, будто чувствовали некую угрозу, исходящую из недр этого леса. Рагнеру становилось не по себе по мере того, как они погружались в непроглядный мрак густых деревьев. Схватившись за рукоятку меча, он почувствовал некоторое облегчение и уверенность.

– Не стоит хвататься за меч, – сказал ехавший впереди Лестер. Он оставался совершенно спокойным, будто его этот жуткий лес совсем не пугал.

– Мне так спокойнее, – отозвался Рагнер, озираясь по сторонам.

– Здесь не о чем беспокоится. Тут не так уж страшно, как может показаться на первый взгляд. Я думаю, что это самое безопасное место во всей Фильнии, поскольку тут живет не так уж много людей, а звери и вовсе никого не трогают.

– Тут живут люди? – сильно удивился Рагнер.

– Да. Не то что бы много. Одна моя старая знакомая, к которой мы и направляемся. Это Квусценский лес. Мы почти приехали.

В скором времени, деревья внезапно расступились, и перед путниками появился небольшой деревянный дом с трубой на крыше, из которой валил густой зеленый дым. Подъехав к дому, путники спешили, постучали и, не дождавсь ответа, вошли внутрь.

Глава 6

Первое, что отметил Рагнер, оказавшись внутри, это мерзкий царящий в доме запах. Настолько невыносимый, что он зажал нос рукой. Лестер же к удивлению Рагнера даже не поморщился. Обстановка внутри дома была довольно жуткой. Вдоль правой стены стояли банки с различным содержимым: тут были и крысиные хвосты, и сушеные ящерицы, змеи и огромные мертвые жабы, плавающие в непонятной мутной жидкости. Так же рядом с банками расположились клетки, в которых обитали вполне живые курицы, а рядом – стоял привязанный к торчащей из стены ручке черный козел, жующий капусту, которую, по всей видимости, ему недавно положили. Под потолком висели склянки с мутной жидкостью и небольшие пучки трав. По левую сторону находился огромный деревянный стол, на котором лежали чьи-то кости и мертвая ворона, а рядом с ней большая банка, в которой сидел огромный черный тарантул. В довершении ко всему в центре стоял огромный черный котел, в котором булькала какая-то темно-зеленая жидкость. Возле котла стояла старуха и что-то приговаривала. Помешав огромной деревянной палкой содержимое, она повернулась к вошедшим, и расплылась в улыбке, оголив при этом беззубый рот. На вид ей было лет сто, не меньше. Одета в черное, изодранное в некоторых местах платье она напоминала старую, потрепанную ворону. Лицо у нее было настолько худым, что щеки свисали как у бульдога. Один глаз черным как смоль, другой – белый словно снег. Брови отсутствовали, а над верхней губой росла темная полоска усиков. Огромная бородавка, словно жирный паук, сидела на крючковатом носу. Рагнеру от вида этой старухи стало не по себе.

Лестер в ответ на улыбку старухи отвесил короткий поклон. Рагнер даже не заметил этого жеста друга: он с омерзением осматривался, и пришел к выводу, что долго он тут находиться не сможет. Между тем старуха заговорила мерзким, напоминавшем воронье карканье голосом на непонятном языке. К удивлению Рагнера, Лестер стал отвечать этой ведьме на том же языке. Поначалу и Лестер, и старуха о чем-то говорили, улыбаясь во весь рот, что стало очень сильно раздражать Рагнера. Ему было непонятно, как можно улыбаться, находясь в таком

мерзком доме, где повсюду какие-то банки и склянки с отвратительным содержимым. Да еще этот невыносимый, ни с чем несравнимый запах... Рагнер готов был поклясться чем угодно, что подобной вони его красивый нос еще никогда не чуял. А между тем, старуха резко оборвала разговор и, подойдя к котлу, плюнула в него, а затем, оторвав у себя длинный седой волос, отправила его туда же. После этих манипуляций котел закипел еще сильнее, а из него стали вылетать блестящие пылинки, растворяясь в пространстве. После этой недолгой паузы беседа продолжилась. По мере ее продолжения, Лестер и старуха перестали улыбаться, что навело Рагнера на мысль, что речь пошла о ярмских камнях. Старуха резко замолчала и с серьезным лицом подошла вплотную к старику. Она пристально посмотрела ему в глаза, словно пыталась в них что-то прочесть. Так она простояла, как показалось Рагнеру, не меньше минуты. И пока ведьма сверлила мага взглядом, у того на лицо не дрогнул ни один мускул. Затем рассмеявшись диким хохотом, старуха подошла к столу и что-то сказала Лестеру. Тот ей ответил и, увлекая за собой друга, вышел из этого жуткого помещения.

Оказавшись снаружи, Рагнер наконец-то смог вздохнуть спокойно. Он сел на коня, и собрался уже отправиться прочь отсюда, но вдруг заметил, что Лестер не последовал его примеру. Напротив, он принялся распрягать своего скакуна. Это не сулило ничего хорошего. Значит, они останутся здесь ночевать. Такая мысль привела Рагнера в ужас. Он ни под каким предлогом не хотел тут оставаться.

– Разве мы не отправимся дальше? – озадаченно спросил он.

– Нет. Нам придется тут заночевать, – спокойно ответил Лестер, продолжая заниматься своим делом.

– Заночевать? Тут? Ты серьезно? – Рагнер был просто вне себя. Ему нисколько не нравилась идея оставаться тут на ночлег.

– Да. А что тебя смущает? – удивился Лестер.

– Что меня смущает? Да я тут не останусь ни на минуту. У меня просто кровь в жилах стынет от этого места. Эта мерзкая старуха и эти ее всякие банки. Ужас! Больше ничего не могу сказать. А невыносимая вонь! Неужели ты ничего не почуял, оказавшись в логове этой старой ведьмы?

– Конечно, почуял, но из приличия не подал виду. В конце концов, я приехал к ней попросить о помощи в сложном деле. Кстати – она

обещала нам помочь. А потому, было бы крайне некрасиво демонстрировать, будто меня что-то не устраивает в ее жилище. А по поводу банок могу сказать тебе только одно – пусть они тебя не тревожат. К нам они никакого отношения не имеют. В конце концов, ничего страшного в этих банках не плавают. Расслабься. Тебе нечего бояться. Завтра утром уедем отсюда.

– Послушай, Лестер. При всем моем уважении, разве нельзя заночевать где-нибудь в другом месте? Давай уедем отсюда. Я тут не могу находиться.

– Куда ты хочешь ехать? – спросил Лестер с каменным лицом. Было видно, что никакие просьбы и мольбы не переубедят его.

– А разве эта старуха ничего тебе не сказала?

– Слезай с коня. Я тебе все объясню.

Рагнер тяжело вздохнул, но деваться ему было не куда, поэтому пришлось подчиниться.

– Присаживайся, – с этими словами Лестер уселся возле старухино дома.

Рагнер неохотно последовал его примеру.

– Я же тебе говорил, что порой, обращаюсь к этой ведьме за помощью. Кстати, забыл сказать – ее зовут Дарла. Она очень старая, и очень многое знает. Как оказалось, про ярмские камни тоже. И вот мои надежды оправдались. Она обещала нам помочь, причем совершенно безвозмездно. Меня это немного удивило, так как обычно она просит какую-нибудь плату. Но, в этот раз она решила ничего не брать. Хотя я даже не знаю, что я смог бы ей предложить.

– На каком языке вы болтали? Я ни слова не понял.

– Мёртвый язык. На нём говорили наши предки. Это дамгарский язык. Его почти никто не знает.

– И что же она тебе сказала?

– Она не может указать нам, где искать ярмские камни.

Эти слова сильно удивили Рагнера. Ну и зачем спрашивается тогда им тут торчать, если старуха ничего дельного не сказала? Никак Лестер лишился рассудка после беседы с этой Дарлой.

– Чего мы тогда тут ждем? – спросил Рагнер в недоумении.

– Она вызовет духа, который, по ее заверениям, должен указать нам путь.

– Что ж, прекрасно. И когда она вызовет этого духа?

– Дарла сказала, что лучше всего этот ритуал проводить ночью. Поэтому-то нам и придется тут остаться на ночлег.

– А почему ты не можешь вызвать этого духа? Ты же маг.

– Нет, мой дорогой Рагнер. Несмотря на то, что я маг, я не владею такими силами. Тут совсем другая магия.

Весь оставшийся день друзья провели на улице, несмотря на то, что их пару раз приглашала к себе в дом пообедать довольно милая светловолосая девушка. Откуда она взялась, для друзей так и осталось загадкой. Оба были уверены, что не видели ее в доме. В конце концов, оба сошлись во мнении, что тут не обошлось без колдовства. Рагнер ни под каким предлогом не хотел заходить в дом – на улице он чувствовал себя комфортнее. Лестер, оставив все попытки уговорить приятеля нормально поесть внутри хижины, остался с ним на улице. Расположились друзья на самом дальнем расстоянии от старухино дома – под огромным дубом, что находился на въезде на опушку. Там они и провели весь день. Рагнер все время лежал и даже попытался уснуть, но сон никак не приходил. Уж слишком ярким было впечатление от увиденного в доме ведьмы. Он лежал и, нахмурившись, смотрел на кончики деревьев, сливавшихся над ним в единую древесную паутину. Лестер решил немного пройтись и осмотреться. Не найдя ничего интересного вокруг, он последовал примеру друга. Устроившись недалеко от Рагнера, он в скором времени уснул, на зависть приятелю.

Наступила ночь темная и непроглядная. Рагнер почувствовал, как его кто-то теревит за правый рукав. Он открыл глаза и увидел перед собой улыбающееся лицо незнакомки. В руках она держала какой-то сверток. Не говоря ни слова, девушка уселась рядом. Рагнер, ничего не понимая, приподнялся на локтях и посмотрел туда, где должен был лежать Лестер. К своему удивлению он там никого не обнаружил.

– Не переживай. Он направился в дом Дарлы, – сказала незнакомка ласковым, мелодичным голосом. – Я принесла тебе поесть, – с этими словами она положила сверток и развернула его. Перед Рагнером оказалось несколько добротных кусков сыра, пара ломтей хлеба, пять вареных яиц и закрытая деревянная кружка. Удивленный и ничего не евший с самого утра Рагнер почувствовал, как у него потекли слюнки. Он принялся уплетать все, что перед ним лежало. Девушка, наблюдая за гостем, вдруг залилась громким смехом, обнажив белоснежные

зубы. Рагнер, нисколько не смутившись, продолжал есть. Наконец, когда все было съедено, он почувствовал, что во рту у него пересохло. Взяв кружку, он сделал небольшой глоток и, вскочив как ужаленный, тут же выплюнул все, что попало ему в рот. Напиток был настолько горьким и вяжущим, что его невозможно было пить.

– Что это такое? – все еще отплевываясь, спросил он.

– Вантанский чай, – сквозь слезы смеха ответила девушка.

– Какое мерзкое пойло. Его же невозможно пить.

– Это с непривычки. На самом деле он помогает восстанавливать силы и энергию.

– Ты права. Теперь я просто полон силы и энергии.

Рагнер собрал вещи, накинул на себя плащ, и собрался было идти в дом к старухе, но вспомнил, что забыл поблагодарить незнакомку. Он повернулся к ней, но никого не обнаружил, девушка исчезла, словно ее и не было. Тут дверь в хижину распахнулась, и из нее вышел маг.

– Ты чего такой серьезный? – обратился он к Рагнеру.

– Да так. Никак не могу привыкнуть к чертовщине, которая тут происходит.

– Нам нужно идти, – сказал Лестер.

– Куда?

– Сейчас начнется ритуал.

– Какой еще ритуал?

– Вызова духа.

– Я бы хотел его пропустить. Думаю, эта ведьма справится и без меня.

– Дарла настаивает, чтобы ты тоже присутствовал. Я пытался ей объяснить, что ты, вероятно, захочешь пропустить этот ритуал, но ее не переубедить. Так что выбора у тебя нет.

Рагнер закатил глаза и тяжело вздохнул. Он уже почти пожалел, что вообще поехал с Лестером искать эти проклятые камни. Сидел бы сейчас у себя дома, в деревне. И зачем он во все это ввязался? Но отступить было поздно. Поднявшись с места, Рагнер поплелся за другом.

Ритуал вызова духа проходил за домом старухи, на небольшой вытоптанной поляне, среди которой горел костер. Старуха сыпала темный порошок вокруг огня, произнося заклятья. Покончив с этим, она достала нож и, подойдя к Рагнеру, жестом попросила вытянуть

руку. Тот отпрянул от старухи, словно от раскаленного куска железа. Однако, заметив, что Лестер кивает ему, он неохотно повиновался. Одним резким движением, ведьма сделала порез, улыбаясь при этом самой безумной улыбкой на свете. Спрятав нож, она потянула Рагнера вслед за собой, увлекая его прямо к костру. Оказавшись у огня, старуха вытянула порезанную руку над огнем и сильно сдавила ее. Темная струйка потекла прямо в огонь. Затем ведьма отпустила Рагнера и принялась танцевать вокруг пламени, изгибаясь при этом в самых различных позах. Вскоре незнакомка, которая недавно угощала Рагнера едой, подошла к старухе и протянула той живую курицу. Ведьма, выкрикивая что-то, схватила ее и, обезглавив, швырнула в огонь. От этого пламя разгорелось еще ярче, а в воздух повалил фиолетовый дым. Старуха села на колени и продолжила читать заклятья, трясая при этом головой. Но вот пламя внезапно вспыхнуло, обдав жаром друзей, и погасло. Ведьма, вытянувшись во весь рост и раскинув руки в стороны, воспарила и зависла над землёй.

– Кто вы такие? – спросила старуха звериным голосом. Рагнер почувствовал, как по его телу бегут мурашки. Лестер тоже немного растерялся, но все-таки смог ответить:

– Мы ищем ярмские камни.

– Смертные, для чего вы ищите проблемы? Неужели вам не живется спокойно? Оставьте это зло.

– Наши враги похитили вестермскую книгу. Если мы не найдем камни раньше них, то зло, о котором ты говоришь, вырвется наружу.

Воцарилась небольшая пауза. Затем голос продолжил.

– Я все вижу. Слушай меня, маг. Зло уже пробудилось. Грядут великие перемены. Скоро мир изменится до неузнаваемости. Фильнийский трон трещит под своим королем. Вестермская книга оказалась у врагов, но у тех ли, о которых ты думаешь? – дух засмеялся жутким смехом. – Вы такие смешные. Этот мир погружается во мрак. Кругом предатели. Вы ступили на опасный путь, который может стоить жизни.

– Скажи мне все, что ты видишь, – потребовал Лестер.

– Всему свое время, маг. Грядет тот, кто сдвинет чашу весов. Тот, о ком давно слагают страшные легенды. Тьма окутает этот мир, – затем немного помолчав, голос вовсе начал говорить что-то совсем уж непонятное, – То, что должно произойти – произойдет. То, что должно

сбыться – сбудется. И ты никак не сможешь этому помешать. Это было задумано еще до существования этого мира.

– Ответь, где спрятаны ярмские камни?

– Хорошо. Я скажу тебе. Направляйся туда, где живут лошади, но не лошади. Кони, но не кони. Люди, но не люди. Когда ты найдешь первый камень, он укажет тебе путь к остальным.

– Благодарю тебя, дух. А теперь уходи, – после этих слов подул сильный ветер, старуха упала на землю, а огонь снова вспыхнул, будто и не гаснул никогда.

Друзья немного постояли, глядя на лежавшую на земле ведьму, которая не подавала никаких признаков жизни.

– Умерла? – спросил Рагнер.

– Нет. Я так не думаю. Видимо, ритуал отнял у нее много сил. Скоро она придет в себя.

Через несколько минут старуха и вправду начала шевелиться. Лестер кинулся к ней, чтобы помочь встать. Рагнер, немного помедлив, решил присоединиться к другу. Ведьма действительно обессилела настолько, что друзьям пришлось занести ее в дом. Правда, Рагнер, прежде чем войти туда вновь немного колебался, но поймав себя на мысли, что держать эту отвратительную старуху ему хотелось не больше, чем заходить к ней, он решил, что лучше поскорее ее занести и по-быстрому убраться на улицу. Так и поступили. Войдя в дом, друзья обнаружили ту самую блондинку, которая подавала ведьме курицу. Увидев, что они держат ослабевшую старуху, она кинулась к ним, и, к удивлению Лестера и Рагнера, взяла ее на руки и куда-то унесла. Друзья переглянулись и вышли из дома.

Оставив старуху на незнакомку, приятели направились к тому самому дубу, под которым отдыхали днем. Рагнер хотел прилечь, но поведение Лестера, принявшегося запрягать коня, заставило его передумать и последовать примеру друга.

– Разве ты не хотел тут заночевать? – спросил Рагнер.

– Я передумал. Нам надо быстрее уехать. Выедем из леса и заночуем где-нибудь недалеко от дороги. А рано утром отправимся в путь.

– Почему ты так торопишься? – удивился Рагнер.

– Я тебе позже все объясню. Сейчас не хочу тратить на это время.

– Как скажешь.

В скором времени путники покинули Квусценский лес. Отъехав от него на несколько километров, они разбили лагерь. Лестер, благодаря магии, развел костер. Рагнер расстелил плащ, улегся на него и вскоре уснул сном младенца. Чего нельзя было сказать о его друге. Он полночи ворочался, потому что из его головы никак не выходили слова, сказанные духом. «Трон Фильнии трещит», что это могло значить? Вестермская книга у врагов, тут дух был прав, но он сказал, что она не у тех врагов, о которых думает Лестер. Но у кого тогда? Кому еще она могла понадобиться? Слишком много вопросов, на которые пока нет ответа.

Глава 7

В Ландрсмите ясным солнечным днем на белом коне с длинной гривой в сопровождении охраны по центральной улице ехал король. Он направлялся на прогулку за город. Впереди, на гнедом коне, ехал начальник охраны его величества Марфус. Позади Милата, выстроившись в две колонны по пять всадников, ехала остальная охрана. Все в серебряных доспехах со шлемами в виде головы льва. Сам король одет в красное трико с синей туникой, поверх которой был шерстяной коричневый плащ.

Проехав по центральной вымощенной брусчаткой улице до самых ворот, колонна пустила лошадей в галоп и покинула город, направившись на восток. Король мчался, все сильнее прищипывая скакуна, чувствуя, как холодный осенний ветер развеивает его темные волосы. Проехав поля, вскоре король со своей охраной въехал в лес. Тут Милату пришлось сбавить скорость, так как дорога стала уже, и можно было пораниться, зацепившись за корявые сучья деревьев, которые давно сбросили последнюю листву, ожидая наступления зимы.

Съехав с дороги, король направил коня в глубокую лесную чащу. Ветки цеплялись и царапали ему руки в кровь, но он продолжал ехать. Коню становилось все труднее идти. В скором времени король спешился и, приказав охране дожидаться его на месте, направился вглубь леса один. Ломая ветки и отдирая от себя колючки, Милат наконец-то выбрался на небольшую поляну, где стоял человек в синем плаще, с наглухо закрывавшим его лицо капюшоном. Король направился к нему. Незнакомец, заметив приближающегося монарха, пошел ему на встречу. Преодолев разделяющее их расстояние, они встретились в самом центре поляны.

Незнакомец снял капюшон, и перед королем оказался седой старик. Его лицо, испещренное глубокими морщинами, с правой стороны от скулы до уголка губы пересекала розовая полоска шрама. Взгляд серых глубоко посаженных глаз приветливо устремился на Милата. Поздоровавшись, оба неторопливым шагом, как бы прогуливаясь, направились на противоположную сторону поляны.

– Сегодня чудесная погода, не правда ли? – заговорил незнакомец приятным баритоном.

– Да, на небе ни облачка. И, несмотря на глубокую осень, сегодня довольно тепло. Отличный повод прогуляться по лесу. Тут так хорошо и спокойно.

– Не то, что во дворце? – улыбнулся старик.

– Во дворце мне, конечно, нравится, но природу я люблю не меньше.

– Да, тут ты прав. Уединение с природой, позволяет очистить мысли и ощутить полную свободу. Дышать полной грудью, – незнакомец остановился и посмотрел королю в глаза. – О природе можно говорить много красивых слов, но ведь ты не за этим позвал меня сюда, верно?

– Ты прав, Юлий. Не за этим, – ответил король, возобновляя движение.

– Я слушаю тебя.

– Ты много лет верно служил моему отцу, – не сразу начал король. – Ты многое повидал. При тебе завоевывались земли и строились новые города. Мой отец всегда мог положиться на тебя в трудную минуту. – Король замолчал.

Старик продолжал некоторое время идти молча, о чем-то думая.

– Да, я долгое время был придворным магом и верно служил твоим предкам, Милат. Тебя я помню с младенчества. Когда ты был совсем маленьким, ты часто просил меня, чтобы я наколдовал тебе какую-нибудь зверушку, – старик улыбнулся.

– Да, только отцу это почему-то не нравилось.

– Для меня до сих пор остается загадкой, почему он был против этого. Однако я полагаю, мы же встретились не для того, чтобы придаваться воспоминаниям. Раз ты захотел встретиться в лесу, тебе надо поговорить со мной о чем-то серьезном, при этом ты не хочешь, чтобы нас видели посторонние люди, – подметил старик, а затем добавил. – Я все верно сказал?

– Вернее и быть не может, – Милат кивнул.

– Тогда начинай.

Между тем путники прошли поляну до конца. Король остановился и прислонился спиной к дереву. Юлий последовал примеру Милата и, скрестив руки на груди, устремил серые глаза на короля.

– Мне нужен твой мудрый совет, Юлий. Я не знаю, как правильно поступить. – Милат замолчал на секунду. – Я хочу поговорить с тобой

о Верховном совете. Я считаю, что его нужно распустить. Вот только не знаю, стоит ли это делать или нет.

– Я знал, что когда-нибудь подобные мысли появятся у королей, – задумчиво заговорил Юлий. – Это был всего лишь вопрос времени.

– Мне не совсем ясно, что ты имеешь в виду.

– Я помню, как твой отец создал этот совет. Я даже состоял в нем. И должен сказать тебе, что уже тогда в его состав входили далеко не самые светлые умы Фильнии.

– Продолжай.

– Твой отец был хорошим королем, но в людях он порой ошибался. Жаль, что его жизнь так рано оборвалась, – Юлий тяжело вздохнул. – Твой отец создал совет, чтобы умные, талантливые люди помогали ему править страной. Но, к сожалению, они быстро вошли во вкус, и король не успел заметить, как Верховный совет обрел силу. Этих людей поглотила жажда власти и, в скором времени, ни одно решение в стране не принималось без их участия. Я не раз пытался донести это до твоего отца, но он не хотел меня слушать. Король считал, что эти советники отлично справляются, потому что они умело пускали ему пыль в глаза, – Юлий ненадолго замолчал. – И вот теперь, спустя десять лет после его смерти, ты приходишь ко мне за советом. Какая ирония жизни.

– Значит, ты считаешь, что я приму правильное решение, если распущу совет?

– Трудно быть королем и управлять такой большой страной как Фильния, – начал философствовать старик. – Путь короля весьма тернист. Потому что он несет непосредственную ответственность перед своим народом. Любая ошибка может дорого ему обойтись. Всегда помни об этом.

– Я уже давно пришел к выводу, что сам должен править страной, как это делали все мои предки, – твердо заявил Милат. В его голубых глазах загорелся огонек, не ускользнувший от старика.

– Если ты считаешь такое решение правильным, значит поступай именно так.

– Спасибо тебе, Юлий. Я услышал от тебя то, что хотел. Ты и впрямь очень мудр. Теперь я твердо уверен, что необходимо делать. Но мы заболтались. Мне пора ехать.

– Как же, как же. Государственные дела откладывать нельзя, – улыбнулся старик.

Король обнял на прощание Юлия и, повернувшись, направился в ту сторону леса, из которой вышел. Пока он шел, старик смотрел ему в след, и в его голову почему-то закрались тревожные мысли. Непонятно по какой причине он почувствовал, что видит Милата в последний раз. Но вот монарх скрылся среди деревьев, и Юлий тоже решил удалиться с того места, где еще минуту назад он разговаривал с королем. Он достал из-под плаща мех с водой. Открыл его и принялся выливать ее на землю. Когда образовалась небольшая лужа, старик спрятал мех и достал кожаный мешочек. Юлий высыпал себе на ладонь немного блестящего порошка и бросил в лужу. Прочитав заклинание, он прыгнул в лужу и тут же исчез.

Милат вернулся во дворец в очень хорошем настроении и с разыгравшимся аппетитом. Оказавшись в своих покоях, он приказал подавать обед. Обедал король в просторной столовой с мраморным полом и вырезанными в стенах колоннами. На полу лежал большой овальный ковер бордового цвета с золотым узором, на котором стоял дубовый стол с резными ножками. Милат уселся на мягкий обитый бархатом стул и принялся за еду. Сначала он съел несколько вареных свёкл в прикуску с хлебом. Затем, подцепив вилкой большой и сочный кусок свинины, стал уплетать ее, чувствуя, как жир стекает по его губам. Проглотив, первый кусок мяса и запив несколькими глотками вина, король принялся за второй. Милат проглотил его, как и первый, даже не заметив. Лишь после третьего куса жареной свинины, король почувствовал насыщение. Допив кубок вина, он знаком приказал слуге, стоявшему все это время за спиной Милата, налить еще. Осушив и его, король вытер салфеткой рот, поднялся со стула и довольный отправился в свой кабинет.

Кабинет Милата представлял собой просторное, роскошно обставленное, помещение. Первое, что бросалось в глаза, был резной стол из красного дерева, на котором стояли два канделябра, с пятью разветвлениями в виде львиных пастей из которых торчали свечи. По центру между ними находилась чернильница с гусиным пером. Справа от стола возле стены возвышался дубовый шкаф со стеклянными дверьми, на полках которого стояли толстые книги в коричневом переплете. Напротив стола, возле входной двери по-хозяйски

расположился огромный камин, на котором красовались две небольшие мраморные статуи в виде нагих женщин. На противоположной стене от шкафа висел портрет в золотой раме, изображавший Милата на белом коне. На потолке висела огромная позолоченная люстра с подсвечниками в виде роз.

Король сидел в мягком, обитом парчой кресле и читал книгу. Смеркалось. В камине приятно потрескивал огонь. Гуно лежал у ног хозяина и дремал. Перевернув очередную страницу, Милат вдруг расхотел читать. Закрыв книгу, он стал обдумывать сегодняшний разговор с Юлием, о котором в течение половины дня старался не вспоминать, откладывая это занятие на вечер. Старик поддержал короля, и, как ему показалось, немного обрадовался, когда тот сказал, что хочет распустить Верховный совет. Это еще сильнее разожгло желание и стремление короля. Он был готов сделать это прямо сейчас, но решил отложить до утра.

Милат наклонился и потрепал спящего пса за ухом, разбудив его. Гуно посмотрел на хозяина сонным взглядом, затем поднялся и лизнул того в лицо. От этого король принялся чесать ему грудь, делая при этом комплименты. Пес, будто понимая слова Милата, сидел, гордо запрокинув голову, и высунул язык.

В дверь постучали. Монарх, не прекращая чесать собаке, разрешил войти. На пороге оказался Валмер и еще двое мужчин. Первый – высокий смуглый красавец с длинными черными волосами. Второй низкий упитанный с небольшой бородкой и маленькими глазенками.

– Что-то случилось, Валмер? – озадаченно спросил король, прекращая свое занятие.

– Да, ваше величество, – с тревогой в голосе ответил тот. – Этот человек прибыл от Вагрела, – Валмер указал рукой на низкого мужчину. – А этот...

– Я помощник наместника Фэйтона, ваше величество, – перебил говорившего длинноволосый, опустившись на правое колено перед королем и склонив голову в поклоне.

– Поднимитесь, – приказал король, но длинноволосый не смог пошевелиться, словно врос в пол.

– Поднимитесь же, прошу вас, – повторил Милат.

Сделав усилие над собой, и преодолевая боль в ноге, мужчина поднялся.

– Как вас зовут? – спросил король.

– Меня зовут Алан, ваше величество, – ответил длинноволосый.

– Так вы из крепости Пирс, я правильно понял? – спросил Милат.

– Верно, ваше величество.

– Ну что ж, в таком случае вас я выслушаю первым.

– Ваше величество, крепость Пирс пала, – с какой-то грустью произнес Алан.

От этих слов у Милата екнуло сердце. Внутри что-то оборвалось, и он вдруг почувствовал небывалую доселе острую боль в груди. Его лицо постепенно стало вытягиваться в овал, а морщинки у глаз разгладились. Валмер хоть уже и догадывался, что сейчас сообщат королю, все равно был поражен только что прозвучавшими словами. Он раскрыл от удивления рот и посмотрел сначала на Алана, а затем остановил взгляд на короле.

– Как это случилось?! – почти крикнул Милат, все еще не до конца придя в себя.

– Я до сих пор не могу понять, ваше величество. Мы два дня стойко сдерживали врага, вновь и вновь, опрокидывая братнических солдат с наших стен. На вторую ночь произошло что-то неслыханное. Вражеская армия, во много раз превосходящая нас числом, внезапно ворвалась в крепость, и принялась крушить и убивать всех, кого только можно было. Мы были застигнуты врасплох, и к утру крепость пала, – Алан прекратил рассказ.

Милат сидел с серьезным лицом, нервно постукивая пальцами по столу.

– Где сейчас находится наместник Фэйтон?

– Погиб в бою, – вздохнул Алан.

Эти слова больно кольнули Милата в сердце. Он хорошо знал наместника и глубоко уважал его.

– А как же вам удалось спастись? – спросил король.

– Я был дважды ранен в бою. Я не сбежал, ваше величество, – поспешил пояснить Алан. – Меня и остальных уцелевших отпустили.

– Что ж, король Бренер, видимо, не до конца растратил свое благородство, – ядовито заметил Милат. – Значит, братнищцы ворвались в крепость ночью?

– Именно так, ваше величество.

– Неужели часовые не подняли тревогу? – удивился Милат.

– Нет, ваше величество. Ни один часовой не успел поднять тревогу. Все проснулись от лязга оружия и криков солдат.

– И все же я не могу понять, как братнийцы смогли ворваться в крепость? Неужели им кто-то открыл ворота?

– Ваше величество, это исключено. Я готов поклясться жизнью, что ни один из защитников крепости не пошел бы на такое.

Милат почувствовал резкую боль в голове, словно кто-то внутри черепа стал бить молотком. Он прикрыл глаза и вдруг понял, что ужасно устал. Какое-то бессилие вместе с этой резкой болью в голове накрыло его невидимой пеленой.

– Ладно, ответьте, вы сразу же отправились, чтобы известить меня? – спросил он, открыв глаза.

– Да, ваше величество, но по дороге я встретил войска, направлявшиеся к нам на помощь. Тогда я попросил солдат, чтобы они отвели меня к главному командиру.

– К Вагрелу? – спросил король.

– Да, ваше величество. Встретившись с ним, я все ему рассказал.

– И что он сделал?

– Поначалу хотел продолжить поход и выбить братнийцев из крепости. Но когда он узнал, что их там десятки тысяч, то передумал и направил к вам этого человека, – Алан указал на низкорослого мужчину, стоявшему все это время неподвижно и не проронившему ни слова, в ожидании, когда ему прикажут говорить.

– А как же тогда вы тут оказались? – удивился Милат.

– Я попросил у господина Вагрела разрешение тоже поехать к вам, чтобы рассказать все лично.

– Что ж, с вами все более-менее ясно, – заключил король. – Теперь перейдем к вам, – он посмотрел на низкорослого.

– Ваше величество, – послышался в ответ тонкий голосок, – мне велено передать вам это, – в руках говорившего оказалось письмо.

Король знаком приказал подать конверт. Развернув его, Милат принялся читать. Содержимое письма было следующим: «Ваше величество! С прискорбием сообщаю Вам, что крепость Пирс пала. Подробности вам сообщит молодой человек, которому удалось выбраться из крепости, сохранив при этом жизнь. Вверенные мне

войска сейчас находятся на перепутье двух дорог. Одна ведет в город Батсония. Это большой и хорошо укрепленный город. Если враг двинется туда, то его жители смогут продержаться несколько дней, до прихода подкрепления. Вторая дорога ведет в город Керсабор. Этот город более значительный со стратегической точки зрения, и, несмотря на то, что в нем довольно сильный гарнизон, необходимо в первую очередь защищать его. Поэтому считаю крайне необходимым занять город Керсабор. Однако Ваше величество может считать иначе, поэтому с нетерпением жду Вашего скорейшего ответа».

Дочитав письмо, Милат свернул его и, взяв пергамент, написал всего несколько слов: «Ни в коем случае не допустите падения Керсабора». Затем в его голове мелькнула мысль о необходимости посоветоваться с членами совета, но король быстро ее прогнал, посчитав, что он сам прекрасно может справиться без какой-либо помощи. В конце концов, он тут король! Лишь он несет ответственность перед своим народом. К тому же, все очевидно. Вагрел все сам прекрасно рассудил.

– Господин Алан, вы ведь говорили, что вас дважды ранили, верно? – спросил король.

– Именно так, ваше величество.

– Я полагаю, ваши раны еще не успели зажить. Отправляйтесь в лазарет, и как следует, вылечитесь. Вы сами сможете добраться до него?

– Да, ваше величество.

– Спросите у кого-нибудь из слуг. Они вам обязательно объяснят дорогу. Как только поправитесь, возвращайтесь во дворец. Я определю вам дальнейшее место службы.

– Для меня это огромная честь ваше величество, – Алан вновь опустился на колени, преодолевая жгучую боль в ноге.

– Ступайте, – произнес Милат.

Алан поднялся, и хромя на правую ногу, удалился из кабинета короля.

Милат завернул письмо, скрепив его своей печатью.

– Немедленно отправляйтесь к Вагрелу и вручите ему это, – король протянул пергамент гонцу.

Тот низко поклонился и удалился из кабинета Милата.

– Ваше величество, – заговорил Валмер. – Прикажете созвать совет?

– Нет. В этом нет никакой необходимости. Я и без совета могу справиться, – заявил Милат.

– Какие будут приказания? – склонив голову, спросил Валмер.

– Никаких. Можешь идти, – Валмер почтено поклонился и покинул кабинет короля.

Поздним вечером, когда весь город готовился ко сну, гонец Вагрела выехал из Ландрсмита, все сильнее прищипывая коня. Он мчался во весь дух, стараясь как можно быстрее доставить господину королевское послание, от которого мог зависеть исход войны. Он даже не мог предполагать, что ровно через пятнадцать минут вслед за ним выехал всадник, чье имя и внешность никому не известны. Он тоже нещадно гнал лошадь, стараясь как можно быстрее догнать гонца.

Глава 8

После заседания Верховного совета, проходившее во дворце короля по случаю тревожных вестей из крепости Пирс, Трэйтор был в самом плохом расположении духа. И было из-за чего. По мнению Трэйтора, Милат уж слишком резко высказался в адрес членов совета и, более того, король, по его мнению, вел себя неуважительно и нахально. Ведь это уму непостижимо, чтобы с ним, с благородным человеком, который трудится на благо страны не покладая рук, разговаривали подобным тоном.

Своими переживаниями Трэйтор поделился с младшим братом Генри, который приехал к нему сразу же после окончания заседания. Генри был полной противоположностью брата. Трэйтор – высокий красивый мужчина с острой треугольной бородкой и темными, коротко постриженными волосами. А крючковатый нос придавал более мужественный вид владельцу. Генри же, напротив, среднего роста, с короткими зачесанными каштановыми волосами с некрасивым рябым лицом, которое венчал огромный нос, делавший владельца еще уродливее.

Генри поинтересовался у брата о том, что случилось, и тот ему охотно рассказал про надвигающуюся войну с братнидцами и с особым жаром пожаловался на короля. Генри внимательно все выслушал и, прищутив черные, как смоль, хитрые глазенки, сказал:

– Похоже, Милат что-то задумал. Уж не хочет ли он распустить совет?

– Ах, мой дорогой брат. Клянусь тебе, что та же самая мысль посетила меня буквально перед твоим приездом, – заметил Трэйтор. – Времена, когда совет что-то значил в этой стране, прошли, – горько подытожил он. – К тому же Валлаход на заседании высказал такую же мысль. Он думал, что нас сегодня всех созвали как раз для того чтобы распустить. Многие не верят в это. Думают, у Милата не хватит духу сделать что-нибудь подобное.

– Милат захотел править сам, – скрестил на груди руки Генри. – Похоже, мальчик вырос и набрался смелости. Это очень безрассудно с его стороны. Не думал, что он настолько глуп.

– Он вовсе не глуп, мой дорогой брат. Распустив совет, он сосредоточит в своих руках всю власть. Какая же тут глупость?

– Но ведь члены совета могут поднять против него бунт, – с пылом произнес Генри. – Он должен понимать, какой политический вес имеет совет в стране.

– Уверяю тебя, никаких бунтов против короля никто поднимать не станет. Надвигается война, и ни один член совета не выступит против монарха в такое тяжелое время. А когда война закончится победой, то никто не посмеет упрекнуть короля в том, что он распустил совет и одолел врага. Думаешь, Милат этого не понимает? Как бы ни так, Генри. Король давно зуб точит на нас. Последние несколько лет на каждом заседании он очень резко высказывается в наш адрес. Я полагаю, он в скором времени решится и положит конец существованию Верховного совета.

Наступило молчание. Трэйтор сидел в кресле и нервно вертел в руках кубок с вином, а Генри, прислонившись к стене, стоял со скрещенными на груди руками. В комнате стало так тихо, что если бы захотела пробежать мышь, то она была бы тут же обнаружена.

– У меня есть идея! – воскликнул Генри.

Трэйтор перестал вертеть кубок в руках и поднял взгляд на брата.

– Ты сказал, что ни один член совета не посмеет поднять бунт против короля во время войны, – в темных глазах Генри блеснул недобрый огонек.

– Так, – подтвердил Трэйтор.

– Мы можем на этом сыграть.

– Как?! – нетерпеливо, почти выкрикнул Трэйтор.

– Что если мы докажем совету, что король бездарный и не может вести войну? Покажем им, что он своими безумными идеями ведет страну к гибели.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – Трэйтор вдруг весь загорелся, да так, что его щеки покраснели. – Эта отличная идея. Если мы покажем, что король не может вести войну, то совет обязательно выступит против короля.

– И поддержит тебя.

– И тогда власть будет в наших руках, – Трэйтор настолько воодушевился, что уже даже представил себя на королевском троне.

– Только есть одна проблема, – эти слова вырвали Трэйтора из прекрасного королевского дворца и вернули к себе в кабинет. – Как мы все это продедем?

Вполне справедливый вопрос. Ведь представить себя во дворце еще не означало оказаться там на самом деле. Нужно было что-то сделать, чтобы мечты стали реальностью. И в том-то и была вся загвоздка, что ни Генри, ни Трэйтор не знали, с чего необходимо начать. Ведь для того, чтобы повернуть такой нелегкий замысел, нужно знать, как складывается обстановка на войне и какие решения принимаются во дворце. А это невозможно. Трэйтор, и тем более его брат, не мог просто так явиться во дворец без приглашения короля. А вероятность того, что Милат пригласит хоть одного из братьев, ничтожна. То же самое ограничение касалось и всех остальных членов совета. Никто не мог прийти во дворец без приглашения монарха. Подкупить кого-то из придворных так же нереально, как и снег в жаркий летний день. Дело в том, что король мало кому доверял во дворце. Единственный человек, который мог быть в курсе всего, что происходит там, Валмер. Но и этот вариант тоже никуда не годился, так как Валмер предан королю так же, как и верный пес Гуно. Стоит Трэйтору только заикнуться о своих планах, как об этом тут же узнает король. Получалась какая-то неразрешимая задача. Выходило, что Милат скрыт со всех сторон, и к нему никак не подобраться. Весь план заговорщиков терпел фиаско в зародыше. Братья весь вечер пытались что-то придумать, но ничего не выходило. Генри решил ехать домой, когда часы давно перевалили за полночь. Уговоры Трэйтора остаться он игнорировал, но пообещал, что как только что-то придумает, то сразу же сообщит. Генри уехал к себе, оставив брата еще более раздраженным, чем в самом начале встречи.

Прошло несколько дней, а настроение Трэйтора никак не улучшалось. Целые дни он не выходил из дома, сидя у себя в кабинете и размышляя. Он пытался придумать какой-нибудь способ разрешить проблему, которая перечеркивала все его планы. Но как назло, решение никак не приходило ему в голову. Трэйтор даже стал плохо спать по ночам. Он подолгу не мог уснуть, но когда ему все-таки удавалось это сделать, сон его был не долгим и прерывистым. Трэйтор будто находился между сном и реальностью. И все это время он пытался что-то придумать. Ему казалось, что он вот-вот найдет подходящее

решение. Даже будто бы оно уже найдено, просто он его забыл и никак не мог вспомнить. Но это была лишь иллюзия. В конце концов, Трэйтор стал думать, что ничего у него не выйдет и его уверенность в себе стала потихоньку иссыхать, пока не произошел один случай.

Однажды вечером Трэйтор, как это завелось у него в последние дни, сидел у себя в кабинете напротив жаркого камина, погруженный в размышления. На столе был накрыт ужин, к которому он за весь вечер даже не притронулся. Впрочем, в последнее время он ел мало. За окном давно стемнело, и его кабинет освещало лишь пламя из камина, порождая игру теней на деревянном полу. Трэйтор сидел так довольно давно, ничего не замечая вокруг. Наконец большие напольные часы пробили десять, вырвав боем Трэйтора из размышлений. Он бросил взгляд на портрет отца, который висел над камином, тяжело вздохнул и поднялся с кресла, ощущая тяжесть в спине. Он выпрямился, несколько раз согнулся, разминая поясницу, затем, медленно побрел прочь из кабинета в спальню.

Когда он шел по коридору, то ощутил всю прелесть многочасовых посиделок в кресле. Ноги затекли, и поэтому он ими еле-еле перебирал. Трэйтор ощущал себя многолетним стариком, у которого давно болят колени, а от старости ломит спину. Но Трэйтор вовсе не стар. По крайней мере, по годам. Ему всего лишь тридцать два года. Но вот душой ... Душой, казалось, он постарел лет на пятьдесят. Последние дни его слишком вымотали. Он никак не мог смириться с мыслью, что власть так легко ускользнет из его рук, и его род перестанет что-то значить в стране.

Трэйтор вошел в спальню, разделся и лег в постель. И снова его стала безжалостно мучить бессонница. То ему в голову приходили всякие мысли, то подушка не так лежала, то постель была слишком теплой. Проворочался он еще добрых пару часов, прежде чем смог, наконец-то, уснуть.

Сознание Трэйтора было на границе двух миров: между сном и явью. И он готов был отдать все что угодно, чтобы эта граница стерлась. Как же он вымотался от этих бессонных ночей. Нет ничего хуже, чем пребывать в состоянии, когда ты находишься на границе сна и реального мира. Трэйтору, наконец, удалось уснуть, но его сон был настолько хрупким, что любой шорох разрушил бы его, заставив его снова ворочаться и страдать. Так и случилось. Трэйтор проснулся, но

не от шороха. Ему показалось, что его кто-то позвал. Он ненадолго открыл глаза, затем перевернулся на другой бок и опять попытался уснуть. Но тут вновь послышалось, как кто-то зовет его по имени. Трэйтор снова открыл глаза и сел на постели, изо всех сил напрягая слух, пытаясь понять, уж не почудилось ли ему все это. Как оказалось – не почудилось, да и бессонница, на которую он тоже грешил, была тут не причем. Вскоре он четко услышал, как какой-то бас далеким эхом называет его имя. Страх ледяными щипцами схватил сердце Трэйтора, так что ему стало тяжело дышать. Но он относился к той категории людей, которые не могут долго поддаваться страху, поэтому, когда он услышал свое имя в очередной раз, он взял себя в руки, встал с постели, зажег свечу и пошел искать место, откуда доносился голос.

Трэйтор вышел из спальни и замер, ожидая, когда его позовут снова. Долго ждать не пришлось. Он услышал эхо баса, звучавшее теперь намного громче и отчетливее. К тому же ему удалось определить место, откуда он звучал. Трэйтор направился к своему кабинету. Несмотря на свою храбрость, он, оказавшись у дверей, остановился в нерешительности. Но, вскоре, он опять услышал голос, зазывавший его. Глубоко вдохнув, Трэйтор вошел в кабинет.

Когда он открыл дверь, его ослепил ярко-синий свет, да так, что ему пришлось закрыть глаза руками, при этом он чуть не выронил свечу. Свет неожиданно померк, и Трэйтору удалось осмотреться. В кабинете ничего не изменилось: стол, кресло, книжный шкаф по-прежнему стояли на своих местах, за исключением того, что огромное зеркало, которое висело на стене, сияло синим светом. Трэйтор медленно вошел в кабинет, не сводя с него удивленного взгляда. Пройдя пару метров, он остановился, в ожидании вновь услышать голос, который его сюда привел. Этого не случилось. Вместо голоса в зеркале появилась темная фигура в капюшоне.

– Приветствую тебя, Трэйтор, член Верховного совета Фильнии, – прогудел голос, словно из трубы. У Трэйтора возникло странное ощущение, что он не в первый раз его слышит.

– Кто ты? – спросил он, не подавая виду, что такое приветствие зацепило кровоточащую рану.

– Я твой друг, Трэйтор, – прогудел в ответ голос. И снова Трэйтору он показался знакомым, словно он его уже где-то слышал, но где – никак не мог вспомнить.

– Откуда ты меня знаешь? – недоверчиво спросил он.

– Неправильные вопросы задаешь, хоть ты и не глупый человек, – начала гудеть в ответ фигура в зеркале. – Не важно, откуда я тебя знаю. Гораздо значительнее, что я о тебе знаю и для чего к тебе явился.

Трэйтор почувствовал, как что-то обожгло его руку. Оказалось, что это воск капает со свечи. Он подошел к столу и поставил подсвечник.

– И что же ты обо мне знаешь? – с усмешкой спросил он.

– Я знаю, чего ты желаешь всем своим сердцем. Ты так этого хочешь, что пойдешь на все ради достижения цели.

– Правда? И что же я, по-твоему, желаю? – спросил Трэйтор с долей сарказма в голосе. Однако сарказм был лишь оболочкой. В душе своей он понимал, к чему клонит эта фигура в зеркале. Но он решил притвориться, что не понимает о чем идет речь и, таким образом выпустить скопившуюся в нем за несколько дней злобу.

– Не валяй дурака, Трэйтор. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, – резко ответила фигура в зеркале. – Но если ты так хочешь, я скажу тебе. Милат, как ты и сам уже догадался, собирается распустить совет. И он это сделает в ближайшем будущем. Ведь ему ничего не стоит издать указ и тут же его подписать. И выбросить тебя вместе с твоим братом на задворки Фильнии, лишив при этом власти и влияния.

При этих словах у Трэйтора вздулась вена на виске, а скулы так напряглись, что они стали похожи на два небольших камешка. Он почувствовал, как внутри него все закипает,

– Что ты хочешь от меня? – он еле сдерживал ярость.

– Я вижу, ты злишься, – насмешливо прогудел голос, – а это, между прочим, очень даже зря. Ты ведь сам спросил меня, вот я и ответил. Но оставим это. Ответчу на твой последний вопрос. Я хочу лишь одного – помочь тебе взять власть в свои руки.

– Очень уж это подозрительно, – полностью овладев собой, ответил Трэйтор. – Уж не подослал ли тебя Милат?

– Справедливое замечание, – прогудел голос. – Но королю нет до тебя никакого дела. К тому же, Милат не стал бы так изощряться.

– Может, ты и прав, – по-прежнему недоверчиво предположил Трэйтор. – Ты сказал, что хочешь мне помочь. Я внимательно тебя слушаю.

– Крепость Пирс пала под натиском братнейских войск, – эти слова стали для Трэйтора громом среди ясного неба. Он понял, что сейчас

слышит то, что хотел услышать последние несколько дней.

– Вагрел, вместе с королевским войском, находится сейчас в нескольких днях пути от крепости. Весть о захвате Пирс застала его на перепутье между городами Батсония и Керсабор. Вагрел принял решение двигаться в Керсабор, так как этот город наиболее предпочтительная цель для врага. Но он еще не двинул свои войска, так как ждет подтверждение от короля через гонца, который прибудет во дворец с письмом от Вагрела завтра вечером.

Трэйтор все это слушал очень внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Он будто сам превратился в одно большое ухо, вслушиваясь во все, что ему говорила фигура в зеркале. Внутри у него все ликовало. Это был невероятный подарок судьбы. Когда голос закончил говорить, в голове Трэйтора уже зародился коварный план.

– Откуда тебе все это известно? – удивился он.

– Это не важно. Я многое знаю, как ты уже понял, – ответила фигура в зеркале. – Ты хотел знать, что творится на поле боя, я тебе сообщил. Теперь дело за тобой. Советую тебе не упустить свой шанс. Второго может и не выпасть. Да, и еще кое-что, – спохватился говоривший, – с послем едет еще один человек. Он был в Пирс, но ему удалось уцелеть. Пусть он тебя не смущает. – После этих слов зеркало на короткий миг вспыхнуло невыносимо ярким светом и погасло, превратившись в самое обыкновенное зеркало. Не было больше в нем никакой темной фигуры. Только отражалась догоравшая свеча, и Трэйтор, словно призрак, выглядывающий из крошечной тьмы.

Оказавшись в спальне, Трэйтор даже не думал вновь лечь в постель. Он принялся расхаживать из угла в угол, думая как ему поступить. Но это оказалось не так-то просто. Информация, которую поведала ему фигура из зеркала, взбудоражила Трэйтора, и мысли его все перемешались. Он был вне себя от перевозбуждения. Для начала надо немного успокоиться и привести мысли в порядок. Это ему удалось сделать минут через пятнадцать. Когда он, наконец, ощутил, что голова стала нормально соображать, а нервное возбуждение поубавилось, он присел на мягкое кресло и стал обдумывать свои дальнейшие действия. Для начала он решил оповестить брата. Но

часы, стоявшие на полу, показывали, что сейчас не самое подходящее время, так как Генри наверняка спит в два часа ночи. Трэйтор решил перенести это мероприятие, по крайней мере, на два часа позже. Но, что ему тогда делать? Сидеть, сложа руки? Времени в таком деле терять нельзя. Тем более его было не так уж и много. Вечером гонец приедет и, наверняка, этим же вечером отправится назад к Вагрелу, так как король не глуп и понимает, что промедление в таком деликатном вопросе может дорого ему обойтись. Так же как и Трэйтору с Генри. Нельзя терять ни минуты. Нужно действовать. Если голос не соврал, то это действительно единственный шанс, который может больше и не представиться.

Поразмыслив, Трэйтор решил, что ждать два часа это слишком долго. В течение следующего получаса были подняты слуги, ворота открыты, а Трэйтор покидал особняк, мчась во весь дух сквозь холодную звездную ночь.

– Я видел такой прекрасный сон, а ты его прервал своим бесцеремонным вторжением, – проворчал Генри, сидя на кровати и потирая правый глаз.

– Я думаю, что ты меня простишь за то, что я разбудил тебя. Тем более новости, которые я тебе привез, стоят тысячи бессонных ночей, – Трэйтор сидел на стуле возле кровати в своем дорожном плаще, который он так и забыл снять при входе.

– Что же такого могло произойти? – зевнул Генри.

– Уверен, что от таких новостей, твой сон пропадет в один миг, – улыбнулся Трэйтор. И он принялся рассказывать все, что с ним произошло за эту ночь, и что ему поведала фигура из зеркала. Когда он закончил рассказ, у Генри и вправду сон куда-то резко пропал.

– Ты думаешь, все, что тебе сказала эта странная фигура, правда? – спросил Генри после некоторого молчания. В его словах чувствовалось недоверие.

– Я абсолютно уверен, что все это правда, – заявил Трэйтор.

– С чего такая уверенность? Вдруг это провокация со стороны Милата? Он же хочет распустить совет. Для него это как раз будет отличный повод.

– Ты хочешь сказать, что он специально меня провоцирует, чтобы я начал плести против него заговор?

– Вполне возможно. Он всем объявит, что совет предал корону и распустит его, а виновных арестует и казнит.

– Я уверен, что Милат тут не причем, – настаивал на своем Трэйтор. – Слишком сложно для него. Он не станет делать такие ходы, чтобы распустить совет. Не такой у него характер. Он просто издаст указ. И на этом все.

– Ладно, допустим, все это правда. Что мы можем с тобой сделать?

– Как?! Ты разве не понял? – воскликнул удивленный Трэйтор. – Помоему, все очевидно. Мы можем перехватить этого гонца, когда он будет ехать обратно и поменять письмо.

– Ты хочешь направить Вагрела вместо Керсабора в Батсонию? – сказал Генри уже совсем другим тоном. Недоверие в его голосе больше не звучало.

– Именно так, мой дорогой брат, – твердо заявил Трэйтор. – Но нам нужен человек, который поможет все это осуществить, такой, которому мы смогли бы довериться целиком и полностью.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. У меня как раз есть такой человек, и я сегодня же с ним встречусь.

– Превосходно. Но не затягивай с этим. Времени у нас очень мало, и если мы его сейчас упустим, то больше у нас с тобой такого шанса не будет.

– Не переживай. Встречусь с ним днем. Но меня вот что интересует, как мы подменим письмо, если на нем стоит королевская печать?

– Это ерунда. У меня есть королевская печать. Еще с тех пор, когда правил отец Милата. Он ценил совет и доверял ему полностью. Настолько, что даже позволял мне и Малкину Грею отправлять вместо него письма. С тех пор печать так и осталась у меня. Полагаю, у Малкина Грея тоже.

– Какое невероятное стечение обстоятельств, – радостно подметил Генри.

– Простая оплошность короля, которая оказывает нам помощь. Но не будем терять времени, – Трэйтор поднялся со стула, расправляя плащ. – Я жду тебя у себя дома вместе с твоим человеком. И помни – время сейчас не на нашей стороне.

– Не переживай. Как только солнце поднимется из-за горизонта, я отправлюсь к нему.

Трэйтор покинул спальню Генри, и в скором времени ехал к себе домой. Ночь была звездной и морозной. Оранжевый диск луны освещал размытую дорогу, которая за ночь подмерзла, и потому конь легко ступал по ней, не увязая в жижу. Трэйтор впервые за несколько дней ощутил себя свободным. На душе у него стало легко. Он вдохнул полной грудью свежий морозный воздух и легонько прищпорил коня. Тот помчался еще быстрее, выпуская пар из широких ноздрей.

Солнце светит ярко, но почти не греет. Однако замерзшая за ночь грязь, к полудню превращается в оттаявшую жижу, по которой в город тащатся телеги. На базарной площади люди снуют туда-сюда, повсюду слышатся крики продавцов. На окраине торговых рядов, там, где продавались грибы и семена, разразился скандал, грозивший перерасти в настоящую драку. Мужчина, продававший грибы, заметил, как проходившая мимо белка, вильнув хвостом, схватила горсть грибов прямо с прилавка. Разумеется, продавцу это не понравилось, и он, как и полагается любому уважающему себя человеку, который не хочет терпеть убытки, потребовал, чтобы нахальный рыжий зверек заплатил за товар. Но не тут-то было. Белка не только не хотела платить, но еще и попыталась убежать. Только это оказалось не так легко. Какой бы проворной она ни была, проходивший мимо юнец, который, к слову сказать, стал невольным свидетелем всей этой неприятной ситуации, оказался ловчее, а потому легким движением правой руки поймал вора прямо за пушистый хвост. Но белка сдаваться не собиралась. Она накинулась на несчастного молодого человека, и возможно расцарапала бы ему все лицо, если бы в этот момент не подбежала городская стража, расталкивая на пути толпу зевак. Однако им не удалось задержать вору. Как только послышался приближающийся звук бряцанья доспехов, белка отпустила юношу и скрылась с места преступления.

Понаблюдав за этой картиной, Генри направил коня дальше, через главную улицу, а затем свернул в небольшой переулок. Миновав его, он выехал на перекресток, на углу которого стоял небольшой трактирчик с зелеными дверями, на которых давно облупилась краска и грязными невымытыми окнами. Генри подъехал к заведению, спешил и, привязав коня, вошел внутрь.

В трактире было людно и дымно. Несмотря на то, что до вечера еще далеко, свободными оставались всего два столика. Первый стоял прямо у входной двери, второй находился в самом дальнем темном углу трактира рядом с компанией енотов, играющих в кости. Генри выбрал второй вариант, так как именно там можно просидеть хоть весь день, оставшись незамеченным для посторонних глаз. Через пару минут к нему подошел официант и принял заказ. Вскоре на столе стояла кружка, в которой пенился темный эль. Однако Генри не притронулся к нему. Он сидел и смотрел на входную дверь, не замечая спора, который возник между игравшими за соседним столиком енотами.

Дверь в трактир отворилась, и на пороге показался высокий худощавый мужчина с копной рыжих волос и плешивой рыжей бородой. Нельзя было сразу сказать то ли это бедный крестьянин, то ли вовсе бездомный бродяга. Одет он был в старые потертые штаны с дырками на коленках. Его старый, выдавший виды плащ давно изъеден молью и залатан далеко не один раз. Такая тряпка, вряд ли кого-то сможет согреть даже в самый легкий мороз. Лицо у него вытянутое и острое, словно у лисицы, а серые глаза смотрели по сторонам недружелюбным и бездушным взглядом. Складывалось ощущение, что этот тип может совершить что угодно, даже убийство не моргнув и глазом.

Осмотревшись по сторонам и заметив Генри, рыжий направился к нему. Протискиваясь между столиков, он нечаянно наступил на хвост одному из енотов, за что был обруган самой отборной бранью. Однако рыжий, метнув в сторону толстого енота презрительный взгляд, прошел мимо и уселся прямо напротив Генри.

– Господин хотел меня видеть? – спросил незнакомец хрипловатым голосом.

– Ты опоздал, Сервус.

– Прошу прощения, господин, но я специально шел по самым длинным улицам, запутывая следы, на тот случай, если за мной вдруг кто-нибудь следит.

– Это было ни к чему, хотя... лишняя осторожность не помешает, – Генри кивнул.

– Именно так я и подумал, – по голосу и по манере общения Сервус сейчас напоминал слугу, готового на все ради хозяина.

Генри помолчал, причмокнул и, постукивая пальцами по столу, заговорил.

– Есть одно очень важное дело, которое я могу доверить лишь тебе, – Генри старался говорить вполголоса, опасаясь быть услышанным, но этого не требовалось, так как в трактире было очень шумно, и никому из присутствующих не было до этой парочки никакого дела. – Могу ли я положиться на тебя, как и раньше?

– Господин может положиться на меня как на самого себя, – при этих словах Сервус даже немного склонил голову.

– Так я и думал, – Генри перестал постукивать пальцами и наклонился ближе к собеседнику, опираясь локтями о стол.

– Сегодня во дворец доставят очень важное послание, – Генри говорил шепотом. – Затем, через какое-то время, король пошлет ответ. Повезет его, скорее всего, тот же человек, который доставит первое послание.

Генри замолчал, озираясь по сторонам, чтобы убедиться, не подслушивает ли их кто-нибудь. Но вокруг ничего не изменилось: за соседним столиком по-прежнему сидели еноты, играя в кости и о чем-то споря. Недалеко от них сидела парочка пьяных мужчин, шумно что-то обсуждая; откуда-то слышался веселый хмельной хохот; официант все так же бегал от стола к столу, разнося большие пенные кружки.

– Необходимо подменить письмо, которое король пошлет в ответ, на то, которое я тебе дам.

– Когда и где я смогу увидеть этого гонца?

– Приезжай сегодня в три часа на Мангутский холм. Ты знаешь, где он находится?

– Да, господин. Если мне не изменяет память, на нем когда-то была построена Бэкская башня.

– Все верно. Я буду ждать тебя в этой самой башне. Но только на этот раз не опаздывай! – прошипел в конце Генри.

– Все будет, как вы хотите, – произнес Сервус.

– Можешь идти.

Сервус поднялся с места и, проскальзывая между столиков словно змея, вышел из трактира. Генри залпом осушил эль, расплатился официантом, и в скором времени ехал к брату.

Глава 9

Бэкская башня – груда громадных камней, развалившихся на холме, словно неуклюжий гигант, распостёрший ноги в отчаянных попытках подняться. Некогда это было огромное и грозное строение – оплот надежности фильнийского народа. Но ветер веков превратил этого мощного и неприступного великана во всеми забытую развалину.

Никто сюда никогда даже не думал заезжать, несмотря на то, что останки башни находились рядом с дорогой, ведущей в Ландрсмит. Лучшего места для наблюдения Трэйтор и Генри не смогли бы найти во всей стране.

– А он точно приедет? Не заблудится? – беспокоился Трэйтор.

– Не переживай. Этот человек знает город и его окрестности, как свои пять пальцев, – невозмутимо и хладнокровно отвечал Генри. – Вот увидишь, он скоро приедет. Причин для беспокойства нет.

В скором времени на дороге со стороны города появилась черная точка. Она двигалась тихим и размеренным шагом, словно выехала на прогулку. По мере приближения к холму точка увеличивалась, и вскоре стали различимы отчетливые контуры наездника на черном коне и в таком же черном плаще. Генри достал из кармана трубу и поднес к левому глазу. Увеличительная линза позволила рассмотреть знакомую копну рыжих волос.

– Это он, – заключил Генри, передавая трубу Трэйтору. Тот выхватил ее и принялся рассматривать приближающуюся фигуру. Поначалу рыжий двигался галопом по дороге, затем свернул налево и пришпорил коня. «В седле он держится очень уверенно», – пронеслось в голове Трэйтора. Он сложил трубу и вернул брату. Между тем наездник подъехал к дереву, что стояло у подножия холма, спешился и, привязав коня, направился к развалинам по сырой, сгнившей траве.

– Вот, брат, – обратился Генри к Трэйтору, когда Сервус оказался среди груды камней. – Это и есть тот самый человек, о котором я тебе рассказывал.

Трэйтор подошел вплотную к рыжему и принялся его рассматривать. Перед ним стоял высокий человек, облаченный в черные богатые одежды, подпоясанный кожаным ремнем с

позолоченной бляхой. Борода была сбрита, остались лишь густые, огненно-рыжие, усы. Выглядел он сейчас как аристократ и не напоминал нищего горожанина, который встречался несколькими часами ранее с Генри в трактире. Единственное, что не изменилось – бездушный взгляд серых глаз и тонкие поджатые губы.

– Он мне нравится, – сказал Трэйтор.

– Я в этом не сомневался.

– Как тебя зовут? – обратился Трэйтор к рыжему так, словно отдавал какое-то распоряжение.

– Сервус, господин.

– Что ж, Сервус, я полагаю, мой брат ввел тебя в курс дела, поэтому повторяться не стану. Вот это письмо ты должен подложить гонцу, – с этими словами он достал свиток, скрепленный королевской печатью. – А то, что будет лежать у него, тебе необходимо доставить к нам в целости и сохранности. Как ты понимаешь, это очень ответственное задание. Ты должен будешь действовать весьма и весьма осторожно. Нельзя, чтобы гонец почувствовал в тебе хоть какую-то угрозу. Само собой, если ты справишься с этой задачей, то получишь щедрое вознаграждение и мою дружбу.

– Можешь не переживать, – вступил в разговор Генри, взобравшийся на большой камень. – Он не раз выручал меня. Справится с любым заданием. Никто не может сравниться с ним по части убийства, шпионажа и воровства.

– И все-таки я хочу услышать ответ от него.

– Вы можете полностью положиться на меня. Я вас не подведу, – склонив голову, ответил Сервус. – Нет нужды для беспокойства. Все будет сделано тихо и не заметно. Гонец доставит нужное вам письмо до адресата, даже не подозревая о подмене. Даю вам слово.

– Вот и отлично. Теперь ждем, когда гонец приедет, – с этими словами Трэйтор уселся на большую глыбу, которая лежала возле остатков полуразрушенной стены. Так его не было видно со стороны дороги. Сервус встал по правую сторону от Трэйтора, скрывшись за громадным валуном. Генри же, словно лисица ловко взобрался по камням на другую полуразвалившуюся стену и устроил там наблюдательный пункт в небольшой ложбине между камней.

Солнце скрылось среди огромных туч, лениво бредущих по небосводу. Если бы художник захотел написать сейчас пейзаж, ему

было бы достаточно смешать черную и серую краски, да размазать на холсте. Вдобавок ко всему поднялся ледяной пронизывающий ветер, с остервенением качая ветви деревьев. Генри, окоченевший и продрогший до костей, полностью завернувшись в плащ, спустился к Трэйтору.

– На, согрейся, – в его руке показалась черная фляга из кожи. Трэйтор, ежась от холода, взял ее и сделал пару глотков. Он почувствовал, как по телу стало расходиться приятное тепло. Он выпил еще и вернул флягу брату. Генри подошел к Сервусу и протянул флягу, но тот отрицательно покачал головой. Генри не стал настаивать, сделав добрый глоток согревающего напитка, он вновь подошел к брату.

– Мы здесь уже два часа сидим. Если этот гонец не поторопится, мы тут все себе отморозим. Солнце скоро сядет, нам будет трудно что-то рассмотреть на дороге.

– Я думаю, он скоро появится. В любом случае у нас с тобой нет выхода. Надо ждать.

– А ты уверен, что эта фигура тебя не обманула?

– Мы обсуждали это. Если ты не веришь или тебе стало безразлично будущее нашего рода, то можешь садиться на коня и ехать домой. Но знай, что я никогда тебе этого не забуду.

– Ох, Трэйтор, да прекрати ты, – сморщился Генри, не переставая дрожать. – Я верю, но здесь чертовски холодно. А на дороге никого не видно, кроме крестьян, везущих телеги из города. Может, гонец решил остановиться и передохнуть? Он наверняка так же замерз, как и мы.

В ответ Трэйтор смерил брата холодным взглядом. После этого Генри уже ничего не хотел говорить. Он молча направился к своему наблюдательному пункту.

Дневной свет постепенно мерк, на город наваливались сумерки, унося очередной день в прошлое. Ночь, осенняя и холодная, обещала в скором времени накрыть темным покрывалом все живое. Именно в это время Генри послышался какой-то непонятный звук. Он немного приподнялся и напряг слух. Точно. Ветер доносил со стороны дороги звуки, очень похожие на топот лошадиных копыт. Генри быстро достал трубу и, развернув, принялся разглядывать дорогу. Поначалу он ничего не мог разобрать кроме голых деревьев. Но вот из-за поворота показалась фигура, а за ней еще одна. Генри чуть не подпрыгнул от

радости. В одно мгновение он оказался возле Трэйтора, протягивая ему трубу. Тот с жадностью впился в нее правым глазом. Когда он увидел двух скачущих мужчин, его лицо озарила недобрая улыбка.

– Что я тебе говорил?! – радостно воскликнул он, протягивая трубу Сервусу. – Ведь не обманули меня. Я так и знал. Я знал, что все так и будет. Думаю, нам осталось ждать совсем немного, мой дорогой брат.

– Я рад не меньше тебя, Трэйтор, – улыбнулся Генри. Сервус молча проводил едущих за городские ворота и отдал трубу Генри.

– Я думаю, что гонец тот мелкий, который был на сером коне, – слышался хрипловатый голос. Трэйтор и Генри уставились на Сервуса так, словно с ними заговорило дерево.

– С чего это ты так решил? – слышался голос Трэйтора.

– Второй наездник держится в седле так, словно у него болит нога. Скорее всего, он ранен. Никто не станет посылать такого гонца с посланием для короля.

Трэйтор застыл в удивлении, переведя взгляд с Сервуса на брата. Тот стоял, довольно ухмыляясь, будто хотел сказать «я же говорил».

– Этот парень мне нравится все больше и больше. Почему ты не познакомил меня с ним раньше?

– Раньше не было такой необходимости. К тому же я не так часто обращаюсь к Сервусу. Но признаюсь честно, он меня удивил сейчас не меньше, чем тебя.

– Что ж, теперь я окончательно убедился, что мы не зря на тебя положились, – Трэйтор похлопал Сервуса по плечу. – Уверен, что когда мы сделаем то, что задумали, ты непременно станешь моим другом.

Сервус слегка улыбнулся, вернее он попытался улыбнуться, но его рот исказила какая-то неприятная гримаса.

Все трое уселись, наблюдая за дорогой, ожидая выезда гонца из города. Прошло довольно приличное количество времени, а он все не появлялся. Городские ворота давно были закрыты. Ночь опустилась на город. Трэйтора стали одолевать тревожные чувства, вдруг гонец останется в городе? Что если король предложил ему отдохнуть эту ночь? Ведь Милат очень любезный человек, и в этом поступке не будет ничего удивительного. С другой стороны, речь идет об очень важном послании. Началась война. А на войне любое промедление может дорого обойтись. Особенно королю. Милат это, конечно же, понимает, но все-таки? Что ж, даже если король пошлет свой ответ завтра,

Трэйтор готов ждать до самого утра. Ничто его не остановит. Он полон решимости и жажды достигнуть своей цели любым способом. А это очень много. Такие люди просто так не отступают. Они готовы в лепешку разбиться, лишь бы добиться своего.

Прошло еще какое-то время, прежде чем городские ворота открылись и из Ландрсмита выехал всадник. Трэйтор вырвал из рук Генри трубу и стал смотреть. Он с легкостью узнал на дороге всадника, которого видел пару часов назад въезжающем в город. Про него говорил Сервус.

– Ты оказался прав, – улыбнулся Трэйтор.

Если бы человек мог светиться от радости, то он сейчас, пожалуй, мог бы осветить весь город, подобно солнцу в ясный день.

– Езжай, – нетерпеливо обратился Трэйтор к Сервусу.

– Сейчас рано. Нужно дать гонцу немного времени, чтобы отдалиться от города. Иначе будет слишком подозрительно.

– Он прав, брат. Если Сервус поедет сейчас же, то мы погубим все дело.

– Хорошо, хорошо. Я с вами согласен, – Трэйтор повернулся в сторону дороги, вслушиваясь в отдаляющийся топот копыт.

– Вы можете отправляться к себе. Вам ни к чему сейчас оставаться со мной. Я все сделаю, – обратился Сервус к братьям.

– Он уехал, – заключил Трэйтор, – его коня больше не слышно. Ты прав, Сервус. Нам с Генри больше тут делать нечего. Сейчас вся надежда на тебя.

Трэйтор с Генри спустились с холма, спотыкаясь о камни. Сервус шел вслед за ними. Затем братья свернули влево, зайдя немного за холм. Через несколько минут, когда Сервус отвязывал своего коня, он услышал ржание, а затем разглядел во тьме Трэйтора и Генри в седлах.

– Сейчас вся надежда на тебя, – повторил Трэйтор, подъезжая к Сервусу. – Когда закончишь дело, приезжай сразу же к моему брату. Мы будем ждать тебя там.

С этими словами он повернул коня, и братья поскакали сквозь ночную тьму к дороге. В скором времени, Сервус перестал слышать топот копыт.

Ветер поутих, тучи разошлись, и на небе показался оранжевый диск луны, тускло освещавший округу, словно свеча в темной комнате. Сервус подгонял своего коня, направляя его прямо по тому пути, по

которому совсем недавно мчался гонец. Конь громко фыркал, выпуская из ноздрей мощные струи пара.

В течение нескольких часов Сервус ехал вслед за гонцом, выдерживая достаточное расстояние, чтобы остаться незамеченным. Освещенная луной дорога извивалась змеей между деревьями и полями. Ни одной деревни, ни одного поселения, ни единой живой души не встретилось Сервусу на пути.

Наконец, дорога уперлась в развилку. Сервус немного придержал поводья и стал вслушиваться. Сквозь гробовую ночную тишину ему удалось различить отдаленные звуки, напоминающие лошадиное ржание. Сервус направил коня направо и пришпорил его.

Сервус знал дорогу, на которую свернул гонец. В получасе езды от развилки стоит небольшое поселение, в котором есть хорошее заведение, славящееся во всей окрестности. Там можно выпить, хорошо отдохнуть, лошадей там обязательно накормят и, вдобавок ко всему, любезный хозяин может предложить еще кое-что особенное. Вне всяких сомнения гонец направился туда. В этом Сервус уверен так же, как в том, что небо голубое, а вода мокрая.

Через полчаса из черного ночного покрывала показалось небольшое поселение. В домах не горело ни единого огонька за исключением одного двухэтажного здания, в котором во всех окнах горел свет, манящий к себе подобно зажжённой лампе, привлекающей ярким светом мотылька. Сервус направил коня именно туда.

Внутри жизнь буквально кипела, словно никто из присутствующих не знал, что за окном глубокая ночь. Слева от входа, за барной стойкой сидело несколько мужчин, изрядно напившихся и хохотавших во весь голос. Но их хохот был слабо различим из-за музыки, которая разливалась по всему зданию благодаря нескольким музыкантам, которые, по всей видимости, тоже неплохо налегали на спиртное. Перед ними прямо в центре зала танцевали несколько мужчин вокруг двух пышногрудых женщин, с обнаженными плечами и растрепанными от пляски волосами. Обе дамы смеялись и хохотали так громко и так заразительно, что у любого посетителя, глядя на них, непременно появилась бы улыбка на лице. С правой стороны находились столики, заставленные бутылками и закусками. Почти за каждым из них сидели мужчины в объятиях разругавшихся и хохочущих женщин. Повсюду сновали официанты, проскальзывая

между столиков, разнося угощения. От взгляда Сервуса не ускользнула парочка, которая очевидно предпочла более уединенное место и прошмыгнула по винтовой лестнице на второй этаж. Словом, внутри этого заведения повсюду царил праздник жизни, сопровождавшийся хохотом, плясками и духотой.

Сервус огляделся по сторонам и заметил человека, которого он преследовал, сидящим за одним из столиков.

– Добро пожаловать, дорогой гость! – перед Сервусом оказался мужчина среднего роста с густой бородой, которую тронула первая седина, с приятной дружелюбной улыбкой на лице и голубыми, источающими какой-то притягательный свет, глазами. Это был хозяин. – Рад приветствовать вас в «Блаженной Эльзе», – мелодично продолжал он. – Чего вы желаете? Поесть и хорошенько выпить? В вашем распоряжении все винные погреба, в которых вы сможете найти любой напиток на свой вкус. Если вы устали и хотите отдохнуть, мы готовы предоставить ночлег всего за три четверка. Ну, а если вы хотите, – тут говоривший немного понизил голос и заговорщицки посмотрел на Сервуса, – провести незабываемую ночь, которая навсегда отпечатается в вашей памяти приятным наслаждением, то любая из этих красоток, – тут он правой рукой указал на хохочущих девиц, – сделает для вас все, что угодно и даже больше.

– Я хотел бы сесть на место вон того типа, – Сервус кивком указал на мужчину, который напился до беспамятства и уснул лицом в тарелке. В руке рыжего блеснула золотая монетка, оказавшаяся зажатой в ладони у хозяина заведения. Тот посмотрел в указанном направлении и, почтенно склонив голову, проговорил:

– Будет сделано.

Меньше чем через минуту заснувшего пьяницу вывели на улицу, а Сервус сидел на его месте.

– Чего пожелаете? – спросил хозяин заведения, расплываясь в почтенной улыбке.

– Бутылку грязного джина и чего-нибудь поесть, – последовал сухой ответ.

Хозяин слегка поклонился и удалился.

Гонец – пухлый низкорослый – сидел через столик от Сервуса. В отличие от остальных посетителей, он сидел один. Гонец с каким-то напряжением, недоверчиво озираясь по сторонам, уплетал жареную

грудку индейки и запивал бокалом красного вина. По выражению его лица было видно, что он находится в подобном заведении впервые, да и сейчас заехал сюда, по всей видимости, случайно и по ошибке.

Сервус наблюдал за ним, за тем как он ест, как пьет вино, как подозрительно оглядывается, и прокручивал в голове план. Он думал каким образом подменить письмо, не вызвав при этом подозрений. Поначалу он хотел просто подсесть к гонцу и вывести его на какой-нибудь разговор, а затем, когда тот немного ему доверится и ослабит внимание, осуществить подмену. Но Сервус тут же отказался от этой идеи. Ни за что на свете этот человек не станет с ним разговаривать и, судя по его взгляду, вряд ли как-то можно усыпить его бдительность. В лучшем случае он просто пересядет. А то и вовсе сбежит или попытается убить, как только почувствует опасность. Нет, с этим человеком так действовать нельзя.

Второй идея – подкуп. Сервус хотел подкупить одну из девиц, чтобы та отвлекла гонца женскими чарами, которые, несомненно, затронули бы мужское нутро. Но взглянув на него еще раз, Сервус понял, что этого человека никакими чарами не околдуешь. И даже будь тут перед ним самая красивая женщина на всем белом свете, он ни за что не отвлечется от своей миссии, пока ее не выполнит. Получалась безвыходная ситуация. К гонцу, вернее к письму, которое он вез, никак не подобраться.

Но тут, как раз в тот момент, когда Сервусу подали на стол сочного жареного цыпленка вместе с откупоренной золотистой бутылкой, в заведение вошел абсолютно пьяный и еле держащийся на ногах мужчина, чье место занял Сервус. Вошедший, шатаясь, осмотрелся по сторонам и, остановив пьяный взгляд на мирно доедающем пищу гонце, зашагал неуверенной и штормящей походкой. Сервус, конечно же, это заметил, и собирался было применить силу в отношении этого пьяницы, так как думал, что он пришел отвоевывать у него место. Но все оказалось иначе. Когда Сервус сжимал правый кулак, пьяный мужчина прошел мимо него, прямо по направлению к гонцу.

Дальше все произошло очень быстро: пьяница остановился прямо у стола, за которым сидел гонец и начал сначала что-то невнятное кричать, а затем попытался схватить его за грудки. Гонец в один миг вскочил, и в его руке блеснуло лезвие кинжала, направленное в сторону пьяного. Но это нисколько его не смутило, ведь в хмельной

голове здоровых мыслей практически не было, за исключением одной – схватить со стола столовый нож и начать угрожать им гонцу. Возможно, из всей этой ситуации что-нибудь вышло. Может быть, пьяница или гонец перешли бы от угроз к делу и, как знать, кто-то из этих двоих не дождал бы до утра. Но все случилось иначе и никто не погиб в эту ночь. И все благодаря Сервусу, который быстро сообразил, что происходит и какие выгоды он сможет извлечь, если сейчас поможет гонцу. В один миг, словно кошка, он выпрыгнул из-за стола и встал прямо позади пьяного мужчины. Одним резким движением руки он толкнул его в бок так, что тот не устоял и сразу же повалился с грохотом на пол. Затем Сервус ногой выбил из его руки нож. Музыка умолкла, смех прекратился, на какие-то несколько секунд воцарилось полное молчание. Валявшийся на полу мужчина, видимо тоже не ожидал подобного исхода событий. Он лежал, вытаращив пьяные глаза на Сервуса в полном недоумении. Но довольно скоро пришел в себя, и попытался подняться на ноги, изрыгая самые непристойные ругательства. Сервус хотел ударить его ногой, как тут же подскочил хозяин заведения и вместе с одним из официантов он вытолкнул пьяного мужчину на улицу. Как только дверь за ним захлопнулась, жизнь в «Блаженной Эльзе» вновь закипела, как и прежде: заиграли музыканты, начались пляски, все стали смеяться, поддаваясь безудержному веселью.

– Благодарю вас, господин, – послышался тенор гонца. – Вам удалось предотвратить кровопролитие.

– Не стоит благодарности. Любой бы поступил так на моем месте, – ответил Сервус.

– Боюсь, вы не совсем правы. В этом заведение вряд ли найдется хоть один, столь благородный человек как вы.

– В этом нет никаких сомнений. Подобные заведения благородные люди не посещают. Вы меня весьма удивили. С виду не скажешь, что вы один из таких, – тут Сервус взглядом указал на присутствующих.

– Ах, вы правы. Я заехал сюда по ошибке. Я не знал, что представляет собой это заведение. Клянусь, что мне хотелось всего лишь найти здесь ночлег и хороший ужин.

– Охотно верю. Кстати, об ужине, не хотите ли присоединиться ко мне, и разделить со мной жареного цыпленка, который стоит прямо у меня на столе, сдобрив его превосходным грязным джином?

– Ваше предложение очень заманчиво, но я вынужден отказаться. Не хочу ни в коем случае вас обижать, но я уже поел и собирался идти отдыхать, в тот самый момент, когда ко мне подошла эта образина.

– Неужели вы даже не останетесь, чтобы просто пропустить по стаканчику? – удивился Сервус, теряя терпение, но отлично скрывая чувства под маской благородного мужа.

– Боюсь, что нет. Я очень устал и буквально валюсь с ног. А завтра мне нужно будет снова отправляться в путь.

– Вы куда-то направляетесь?

– Да. Я еду к своей кухне. Она очень больна и за бедняжкой, некому ухаживать, – проговорил плаксивым тоном гонец.

– Что ж, в таком случае не смею вас задерживать. Доброй вам ночи, – учтиво поклонился Сервус.

– Всего вам доброго и примите еще раз мою благодарность.

С этими словами гонец взял свою шляпу со стула и направился к винтовой лестнице, а Сервус уселся за свой стол. Все его нутро пылало диким пламенем. Он никак не ожидал, что рыбка сорвется с крючка. Он думал, что гонец уже в его руках, что он не посмеет отказать после того, что он для него сделал. Но, к великому сожалению Сервуса, и для счастья гонца, все пошло совсем иначе.

Прошло немного времени, и Сервус, поразмыслив, решил, что необходимо действовать именно сейчас. Нужно во что бы то ни стало, подменить письмо прямо здесь, в этом заведении. Во второй раз встречаться с гонцом ему нельзя, иначе он почувствует угрозу. Следовательно, ехать за ним дальше опасно.

Тут на ум Сервусу пришла одна идея, несколько рискованная, но если все пойдет, так, как он запланировал, письмо, которое ему дал Трэйтор окажется у гонца.

Через несколько минут Сервус поднялся с места, подошел к хозяину заведения и о чем-то его спросил. Затем подошел к одной из танцующих девиц и, переговорив с ней, вышел из заведения и направился во внутренний двор. Там среди ночного мрака, освещенного лишь светом, исходящим из окон, ему удалось разглядеть березу, ветви которой сходились с карнизом здания. Сервус приблизился к дереву и стал по нему взбираться. Он ловко цеплялся за ветви, несмотря на то, что разглядеть что-то среди ночной тьмы, было довольно трудно. Он карабкался, интуитивно чувствуя, куда и на какой

сучок поставить ногу. Вскоре он поравнялся с карнизом и с ловкостью, которой позавидовала бы даже кошка, запрыгнул на него.

Оказавшись на карнизе, он на полусогнутых ногах стал пробираться к первой оконной раме, смотрящей прямо на него. Подобравшись вплотную, он, аккуратно, прижавшись к стене словно воришка, заглянул в окно. По ту сторону оконной рамы была нагая женщина, сидящая верхом на мужчине, издавая при этом сладостные стоны, а ее ухажер крепко обвив ее талию руками, так же издавал звуки, похожие на пыхтение.

Сервус понял что ошибся и, пригнувшись, стал пробираться к следующему окну, в котором еле-еле мелькали проблески света. Оказавшись возле него, он заглянул внутрь, но быстро оторвал свой взгляд, так как происходящее внутри ему показалось мерзким. Довольно пожилой мужчина обеими руками был привязан к спинке кровати и стоял на четвереньках с оголенным задом. Возле него стояла полураздетая девица с обнаженными грудями, и шлепала его, раздражаясь веселым смехом. Мужчина при этом так стонал, словно это приносило ему неопишное удовольствие, а девица продолжала его шлепать.

Сервус продолжил нелегкий путь и, вскоре оказался возле следующего окна. Заглянув в него, он увидел того, кого так отчаянно пытался найти. Внутри небольшой комнатки, похожей на огромный ящик, спал человек, одетый в дорожную одежду. Сервус сразу же признал в нем гонца. Тот лежал и мирно храпел. Его грудь вздымалась и опускалась при каждом вздохе. Сервус несколько секунд смотрел на ничего не подозревающего гонца, пребывавшего во сне. Тень, отбрасываемая Сервусом, растянулась длинной зловещей полоской почти до самой двери. Внезапно раздался стук, и гонец начал ворочаться. Сервус отпрянул от окна, но никуда не стал уходить. Вместо этого он напряг слух, вслушиваясь во все, что происходило в комнате у гонца.

За первым стуком последовал второй, вырвавший мирно спящего человека из сладкого сна. Раздосадованный и ничего не понимающий, он поднялся и уселся на кровать. В этот момент в дверь кто-то снова настойчиво постучал. Гонец, сообразив, что к чему, схватил кинжал, и медленно, походкой охотника, шагающего по следам зверя, направился к двери.

– Кто там? – послышался недовольный тенор гонца.

– Это Сисилия, прислужница с первого этажа, – послышался в ответ женский голосок.

– Чего вам нужно в столь позднее время, Сисилия? Что-нибудь случилось?

– Господин, кажется, с чьей-то лошадей случилась беда. Похоже, бедняге совсем плохо и кажется, она вот-вот издохнет. Не могли бы вы спуститься вниз, чтобы удостовериться в том ваша это лошадь или нет?

– Какого цвета лошадь?

– Ох, простите меня, но я не знаю какого она цвета. Хозяин приказал мне обойти всех постояльцев и попросить их спуститься, чтобы отыскать владельца лошади.

Сначала послышалось ругательство, а затем последовал ответ:

– Хорошо, сейчас спущусь.

Гонец спрятал кинжал, выругался еще раз, и затем, отворив дверь, исчез. Спустя несколько секунд в его комнату вошла другая девица и, открыв окно, исчезла. Как только комната опустела, Сервус оказался внутри комнаты и принялся за дело. На все у него было не более двух или трех минут. Сначала он обшарил постель затем матрас, но ничего кроме пыли и перьев ему не удалось найти. Тогда он обшарил стол затем шкаф, но все было тщетно. Никаких намеков на то, что где-то лежит письмо. Оно словно растворилось или, чего хуже, гонец ушел вместе с ним. Но тут взгляд Сервуса остановился на табурете, стоявшем возле кровати. На нем лежала шляпа, в которой посол ехал всю дорогу. И как это Сервус сразу не заметил ее? Он схватил шляпу и стал ее ощупывать, в надежде найти письмо. Какое же было облегчение обнаружить что-то шелестящее внутри. Сервус стал осматривать ее изнутри в поисках потайного кармана. Он нашёл какую-то небольшую складочку в виде уголка и потянул за нее. На пол упал бумажный треугольник, скрепленный королевской печатью. Сервус поднял его, достал бумажный сверток, который дал ему Трэйтор, и вложил вместо того, что выпал. Королевское письмо он спрятал во внутреннем кармане плаща.

Тут послышались приближающиеся шаги. Гонец возвращался и, судя по всему, очень быстро. Сервус положил на место шляпу, вскочил на стол, с него перешагнул через оконную раму, развернулся, закрыл

окно и перекатился по черепице в правую сторону. В этот самый момент гонец отворил дверь.

Через несколько минут Сервус, как ни в чем не бывало, сидел за своим столом, а напротив него стояла очаровательная блондинка, с румяными щеками и большими карими глазами.

– Я все правильно сделала? – спросила она у Сервуса.

– Да, ты молодец. И своей помощнице передай мою благодарность. Надеюсь, с его лошастью все в порядке?

– Да. Его конь целехонек и не вредим.

– Передай своей помощнице, чтобы она завтра закрыла окно как следует.

– Хорошо, обязательно передам.

– Что ж, возьми в таком случае, – Сервус протянул ей две золотые монеты.

Блондинка взяла их, а затем наклонилась так, что ее пышные груди оказались прямо на уровне глаз Сервуса.

– Может, господин хочет немного отдохнуть? – страстно прошептала она.

Сервус почувствовал, как в нем заговорило мужское естество. Дыхание немного участилось, а внизу живота возникло напряжение.

– Нет, – сухо ответил он. – Мне пора ехать.

– Как? Уже? Но ведь вы только недавно к нам приехали.

– У меня много дел.

Он встал из-за стола, подошел к хозяину, расплатился, и вышел из заведения.

Солнце, пробуждая все живое после ночного сна, озаряло необъятный горизонт кроваво-красным огнем. Небо было чистым и непорочным, как сама природа. Девственная красота завораживает и опьяняет лучше, чем любой крепкий напиток на всем белом свете. Сервус мчится в дом к Генри, но он даже не замечает, какая красота разлилась вокруг него. Он чувствует усталость, и поэтому ему сейчас нет никакого дела до рассвета, который возвещает всему живому о наступлении нового дня.

Глава 10

Рагнер проснулся, когда солнце только показало первые багровые лучи. Лестер, как всегда, уже давно был на ногах и готовил завтрак. Костер за ночь несколько не погас, наоборот, огонь будто и не думал трогать поленья, несмотря на то, что от пламени шел сильный жар.

Рагнер встал и ощутил всю прелесть сна на природе: спина и ребра болели так, будто он всю ночь лежал на булыжниках. Шея затекла и никак не хотела поворачиваться влево, не доставляя при этом Рагнеру неприятной, стягивающей словно ошейник, боли.

Рагнер размялся, затем прошелся и заметил, что на сей раз вокруг их небольшого лагеря расцвели чудесные фиалки, которые наполняли воздух дивным сладковатым ароматом. Вдохнув глубже, Рагнер вдруг вспомнил детство – те времена, когда он еще совсем мальчишкой босой бегал по двору, гоняясь за бабочками и домашним котом. Возле их дома тоже росли фиалки, такие же нежные и беззащитные. «Жаль, что они завянут», – пронеслось в голове Рагнера, когда он подошел к Лестеру.

Между тем, маг разложил на дорожное покрывало несколько огурцов, крупный ломоть сыра, несколько вареных яиц, краюху ржаного хлеба и пару больших красных яблок. Рагнер уселся возле друга и принялся завтракать.

Пока он ел, Лестер даже не притронулся к еде. Он сидел и с серьезным видом о чем-то размышлял – его лоб сморщился как у столетнего старика и напоминал измятое покрывало. Рагнер заметил это, но не стал вдаваться в расспросы. Уж не хотелось ему портить приятное впечатление от сегодняшнего утра дурными мыслями, которые наверняка сейчас обитали в голове Лестера. Хватит с Рагнера и того, что ему пришлось пережить позапрошлой ночью у этой отвратительной ведьмы, которая, как он полагал, знает с нечистью. Правда, Лестер заверил его в обратном, но все же у него остались сомнения на этот счет.

Покончив с едой, Рагнер сложил вещи в дорожную сумку и стал седлать коня. Лестер дунул на горевший костер, тот погас, оставив после себя небольшую горку углей. Рагнера это удивило, поскольку он

ясно видел совсем недавно, что дрова в костре лежали так, словно огонь их и не касался – не было даже малейшего следа от языков пламени. А сейчас появилась целая горка углей. Но Рагнер, посчитав все это очередными магическими штучками Лестера, не стал приставать к другу с расспросами. Он молча взобрался в седло, и уже через минуту друзья были в пути.

Через два дня путники вновь выехали на Марионскую дорогу. Этот тракт всегда очень оживлен, несмотря на погоду, поэтому друзьям очень часто попадались либо крестьяне на скрипучих забитыми мешками телегах, либо торговцы, которые везли товар в город, либо животные, разъезжавшие порой целыми семьями на нескольких телегах.

За эти два дня Лестер не обменялся с Рагнером ни словом насчет того, что ему наговорила старая ведьма. В последнее время Лестер стал не очень разговорчив. Рагнер сначала относился к этому с пониманием и потому не приставал с вопросами, надеясь, что тот сам в скором времени все объяснит. Однако время шло, а момент разъяснений все не наступал. Тогда Рагнер к концу второго дня пути сам заговорил с другом.

– Лестер, в последнее время ты какой-то не разговорчивый, – Рагнер решил подойти издали, но в ответ услышал лишь непонятное бурчание.

– Я не хочу донимать тебя расспросами, – продолжал Рагнер, – но мне очень хотелось бы узнать, куда мы едем. Мне не по себе от того, что мы движемся в неизвестность.

Ответ последовал не сразу, словно маг пытался собрать мысли в кучу, прежде чем что-то сказать.

– Ты прав, Рагнер. Надо было сразу тебе все объяснить, но я никак не мог подобрать нужных слов.

– Это все из-за того, что тебе наговорила ведьма?

– Не совсем. Дело не в том, что она сказала, а в том, как я ее понял.

– И что же ты понял?

– Хм, начну с самого начала. Ведьма, а точнее дух, которого она вызывала, говорил, что фильнийский трон шатается под своим королем. Это значит, что над Милатом нависла беда. Кажется, что-то должно произойти. Нечто страшное.

– Думаешь, к этому причастны братнийцы?

– Я не знаю, Рагнер. Не знаю. Вполне возможно братнийцы тут замешаны. А может быть, дух имел в виду войну, которая надвигается на Фильнию. Мы можем лишь гадать. Но мне стало страшно за нашего короля. Интуиция подсказывает, что ему грозит опасность.

– Думаю, ты слишком буквально воспринял слова духа, – предположил Рагнер, хотя сам не очень-то верил в свои слова.

– Ладно, оставим это, – подвёл черту Лестер. – Дух сказал, что надвигаются великие перемены, и в скором времени кто-то сдвинет чашу весов. Эти слова напугали меня еще больше.

– Почему?

– Ты никогда не слышал легенду об Аррадоне?

Рагнер нахмурил лоб, пытаясь отыскать в закоулках памяти подобную легенду, но все попытки оказались тщетны.

– Никогда ничего такого не слышал.

– Давно, тысячу лет назад, когда не было ни Фильнии, ни Братнии, не существовало вообще каких-либо границ, все жили в одной великолепной стране Дамгария. Ее населяли не только люди, маги и ведьмы, но и кентавры, нимфы, гномы, тролли, а по небу летали не только птицы, но еще и драконы. Несмотря на такое разнообразие населения, не было никаких войн – все жили в мире и согласии, – начал рассказ Лестер. – Так вот, был в то время колдун по имени Ваакль. Он и его братья по магическому ордену «Белая роза» жили в городе садов – Гадендоурфе. На него, как и на его братьев, была возложена обязанность ухаживать за растениями, которых там росло великое множество. Что он и делал, до тех пор, пока не наткнулся в библиотеке на одну странную книгу в черном переплете. Полистав ее, он понял, что в ней скрыты древние заклятия, очень темные и очень злые. Ваакль был слаб духом, а потому легко поддавался искушению и воспользовался книгой. Он обрел небывалое могущество. Такое, что сжег все сады и перебил своих братьев по ордену. С каждым убийством его душа все больше и больше погружалась во тьму. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в тот момент в замке не появился глава ордена – Аксиос, который смог одолеть Ваакля и сжечь книгу. Но убить своего врага он не успел. Ваакль сбежал. Казалось, что зло было побеждено, но то было заблуждением. Ваакль оказался в пещере, в глубине которой надеялся найти свою гибель. Но вместо смерти, к нему явился демон Варкель – пожиратель человеческих душ.

Ваакль заключил с ним сделку, и демон вернул ему книгу, а колдуна нарек Аррадоном. Правда, книга немного отличалась от своего первоначального вида: на ее переплете появился треугольник, выложенный из трех драгоценных камней. Ваакль взял ее и вернулся, чтобы убить Аксиоса, а затем поработить все живое. Но ему это не удалось. Оказалось, что книга дает силу своему владельцу только тогда, когда камни находятся в переплете. Если их вынуть, то из книги исчезали все надписи. Аксиос в ходе битвы случайно выбил их из переплета, и Ваакль потерял свою силу. Тогда Аксиос убил своего противника, не дав злу укрепиться в этом мире, – тут Лестер замолчал на короткое мгновение, облизнул губы. – Как ты знаешь, эти камни называли ярмскими, что с древне-дамгарского переводится как «несущие зло». Всю оставшуюся жизнь Аксиос посвятил попыткам уничтожить их, но всё было тщетно. Мудрый колдун не нашел более лучшего решения, чем спрятать их. После смерти великого мага страну захлестнули кровавые войны. Вдруг у каждого народа появились свои правители, многие из которых хотели завладеть книгой и камнями. В итоге произошел Великий раскол. Народы разделились. Прошлые друзья стали врагами. От былой Дамгарии не осталось и следа. В ходе бесчисленных кровопролитных войн книга оказалась у правителей людей. Однако камни будто канули в небытие: их никому так и не удалось найти. Люди образовали две страны Братнию и Фильнию. Между ними шли бесконечные войны, пока однажды фильнийский король не одержал решительную победу. Книга оказалась в его власти. Однако король был мудр. Он приказал поместить книгу в Вестермский замок под надежную круглосуточную охрану, а ярмские камни запретил кому-либо искать. Все это было сделано с той лишь целью, чтобы не допустить возрождение зла. Есть легенда, которая гласит, что появится темный маг – Аррадон. Он будет самым настоящим порождением зла, пропитанный ненавистью ко всему живому. Именно он найдет камни и откроет Вестермскую книгу. И падут тогда все царства, и погаснет свет. Зло вновь обретет силу и негде будет от него скрыться, и падет все живое.

Рагнер выслушал рассказ Лестера и поначалу ехал молча, не зная, что ответить. Он не был особым любителем каких-либо легенд. Рассказни про Аррадона как-то прошли мимо него, хотя, пожалуй, каждому ребенку рассказывают с самого детства про темного мага,

который должен поработить все живое. Рагнер только знал, что есть Вестермская книга, которая дает небывалое могущество. Есть ярмские камни, которые невозможно найти, и без которых от книги нет никакого толка. Именно поэтому сейчас после рассказа Лестера, Рагнер испытывал непонятное чувство. С одной стороны он верил другу, так как Лестер никогда его не обманывал. Но если посмотреть на все это с другой стороны, выходила какая-то нелепая страшилка, чтобы пугать маленьких детей. Поэтому Рагнер отнесся к словам Лестера с долей недоверия.

– Звучит очень зловеще, – заговорил Рагнер с легкой иронией в голосе. – Ты думаешь, что братнийский король и есть тот самый Аррадон?

– Я так не думаю. Хотя, мне кажется, что король Бренер ступил на темную сторону. А тебе, я вижу, не очень-то верится во все это?

– Я этого не говорил. Но мне кажется, что это всего лишь легенда. И не нужно придавать ей такое сильное значение.

– Хм, порой легенды превращаются в быль. Мне бы очень хотелось, чтобы все оказалось так, как ты говоришь. Чтобы легенда оставалась легендой. Но внутренний голос твердит мне обратное.

– Интересно, кто придумал эту легенду об Аррадоне?

– Этого я не знаю, поэтому сказать не могу.

– Так куда мы все-таки едем? – спросил Рагнер после небольшой паузы.

– В земли кентавров.

– Кентавров? – удивился Рагнер.

– Да.

– А почему именно туда?

– Нам так сказал дух.

– Что-то я не помню, чтобы он говорил о кентаврах.

– Ну, не прямым текстом. Помнишь, он говорил непонятные слова, что-то вроде «... конь, но не конь человек, но не человек лошадь, но не лошадь...».

– Он говорил много всяких непонятных вещей. Я не очень хорошо все запомнил. Помню, что-то говорилось о лошадях, но не так дословно как ты. Почему ты все-таки решил, что кентавры? – не унимался Рагнер.

– Все очень просто, Рагнер. Кто может быть человеком, но при этом им и не быть? Кто может быть конем, но при этом быть вовсе не конем? Конечно же, лишь тот, кто является и тем и другим одновременно. И тут остается лишь один вариант – кентавры.

– Что ж, кентавры так кентавры.

День клонился к закату. Друзья съехали с Марионской дороги и направились на юг. День за днем они проезжали десятки километров мимо деревень и поселений, останавливаясь на ночлег в различных придорожных заведениях – к великому счастью Рагнера, который не очень любил сон на природе. Несмотря на то, что он довольно длительное время пробыл у короля на службе и полжизни спал лишь на жестких деревянных казарменных кроватях, он так и не привык к жесткой земле. Чего нельзя было сказать о Лестере, который, если не размышлял о чем-нибудь, засыпал как младенец. Но такое редко случалось. Особенно после встречи с ведьмой он стал подолгу лежать, погруженный в свои мысли.

Поначалу погода была ясной и даже на какое-то время наступила небывалая для глубокой осени оттепель. Дорога стала подсыхать, серое небо окрасилось в нежно голубые тона. Настроение у Рагнера значительно улучшилось, и он стал что-то насвистывать себе под нос.

Прошло четыре дня с того момента, как путники повернули на юг, направляясь в земли кентавров. День медленно угасал, законно уступая место ночи. На небе появился полумесяц с пригоршней разбросанных звезд. Рагнер подумывал, что пора бы остановиться на ночлег, но как нарочно на пути уже давно не попадалось ни одной деревни и ни единой души. Он стал полагать, что в эту ночь снова придется спать на земле, когда услышал какой-то шум. Рагнер напряг слух и понял, что его источник находится где-то впереди. Он перевел взгляд на Лестера – тот ехал так, словно ничего не слышит. Рагнер хотел взяться за меч, но передумал. Прошло еще несколько минут, и по мере приближения среди шума стали различимы музыка и громкое пение. Вскоре за поворотом прямо у подножия холма появилась небольшая деревушка, усыпанная разноцветными огнями.

– Я так и думал, – промолвил Лестер, правя коня в деревню. Рагнер немного ошеломленный словами друга, последовал его примеру.

В деревне был какой-то праздник. Напротив каждого дома стояло по три больших фонаря, которые превратили поселение в огромный

светящийся остров в ночном океане. Столы, покрытые белыми скатертями, расположились прямо посреди улицы один возле другого, напоминая длинную змею. Они ломились от множества еды и выпивки. Тут красовались запечённая курица и маленькие поросята, зажаренные на вертеле. Грибочки маринованные, копченая рыба и запечённые яблоки. Жареные колбаски, свежие овощи и фрукты.

А сколько тут было выпивки! Пожалуй, хватило бы на две такие деревушки с лихвой. Эль и вино не переставали плескаться в кружках. Помимо них пили еще какую-то настойку, аромат которой, сладковатый с нотками корицы и меда, разносился по ветру, словно невидимый дух.

Повсюду пели и танцевали. Музыка оказалась до того заводной, что ноги сами шли в пляс. Тут были все: и стар, и млад. Все кружились, смеялись, падали, затем снова поднимались и вновь пускались в пляс.

Лестер и Рагнер въехали в это царство веселья. Поначалу их как будто не замечали, но по мере их продвижения вглубь, музыка становилась все тише, а смех с танцами вовсе прекратились. Наконец, наступила полная тишина. Все, кто недавно веселился от всей души, устремили окосевшие и любопытные взгляды на путников.

– Приветствую вас, добрые люди, – прозвучал теплый и дружелюбный голос Лестера. – Прошу нас простить за то, что мы так внезапно нарушили ваше веселье.

– Кто вы такие? – послышался откуда-то женский голос.

– Мы два путника, утомленные долгой дорогой, ищущие ночлег.

Наступила тишина. Десятки глаз были устремлены на друзей. Рагнеру стало так неловко от этой сцены, что ему показалось, будто он стоит голый среди одетой толпы.

– Найдется ли у вас место для ночлега двум уставшим друзьям? – нарушил молчание Лестер.

– Конечно, найдется, – из толпы вышла молодая черноволосая девушка. На вид ей было лет двадцать пять, не больше. – Если вы мирные путники, мы обязательно предоставим вам ночлег и хороший завтрак, но только при одном условии.

– Какое это условие, юная леди? – улыбнулся Лестер.

– Вы должны разделить с нами наш праздник.

Тут толпа гаркнула, и в воздух взмылись десятки кружек.

– Ну что? Вы принимаете наше условие? – лукаво спросила девушка.

– С большой охотой, – кивнул Лестер.

Музыка вновь заиграла. Люди, осушив до дна свои кружки, вновь принялись плясать и закусывать. Лестер и Рагнер слезли с коней, и красавица, которая с ними говорила, проводила их столу.

– Ешьте и пейте, ничего не стесняйтесь. Будьте как дома. За лошадой можете не волноваться, – добавила она, уловив тревожный взгляд Рагнера в сторону уводившего их коней юноши. – С ними все будет хорошо. Их накормят и напоят.

После этих слов черноволосая красавица, упорхнула словно бабочка.

Лестер, недолго думая, принялся за еду. Он ел и пил так, будто он был своим человеком, словно давно уже знал всех этих людей. Чего нельзя было сказать о Рагнере. Тот, хоть и взялся за еду не думая, поскольку в желудке уже полдня ничего не было, все равно чувствовал себя неловко. Эта неловкость чувствовалась во всем: в том, как он оторвал себе куриную ножку, в том, как он ее кусал, как пил эль, как сидел на стуле.

Спустя какое-то время, девушка вновь подошла к друзьям.

– Как вам угощения? – спросила она, пытаясь отдышаться после очередного танца.

– Очень вкусно. Давно я не ел такого нежного мяса и не пил такого крепкого эля, – улыбаясь, ответил Лестер.

– Я так и знала, что вам все понравится. Как вас зовут? – голос у девушки был такой звонкий и в тоже время мягкий, что в нее можно влюбиться ушами.

– Меня зовут Лестер, а это мой друг Рагнер, – ответил маг мягким тоном, словно говорил с ребенком.

– Меня зовут Сильвия. А почему твой друг все время молчит? Он что, немой?

– Нет, – усмехнулся Лестер. – Просто он немного стеснительный.

Рагнер, и так чувствовавший себя не в своей тарелке, после слов мага еще больше сконфузился.

– Вот глупости, – засмеялась Сильвия и наивно спросила: – Чего же тут стесняться?

– Что вы празднуете? – выдавил из себя Рагнер.

Сильвия засмеялась еще громче, да так, что бедный Рагнер покраснел еще сильнее.

– Он и вправду не немой, – произнесла она сквозь звонкий смех. – Мы отмечаем свадьбу моей сестры, – успокоившись, ответила Сильвия. – Вон она, с белыми лентами в волосах, танцует вместе с мужем.

Сильвия рукой указала на двух молодых людей: девушка, очень похожая на Сильвию, задрав подол юбки, отбивала ногами ритм, который наигрывали музыканты, рядом с ней стоял кучерявый юноша, хлопая в ладоши.

– Она просто красавица, – восхитился Лестер.

– Это точно. За ней пол деревни бегало, но она отдала свое сердце сыну кузнеца. А куда вы путь держите?

Лестер не успел ответить. Вдруг все смолкло. Толпа, прекратив пляски, расступилась, давая кому-то пройти. Некоторое время ничего не происходило, затем послышались слабые, отдаленно разливающиеся звуки флейты. Они были такими нежными и прекрасными, что в один миг заворожили всю публику. С каждой секундой звуки становились все громче и слаще. Они будто невидимое волшебство разлились повсюду, наполнив пространство небывалой радостью и чистой, непорочной красотой, которую присутствующие стали ощущать не только телом, но и душой.

Вдруг появились трое: все как на подбор одинакового роста, тощие, словно спички, с черными волосами и с большими – больше чем у человека – фиолетовыми глазами, источающими невероятно дивный чистый свет. В этих глазах искрилось столько добра и наивности, сколько можно увидеть лишь в детских глазах. Двигалась троица медленно, немного приседая с каждым шагом. Тот, что шёл посередине, держал флейту у губ, очевидно, ту самую, что источала прекрасные завораживающие звуки, пленившие всех без исключения. Тот, что шел справа, нес скрипку, но не играл, хоть смычок готов был тронуть струны. Слева от флейты несли небольшой барабан. Толпа перед ними расступилась словно море. Наконец, музыканты остановились. Тут смычок стал скользить по струнам, и в дело вступила скрипка. Вместе с флейтой они стали прекрасным дуэтом, источающим превосходную музыку.

Невеста и жених вышли вперед, держась за руки, и начали свой танец. Жених обхватил талию девушки, и они поплыли, словно два лебедя среди музыкального озера. Все внимание было устремлено на них. Невеста, выставив вперед правую ножку, скрестила левую ладонь с ладонью жениха, и оба медленно повернулись по часовой стрелке, страстно смотря друг на друга. Хлопок, и невеста лежит в объятиях возлюбленного. Музыканты стали наращивать темп. Жених поднял невесту, и оба сделали два прыжка, выставив правые ноги вперед. Следующий хлопок, и невеста вновь выставила в сторону, теперь уже, левую ножку, а правой ладонью обвила правую ладонь жениха и снова поворот. Хлопок, два прыжка и вот возлюбленные кружатся, весело смотря друг на друга. Музыка приняла совсем бешеный темп. Пара, сделав три скачка вперед, остановилась, невеста упала в объятия жениха, и оба замерли. Музыка смолкла. Послышались аплодисменты и свист. Кто-то что-то крикнул, и молодожены срослись в страстном поцелуе. Люди стали галдеть, заливая в себя эль и вино.

Рагнер и Лестер, наблюдавшие за танцем молодоженов вместе с остальными, развернулись и уже собирались вернуться на свои места, но этого им сделать не дали.

Зазвучал барабан, а затем подключились и флейта со скрипкой. Стала играть веселая ритмичная музыка. Ноги друзей, словно их заколдовали, стали сами по себе, вопреки воле хозяев, двигаться в такт мелодии. Лестер, смеясь, легко поддался этому колдовству и пустился в пляс, как и все остальные жители. Рагнер, зная, что сопротивляться бесполезно, тоже поддался ритму музыки. Неожиданно, словно порхающая пташка, к нему подлетела Сильвия, схватила его за руки, и оба понеслись в самую гущу танцующей толпы.

Повсюду слышались смех и радостные вопли. Все двигались так, словно всю жизнь только и делали, что танцевали – настолько их движения были четкими. Даже старики танцевали, точно им было лет по десять, будто седина и ревматизм никогда их не беспокоили. Всем было весело и задорно, музыка и танцы опьяняли гораздо сильнее любого крепкого напитка.

Так продолжалось довольно долго. Музыка смолкала лишь ненадолго, на несколько минут, чтобы все могли смочить пересохшее горло и передохнуть. Затем, музыканты вновь начинали играть, и снова все плясали, покрасневшиеся и вспотевшие, и очень довольные.

Рагнер веселился от всей души и даже не хотел выпускать из рук Сильвию, которая охотно танцевала с ним и, по всей видимости, никуда от него уходить не собиралась.

Праздник закончился далеко за полночь. Все стали расходиться по домам, музыканты исчезли так же неожиданно, как и появились. Лестера и Рагнера пригласили переночевать в небольшом трактирчике, причем абсолютно бесплатно. Сильвия взялась их провожать. Когда они дошли до небольшого двухэтажного здания, Лестер, незаметно подмигнув Рагнеру, распрощался с девушкой и вошел внутрь. Наступила небольшая пауза, Рагнер и Сильвия стояли друг напротив друга, смотря друг другу в глаза. Рагнер хотел обнять девушку, но та чмокнула его в щеку и, смеясь, упорхнула словно бабочка, оставив его в некотором недоумении. Однако длилось оно не долго – уже через минуту Рагнер вошел в комнату, в которой остановился Лестер. Маг, видимо, не ожидавший такого скорого возвращения друга, недоуменно посмотрел, а затем, улыбнувшись, присел на край своей кровати.

– Что-то ты быстро вернулся. Я думал, что вы еще немного погуляете.

– Я тоже так думал, – с досадой ответил Рагнер. – Но, видимо, не судьба. Она убежала, поцеловав меня напоследок в щеку.

– Прекрасная девушка, – с восторгом заметил Лестер. – Быть может, если бы мы тут остались, мы бы в скором времени играли бы вашу с ней свадьбу, – улыбнулся маг.

– Я так не думаю. Вряд ли бы мы с ней сошлись. Она слишком юна для меня, к тому же немного глупа.

– Не думаю, что она глупая. Она невинна и чиста, как весеннее утро. Таких девушек трудно, порой, найти. А если нашел, то их надо ценить и беречь больше любой драгоценности в мире.

– Давай оставим этот разговор, – Рагнер зевнул. – Я за сегодняшний день так устал, что буквально валяюсь с ног.

– О, да. Сегодняшний вечер был особенно насыщен. Это все благодаря берментам. Это их заслуга, что все так танцевали.

– Я знаю. Бывал я на нескольких праздниках, где они играли.

– Мне тоже помнится один случай. По-моему это тоже была свадьба. Хотя я уже точно не помню. Давно это было. Так вот, на том празднике их было целых пятнадцать.

– Представляю, что там творилось.

– Это было прекрасно, и невыносимо одновременно. Они нас не жалели. Когда праздник закончился, никто не смог идти – настолько все были измотаны. Женщины в самом прямом смысле валились с ног.

Тут Лестер так рассмеялся, что у него даже слезы из глаз покатались.

– Давай спать, – оборвал мага Рагнер, поворачиваясь на правый бок.

В скором времени свечи были погашены, а из двухместной комнаты второго этажа, слышалось тихое и мирное похрапывание.

Дело близилось к полудню, когда Лестер разбудил Рагнера.

– Вставай, – сказал он, когда тот разлепил глаза. – Мы проспали слишком долго. Пора в путь. Пока ты будешь одеваться, я закажу нам завтрак. Жду тебя внизу.

С этими словами маг вышел из комнаты. Рагнер полежал еще минуту, потянулся, и неохотно принялся одеваться.

Лестер спустился по деревянной лестнице вниз и замер. Причиной его столь внезапной остановки стали слова, которыми обменивались хозяин трактира и какой-то небритый мужчина, средних лет, с грязным лицом и жиденькими волосами на голове. Говорившие не заметили его, а потому продолжали вести разговор.

– ... сказал, что их там десятки тысяч. Никаких шансов не было на то, что крепость устоит, – говорил незнакомец полусшепотом.

– Прямо уж десятки тысячи, – звонким басом отвечал трактирщик.

– Правду тебе говорю. Он мне сказал, что они ворвались ночью, когда все спали. Никто толком ничего понять не успел. Ворота сами перед ними отворились. Поговаривают, что кто-то открыл ворота. Возможно не без помощи магии.

– Да неужели? И ты веришь во всю эту чепуху?

– А чего же не верить-то? – незнакомец повернулся в сторону и резко замолчал. Трактирщик тоже повернул голову и увидел стоящего мага. Лестер, растерявшись всего лишь на секунду, быстро овладел собой и уверенно, словно ничего не слышал, направился к стойке, за которой стоял хозяин трактира.

– Как вам спалось? – расплываясь в улыбке, спросил трактирщик. Это был огромный мужчина с густыми усами и обвисшими толстыми щеками.

– Я давненько не спал на такой мягкой и чистой постели, – соврал Лестер. – Думаю, завтрак будет не менее прекрасным, чем проведенная

здесь ночь.

– О, за это я вам ручаюсь. Сегодня мы подаем пшеничную кашу с сыром и клубничный чай.

– Звучит очень аппетитно. Я так проголодался, что готов съесть целого быка, – вновь соврал Лестер.

– Ваш друг спустится или вы будете завтракать один?

– Да, через пару минут он будет здесь, – ответил Лестер, не снимая с лица на протяжении всего разговора, притворной улыбки.

– Я вас понял, – ответил трактирщик.

Лестер развернулся и направился к ближайшему столу, в надежде услышать продолжение разговора, который так внезапно оборвался. Трактирщик отлучился, но буквально через несколько секунд он уже вновь стоял за стойкой и разговор с незнакомцем возобновился.

– Ты и впрямь во все это веришь? – спросил трактирщик.

– А почему не верить? – отвечал незнакомец; его голос стал немного тише, поэтому Лестеру пришлось напрячь свой слух. – Так говорят люди, которые там были. Зачем же им врать?

– Люди много чего могут наплести.

– Уже во всей округе только и говорят, что Пирс в руках братнийцев. И они, по слухам, продолжают двигаться вперед. Думаешь это тоже брехня?

– Нет. Я думаю, что не брехня. А вот все эти разговоры про магию, открывшую ворота, точно брехня. Тем более ты сам говоришь, что все случилось ночью.

– Как хочешь, можешь не верить. Твое дело. Вот только ворота им все-таки кто-то открыл. В этом нет никаких сомнений

Незнакомец хотел сказать что-то еще, но тут появился Рагнер, и разговор прекратился. Трактирщик, растянувшись в той же улыбке, с которой он приветствовал Лестера, осведомился, как ему спалось. Тот ответил что-то любезное, и уселся за стол к магу. Надо сказать, что выражение лица Лестера его удивило – он сидел весь бледный, словно мел, с серьезным и нахмуренным лицом, настолько, что его испещрили десятки глубоких морщин, которых раньше не было.

– Что случилось? – удивился Рагнер. – На тебе лица нет.

– Потом расскажу, – ответил маг.

Подошла низкорослая девушка с подносом и поставила на стол пару мисок, тарелку с сыром, хлеб и две глиняные кружки, из которых

исходил пар. Рагнер принялся за еду. Лестер снова стал напрягать слух, но все было тщетно. Незнакомец распрощался с трактирщиком и ушел. Маг немного посидел, стуча пальцами по столу, затем тоже взялся за завтрак.

Пока ели, не проронили ни слова. Покончив с завтраком, друзья вернулись в комнату, забрали дорожные мешки, и менее чем через пять минут они прощались с трактирщиком.

День был холодным. Солнце то и дело пыталось пробиться сквозь свинцовую пелену туч, лениво плывших по небу. Деревня давно проснулась. Неподалеку, играя, бегали ребяташки. Кто-то кормил скотину, кто-то чинил забор – от вчерашнего веселья не осталось и следа. Деревня вновь жила прежней размеренной жизнью.

Рагнер и Лестер вошли в конюшню – оказалось, что их лошади уже готовы к дороге. Они пристегнули дорожные мешки, и легкой трусцой отправились в путь. Некоторые жители, попадавшие друзьям по пути, с улыбкой кричали им что-то на прощание. Путники махали руками в ответ и благодарили за радушный прием. Через некоторое время они выехали из деревни и, пришпорив коней, помчались галопом на юг.

Около часа ехали молча. Маг о чем-то думал, а Рагнер решил не беспокоить друга. Так продолжалось до тех пор, пока маг не остановился и не объявил привал, к великому изумлению Рагнера, так как старик обычно старался сводить остановки к минимуму, дабы проехать как можно большее расстояние.

Спешились. Рагнер решил немного пройтись, чтобы размяться. Лестер стоял, и о чем-то думал. Наконец, когда Рагнер уселся под одиноким дубом, маг подошел к нему.

– Я кое-что услышал в трактире, прежде чем ты спустился.

– Рассказывай, – Рагнер с любопытством посмотрел на мага.

– Какой-то незнакомец, который стоял рядом со стойкой, – начал Лестер, усаживаясь рядом с Рагнером, – рассказывал трактирщику очень интересные новости. Он сказал, что братницы заняли Пирс и продвигаются дальше.

– Ну, дела, – присвистнул Рагнер. – Значит, война все-таки началась.

– Да. Но это еще не все. Он так же сказал, что ворота в крепость кто-то открыл. Якобы не без помощи магии.

– Думаешь, тут замешано колдовство?

– Я не знаю и не берусь что-либо утверждать. Трактирщик не поверил в рассказы о потусторонних силах, которые могли помочь открыть ворота крепости. Однако он не знает того, что знаем мы. Вестермская книга похищена – это раз, – принялся рассуждать Лестер. – Второе – в замке обнаружили братническую застёжку для плаща. И вдобавок к этому пала крепость Пирс. Причем есть вероятность, что тут не обошлось без колдовства. Хотя и предательство нельзя исключать. Может быть тут замешано и то, и другое.

– Ты думаешь, кто-то знающий с темными силами помог братницам захватить крепость?

– Я больше склоняюсь к той мысли, что какой-то темный колдун помог братницам выкрасть книгу из замка. Возможно, он же помог в захвате крепости. Но утверждать что-либо наверняка не могу. Однако тот факт, что слишком много невероятных событий произошло за столь короткий промежуток времени, приводит меня в беспокойство. По всей видимости, король Бренер связался с темными силами. И я боюсь, что все это может закончиться печально.

– Думаешь, он и есть тот самый Аррадон?

– Возможно он. А возможно кто-то другой. В любом случае нужно разыскать ярмские камни как можно скорее. Без них ни Бренер, ни кто-либо еще не сможет обрести никакого могущества, которым наделяет Вестермская книга. Иначе наступит царство тьмы и тогда всему придет конец.

Маг поднялся с места и пошел к коню.

– Уже уезжаем?

– Да. Нам нужно торопиться. Нельзя терять времени.

Вечерело. Солнце медленно катилось к горизонту, когда на дороге среди лесной чащи возникла деревянная повозка, доверху набитая сеном. Она располагалась таким образом, что преграждала дальнейший путь.

– Думаешь, кто-то специально ее здесь бросил? – спросил Рагнер, доставая из ножен меч.

– Возможно, какие-нибудь разбойники застали путника врасплох. Надо осмотреться, вдруг кому-нибудь нужна помощь.

– А мне кажется, что это засада.

– А вдруг там лежит какой-нибудь раненный? Давай-ка быстренько осмотримся и, если никого не найдем, тут же уедем.

– Не нравится мне эта затея.

Друзья настороженно сбавили ход и медленной трусцой направили коней к повозке. Рагнер озирался по сторонам, высматривая хищным взглядом голубых глаз все, что могло вызвать подозрение. За любым деревом или кустом мог прятаться кто угодно. От этого становилось не по себе. Подъехав вплотную к повозке, друзья спешили и, по-прежнему озираясь по сторонам, стали медленно ее обходить кругом, пытаясь разыскать хоть кого-нибудь живого. Медленно, словно охотник боящийся спугнуть добычу, Рагнер ступал по земле, сжимая рукоять меча. Он старался держаться подальше от повозки, опасаясь, что кто-нибудь выпрыгнет из большого стога сена.

– Рагнер, сюда! – послышался голос мага.

Рагнер быстрыми шагами обошел повозку и увидел Лестера, склонившегося над молодой девушкой. Та лежала на спине, не подавая никаких признаков жизни.

– Живая, – заключил маг, поднимаясь на ноги. – Но без сознания. Надо бы увезти ее отсюда куда-нибудь подальше.

Рагнер убрал меч в ножны, и хотел было взять ее на руки, как вдруг незнакомка со стоном раскрыла веки и посмотрела на друзей, склонившихся над ней темными, как переспелая вишня, глазами.

– Не бойся, не бойся, мы тебя не обидим, – нежно сказал Лестер.

По всей видимости огромный лысый Рагнер не вызвал у нее какого-либо доверия, поскольку как только она посмотрела на него, ее красивое худое лицо исказила гримаса ужаса и незнакомка, стала вырываться из мощных рук, обвинивших ее тело в готовности поднять с земли.

– Тише-тише, – продолжил лепетать маг, пытаясь успокоить испуганную девушку. – Мы не желаем тебе зла. Рагнер лучше отойди от нее. Не станем нервировать несчастную.

Рагнер и сам готов был бросить незнакомку, которая билась у него в руках, словно ее схватил разбойник, который собирался утащить ее в лес. Отойдя от нее на пару шагов, он остановился рядом с Лестером. Девушка, словно дикий зверь, загнанный в угол, вскочила и попятилась, не выпуская из вида двух путников.

– Послушай, – заговорил Рагнер, – мы не причиним тебе зла. Тебе не стоит нас бояться. Мы хотим лишь помочь.

– Кто вы такие? – резко спросила незнакомка.

Прядь каштановых волос ниспала ей на глаза, и она попыталась ее сдуть, но та непослушно вернулась на прежнее место.

– Мы два мирных путника, которые едут на юг. Меня зовут Рагнер, моего друга – Лестер.

– Мы ехали по этой дороге и случайно наткнулись на эту телегу, – вступил в разговор маг. – Мой друг решил, что это западня, а я подумал, что на кого-то напали разбойники и, возможно, тут остался кто-нибудь в живых и нуждается в помощи. Поэтому мы осмотрелись и обнаружили тебя.

– Мы думали, что ты без сознания и решили помочь.

– Как тебя зовут? – спросил Лестер.

– Виола, – ответила девушка.

– Что здесь случилось, Виола?

Девушка, осознав, что друзья и в самом деле не несут никакой опасности, немного расслабилась, хотя по-прежнему смотрела на них недоверчиво.

– Мы с отцом возвращались из «Двух ручьев» домой. Когда въехали в лесную чащу, на нас напали разбойники. Они требовали деньги, которые мы выручили за продажу трех коров. Но мой отец не собирался расставаться с нажитым добром. Он у меня был не из пугливых, а потому отказался что-либо им отдавать.

– Очень разумно с его стороны, когда едешь вместе с молодой дочерью, – саркастически заметил Рагнер.

– Из «Двух ручьев»? – спросил Лестер.

– Да, так называется деревня. Она располагается неподалеку от устья двух ручьев. Поэтому ее так и назвали.

– Так, значит, завязался бой? – спросил Рагнер, перед этим многозначительно глянув на мага.

– Да, мой отец попытался отбиться, но у него ничего не получилось, – при этих словах в глазах Виолы блеснули слезы, а голос, звучавший до этого уверенно, дрогнул. – Они убили его и отобрали все деньги.

– А что с тобой произошло? – вновь спросил Рагнер; он снова принялся подозрительно осматриваться по сторонам. – Тебя они не

тронули?

– Меня ударили по голове и изнасиловали, – тут у Виолы слезы покатались градом по щекам и она начала безудержно рыдать.

Рагнера же это нисколько не тронуло. Напротив, он медленно отошел подальше от повозки и положил ладонь на рукоять меча. Как бы ни была трагична история, которую друзья слышали, было три странных обстоятельства, которые ни от Лестера, ни от Рагнера не ускользнули. Во-первых, никакой отец не станет ввязываться в драку с разбойниками из-за денег, когда вместе с ним в повозке едет молодая красавица-дочка. В подобной ситуации отдашь все, что потребуют лишь бы уберечь ее от опасности. Во-вторых, нигде не было трупа несчастного отца, который не захотел расстаться с деньгами. Третье, и самое подозрительное во всей этой ситуации, это то, что дочь разбойники бросили здесь, прямо на дороге. К тому же, эта красавица с большими глазами и худыми румяными щеками, никак не похожа на девушку, которую еще совсем недавно изнасиловали. Напротив, она выглядела бодрой, пышущей отменным здоровьем девицей. Ни ссадины, ни царапины нет. Неужели она не сопротивлялась разбойникам? К тому же, Виола была необычайно красивой. Таких девушек ни Рагнер, ни Лестер еще не видели. Даже сейчас, когда она лила горькие слезы, ни одна морщинка не портила ее прекрасного лица. Все это показалось друзьям очень подозрительным. Оба обменялись многозначительными взглядами. Рагнер, медленно отступая, достал из ножен меч. Лестер же обратился к Виоле:

– Бедняжка, – сказал он наигранно сочувствующим тоном. – А где же тело отца?

– Они забрали его с собой, – сквозь слезы ответила Виола. – Один из разбойников сказал, что они продадут его знакомому каннибалу.

– Вот как, – ответил маг.

– Что вы делаете? – спросила Виола, заметив, как Лестер снял с пояса мех с водой.

– Ты вся в слезах. Тебе надо умыться, – добродушно ответил маг.

– Нет, я не хочу умываться! – резко ответила Виола и вдруг перестала плакать.

– Но у тебя все лицо в грязи, – соврал старик. – Вон, все щеки в разводах. Давай я тебе полью, и ты умоешься.

– Нет, я не буду умываться, – Виола отпрыгнула от протянутого меха с водой, как ошпаренная.

Лестер плеснул воду прямо в лицо Виолы. От кожи с шипением повалил пар, будто от кипящего на огне котла. Виола завизжала, схватилась за лицо, пытаясь вытереть мерзкую жидкость, но всё было тщетно. Она, наконец, убрала руки – вода сделала своё дело, развеяла чары. Теперь на друзей смотрела уродливая старуха. Смотрела со жгучей, лютой ненавистью, невзирая на то, что глазницы были пусты.

– Хватайте их! – гаркнула ведьма, словно облезлая ворона.

Из чащи с мечами наголо, рыча да улюлюкая, выбежали четверо разбойников.

Один из них – бородатый здоровяк кинулся на Рагнера. Понадеялся на силу и внезапность, вознамерившись сразу же проткнуть противника, но Рагнер играючи парировал выпад и впечатал кулак в оскалившуюся морду разбойника. Хрумк! – сломался нос, потекла на грязные усы кровь из ноздрей. Враг заныл от боли, попятился и выронил меч, схватившись за расквашенный нос. Прыжок вперёд, рубящий удар, и голова противника глухо стукнулась о землю. Мгновением позже рядом безвольным мешком рухнуло обезглавленное тело, из раны которой пульсировала кровь.

Двое бандитов, завидев быструю и безжалостную расправу над товарищем, с угрожающими криками бросились на Рагнера. Воин прижался спиной к дереву, чтобы не дать себя окружить, чтобы держать обоих противников в поле зрения.

Двое против одного – хороший расклад в пользу разбойников. Сейчас они прикончат загнанного в угол зверя. Так им казалось, пока Рагнер ловким движением не выбил меч из руки первого противника. Вжик! – клинок воина сверкнул в лучах алого солнца размытым полумесяцем, и на горле бандита появилась красная полоса, из которой обильно потекла кровь. Враг захрипел, схватился за горло и с расширенными от удивления глазами повалился в траву.

Второй тут же растерял всю свою уверенность. Это тебе не крестьян каких-нибудь резать, стоящих на коленях и со слезами молящих о пощаде. Кучка шакалов наткнулась на матёрого волка, посчитав, что смогут задавить числом.

Оставшись в одиночестве, разбойник попятился, развернулся и кинулся было бежать, да только успел сделать два шага – меч Рагнера

пронзил того насквозь. Бандит, не веря, уставился на окровавленную сталь, с хрустом пробившую ему грудь. Рагнер пнул врага, одновременно выдёргивая клинок...

Пока Рагнер справлялся с тремя разбойниками, Лестер тоже не стоял без дела. Бандита маг встретил воздушным молотом. Враг с криком отлетел назад и кубарем покатился по траве. Всё, на оглушённого разбойника можно некоторое время не обращать внимания.

Ведьма с отвратительными криками кинулась на старика. Маг не в первый раз сталкивается с такими колдуньями, и все же ему пришлось в течение нескольких секунд отбивать магическим щитом возникавшие перед ведьмой огненные шары. Виола метала их в Лестера один за другим, не давая противнику опомниться. Так она считала. Возможно, будь старик рядовым волшебником, она бы преуспела. Да только Лестер, удерживая щит, создал шар света. Тычок посохом в сторону врага, вспышка и визжащая от ожогов ведьма попятилась. Не давая подлой твари прийти в себя, маг метнул еще один шар. Взрыв! – голова мерзкой старухи лопнула, точно спелый арбуз. Ведьма упала на колени, а затем повалилась в траву.

– Я же говорил, что это засада, – сказал Рагнер, вытирая меч о тело четвёртого бандита, которого он успел добить, пока Лестер разбирался с ведьмой.

– Все равно стоило проверить. Не мы, так другие бы на них нарвались. И возможно, им не удалось бы отбиться, – Лестер облегчённо вздохнул, погасив щит.

– Поэтому мы благородно приняли удар на себя, – усмехнулся Рагнер, возвращая меч в ножны.

– Ну, мы-то отбились. Тебя не так легко повалить. К тому же, неизвестно как давно они тут промышляли. Сколько таких же путников смогли обмануть и убить.

– Ладно, я согласен, что мы сделали благородное дело. Поехали, а то мне тут не нравится.

– Согласен. И так время потеряли.

Глава 11

После того, как крепость Пирс пала под натиском братнийцев, настроение короля Бренера значительно улучшилось. Все волнения последних дней, в особенности те, что возникли во время битвы, куда-то исчезли. На их месте взросли радость и удовлетворенность. Бренер стал ощущать себя не просто королем, который правит страной, но владыкой, одержавшим победу над фильнийцами. Конечно, его волновало то, что победа была не совсем честной, так как ему помогла неведомая сила, о которой он, разумеется, никому не рассказал, но он быстро отделался от этих мыслей. Какая, в конце концов, разница, как он одержал победу? Главное, что первоначальная цель войны достигнута, а каким образом – неважно. В конечном счете, потомки будут помнить эту победу, а не то, как она достигнута.

Прошел день, другой. Эйфория от грандиозного успеха начала исчезать, а на ее месте возникал очень важный вопрос: что делать дальше? Победа в одной битве, это еще не победа в войне. Очень скоро фильнийские войска могут подойти и выбить братнийцев из крепости. Необходимо наступать дальше, причем очень быстро и решительно, не давая неприятелю опомниться.

Раннее утро. За окном солнечно – как раз под стать настроению Бренера. Слуга подает ему завтрак. Король ест в столовой, в которой еще совсем недавно принимал пищу Фэйтон. С тех пор, как крепость заняли братнийцы, обстановка нисколько не изменилась: небольшая комната, в которой расположился дубовый стол, несколько стульев и пара картин – вот и все убранство. Конечно, не дворцовые покои, но Бренера это не волновало. Он не собирался долго задерживаться в крепости. Прикончив завтрак, состоящий из двух куриных ножек, вареного картофеля и бокала вина, Бренер встал из-за стола, прошелся, потянулся и вышел из столовой.

Пройдя по длинному серому коридору с высоким потолком, изъеденным трещинами, он остановился возле большой деревянной двери. Страж в черных доспехах, стоявший рядом, вытянулся струной, приветствуя короля. Затем он потянул за дверную ручку, дверь отворилась, и Бренер вошел внутрь.

Комната была небольшой. Все ее убранство составляли круглый деревянный стол, несколько стульев, старый книжный шкаф и небольшое потертое коричневое кресло, в котором когда-то сидел наместник Фэйтон. Теперь же это кресло занял Бренер. Помимо него в комнате присутствовали трое: Кеслер, Валтер и Айрен. Они стояли возле стола, на котором лежали карты и какие-то бумаги.

– Присаживайтесь, господа, – пригласил Бренер присутствующих, усаживаясь в кресло. – До чего же тут мрачно и грязно, – брезгливо заметил он, окидывая взглядом голубых глаз закопченный от свечей потолок и грязные, пыльные стены. – Надеюсь, во дворце короля Милата будет почище, – ухмыльнулся он белоснежной улыбкой.

– Ваше величество, я слышал, что дворец Милата считается самым роскошным зданием во всей Фильнии, – заметил Айрен.

– Надеюсь, что в скором времени я смогу убедиться в этом лично.

– В этом не может быть никаких сомнений, – сказал Айрен, слегка склонив голову, показывая присутствующим плешь, которая с возрастом всё больше разрасталась.

– Точно так, ваше величество, – бойко произнес Валтер. – Под вашим мудрым предводительством наша армия скоро дойдет до Ландрсмита, и тогда король Милат сам сдастся вам. И мы наконец-то сможем вернуть все земли, которые фильнийцы отняли у нас за многие годы.

– Разумеется, Валтер. Мы уже показали неприятелю, чего стоят наши солдаты. Миф об их неприступной крепости развеян. Но давайте прекратим пустые разговоры и приступим к делу. Итак, нам необходимо продолжать наступление, и я готов выслушать ваши предложения по этому поводу.

– Ваше величество, – прохрипел Кеслер. – Есть два варианта дальнейших действий.

Кеслер склонился над картой. Айрен и Валтер последовали его примеру. Бренер всего лишь опустил взгляд, при этом вид у него был такой, словно он смотрел на мух, копошащихся в навозе.

– Первый – Керсабор, второй – Батсония, – продолжал Кеслер, показывая города на карте указательным пальцем. – Так как вестей о приближении фильнийских войск не поступало, думаю, что они направились к одному из этих городов.

– Простите, ваше величество, – вмешался Айрен, – но я должен возразить главному военному начальнику страны.

– Говорите, Айрен.

– Я считаю, что Кеслер может ошибаться. Вполне возможно, что фильнийцы уже движутся сюда, чтобы выбить нас из крепости, и вновь ею овладеть. То, что их не обнаружила наша разведка – это всего лишь вопрос времени.

– Я полностью поддерживаю Кеслера, – Валтер резко поднял голову и прядь кучерявых каштановых волос ниспала ему на глаза. – Простите, ваше величество, – осекся он, поправляя непослушную челку.

– Ничего страшного, продолжайте, Валтер.

– Благодарю вас. Как я уже сказал, я полностью поддерживаю Кеслера, и вот почему. Фильнийцы были уверены, что крепость Пирс неприступна, а их армия непобедима. В итоге, крепость пала и находится в наших руках. Для фильнийцев это ужасное потрясение. Они такого никак не ожидали. Поэтому они вряд ли сейчас пойдут отбивать крепость. Гораздо проще обороняться, изматывая противника, чем наступать и нести большие потери. Я бы на их месте поступил так: дал бой, имея за спиной крепкие городские стены.

– Ваши доводы весьма убедительны, но на какой именно город нам следует продолжить наступление?

– Я считаю, что фильнийская армия станет защищать в первую очередь город Керсабор, – заговорил Кеслер, устремив на короля серьезный взгляд. – Данный город имеет важное стратегическое значение, поскольку через него проходят торговые пути и, кроме того, захватив Керсабор, мы откроем прямой путь на Палбридж от которого всего сутки пути до Ландрсмита. Фильнийцы это прекрасно понимают, а потому не станут рисковать, уводя свою армию к Батсонии.

– Что же вы предлагаете Кеслер? Наступать на Керсабор? – поинтересовался Бренер.

– Нет, ваше величество. Я считаю, что нужно наступать на Батсонию.

– Но почему? – удивился король. – Разве не логичнее начать наступление на Керсабор? Вы же сами сказали, что этот город очень важен для фильнийцев. Там мы сможем разбить неприятельское войско, оставив Милата без армии.

– Однако, ваше величество, если мы двинемся к Керсабору, то рискуем увязнуть там и, в конечном счете, есть вероятность что и мы потеряем армию.

– Почему же вы считаете, что мы там потеряем армию?

– Потому что мы не сможем долго продержаться, ваше величество. У нас очень быстро кончатся запасы провизии, в то время как у фильнийской армии такой проблемы явно наблюдаться не будет. Их армию будет кормить город Керсабор. Кроме того, лучники со стен этого города, подстрелят немало наших солдат. Нам неоткуда будет ждать помощи, ваше величество. Раненых и убитых будет все больше, а провизии все меньше. В таких условиях вести бой невозможно. Мы можем проиграть войну.

– Значит, вы все-таки настаиваете, что необходимо двигаться на Батсонию?

– Да, ваше величество, – услышался твердый и непреклонный ответ Кеслера. – Захватив Батсонию, мы сможем пополнить в этом городе свои обозы, а в случае опасности занять там глухую оборону.

– А как думают остальные?

– Я считаю, ваше величество, что нам нужно двигаться к Керсабору и дать там бой. Мы не знаем численность армии противника, однако есть все основания полагать, что вражеское войско не так многочисленно, иначе фильнийцы двинулись сюда и попытались бы выбить нас из крепости, – заключил Айрен.

– Не стоит недооценивать противника, Айрен, – сказал Кеслер; в его голубых глазах загорелся недобрый огонек. – Зачем им идти в лобовую атаку, рискуя потерять армию под стенами собственной же крепости? Я уверен, что фильнийские командиры не так глупы, как может думать главный придворный паук, – с этими словами он брезгливо посмотрел на Айрена.

Тот посмотрел мелкими мышинными глазками на Кеслера и растянулся в улыбке, за которой трудно было угадать истинные помыслы ее обладателя.

– Как один из главных военных помощников его величества, – продолжил Кеслер, поворачиваясь к Бренеру, – я хочу заметить, что сейчас глубокая осень и вот-вот наступит зима. Без продовольствия трудно сражаться с противником, у которого за спиной крепкие городские стены. Даже если мы и одержим победу, – в чем я лично

сомневаюсь, говорю это абсолютно откровенно, – то пожинать эти плоды будет некому. От нашей армии останется жалкая горстка солдат, которая не способна будет участвовать в каких-либо серьезных сражениях. Еще одну такую многочисленную армию ваше величество уже не соберет. Поэтому я настаиваю на том, что необходимо двигаться на Батсонию, оттягивая решающее сражение с противником как можно дальше.

Воцарилась тишина. Бренер был в замешательстве. С одной стороны он хотел наступать на Керсабор и там же разбить армию неприятеля. Однако доводы Кеслера были такими убедительными, что он не смог возразить против них. Тогда он решил спросить мнение самого молодого из своих помощников.

– А вы что думаете, Валтер?

– Ваше величество, я с почтением и глубоким уважением отношусь к Кеслеру. Он опытный воин, а потому не могу не согласиться с ним. Я полагаю, что он прав.

– Что ж, господа, – после небольшой паузы сказал Бренер. – Решение принято. Завтра на рассвете мы двигаемся на Батсонию.

Вечер был тихий спокойный. После ужина Бренер сразу же направился в спальню, в которой когда-то спал наместник Фэйтон. Обстановка в ней не изменилась: та же старая, но довольно просторная деревянная кровать с разохшимися стенками, то же кресло с потертой кожаной обивкой. На полу лежит старый, изъеденный молью бордовый ковер с рисунками. На стене висит тот же портрет с изображением зрелого юноши с румяными щеками и гордым, полным отваги взглядом. Когда-то он напоминал о былой молодости Фэйтону, теперь же это был всего лишь холст, который Бренер приказал оставить, когда слуга хотел его снять. Возле стены, напротив кровати, по-прежнему стоит небольшой столик, на котором расположился канделябр с зажжёнными свечами. Всё то же самое, как и раньше, за исключением одного предмета – зеркала.

Его принесли сюда этим утром по распоряжению короля. Зеркало было без рамы, прямоугольной формы, довольно большое. В некоторых местах виднелись крупные царапины, что придавало ему какое-то особенное уродство. Но что поделать! Во всей крепости, это единственное большое зеркало. Видимо, обитавшие тут люди, не особо следили за внешностью. Это и не мудрено. Ведь тут в основном

жили солдаты, а главное, за чем они должны следить в крепости – это сила и техника удара, чистота оружия, меткость стрельбы из лука. Поэтому, когда король Бренер не обнаружил нужного предмета ни в кабинете Фэйтона, ни в его спальне, он приказал перевернуть всю крепость, но найти ему зеркало. Так и получилось. Слуги и солдаты перевернули всю крепость. Они метались повсюду, словно муравьи возле разоренного муравейника. Приносили множество зеркал: маленькие, средние, круглые, квадратные, овальные, круглые в деревянной раме, прямоугольные в металлической раме в виде цветов, но все они были отвергнуты ввиду отсутствия у них самого важного параметра – нужного размера. Бренер хотел, чтобы зеркало было большим в длину его роста. Наконец, принесли большое зеркало – какой-то солдат нашел его в подвале одного из домов. После того как с него были удалены пыль и паутина, оно было представлено королю. Как только Бренер взглянул на него, он тут же приказал поставить его в спальне. И теперь он расположился в кресле напротив него и принялся ждать.

После одержанной победы Бренер понял, что незнакомцу вполне можно доверять. Но вот как его имя? Почему он не хочет назвать его? Кто он вообще такой и чем ему так насолил король Милат, что он решил помогать братнищам? Ответы на эти вопросы Бренер не знал. Единственное, в чем он был уверен, что этот неведомый помощник – колдун. Вроде бы этого знания достаточно, и, тем не менее, после одержанной победы, любопытство к незнакомцу возросло. Кроме того, Бренер надеялся, что колдун подскажет, как действовать дальше, куда следует наступать. Конечно, на совете со своими помощниками он принял решение наступать на Батсонию, но Бренер все-таки еще сомневался. Может колдун знает что-то еще? Вдруг он и в этот раз подскажет нечто такое, чего не знают ни его помощники, ни кто-либо еще. Вот король и сидел перед зеркалом уже на протяжении двух часов.

Солнце давно скрылось, положив конец очередному дню. Спальню освещали лишь пара свечей, из-за чего она казалась мрачной и немного загадочной. Бренер по-прежнему сидел в кресле и смотрел в зеркало. В полумраке его отражение напоминало неподвижную тень, словно это был какой-то призрак. Вдруг этот призрак исчез, и зеркало

вспыхнуло ярким синим светом. Бренер ненадолго зажмурился. Когда он открыл глаза, в зеркале стояла темная фигура в капюшоне.

– Здравствуй, король Бренер, – голос незнакомца, как и раньше, звучал будто из трубы.

– Здравствуй.

– Поздравляю тебя с твоей первой победой, – торжественно сказал колдун из зеркала.

– Это не только моя победа. Ведь ты мне помог. А без твоей помощи, неизвестно как все могло бы обернуться. Но, впрочем, это и неважно уже.

– Я с тобой полностью согласен, Бренер. Но ты, как я вижу, давно здесь сидишь.

Король по-прежнему оставался в кресле и даже не попытался приподняться, когда появилась фигура.

– Ты ждал меня? – продолжал незнакомец.

– Да, ты прав. Я сижу здесь довольно долго.

– У тебя есть ко мне вопросы? – ехидно спросил незнакомец.

– Да, есть, – ответил Бренер так, словно говорил со слугой.

– Превосходно. Я рад, что ты стал доверять мне.

– Ты заблуждаешься. Я бы не сказал, что это полное доверие, но и недоверием это назвать нельзя.

– Это все же неплохо. Я уверен, что в скором времени ты станешь мне полностью доверять. Благодаря моим советам ты войдешь в историю, как король, который смог отобрать все захваченные фильинцами земли. О тебе и твоих воинах станут слагать легенды, Бренер. Я уверен, что твои подданные уже прославляют твое имя. В свою столицу – город Варридук – ты вернешься окутанный славой.

– Если я и дальше стану одерживать победы, то так и будет, – ответил Бренер.

– Итак, я полагаю, тебе нужен мой совет, как поступить дальше?

– Да. Но, для начала, мне хочется узнать кто ты такой и как твое имя?

– Этого я тебе пока что сказать не могу. Не переживай, Бренер. Настанет день, и ты узнаешь, кто я, – говоривший сделал особое ударение на словах «кто я». – А до тех пор называй меня просто друг или советник. Как твоему величеству будет угодно.

«Почему он так скрывает себя?» – пронеслось в голове короля.

– Что ж, не хочешь – не говори. Дело твое.

– Итак, мой дорогой Бренер, – продолжал незнакомец после небольшой паузы, – ты не знаешь, куда тебе вести свою армию в Батсонию или в Керсабор?

– Сегодня со своими помощниками я решил двигаться на Батсонию, но я не совсем уверен в правильности этого решения.

– А почему ты решил, что нужно двигаться именно на Батсонию?

– Потому что Керсабор имеет очень важное стратегическое значение для Фильнии. Именно этот город фильнийская армия будет оборонять в первую очередь. Поэтому мой военный советник считает, что нужно наступать на Батсонию. Он думает, что если мы двинемся на Керсабор, то потерпим поражение. Таким образом, он пытается оттянуть столкновение с фильнийской армией как можно дальше. Хотя мне хочется взять Керсабор и разбить армию короля Милата под стенами этого города.

– Хм, у тебя мудрый военный советник, но он ошибается. Да, город Керсабор имеет ключевое значение для Фильнии, однако, фильнийская армия двинется на Батсонию. Поэтому ты можешь направляться к Керсабору. Ничего опасного тебя там не ждет.

– Как такое возможно! – удивился Бренер. – Милат совсем сошел сума? Он же прекрасно знает, как важен для него Керсабор и все равно посылает свою армию в Батсонию! Видимо, он совсем ничего не понимает в военном деле, – усмехнулся Бренер.

– Милат не сошел сума, – ответил незнакомец. – Фильнийская армия движется на Батсонию совсем по другой причине.

– По какой же такой причине?

– Есть в этой стране паразиты, которые свою выгоду ставят выше интересов страны и короны.

— Что это за паразиты такие? Или ты и этого мне не скажешь? – язвительно спросил Бренер.

– Не так уж это и важно. Главное, что их деятельность позволит тебе взять Керсабор.

«Опять он ничего не хочет говорить», – Бренер начинал злиться.

Ему стало ужасно противно от всех этих тайн и недосказанностей. В какой-то момент ему захотелось запустить в зеркало канделябром, но он совладал со своими чувствами.

– Значит, нужно двигаться на Керсабор? – сухо спросил король.

– Да, Бренер, двигайся на Керсабор. И еще кое-что, король, – резко добавил незнакомец. – Наш разговор больше не является приватным. Прямо сейчас нашу беседу подслушивают за дверью.

Бренеру показалось, что он ослышался. Такие слова были для него как гром среди ясного неба. Его подслушивают! Да, как такое вообще может быть?! Кто мог осмелиться на такую дерзость?!

– Кто это? – спросил Бренер.

– Один из твоих приближенных. Твой очень близкий советник.

Бренер вскочил и устремился к входной двери. Он резко дернул за ручку, но никого уже не было, лишь издалека до него донеслись эхом звуки убегающего человека.

Глава 12

После того, как король Бренер сказал, где необходимо искать тайный проход в крепость Пирс, Айрен сильно заинтересовался. Особенно, ввиду того, что информировал короля обо всем на свете именно он. Поэтому, после завершения совещания Айрен решил выяснить, откуда Бренер узнал про тайный проход. Этот пятидесятилетний паук повсюду имел своих людей, которые следили за многими вещами, как в королевском дворце, так и за его пределами. От его мелких мышинных глазок ничего не ускользало. Айрен знал абсолютно все: кто и когда приходил к королю, о чем шла беседа, когда Бренер поедет на охоту и прочие подобные вещи. Он все знал о придворных. Его информаторы постоянно следили за ними и докладывали чуть ли не о каждом их шаге. Затем он сообщал королю то, что ему необходимо было знать. Именно поэтому многие приближенные короля ненавидели и с опаской относились к Айрену и его шпионам. Бренер был доволен тем, как работает Айрен, и тот прекрасно это знал. Но совещание у короля, на котором Бренер очень уж нелестно высказался в адрес Айрена, все перечеркнуло. Паук почувствовал неприятный укол в свою сторону. Его самолюбие было затронуто настолько сильно, что он после окончания совещания тут же принялся расспрашивать сначала Кеслера, а затем и Валтера о том, было ли им известно что-нибудь об этом тайном проходе. Разумеется, оба ничего не знали.

Тогда Айрен решил пойти дальше. Он дал указание своим людям следить за королем и докладывать ему обо всем, даже о любой мелочи. Так дело и пошло. В скором времени Айрен знал все, что происходило с Бренером, но никаких намеков на то, откуда король мог узнать о расположении тайного прохода, не было.

Но тут произошла одна ситуация. Нельзя сказать, что она была очень интересной, но достаточно подозрительной, чтобы привлечь внимание Айрена. Король Бренер приказал добыть ему большое зеркало. Паук понял, что это неспроста. Словно крыса учуявшая сыр, он почувствовал в этой истории с зеркалами какой-то подвох. Ему показалось очень странным, что Бренер, так внезапно захотел зеркало, да еще и большое. В самом деле, для чего оно могло ему

понадобиться? Даже если Бренер хотел полюбоваться на свое отражение, то почему он отклонил все остальные? Ведь было столько вариантов. Да и вообще Бренер не любил заниматься самолюбованием. По его мнению такое поведение мужчине не к лицу. Айрен знал эту черту характера Бренера как никто другой. К тому же, в походных условиях зеркало даже для короля было далеко не самым необходимым предметом. Нет, тут явно была скрыта какая-то другая причина. Айрен был в этом уверен. Поэтому, после того как Бренер, поужинав, отправился в спальню, Айрен последовал за ним. От стражи он избавился очень просто – достаточно было сказать, что этим вечером охранять его величество будет он сам по распоряжению короля.

Оставшись один возле деревянной двери с облупившейся темно-синей краской в мрачном коридоре, освещенном факелами, Айрен прислонил ухо к замочной скважине и стал слушать. Долгое время в спальне было тихо. Не раздавалось ни единого звука. Айрен посмотрел в замочную скважину и увидел сидящего напротив зеркала короля. Но ничего не происходило. Казалось бы, ради чего тут дальше стоять? Но Айрен не собирался уходить, предчувствуя какое-то событие. Вскоре его ожиданиям суждено было оправдаться.

Из спальни короля стали доноситься какие-то звуки. Айрен прислушался и различил голос Бренера. Но с кем он говорил? Айрен снова прильнул к замочной скважине. То, что он увидел, изумило его: король сидел в кресле и разговаривал с зеркалом, причем оно ему отвечало. Ужас овладел Айреном. На плешивой голове тут же появились капельки пота, сердце забилось с бешеной скоростью. Так вот откуда Бренер все знает! Кто-то ему помогает. Уж не связался ли он с темными силами? Все мысли Айрена перемешались. С минуту он стоял, не зная, что ему делать дальше, то ли бежать, то ли остаться и выяснить все до конца. Любопытство взяло верх – Айрен продолжил смотреть и слушать. С каждой минутой, с каждым сказанным за дверью словом, росло его внутреннее напряжение. Пот в три ручья стекал по лицу и спине, но он даже не думал покинуть свою позицию. И вдруг он услышал то, чего совсем не ожидал. Зеркало сказала, что их с Бренером подслушивают. После этих слов Айрен мигом отскочил от двери. Леденящий ужас сковал все его внутренности. С маской неподдельного страха на лице, он медленно стал пятиться. Его

раскрыли. Сейчас король выйдет, и тогда ему конец. Его непременно убьют прямо здесь. Но дверь почему-то еще не открылась.

Подчинившись инстинктам, Айрен бросился бежать. Когда он был у лестницы, до его слуха донесся скрип открывающейся двери. Не помня как, он спустился по лестнице и очутился на улице. «Бежать! Бежать!» – кричал внутренний голос.

Ночь была морозной и звездной. Кое-где все еще горели костры, а возле них сидели солдаты и рассказывали истории. Где-то слышался смех, откуда-то доносились звуки точильного камня, скользящего по лезвию. Всюду царило спокойствие. Айрен быстро добрался до своего шатра, наспех собрал сумку и в скором времени покинул крепость Пирс...

Утром, когда в шатер к Кеслеру вошел Бренер, тот стоял вместе с Валтером, склонившись над картами, обсуждая детали относительно дальнейшего продвижения войска. При появлении короля оба слегка поклонились в знак приветствия. Бренер окинул беглым взглядом стол и, приподняв подбородок, со свойственным ему высокомерным тоном сказал:

– Чем заняты мои помощники?

– Ваше величество, мы как раз обсуждали наиболее оптимальный путь к Батсонии, – последовал учтивый ответ Кеслера. Тут в шатер вошел солдат и, глубоко поклонившись, торжественно объявил:

– Ваше величество, прибыл гонец из Варридука.

– Пускай войдет, – приказал Бренер.

Солдат тотчас вышел, и в шатер вошел невысокий мужчина с тонкой полоской усиков.

– С чем пожаловал? – спросил король.

– Принц Герберт приказал мне доставить вам это письмо, – гонец протянул Бренеру запечатанный сургучом конверт.

Король взял его, надломил печать и тут же принялся читать.

«Дорогой брат! От всей души поздравляю тебя с этой грандиозной победой. Народ Братнии который день прославляет своего короля и его войско. Скажу без преувеличения, что как только новости о захвате Пирс достигли Варридука, жители стали выходить на улицы и танцевать. Первая за многие годы победа опьянила всех. Придворные только о ней и говорят. Я, должен тебе признаться, радовался как мальчишка, которому подарили долгожданную игрушку, когда узнал, что наша армия, под твоим мудрым руководством, сокрушила врага. Уверен, что дальше тебя и твое войско ждут еще более грандиозные свершения. Наконец-то ты вернешь все территории, захваченные фильнийцами, а вместе с ними былую славу нашего великого народа. Желаю тебе и твоей армии великих побед.

Принц Герберт»

Когда Бренер дочитал письмо, приятное чувство наполнило все его внутренности. Народ ликует и прославляет его. На минуту он перенесся в Варридук и представил, как его будут встречать на широких мощенных улицах, когда он вернется из военного похода. Как ему будут кидать под ноги цветы и громко приветствовать под звуки торжественного оркестра, а он будет восседать на коне, с величественным видом озирая подданных. Тут приятная картинка рассеялась, и Бренер вновь очутился в шатре. Гонец смотрел на него, ожидая приказов.

– Ступайте, – кивнул он гонцу. – Ответа я писать не стану. Передайте принцу, что я был рад получить письмо. Но времени, чтобы написать ответ, у меня нет

Гонец поклонился и вышел.

– Господа, – он повернулся к Кеслеру с Валтером, – мой брат сообщил, что народ ликует и празднует нашу первую победу в этой войне.

– Ваши подданные прославляют вас, – сказал Кеслер, поправив черные волосы, тронутые первой сединой.

– Боюсь представить себе, какая буря рукоплесканий будет встречать вас и вашу армию, когда мы окончим эту войну победой, – мечтательно произнес Валтер.

– В этом нет никаких сомнений. Мы с вами войдем в историю, господа. Наши потомки долго будут нас помнить. Но хватит об этом. Кстати, почему вас только двое? По-моему кого-то не хватает. Разве Айрен не должен быть с вами?

– Ваше величество правы: он должен быть здесь. Но, к сожалению, Айрена не удалось сегодня найти, – Кеслер говорил это с досадой и явным раздражением. – У себя в шатре его нет. Этот мерзавец как сквозь землю провалился. Его нигде не найти.

– Я слышал, ваше величество, – послышался приятный бас Валтера, – что этой ночью он куда-то уехал. Солдаты видели, как Айрен на коне выехал из крепости. Обрато он так и не вернулся.

«Я так и думал. Кто же еще мог, кроме него? Вот кто был тот таинственный беглец. Вот о ком говорил голос из зеркала. Выходит он испугался и решил удрать, поджав хвост, как вшивая дворняга. Что ж, это, пожалуй, к лучшему».

Такие мысли посетили короля, когда он услышал слова Валтера.

– Это же измена, – как-то нерешительно проговорил Кеслер.

– Да, это измена. Подлый трус решил бежать, оставив своего короля и армию в час великой нужды.

– Надо снарядить за ним погоню, – пылко проговорил Валтер. – Этот мерзавец не мог далеко уйти. Мы его быстро найдем и представим на суд вашему величеству.

Однако Бренер не хотел организовывать никакой погони. Напротив, он был даже рад, что проблема решилась сама собой. Всю предыдущую ночь он толком не сомкнул глаз. Это и не удивительно, ведь его секрет был раскрыт. Кто-то из приближенных узнал, кому Бренер был обязан таким удачным началом войны. Он всю ночь думал, как бы ему вычислить того негодяя, который его подслушивал. И вот беглец сам себя выдал, освободив тем самым короля от опасений быть раскрытым. Бренер, в свою очередь, сделал верный ход, обвинив своего советника изменником. Теперь дорога к королю, да и на родину вообще, Айрену заказана.

– Нет, не нужно никакой погони. Уверен, что предатель получит по заслугам и без нашей помощи. Хотя для меня бегство Айрена полная неожиданность. Я глубоко опечален его поступком, – соврал Бренер. – Но мы должны думать о будущем, а не о предателях. Итак, Кеслер, вы с Валтером что-то обсуждали, когда я вошел, верно?

– Да, ваше величество. Все верно, – ответил Кеслер.

– Необходимо внести некоторые изменения в наши планы. Наступления на Батсонию не будет. Мы двинемся на Керсабор.

Поначалу, Кеслер подумал, что ослышался. У него появилось ощущение, что его подняли высоко над землей, а затем неожиданно бросили вниз. Он был настолько ошеломлен, что у него пропал дар речи. С минуту он не мог выдавить из себя ни слова. Наконец, немного придя в себя, он сказал:

– Ваше величество видимо оговорились.

– Нет, я не оговорился. Мы будем наступать на Керсабор.

– Но, ваше величество, вчера мы решили двигаться на Батсонию и...

– Я помню, что мы вчера решили, – оборвал его Бренер. – Можешь не напоминать.

– Ваше величество, – не унимался Кеслер, – как же армия? Мы не сможем взять Керсабор.

– Я уверен, что нам это будет вполне под силу. Мне кажется, что фильнийцы направятся в Батсонию, а мы тем временем возьмем Керсабор.

– Ваше величество, верно, забыли все мои вчерашние доводы. Фильнийцы не настолько глупы, чтобы двинуться на Батсонию и оставить беззащитным Керсабор, – настаивал Кеслер.

– Я еще раз напоминаю, Кеслер, что ничего не забыл. И в последний раз говорю, что наступать будем на Керсабор.

– Как будет угодно вашему величеству, – ответил Кеслер таким тоном, словно ему только что зачитали смертный приговор.

– Выдвигаемся сегодня же, – с этими словами Бренер покинул шатёр.

После его ухода, все еще ошеломленный Кеслер накинулся на Валтера:

– А ты почему молчал?! – почти крикнул он. – Разве тебе наплевать на армию? Или тебе не терпится расстаться с жизнью?

– Ты же знаешь меня, Кеслер. Я предан королю целиком и полностью, – Валтер говорил спокойным ровным тоном; в его словах чувствовалась искренность. – Я пойду, куда он скажет, не задумываясь.

К тому же на войне смерть постоянно дышит нам в затылок. Если все время об этом думать, то можно сойти с ума.

– Я не говорю что, нужно постоянно думать о смерти, Валтер! – крикнул Кеслер. – И неужели ты думаешь, что я не предан королю?

– Я этого не говорил, – спокойно ответил Валтер.

– Или ты думаешь, попытаться отговорить короля от неверного решения, попытаться спасти его армию от неминуемого поражения, разве это не верность?

– А почему ты так уверен, что нас ждет поражение? Может, король прав, и фильнийцы направятся на Батсонию.

– Нельзя недооценивать противника, Валтер, – Кеслер стал говорить спокойнее. – Если хочешь одолеть врага, нужно смотреть на ситуацию его глазами. И будь я на месте фильнийцев, то защищал бы Керсабор.

– Что ж, решение принято. Нам остается только подчиниться, – заключил Валтер.

Солдаты собирали палатки, тушили костры, грузили телеги – повсюду царила организованная суeta. Воины бегали туда-сюда, собирая вещи и оружие. По ветру развивались знамена с изображением летящего ворона, сжимающего в лапах стрелу. Требушеты, словно громадные черепахи, медленно катились по размякшей дороге.

Войско, напоминая длинную черную змею, вырвавшуюся из-под земли, готовую проглотить все, что ей попадется на пути, двинулось к Керсабору.

Ближе к полудню показался огромный лагерь, который скорее напоминал палаточный городок. Гонец, выжимая из лошади как можно больше скорости, ворвался в него словно вихрь, неожиданно налетающий на деревья. Ни один из дозорных, издав издав признав в нем «своего» не остановил его. Даже оказавшись внутри лагеря, среди бесчисленного множества походных палаток, шатров и воинов, гонец не думал сбивать скорость. Попадающиеся ему на пути люди, отпрыгивали в сторону, не желая быть затоптанными лошадиными копытами. Даже в таком случае гонец вряд ли бы остановился. Он

летел как стрела, выпущенная из лука, рассекая на своем пути все, что ей попадется, пока не достигнет цели.

Когда гонец оказался в середине палаточного лагеря, он сбавил скорость. Проехав еще метров десять, он остановился перед большим шатром с синими узорами. Вход охраняли двое в серебряных доспехах с шлемами в виде головы оскалившегося льва. Пройдя мимо них, гонец вошёл внутрь.

Убранство было небогатым: посередине стоял круглый стол, возле которого собрались четверо мужчин. Слева от стола, в дальнем конце расположился еще один небольшой столик, на котором, по всей видимости, стояли остатки завтрака. Тут же, возле этого столика расположился раскладной деревянный стул и походная кровать. В центре висела маленькая лампадка, в которой мерцал зеленый огонек. Несмотря на размеры, эта лампадка излучала необычайное тепло по всему шатру, словно тут находилось три огромных камина.

Когда гонец вошел внутрь, один из стоявших возле стола поднял рыжую голову, с собранными на затылке в хвост волосами. Это был довольно рослый мужчина, чем-то напоминавший медведя. Огромные, мускулистые руки, словно лапы дикого зверя, опирались на стол, и казалось, что его ножки не выдержат, и он вот-вот развалится. Аккуратно постриженная медная борода с проседью была под стать большому овальному лицу.

– Вот и гонец от короля подоспел. Как же вовремя ты вернулся, – сказал Вагрел, устремив на гонца небесно-голубые глаза. – Ну, давай сюда письмо.

Гонец снял шляпу и достал лист бумаги с королевской печатью в виде коронованного льва. Вагрел махом вырвал его огромной ладонью и надломил печать. Быстро прочитав содержимое, он положил письмо, склонился над столом, вздохнул, глядя на карту, и, окинув взглядом присутствующих, сказал:

– Король приказывает двигаться в Батсонию.

На лицах присутствующих застыла маска недоумения.

– Как это на Батсонию? – послышался удивленный голос мужчины среднего роста с жидкими седеющими волосами.

– Вот так, Парнел, – ответил Вагрел, жестом приказывая гонцу удалиться. – В этом письме все написано. Можешь прочитать.

Парнел взял листок и быстро пробежался по нему глазами.

– Это какое-то недоразумение! – Парнел положил письмо на стол. Его большие серые глаза настолько округлились от удивления, что казалось, они вот-вот выкатятся из глазниц.

– Может, король ошибся? – послышался скрипучий голос. Это был мужчина лет сорока, довольно высокого роста, с пышными темными вьющимися волосами и с морщинистым лбом. Своим видом он напоминал пуделя.

– Рудл, ты хочешь сказать, что король вместо слова «Батсония» хотел написать «Керсабор»? – спросил Парнел с какой-то иронической ноткой в голосе. – Что-то я в этом сильно сомневаюсь. Невозможно перепутать два таких абсолютно разных слова. Ты говоришь глупости.

– Я всего лишь попытался найти хоть какое-то логическое объяснение, Парнел, – ответил оскорбленным тоном Рудл. – Или ты считаешь, что я могу говорить лишь глупости? – с вызовом спросил он.

– Прекратите ругаться, – сказал Баддиан – среднего роста блондин, довольно крепкого телосложения и с длинной вьющейся бородой. Он посмотрел на Парнела и Рудла карими глазами, словно на двух задирающихся мальчишек.

– Вы как две собаки, вечно гавкающие друг на друга, – продолжал Баддиан. – Даже сейчас не можете удержаться.

После этого замечания оба замолчали.

– Что будем делать? – обратился Парнел к Вагрелу после короткой паузы.

– А что мы можем сделать? Будем выполнять приказ короля. У нас другого выхода нет.

Видимо такой ответ не устроил Парнела, так как он стал так сильно горячиться, что покраснел как помидор, а в его серых глазах загорелся недобрый огонек.

– Это же явное безумие! – воскликнул он. – Ведь мы с вами всего несколько дней назад на этом самом месте пришли к выводу, что необходимо в первую очередь защищать Керсабор. Как же мы теперь можем двинуться на Батсонию?!

– Да, Парнел, ты прав. Все свои доводы мы направили королю. И сегодня нам доставили его ответ, – Баддиан говорил очень сдержанно. – Меня, да и всех остальных тоже, я думаю, не меньше чем тебя, удивил ответ короля. Но, как сказал Вагрел, выхода у нас нет. Мы

должны подчиниться королевской воле. Возможно, Милат знает больше, чем мы.

– Я так не думаю. Тут явно что-то не так, – не унимался Парнел.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Вагрел.

– Я чувствую, что мы совершим большую ошибку, если повернем армию на Батсонию.

– О, Парнел, ты предлагаешь нам полагаться лишь на твое чувство? – с издевкой спросил Рудл.

Ответом послужил презрительный взгляд Парнела.

– Парнел, я тебя понимаю. Мне тоже кажется решение короля странным. Но что мы можем сделать? – спросил Баддиан.

– Разделить армию, – внезапно ответил Парнела.

– Я тебя не совсем понял, – Баддиан удивлено посмотрел на Парнела, затем на остальных товарищей.

На их лицах тоже застыла маска удивления.

– Я считаю, что мы могли бы разделить армию на две части. Первую направить в Батсонию, как велел король. А вторую – направить в Керсабор.

– Хм, на мой взгляд, идея неплохая, – сказал Баддиан, прервав тем самым молчание, которое ненадолго воцарилось после слов Парнела. – А как считаешь ты, Рудл?

– Мне эта идея не нравится, – ответил Рудл.

– Еще бы ты думал иначе, – сморщился Парнел, – ведь это моя идея.

– Нет-нет, сейчас дело вовсе не в этом, – Рудл говорил весьма серьезно. Было видно, что он не хотел досадить Парнелу. – Дело в том, что если мы разделим армию на две части, то братнищцы получат численный перевес. Возникает угроза поражения.

– Мы так не поступим, – послышался хрипловатый голос Вагрела, – потому что перед вами лежит приказ короля, который необходимо выполнить. В противном случае мы с вами становимся изменниками. Вы этого хотите? – тут Вагрел окинул всех взглядом, а затем продолжил, – я думаю, что нет. Поэтому рассматривать другие варианты я не вижу никакого смысла.

– Значит, выдвигаемся к Батсонии? – спросил Баддиан.

– Да. Завтра мы выдвигаемся к Батсонии.

– Но... – Парнел хотел опять что-то возразить, но Вагрел ему не позволил.

– Хватит, Парнел, довольно. Я очень ценю твое мнение, но у нас нет выхода. Не хочу больше ничего слышать. Идите и готовьтесь к завтрашнему походу.

Все трое покинули шатер Вагрела. Рудл и Баддиан бодро зашагали к себе. Чего нельзя было сказать о Парнеле. Его мучило неприятное чувство, словно только что произошло очень значимое и трагичное событие. И вину за это почему-то чувствовал именно он. Хотя, в чем, собственно, его вина? Он сделал все что мог, разве не так? Это чувство долго не покидало его. Ночью, когда он ворочался и пытался уснуть, оно, словно призрак подкрадывалось к нему и накрывало каким-то темным, тяжелым покрывалом, из-под которого Парнелу не удавалось выбраться.

На следующее утро армия Фильнии направилась защищать Батсонию.

Глава 13

Лестер и Рагнер продолжали путь. Они проезжали мимо лесов и полей, через холмы и небольшие горы, напоминавшие сторбленных карликов. По мере продвижения на юг погода менялась. Несмотря на то, что уже стояли первые зимние деньки, Лестеру и Рагнеру пришлось в скором времени снять шерстяные плащи. Изменился и пейзаж: на деревьях появилась листва, а трава окрасилась в ярко-зеленые тона, будто в этих краях слово «зима» никто никогда не слышал. Конечно, в тех местах, откуда ехали путники, зима была короткой, всего месяц, однако за это короткое время снега выпадало немало и морозы, порой, кусались не хуже изголодавшейся дворняги.

Рагнер тоже изменился. Если раньше ему не нравилось спать под открытым небом, то теперь он стал находить в этом особенное удовольствие. Еще совсем недавно не было и дня, чтобы он не начинал скучать по дому, по той самой деревушке, в которой он жил, когда за ним приехал Лестер. Теперь он и вовсе стал забывать о ней. Лишь однажды, как-то вечером, когда они с Лестером сидели за ужином возле костра, на него вдруг навалились воспоминания. Но он не почувствовал жгучей тоски по дому, как это было прежде. Напротив, он понял, что очень благодарен Лестеру за то, что тот вытащил его из той глуши, в которой он жил последние несколько лет. В самом деле, ему нечего было там делать, его ничего там не держало. В этой деревне душа его медленно покрывалась мхом, как древняя, всеми забытая полуразвалившаяся лачуга. Но теперь мох отвалился, Рагнер это чувствовал. Душа будто пробудилась от долгого сна и теперь, стряхнув пыль, вдруг ощутила жажду. Жажду к жизни, жажду к приключениям. Его прежняя жизнь осталась для него в прошлом навсегда – больше не хотелось возвращаться к ней.

Однажды утром Рагнер впервые за все время похода проснулся раньше Лестера. Маг лежал на своем месте в той же позе, в которой уснул, ни разу не перевернувшись на другой бок. Рагнер встал, слегка размялся, затем аккуратно, чтобы не разбудить друга, взял свой острый, как бритва, кинжал и направился в сторону от их лагеря, за небольшой бугор, поросший густой зеленой травой. Оказавшись за

бугром, он вышел к небольшому ручейку, который с веселым журчанием уносился в неизвестном направлении. Рагнер остановился, положил кинжал и принялся умываться. Вода была ледяной и бодрящей. Умывшись несколько раз, Рагнер почувствовал, как в нем забурлила энергия, будто вода передала ему частичку природной силы тех мест, через которые протекал ручей. Закончив умываться, он поднял кинжал и принялся брить голову.

– Никогда не понимал, для чего ты это делаешь, – слышался сзади знакомый голос, когда Рагнер заканчивал бритье.

– Мне так больше нравится. Не надо расчесываться. Думаю это вошло у меня в привычку, – Рагнер аккуратно добривал правый висок.

– Я думаю, тебе не помешало бы немного сменить облик. Сколько я тебя помню, ты все время ходил лысым. Даже представить не могу тебя с волосами. Почему бы тебе их не отрастить? – Лестер подошел к ручью и принялся умываться.

Рагнер добрил висок и смыл остатки волос.

– Я же говорю, это привычка. Мне кажется, я и сам не могу себя представить с волосатой головой, – ответил Рагнер, убирая кинжал в ножны.

– Привычки полезно менять, тем более, такие, как вот эта.

– Лестер, давай оставим этот разговор.

– Как знаешь. Но я бы на твоём месте отрастил бы волосы, – Лестер развернулся и направился к месту ночлега.

Позавтракав, путники собрали вещи и, в скором времени уже вновь были на дороге, оставив на месте ночлега поляну орхидей.

– Лестер, мы направляемся к кентаврам, потому что нам так сказал дух, – внезапно сказал Рагнер, когда солнце клонилось к закату, озаряя горизонт багровыми лучами.

– Все верно.

– А ты не думал, где мы будем там искать камень?

– Честно признаться, – вздохнул маг, – я задавался этим вопросом далеко не один раз.

– И какой результат?

– Никакого, – буркнул Лестер.

– То есть как это «никакого»? – удивился Рагнер.

– Я, как и ты, не знаю, где и как мы будем искать камень среди кентавров. Но, видишь ли, я думаю что там, куда мы едем, спрятаны не

все три камня, а лишь один.

– Один?

– Да, один. Помнишь, дух сказал, что там мы найдем первый камень, который укажет нам путь к остальным. Я не думаю, что Аксиос спрятал все три камня у кентавров. Наверняка он разбросал их по разным местам, чтобы их было тяжелее найти.

– Да, кстати, как же мы будем искать этот первый камень? Приедем к кентаврам и спросим у них, где он хранится? – усмехнулся Рагнер.

– Нет, – Лестер покачал головой. – Этого мы ни в коем случае не будем делать. Когда мы окажемся у кентавров, лучше вообще не упоминать ярмские камни.

– Как же мы в таком случае поступим?

– Пока не знаю. Будем ориентироваться по ситуации. Думаю, нам удастся отыскать хоть какой-то намек на то, где они спрятаны.

– Звучит очень ободряюще. Неизвестно где, будем искать то, что никто никогда не видел.

– Да, именно так. Думаю, нас ждет очень интересное приключение, – Лестер слегка улыбнулся.

– И, наверняка, очень опасное, – подметил Рагнер.

– Тут ты прав, – улыбка исчезла с лица мага.

Рагнер хотел еще что-то сказать, но передумал. Он испытывал необычное чувство. С одной стороны ему хотелось странствий, посмотреть на кентавров, которых он никогда не видел, найти камень. Он был уверен, что поход и впрямь будет интересным. Но с другой стороны, он чувствовал какой-то страх. Страх чего-то нового. Того, что он еще никогда не испытывал. Такое бывает, когда делаешь то, что обычно делать не привык. Однако Рагнер очень скоро подавил в себе это чувство.

– Мы только что покинули Фильнию и въехали в земли кентавров, – объявил Лестер на следующий день, когда солнце было в зените.

Они ехали через небольшой лес с маленькими деревьями. Вскоре они расступились, и перед путниками открылись прекрасные лиловые поля цветущей лаванды. Ветер нежными прикосновениями дотрагивался до макушек цветов, словно боялся дерзкими порывами

погубить эту красоту. Цветы мирно покачивались, распространяя волшебный аромат, наполняя пространство неведомым волшебством, которое невидимой рукой коснулось сердца каждого из путников. Они даже остановились, чтобы полюбоваться этой красотой. У Рагнера дух захватило и, даже, чуть было не отвисла челюсть – настолько сильно его сразил увиденный пейзаж. Девственно чистое голубое небо, сливающееся воедино с лиловыми полями, было каким-то удивительным чудом, словно природа вложила сюда всю свою любовь и заботу.

Лестер и Рагнер минут десять не могли оторвать глаз. Даже их лошади встали как вкопанные и не шевелились, словно тоже были одурманены этой пьянящей красотой.

– Как же красиво, – наконец, нарушил молчание Рагнер, по-прежнему не отрывая взгляда от цветов. – В жизни не видел ничего подобного.

– Ты прав, – улыбнулся Лестер. – Такое великолепие редко, где можно увидеть. И никакой магии не надо. Природа – единственный и неповторимый волшебник во всем белом свете.

Дали шпоры лошадям, и те неохотно побрели вперед, словно их только что пробудили ото сна. Путники почти весь день ехали и наслаждались дивным тонким ароматом цветов. Лишь к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, цветы внезапно исчезли, оставшись далеко позади; их сменила ярко-зеленая трава и деревья.

– Оказывается, мы ехали по каменной дороге, – удивленно заметил Рагнер, когда он слез с коня и почувствовал под ногами неестественную для земли твердь.

– Мы уже давно едем по такой дороге. С тех самых пор, как перед нами оказались лавандовые поля, – ответил Лестер, спутывая коня.

– Я этого даже не заметил.

– Еще бы ты это заметил, – усмехнулся маг. – Твои глаза были заняты совсем другим. Я бы тоже не заметил, если бы был тут в первый раз.

– Так ты уже бывал здесь? – спросил Рагнер, немного удивленным тоном.

– А как же, конечно, бывал. И скажу тебе, что это место вовсе не так уж идеально, как тебе могло показаться, – Лестер уселся на траву и стал выкладывать из сумки съестные припасы.

– Что ты имеешь в виду? – Рагнер бросил на друга вопросительный взгляд.

– Тех, кто здесь обитает, отличает очень буйный нрав. С кентаврами, порой, тяжело найти общий язык. Они очень упрямы. А с незнакомцами они иногда и вовсе не церемонятся.

Рагнер достал меч и многозначительно его осмотрел.

– Ты думаешь, нам придется биться?

– Все возможно. Но твой меч нам вряд ли поможет. Да, кстати, наши припасы подходят к концу. Думаю, осталось еще дня на два, если будем экономить.

– Разве у кентавров нельзя будет пополнить запасы провизии?

– Не думаю, что нам это удастся.

– Как же мы тогда будем добираться назад?

– Что-нибудь придумаем. И вообще, неизвестно как мы будем добираться назад. Возможно, лошади нам не понадобятся.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Не обращай внимания.

Пужинали. По совету Лестера костер этой ночью разводить не стали. Закончив с едой, легли спать, чтобы утром пораньше проснуться.

Ночь была звездной и тихой. Ни дуновения ветра, ни сверчка, словно все погрузилось в глубокий сон. Рагнер долго ворочался, однако уснул. А вот Лестер, хоть и лежал с закрытыми глазами на правом боку, вовсе не спал. Его слух был чрезвычайно обострен. Он вслушивался в тишину так, словно ожидал, что кто-то вот-вот выскочит из куста и кинется на них. Маг был напряжен до предела. Казалось, что малейший шорох заставит его моментально вскочить с места и взяться за посох. Полночи он провел в таком состоянии. Лишь ближе к утру он смог уснуть.

На следующий день отправились в путь с первыми лучами солнца. Завтрак стал скромнее, нежели раньше: пара кусков хлеба и два яблока. Лестер стал очень серьезным и неразговорчивым. Он то и дело бросал в разные стороны настороженный взгляд, всматриваясь в каждый куст или дерево. Тревожность мага передалась и Рагнеру. Он тоже стал более внимательным, также подозрительно озираясь по сторонам. В какой-то момент он даже положил руку на рукоять меча и ехал так всю дорогу. Ощущение оружия в руках, чувство, что Рагнер

может в любую минуту его выхватить, придавало уверенность. Так ехали полдня, затем решили сделать небольшой привал.

Путники съехали с каменной дороги и направились к дереву, находящемуся неподалеку. Спешившись, они привязали коней, а сами уселись в тени древа.

– Ты так озираешься по сторонам. Думаешь, за нами следят? – спросил Рагнер, открывая свой мех с водой и делая первый глоток.

– Да, за нами следят, – заявил Лестер.

– Почему ты так решил? – спросил Рагнер, протягивая воду магу.

– Утром я кое-что слышал, когда мы с тобой тронулись в путь, – ответил Лестер, принимая мех.

– Что ты слышал?

– В том-то и дело, что ничего.

– Я тебя опять не понимаю, – ответил Рагнер.

Раньше такой ответ вызвал бы у него раздражение.

– Мы с тобой заночевали прямо возле небольшого лесочка. По утрам птицы, которые там наверняка живут, начинают петь. Отчего любой путник, будь он на нашем месте, наверняка бы проснулся. Но сегодня утром я не услышал ни одной птицы, ни единого звука. Полное молчание.

Тут Рагнер вспомнил, что этим утром, маг, когда они уже сидели верхом на лошадях, как-то очень странно задержал взгляд на небольшой кучке деревьев, которую Лестер назвал лесочком. Рагнер тогда не придавал этому особого значения, но теперь ему все стало ясно. Вспомнил он кое-что и насчет птиц. Лестер был прав, по утрам Рагнер частенько просыпался именно из-за них.

– Что будем делать? – спросил Рагнер.

– Ничего. Будем и дальше продолжать свой путь. Только теперь надо смотреть в оба.

После привала продолжили путь. Рагнер стал еще внимательнее смотреть по сторонам. Он вглядывался в каждый предмет, будь то кривое дерево, большой куст или густые заросли высокой травы. Все ему стало казаться подозрительным. В какой-то момент ему даже показалось, будто что-то шевельнулось. Устремив взгляд в сторону дерева, он понял, что это ветер слегка покачивает ветви.

Вдруг Лестер резко дернул поводья, и его конь остановился. Рагнер тут же последовал его примеру. Он хотел что-то спросить, но Лестер

не дал ему и рта открыть, выставив вперед руку с оттопыренным указательным пальцем, что означало «замолчи», «не говори ни слова».

Рагнер замер. Лестер тоже. Маг сидел и вслушивался. Рагнер тоже стал напрягать слух, пытаясь что-нибудь расслышать. Но кругом царила мертвая тишина. И вдруг, неожиданно до его слуха донесся какой-то звук, очень похожий на топот. Рагнер бросил молниеносный взгляд на Лестера. Тот понимающе смотрел на Рагнера. Путники постояли еще несколько минут, в надежде услышать еще что-нибудь. Но все стихло. Друзья хотели вновь пуститься в путь, но не тут-то было.

Все произошло слишком быстро – ни Рагнер, ни Лестер не успели опомниться. Что-то очень большое внезапно выпрыгнуло из кустов и пролетело прямо над путниками. Рагнер повернул голову, но тут до него донесся крик Лестера. Рагнер развернулся к магу и ужаснулся – старик валялся на земле, а над ним навис кентавр, готовый проткнуть Лестера копьем. Пришпорив коня, Рагнер, словно вихрь, кинулся на выручку друга. Глухой удар! Рагнер кубарем катится по земле, но цель достигнута – кентавр отвлекся от мага. Быстро придя в себя после удара древком копья в грудь, Рагнер вскочил на ноги, крепко сжимая в руке меч. Он стоял на полусогнутых ногах, напряженно ожидая следующей атаки противника. Кентавр не заставил себя долго ждать. Он развернулся к жертве и, злобно скалясь, кинулся в бой, взрывая копытами землю. Громадина неслась на Рагнера со страшным ревом, грозя, если не пронзить копьем, то затоптать насмерть. Рагнер в последний миг уклонился от острого наконечника, отпрыгнув в сторону, чудом ушёл из-под копыт.

С другой стороны еще один кентавр нёсся к воину. Враг летел и, казалось, что земля стонет под топотом его копыт. Рагнер, каким бы рослым он ни был, по сравнению с огромным кентавром походил на щуплого мальчишку. Очередную атаку Рагнер отбил, но при этом потерял равновесия и упал на колени. Лестер лежит на земле; он в который раз попытался подняться, но мощный удар древка вновь не позволил это сделать.

Страшные вопли, с которым третий кентавр бросился на жертву, пробирали до костей. Страх ледяными щупальцами отхватил все нутро Лестера, когда он увидел, как Рагнер повалился на землю. Он отразил очередную атаку, но разъяренный кентавр ударил жертву наотмашь по

лицу. В ушах воина стоял нудящий звон, земля уходила из-под ног, но он, шатаясь, поднялся и встал в боевую стойку. Рагнер не собирался сдаваться на милость врагу, и будет драться изо всех сил.

Снова топот, снова копыта взрывают землю. Вновь страшный гнусавый рык, пробирающий до костей. Копье, рассекая воздух, устремилось прямо в широкую грудь воина. Мысленно Рагнер уже прощался с жизнью. Даже если ему удастся отбить удар, следующий кентавр его точно прикончит. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Рагнера.

Нападающий резко остановился и посмотрел за спину Рагнера. Что за дешевая уловка? Рагнер на такое не поведётся и не станет разворачиваться спиной к противнику. Топот копыт за спиной говорил о приближении кентавра. Рагнер прыгнул в сторону, доверившись интуиции. Во время! Противник пронёсся мимо цели.

Кувыркнувшись по земле через голову, Рагнер вскочил на ноги, готовый встретить новую атаку...

Тяжёлый удар тупым концом копья пришёлся по затылку, и на Рагнера опустился мрак.

Глава 14

Целый день Трэйтор не мог усидеть на месте. Он все с нетерпением ожидал возвращения Сервуса. Прошла всего лишь ночь с тех пор, как они расстались с этим рыжим мужчиной у Бэкской башни, но Трэйтору казалось, что минула целая вечность. Они приехали в дом Генри поздней ночью, так как тот жил на самой окраине города – в роскошном двухэтажном особняке из белого камня, с лепниной, большими колоннами и мраморной лестницей. По возвращении домой их встретил гном-дворецкий и через некоторое время, после небольшой беседы, братья отправились в свои спальни. К слову сказать, Трэйтор и Генри очень часто навещали друг друга. Иногда по несколько раз на неделю, а потому, у каждого в доме была отдельная спальня для брата.

Сняв плащ и всучив дворецкому, Генри направился в гостиную – прямым к камину и протянул руки поближе к огню. Огромная гостиная была обставлена богато и со вкусом. На стенах висели большие картины в резных рамах. Под потолком на цепях свисала позолоченная, похожая на большую грушу, люстра, в которую, словно солдатики, помещались два десятка свечей. По правую руку от входа располагался огромный диван, обитый парчой, напоминавший очень важного гостя, которому любой из вошедших в гостиную, обязан отвесить глубокий поклон. По бокам от него, словно его дети, с не менее важным видом, стояли два роскошных кресла. Напротив дивана, на красном коврике с золотыми вставками, располагался дубовый столик с парой канделябров с зажжёнными свечами. На полу вдоль стен стояли большие антикварные вазы. Огромные окна занавешены черными шторами. На них серебряными нитками красовался большой полумесяц с десятками звезд. Прямо напротив входа находился камин, а над ним, на полке, расположились антикварные часы, которые сейчас показывали без четверти три.

– Принеси мне что-нибудь выпить, гном, – проворчал Генри. – На улице ужасная холодина. Мне кажется, я отморозил себе все внутренности, пока мы сюда ехали.

Трэйтор передал плащ гному и тоже прошел в гостиную и сел в одно из кресел.

– Как же хорошо. Мои руки наконец-то стали оттаивать. Какое это блаженство оказаться возле огня после такого холодного вечера. А ты, разве не замерз, брат? – спросил Генри, поворачивая некрасивое рябое лицо в сторону Трэйтора. – Подойди, погрейся возле огня. Ты не представляешь себе насколько это приятно. Не лишай себя такого удовольствия.

– Спасибо, Генри, но мне и тут неплохо. К тому же от твоего камина исходит такой сильный жар, что я чувствую его прямо здесь, сидя в кресле.

– Твоя правда. Жар и в самом деле сильный. А гном молодец, натопил как надо, гаденыш. Видимо, догадывался, что я вернусь весь промерзший до костей.

Тут в комнату вошел гном с кубком в руках. Подойдя к Генри, он протянул его господину.

– Что ты мне сюда налил? – спросил Генри, делая глоток, не дожидаясь ответа.

– Вино, – послышался скрипучий голос дворецкого.

– Я и без тебя это понял, – ответил Генри слегка повеселевшим голосом. – А теперь уходи отсюда, мне с братом нужно поговорить.

Гном развернулся и направился к выходу, при этом он прихрамывал так, что напоминал жирную гусыню.

– Что мы будем делать, когда вернется Сервус? – спросил Генри, когда гном вышел.

– А когда он вернется? – спросил Трэйтор, почесывая черную бороду, выбритую в виде треугольника.

– Этого я сказать не могу. Возможно, завтра, а может быть, и через неделю вернется. Тут трудно что-то предполагать. Сервус всегда выполняет свое дело грамотно, а главное – без лишнего шума, а потому никогда не торопится.

– Это хорошо, но нам сейчас очень важно, чтобы он сделал все как можно скорее. Время не на нашей стороне, дорогой брат. Нельзя терять ни минуты.

– Не переживай. Все будет сделано как надо, и в точный срок, – заверил брата Генри, отпив вина.

– Я на это очень рассчитываю. Потому что, если он не успеет, не видать нам власти в этой стране, как своих собственных ушей.

Трэйтор встал, подошел к одной из картин, на которой была изображена лесная опушка, поросшая ромашками. Он смотрел на нее где-то с минуту, а затем повернулся к брату.

– Отвечу на вопрос, который ты мне задал, как только мы сюда с тобой вошли. Когда Сервус вернется, мы соберем всех членов совета.

Тут Генри заметил в темных глазах брата недобрый огонек, словно перед ним стоял какой-то безумец, готовый пойти на все ради достижения цели.

– Для начала, мы заручимся их поддержкой. Думаю, это будет не сложно, после того как Сервус подменит письмо. Когда войско повернет на Батсонию, а Керсабор падет под натиском врага, я смогу легко их убедить в том, что король бездарный, и ведет своими действиями страну к гибели. Поскольку, все до единого в совете жаждут власти, и ни за что на свете не захотят, чтобы совет распустили, они охотно мне поверят. И тогда мы возьмем власть в свои руки, а короля свергнем. Мы станем править этой страной, Генри. Все, от мала до велика, будут подчиняться нам и выполнять нашу волю.

– Идея насчет остальных членов совета мне нравится, – сказал Генри, допивая свое вино. – Но как ты собираешься свергнуть Милата? Ты хочешь поднять против него мятеж? А что будет, если верная королю армия подавит его? Тогда всех казнят.

– Ты прав, Генри. Но я не собираюсь поднимать против короля мятеж, я не настолько глуп. К тому же, думается мне, многие из совета не поддержат его. Нет, мой дорогой брат. Мы поступим иначе. Для начала я верну себе право беспрепятственного входа во дворец, как это было раньше, пока его не отнял Милат.

– Трэйтор, неужели ты сошел с ума? – удивился Генри, округлив темные глазенки. – Тебе же прекрасно известно, что ни один член совета, больше не допускается к королю без его разрешения.

– Есть у меня одна идея.

Трэйтор заговорщически улыбнулся. При этом его лицо так исказилось, словно он замышлял самый подлый поступок в своей жизни.

– Мне кажется, ты задумал что-то нехорошее.

– Это как посмотреть. Для нас эта идея – шанс получить доступ во дворец. А каким способом, лично мне безразлично. Я готов пойти на что угодно, чтобы достичь своей цели. И ты этот прекрасно знаешь.

– Да, Трэйтор, есть в тебе такая черта. Ну, раз ты считаешь, что твой замысел поможет стать тебе вхожим в королевский дворец, это замечательно. Надеюсь, все пройдет так, как ты задумал.

– Другой вариант я даже не рассматриваю, Генри. Но хватит болтать, уже глубокая ночь. Пора ложиться спать.

– Да, ты прав, Трэйтор. Я так устал, что, наверное, как только дойду до подушки, тут же усну.

Трэйтор взял со стола канделябр, и братья покинули гостиную. Поднимаясь по винтовой мраморной лестнице на второй этаж, направляясь в свои спальни, они отбрасывали две жуткие тени, напоминавшие темных призраков, вырвавшихся наружу из бездны ада. Миновав лестницу, призраки прошли по длинному коридору и остановились возле двух дверей, находящиеся одна напротив другой.

– Надеюсь, Сервус вернется завтра, – сказал Трэйтор, слегка озабочено.

– Не переживай. Он нас не подведет.

С этими словами оба скрылись за дверьми.

Генри быстро переоделся и уснул, едва голова коснулась подушки. Трэйтор тоже уснул быстро, несмотря на то, что мозг буквально бурлил мыслями о предстоящих делах, которые нужно будет сделать, если все сложится удачно с подменой письма. Трэйтор возлагал очень большие надежды на Сервуса. Он уже представлял себе, как станет правителем Фильнии, и мысли о том, что у него что-то может не получиться, он даже не хотел допускать. Трэйтор не привык отступаться от задуманного. Если он хотел что-то заполучить, он готов был пойти на любые жертвы, лишь бы достичь цели. Только бы Сервус сделал все вовремя.

На следующее утро оба сидели в столовой. Генри уплетал завтрак с явным наслаждением. Он был в хорошем настроении. Изрядно устав за прошлый вечер, и надышавшись свежим воздухом, он всю ночь проспал как младенец, а потому, чувствовал себя отдохнувшим и

полным сил. Трэйтор же, напротив, хоть и уснул прошлой ночью довольно быстро, тем не менее, часто просыпался. Нервное возбуждение, в котором он пребывал весь вчерашний день, давало о себе знать. К завтраку он почти не притронулся. Он наблюдал за братом, как тот сначала с удовольствием поглотил омлет, затем хлебцы с икрой, а после стал уплетать заварные пирожные с кремом, запивая их редким, дорогим, молочным кофе, который продавали исключительно южные феи. Посмотрев на всю эту картину, Трэйтор почувствовал, как ком стал подкатывать к его горлу. Еще немного и его стошнит прямо здесь, за столом. И как только брат может все это поглощать, довольно причмокивая, когда от Сервуса до сих пор нет никаких вестей?! Откуда взялся у него такой зверский аппетит? Неужели его нисколько не волнует, подменил ли этот рыжий проходимец письмо или нет? Нет, так больше продолжаться не может. Еще немного и он просто выйдет из себя. Как вообще можно думать о еде в такое время?! В какой-то момент у него даже появилось желание запустить в Генри ложкой. Лишь сделав над собой огромное усилие, он сдержал себя. Сейчас, впервые за все время родной брат вызывал у него омерзение. Он встал из-за стола с недовольной гримасой и вышел из столовой.

Трэйтор направился в гостиную. Сел в то же самое кресло, но просидел недолго. Он не мог находиться на одном месте. В нем все бурлило и кричало. Что-то ему подсказывало, что необходимо действовать. Нельзя сидеть сложа руки. Но, что же он мог сделать сейчас, не зная, справился ли Сервус? Все замыкалось на этом рыжем человеке, и Трэйтора это раздражало. Он понимал, что до тех пор, пока настоящее королевское послание не окажется у него в руках, он ничего не сделает. Весь его коварный и страшный план, все, что он задумал, ожидало возвращения Сервуса. И он стал нервно, даже лихорадочно ходить из угла в угол. Но время шло, а Сервуса по-прежнему не было, и Трэйтор продолжал метаться, словно тигр, запертый в клетке. Нервы его были на пределе. В висках стучало, а к лицу прилила кровь, да так сильно, что он стал похож на спелый помидор. Он и сам чувствовал, как внутри него пылает жар.

Таким его и застал Генри, когда вошел в гостиную, покончив с завтраком. Он очень хорошо знал брата, и потому догадывался, как сильно Трэйтор переживает. Но даже он, его родной брат, впервые

видел Трэйтора в таком состоянии. Брови съехали к переносице и стали напоминать двух мерзких больших черных гусениц; глаза горели недобрым огнем; на лбу появились две огромные, глубокие морщины; рот неестественно искривился, словно у безумца. Генри даже немного опешил от увиденного. Он вошел в гостиную и опустился в кресло, не решаясь что-либо говорить.

– Когда он уже явится?! – вспыхнул Трэйтор.

– Явится, как выполнит поручение, – сухо ответил Генри. Он решил, что если станет разговаривать сейчас именно таким тоном, это поможет, хоть немного, привести брата в нормальное состояние. – Ну, зачем же так изводить себя? Думаешь, ты сейчас сможешь хоть как-то помочь делу, если будешь метаться из угла в угол? Мы сделали все, что от нас зависело, а потому нет причины нервничать сейчас. Это все равно ничего не изменит.

Трэйтор остановился и посмотрел горящим взглядом на Генри. Что он несет? Как можно не нервничать, когда дело стоит на месте, а время уходит? Нужно же что-то делать! Но тут смысл сказанного стал доходить до разума Трэйтора. Генри прав. Нечего изводить себя сейчас. Это и вправду никак не поможет делу. Надо беречь силы, ведь впереди еще многое предстоит сделать. Чего же ради ходить тут из угла в угол? Сервус непременно сделает все, как надо, иначе, Генри не стал бы его рекомендовать для такого ответственного дела. У них с братом все непременно получится. Сервус всего лишь задерживается. В конце концов, он же не на танцы поехал. Обдумав все таким образом, Трэйтор почувствовал некоторое облегчение, и его взгляд, устремленный на Генри, смягчился.

– Так-то лучше, – рябое лицо Генри, исказило подобие улыбки. – Теперь ты стал напоминать моего прежнего брата.

И в самом деле, брови разошлись по местам, морщины разгладились, а взгляд перестал быть таким обжигающим. Хотя, по-прежнему чувствовалось, что Трэйтор все еще нервничает, но это было уже не так явно выражено, как полминуты назад. Брат немного успокоился, и Генри это чувствовал.

– Давай поиграем в шахматы, – предложил Генри.

– Нет, не хочу. Тем более, мы с тобой и так уже начали игру, только больших масштабов, главная цель которых – трон Фильнии.

– Эта игра мне нравится больше. Только не дай ей свести тебя с ума. Ты слишком нервный в последнее время.

– Иначе и быть не может. Нет ничего удивительного в том, что я стал таким нервным с тех пор, как фигура в зеркале дала мне подсказку. Но это не просто подсказка, это наш с тобой шанс. Единственный. Быть может, такие шансы никому и не выпадают. И я не хочу его упустить. Поэтому-то я и нервничаю. Хочу, чтобы все прошло так, как я задумал. Хочу, чтобы власть была в наших руках. Я стал одержим этой идеей. Я всегда об этом мечтал. Всегда хотел править. Я признаю, что эта жажда власти съедает меня изнутри и отравляет мою жизнь. И так будет до тех пор, пока я эту жажду не утолю.

– Так и будет, Трэйтор. Мы возьмем с тобой власть в свои руки. Я нисколько в этом не сомневаюсь. Но у меня есть к тебе вопрос: скажи, ты не задумывался над тем, кто бы это мог быть? Я имею в виду ту самую фигуру в зеркале?

Вопрос был интересным и весьма справедливым, ведь братья не знали, кто общался той ночью с Трэйтором. Кто был тем неведомым помощником? Как бы это ни было странно, но Трэйтор за все время ни разу не задумался над этим вопросом. Еще бы! Весь его разум, все его мысли с тех самых пор были сосредоточены лишь на том, как свергнуть короля. Прочее его мало волновало. И теперь этот вопрос так внезапно прозвучал, что Трэйтор даже немного опешил. В самом деле, кто бы это мог быть? Что это за таинственный помощник, и какие цели преследует?

– Должен признаться, не думал об этом. Мои мысли теперь заняты совсем другими делами, как ты уже мог заметить.

– Да, я вижу. Но все же, тебя нисколько не смущает, что он даже не представился? Он, хотя бы, мог сказать, какие выгоды преследует. Согласись, вся эта ситуация выглядит... по меньшей мере... странно.

– Да, ты прав, – ответил Трэйтор, немного подумав. – Ситуация и в самом деле необычная, но если посмотреть на нее под другим углом, то все выглядит совсем иначе.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе не приходило в голову, что у Милата могут быть и другие враги помимо нас с тобой? Наверняка у него хватает недругов, ведь он же король. А у королей, как известно, друзей в лучшем случае раз, два и обчёлся. Зато врагов, хоть отбавляй. Так что я уверен в том, что это

был недоброжелатель Милата. Не удивлюсь, если он придет к нам и во всем признается, когда мы совершим задуманное. Вполне возможно, даже попросит награду за свою помощь.

– И ты наградишь его?

– Безусловно. Может, даже сделаю своим приближенным.

– Он же обладает магией и, судя по всему, эта магия черная. Что ему мешает расправиться с Милатом с помощью нее? Это было бы куда быстрее и надежнее.

– Не все в этой стране решается с помощью магии, Генри. Возможно, он не такой уж сильный колдун, вот и обратился ко мне, – Трэйтор снова задумался ненадолго, почесывая треугольную бороду. – Если подумать, он как раз воспользовался магией, чтобы навредить Милату. А как же иначе? Благодаря этой магии он рассказал мне о гонце и о послании. Возможно, с помощью нее он сам узнал об этом гонце и о том, что он везет. Так что, дорогой брат, куда ни посмотри, магия повсюду. А черная она или белая, мне все равно.

Последние доводы убедили Генри. И, если поначалу он сомневался насчет этой странной фигуры в зеркале, то теперь все эти сомнения развеялись, словно их ветром сдуло. А может быть, Генри поверил во все, что сказал брат, потому что ему хотелось в это верить, ведь он не меньше Трэйтора желал заполучить власть, а потому, ему не хотелось, чтобы хоть какие-то сомнения жили в его голове.

До обеда время тянулось невыносимо долго. Каждая минута казалась часом, а каждый час – вечностью. Трэйтор недолго просидел на одном месте. Буквально через полчаса томительного ожидания он снова принялся ходить по гостиной из угла в угол. В голове опять закопошились тревожные мысли. Снова он начал проклинать этого рыжего мерзавца с бездушными глазами, который никак не хотел возвращаться. Стрелки на часах будто остановились. Когда Трэйтор смотрел на них в последний раз, они показывали пятнадцать минут двенадцатого. Он был уверен, что с тех пор прошло не меньше часа, а не пять минут! Это просто ад какой-то! Трэйтору казалось, что время течет так медленно, что даже улитка по сравнению с ним гончая собака.

Генри заметил перемену в брате и, желая его хоть как-то отвлечь, пригласил прогуляться в оранжерею. Однако в ответ он услышал отказ. Тогда Генри решил пойти туда сам. Он накинул на себя синий плащ и,

выйдя из дома, направился напрямиком по гравиевой дорожке в большее стеклянное строение. Снаружи оранжерея напоминала всего лишь большой короб. Но внутри этот короб превращался в разноцветную сказку. Повсюду, и тут, и там, словно бабочки, росли орхидеи. Такие нежные и девственно-чистые, будто сама мать-природа ухаживала за ними, вкладывая в них всю свою душу. Алые, фиолетовые, фиолетовые с белой каймой, нежно-лиловые, белые с темными крапинками, коричневато-зеленые, желтые, желтые с бордовой каймой – и это далеко не все цвета, которые тут можно было встретить. И все эти прекрасные разноцветные цветы-бабочки источали опьяняюще сладковатый аромат, наполняя пространство невидимым волшебством.

Генри вдохнул поглубже, и на миг ему показалось, что он попал в другой мир. Разум растворился среди этой красоты, и он на какое-то время забыл о брате, о Сервусе, о послании, которое тот должен был подменить. Все для него исчезло в этом мире, остались лишь цветы.

Он медленно пошел вглубь оранжереи. Его уродливое рябое лицо среди этого царства красоты и чуда выглядело, как полная противоположность всего прекрасного, что есть в мире. Не было никакой гармонии в этой некрасивой физиономии посреди дивного цветника. Он – сорняк среди орхидей.

Генри гулял по оранжерее добрых полчаса. По дороге ему попались два гнома, которые, по всей видимости, пересаживали цветы. Об этом свидетельствовали их измазанные по локоть землей руки. Генри прошел мимо них с таким видом, словно их тут и не было. Те, в свою очередь, лишь недовольно покосились на него. Гномы, как и прочие слуги в доме Генри, не любили хозяина. Причиной тому было его отношение к ним. Генри обращался с ними, как со своей собственностью. Никакого уважения. Он мог запросто накричать, а порой, когда напивался в стельку, дать пня под зад. И никаких возражений он не терпел. Если хоть кто-то из слуг пытался ему сказать что-то против, Генри начинал извергать из себя такие гадости и оскорбления, которые мало кто слышал. Поэтому многим из них было невдомек, как мог такой человек минимум раз в неделю прогуливаться в прекрасной оранжерее. Невозможно было связать этого грубияна и пьяницу – а пил он очень часто – с чем-то прекрасным.

Покинув оранжерею, Генри направился в дом. В гостиной, куда он тут же вошел, Трэйтор сидел в кресле, и нервно постукивал пальцем

по подлокотнику.

– Трэйтор, тебе пора жениться, – сходу заявил Генри, войдя в гостиную.

– Жениться? Ты серьезно?

– Скажи, ты ухаживал за кем-нибудь после той Мари, на которой тебя хотел женить наш отец?

– Была одна девушка, – ответил Трэйтор, немного подумав. – Но с ней у меня ничего не вышло. А после нее серьезных отношений у меня ни с кем не было.

– Отец умер два года назад, Трэйтор. Тебе уже тридцать один, пора бы найти себе супругу.

– Да, ты прав, но я займусь этим после того, как разберусь с Милатом. А почему ты завел разговор о женитьбе? Тебе, кстати, самому пора об этом задуматься.

– Эх, Трэйтор, – мечтательно заговорил Генри. – Я, видишь ли, пока не тороплюсь с этим. Меня и так все устраивает.

– Ты имеешь в виду те публичные дома, в которых ты постоянно обитаешь? – брезгливо спросил Трэйтор. – И когда ты перестанешь ходить к этим проституткам? Уж кому-кому, а тебе точно пора жениться.

– Ты и сам прекрасно знаешь, что я не очень-то пользуюсь популярностью у благородных девиц, – заметил Генри.

Это была сущая правда. Рябое лицо и скверный характер не способствовали налаживанию личной жизни младшего брата, и Трэйтор это прекрасно знал.

– Я думаю, во всей стране найдется хоть одна сумасшедшая женщина, готовая выйти за тебя замуж. Только ты сам не хочешь этого. Тебя привлекают распутные девицы, к которым ты ездешь, чуть ли не каждый день.

– Каждому свое, – улыбнулся Генри, разводя в сторону руки.

– Уже первый час, а его по-прежнему нет, – сухо заметил Трэйтор, посмотрев на часы.

– Ну и что? Может быть, он сегодня вообще не придет. Подмена послания дело небыстрое. Тут нужна осторожность, а Сервус, как я тебе уже говорил, делает все без лишнего шума. Возможно, в этот самый момент он как раз меняет послание гонцу, а ты сидишь тут весь

на нервах. Если он и завтра не явится, тогда можно начинать беспокоиться.

Последние слова брата обожгли разум Трэйтора, словно раскаленными щипцами. Как это Сервус не явится завтра? Не может этого быть! Ведь тогда весь план полетит ко всем чертям. Не видать ему тогда трона Фильнии, как своих собственных ушей. И как это Генри может спокойно об этом говорить? Неужели он сошел с ума?

– Ты думаешь, что он может вообще не приехать? – с тревогой спросил Трэйтор.

– Нет, дорогой брат. Я так ни в коем случае не думаю. Я уверен, что Сервус, как всегда, прекрасно справится со своей задачей. Я только пытаюсь донести до тебя, что не надо его так ждать. Приедет, как приедет. И нечего снова изводить себя. На то пока нет никаких причин. Давай лучше выпьем.

– Я не хочу пить. Тем более, что сейчас только первый час, – пробурчал Трэйтор.

– Как хочешь. А я, пожалуй, выпью. Эй, гном, – крикнул Генри, – принеси-ка мне вина.

Через минуту послышалось шарканье за дверью, и в гостиную вошел гном, который прошлой ночью открывал братьям дверь. В руках у него был серебряный поднос с графином и кубком. Он поставил его на стол и молча удалился. Генри, недолго думая, открыл графин и наполнил кубок до краев.

– Чудесное вино из виноградников Алманской долины, – проговорил Генри, с довольной миной делая первый глоток. – Может, все-таки выпьешь? Нервы немного успокоишь.

Трэйтор отрицательно качнул головой.

Прошел еще почти час, за который Генри успел полностью осушить первый графин и немного отпить из второго. Все это время он пытался отвлечь брата пустыми разговорами, но не сильно преуспел. Наконец, утомленный ожиданием Трэйтор собирался подняться к себе в спальню, чтобы немного отдохнуть, когда на улице послышалось конное ржание. Услышав его, Трэйтор тут же помчался к окну. В нем он увидел того, кого ожидал на протяжении всей половины дня. К крыльцу подъехал Сервус – в той же черной одежде, в которую он был одет вчера, когда они прощались, из чего Трэйтор сделал вывод, что

тот не заезжая к себе домой сразу же направился к Генри. Спешившись и привязав коня, Сервус направился в дом.

– Это он! – облегченно выдохнул Трэйтор, отходя от окна.

Слегка захмелевший Генри улыбнулся какой-то глупой улыбкой в ответ и развел руки в стороны.

Буквально через минуту Сервус находился в гостиной, а Трэйтор стоял прямо перед ним.

– Ну как, все получилось? – спросил Трэйтор; в его интонации чувствовалось, как пружина ожидания, долгое время сжимавшаяся внутри, наконец, распрямилась.

– Все прошло безупречно, – ответил рыжий, посмотрев на Трэйтора серыми бездушными глазами.

– Ты подменил послание?

– Я сделал все, как было велено. Письмо, которое вы мне дали, сейчас едет вместе с гонцом. Он, разумеется, ничего не подозревает.

– А королевское послание у тебя? – продолжал допрос Трэйтор.

Сервус достал из-за пазухи конверт с королевской печатью. Трэйтор бережно, словно боясь повредить, взял его в свои руки. Для любого другого, это было обычное письмо с большой сургучной печатью с изображением коронованного льва. Но для Трэйтора это была самая большая драгоценность. Даже если бы ему сейчас предложили все богатства мира, он бы ни за что с ним не расстался.

– Дай мне посмотреть, – попросил Генри.

Трэйтор аккуратно протянул ему письмо.

– Интересно, что там написано. Давай взломаем печать, – предложил Генри.

– Ни в коем случае! – выкрикнул Трэйтор, отнимая письмо у брата. – Не надо ломать печать и разворачивать письмо. Пусть все остается как есть.

– Почему? – удивился Генри.

– Потому что это мой пропуск во дворец! – с безумной улыбкой и горящими глазами ответил Трэйтор.

– У тебя же есть королевская печать, запечатаешь заново.

– Нет, пусть для пущей уверенности останется печать Милата. Ты можешь пока сохранить его у себя? – обратился он к Сервусу.

– Конечно, могу. В этом нет никаких трудностей, – хрипло ответил тот.

«Он, наверное, устал. Наверняка всю ночь не спал», – пронеслось в голове Трэйтора.

Он внимательно посмотрел в лицо Сервуса, на тонкие поджатые губы, в серые, бездушные глаза, но ничего не смог в них прочесть. Устал этот человек или нет – непонятно. Никаких изменений с прошлого вечера в этом взгляде, в этом лице не произошло. Складывалось впечатление, что он просто-напросто сделан из железа.

– В таком случае, оставь его у себя, а завтра утром, приезжай вместе с этим письмом ко мне. Я скажу, что нужно будет сделать дальше. Заодно отдам тебе заслуженную награду. А сейчас поезжай и отдохни, как следует.

– Как вам будет угодно, – Сервус почтительно поклонился и вышел вон.

– Ты все-таки был прав, Генри. Он и вправду хорош, – сказал довольный Трэйтор, когда рыжий вышел из гостиной.

– Что я тебе говорил? Видишь, все сделал как нельзя лучше. Где ты еще найдешь такого человека? – хвастливо спросил Генри.

– Боюсь, что нигде. А жаль. Я таких людей люблю.

– Но хватит говорить о нем. Лучше расскажи мне, что ты задумал сделать с этим посланием?

– Терпение, Генри. Скоро ты все узнаешь. Не торопись. Я не хочу пока все раскрывать даже тебе.

– Что ж, как знаешь, Трэйтор. Главное чтобы все твои задумки получились.

– И я в этом ни на секунду не сомневаюсь, – с жаром проговорил Трэйтор. – А сейчас мне пора домой. Нужно кое-что подготовить.

– Ты даже и сейчас не выпьешь со мной? – обижено спросил Генри.

– Мы выпьем с тобой, брат, обязательно. Но после того как все сделаем.

В скором времени Трэйтор покинул особняк брата.

Глава 15

Его бросили, как мешок картошки на землю. Рагнер очнулся, почувствовал ужасную пульсирующую боль в затылке, словно внутри головы стучали кузнечным молотом. Он открыл глаза, но не смог толком ничего разглядеть – зрение расплывалось, будто его застигало размытое стекло. Рагнер со стоном опустил веки.

Тут он услышал голос, но он никак не мог расслышать, словно говоривший стоял за каменной стеной. Потом он почувствовал, как кто-то приподнял его голову, коснулся затылка, и мгновенно, по всему телу, словно вода, стало растекаться приятное тепло. Оно расходилось, наполняя каждую клеточку тела силой. Молот в голове заметно ослабел, боль отступала под натиском неведомой чудодейственной силы, возникшей из неоткуда. Он открыл глаза и увидел седую бороду Лестера. Маг склонился над ним и, зажмурившись, что-то бубнил. Вскоре от боли не осталось и следа, будто ее никогда и не было. Рагнер почувствовал, как к нему вернулись силы.

Когда боль прошла, Лестер замолчал и, открыв глаза, посмотрел на Рагнера, расплываясь в самой доброй и дружелюбной улыбке.

– Ну как, стало легче?

Рагнер поднес руки к голове, словно проверяя на месте ли она.

– Да, – прохрипел он.

Приподнявшись на локтях, Рагнер принялся осматриваться. Он отметил, что они с магом находились в большом деревянном помещении, напоминавшем барак. Ни окон, ни какой-либо мебели. Повсюду валялась солома, а в стенах промеж досок – огромные щели, сквозь которые пробивались лучи солнца, тускло освещая барак. Несмотря на щели в стенах, воздух тут был спертый, вперемешку с вонью конского пота и соломы.

Рагнер поднялся на ноги и стал отряхиваться. К своему великому сожалению, он не нашёл свой меч. Кинжал, который всегда болтался у него на поясе, тоже куда-то пропал. Лук и стрелы также бесследно исчезли. Лестер, наблюдавший за попытками друга отыскать своё оружие, слегка ухмыльнулся.

– Они все забрали, можешь ничего не искать. Даже мой посох у них.

– У них?! У кого это «у них»? – спросил изумленный Рагнер.

– Так ты ничего не помнишь? Хотя, чему тут удивляться, этот тип неплохо заехал тебе по голове, – тут Лестер прочистил горло, а затем продолжил. – Мы находимся у кентавров. Они напали на нас прямо на дороге. Повыскакивали из кустов, и давай махать оружием. Совсем как дикари.

Рагнер стал что-то припоминать. В его памяти вдруг возникли образы существ. Станных существ – с мускулистым человеческим торсом, плавно переходящим в лошадиное туловище. Рагнер вспомнил все, что произошло с ним и с Лестером до мельчайшей подробности, словно какая-то неведомая пелена спала с его разума. В его памяти всплыли и ужасные крики, и лязг меча, и валяющийся маг на земле, и то, как он прыгнул, чтобы защитить его... а потом... потом провал. Дальше крошечная тьма – он ничего больше не помнил, словно у него украли отрезок жизни.

– Долго я валялся без сознания?

– Думаю, пару часов. Как раз на протяжении всего нашего пути сюда.

– М-да, видимо удар и в самом деле был очень сильный, раз я так долго пробыл в отключке.

– Зато тебе не пришлось два часа идти пешком.

– Пешком? А где же наши лошади? – удивился Рагнер.

– Мою лошадь они сразу расседлали и отпустили. А вот твоей повезло меньше. Ей пришлось сначала довезти тебя сюда, прежде чем ее отправили на волю.

– Ох, как же это замечательно! – раздраженно прошипел Рагнер. – У меня отобрали оружие, у тебя посох, да еще и лошадей отпустили. Ничего хуже уже не придумаешь. И как же мы будем теперь искать эти камни?

– О лошадях не беспокойся, я что-нибудь придумаю. Кстати, на счет камней, лучше про них ничего не говори. Да и вообще им не нужно знать для чего мы сюда приехали.

– А что мы будем говорить, если спросят?

– Я найду, что им ответить. Главное, ни в коем случае не упоминать о камнях, – предостерег Лестер.

– Что такого может случиться, если мы скажем про камни?

– В том-то все и дело – все что угодно. Неизвестно, как кентавры на это отреагируют. Боюсь, тогда мы ноги отсюда не унесем. Поэтому, лучше помалкивать о цели нашего визита в эти края.

– Хорошо, понял. О камнях ни слова, – согласился Рагнер. – Как ты думаешь, долго мы еще будем тут сидеть?

– Мне кажется – нет. Полагаю, скоро нас должны отвести к их предводителю. Ему наверняка уже сообщили, что сегодня были пойманы два чужака. Он захочет посмотреть на нас и задать пару вопросов.

– Надеюсь, это случится скоро, потому что мне надоел этот вонючий сарай!

– Хочу еще кое о чем тебя предупредить, – предостерегающе сказал Лестер. – Кентавры не любят, когда с ними общаются неучтиво. Ни при каких обстоятельствах не вздумай им грубить. Они очень своенравный народ, поэтому старайся говорить как можно вежливей, даже если они сами будут хамить.

– Хорошо, я тебя понял, – кивнул Рагнер.

Они просидели еще добрых десять минут в бараке, но Рагнеру показалось, что прошла целая вечность, прежде чем щелкнул замок, и дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял огромный кентавр, на две головы выше даже Рагнера. В руках тот держал короткое копьё, голову защищал стальной шлем. Вид у кентавра был хмурый и недружелюбный, точно он пришел за арестантами, которых необходимо отвести на суд.

Кентавр копьем указал на выход. Друзья повиновались и вышли из барака.

Их встретил солнечный свет – столь яркий, что они невольно остановились и прикрыли глаза руками. При этом белоснежная борода мага напоминала свежевывпавший снег в ясный морозный день. Толчок в спину быстро привел пленников в чувства, и они снова зашагали вперед. По мере того, как их глаза привыкли к солнцу, они стали оглядываться по сторонам.

Их вели по широкой извилистой дороге через какое-то поселение. Судя по количеству строений, назвать это поселение маленьким было никак нельзя. Повсюду, словно огромные коробки, возвышались деревянные бараки. В отличие от того, в котором сидели друзья, в этих щели были тщательно замазаны глиной. Кроме того, в них

присутствовали большие отверстия, которые, судя по всему, являлись окнами. В поселении кипела жизнь, повсюду были слышны голоса, крики, смех, где-то неподалеку находилась кузница, из которой доносились тяжелые звуки кузнечного молота. Везде ходили кентавры, такие же огромные как тот, что шел позади пленников. Все они о чем-то непринужденно говорили или чем-то занимались: будь то починка забора, заточка ножей и мечей; кто-то нес воду из колодца, продукты, но как только они замечали Лестера и Рагнера, их деятельность приостанавливалась, а голоса смолкали. Кентавры бросали на пленников такие взгляды, словно перед ними проводили двух преступников на виселицу. Даже небольшая группа весело игравших детишек притихла, когда мимо них под чутким надзором кентавра провели Лестера и Рагнера.

В атмосфере чувствовалось напряжение и враждебность. Рагнеру с каждой минутой становилось не по себе. Складывалось ощущение, что сейчас какой-нибудь абориген кинется на него с копьем или мечом и, не задумываясь, здесь же и прикончит.

– Ты когда-нибудь видел что-то подобное? – шепнул Рагнер.

В ту же секунду его сильно ткнули тупым концом копья в спину так, что он еле удержался на ногах.

– Молчать! – послышался сзади голос, отдаленно напоминавший лошадиное ржание. Рагнер хотел оглянуться, но передумал, опасаясь получить еще один удар. Он пошел дальше, морщась от боли в спине.

Дорога резко повернула вправо, и перед друзьями открылся небольшой бугор, на котором, словно громадный черный жук, расположилось большое деревянное строение, выполненное в виде круга. Подобно короне его венчал купол. Нельзя было сказать наверняка, что это такое – неудавшийся дворец или безвкусный деревянный особняк, который спроектировал бездарный архитектор. Однако, увидев это строение, Рагнер тотчас понял, что ведут их именно туда. Он не ошибся. Очередной толчок в спину, который на сей раз был адресован Лестеру, немного отставшему от Рагнера, направил друзей к этому деревянному зданию.

Они поднимались на бугор по лестнице, ступени которой были выдолблены прямо в земле и выложены из природного камня. Несмотря на то, что подниматься было невысоко, Рагнеру, из-за удара в спину, подъем этот дался нелегко. Удар пришелся прямо в

позвоночник, и жгучая боль отдавала во все конечности. Он не мог сделать ни одного шага, не ощутив ее. В какой-то момент Рагнеру показалось, что он упадет и покатится по лестнице, как бочонок с водой.

Ступени закончились, и пленники очутились перед большими распахнутыми деревянными дверьми. По обе стороны стояли два огромных мускулистых кентавра, с серьезным видом сжимавшие в одной руке меч, а в другой – круглый деревянный щит. От их вида могло показаться, что ни одна живая душа, даже мышь не сможет проскользнуть мимо них незамеченной.

Друзей провели внутрь. В помещении царил полумрак из-за того, что в здании единственным источником света являлся купол, в котором было проделано четыре окна. Свет из них падал прямо в центр, освещая большую статую, сделанную из белого камня в виде старика с длинной бородой, обращенного лицом ко входу. Его правая ладонь с поднятым вверх указательным пальцем находилась возле рта, изображая предупреждающий знак молчания. Левой рукой он указывал на запад. Пол в этом круглом строении был деревянным и, к удивлению друзей, идеально вычищен, будто его каждый день мыли щеткой и мылом. Бревенчатые стены с тщательно замазанными щелями поддерживали купол. Повсюду царил аромат полевых цветов, словно путники оказались в саду или на лесной опушке. Рагнер стал осматриваться – нет ли где поблизости курильни с благовониями, но ничего такого он так и не заметил.

Из-за статуи показался кентавр. Видимо, он специально вышел на свет, чтобы пленники смогли его, как следует разглядеть. Он несколько отличался от сородичей: смуглый, примерно на голову выше тех, которых Лестер и Рагнер видели ранее. Он был очень мускулист, и казалось, что его мышцы похожи на камень, который ничем нельзя пробить. Черные как смоль волосы напоминали лошадиную гриву, сплетенную в толстую густую косу. Большой лоб несколько выпирал вперед, из-за чего карие глаза, напоминали две глубокие ямы. Сплюснутый нос, пухлые губы и большие скулы в совокупности с суровым, полным достоинства взглядом, придавали хозяину устрашающий вид. По тому, как вышел этот кентавр, по осанке, стойке чувствовалось, что это вожак.

– Так это и есть те два чужака, которых вы сегодня поймали? – послышался суровый, несколько гнусавый голос.

– Да, они самые, – последовал ответ из-за спины друзей.

Вожак смерил их презрительным взглядом.

– Ну и зачем же вы, двое глупцов, явились в мои владения? Вы, верно, приехали сюда шпионить. Но у вас ничего не выйдет. Завтра же с вас спустят шкуру. И поделом вам. Будете знать, как являться без приглашения, – кентавр говорил так четко, отрывисто, словно бил в барабан. И каждое слово было для друзей, словно приговор. Уж такого нападения они никак не ожидали. Даже Лестер пришел в некое замешательство.

– Приветствую тебя, Титос, предводитель кентавров, – маг глубоко поклонился и расплылся в такой улыбке, словно он встретил старого друга.

– Мы, что, знакомы с тобой, старик? – чуть удивился вождь кентавров.

– Да, и уже давно. Я приезжал несколько раз в ваши края. Тогда еще предводителем был твой отец – Менос.

– Отца уже давно нет в живых. Теперь я вместо него, – сухо ответил Титос.

– Я знаю, и очень сочувствую твоей утрате, – с сожалением произнес Лестер.

– Я вспомнил тебя, – сурово сказал кентавр. – Ты тот колдун, что вечно повсюду таскается по поручениям своего хозяина. Не помню, как тебя зовут.

– Лестер. И у меня нет хозяина, – говорил старик с вежливой улыбкой. – Я всего лишь езжу по поручениям своего короля.

– Это одно и то же, – безапелляционно ответил Титос. – Впрочем, отец к тебе неплохо относился, насколько я помню. Не понимаю, только, почему.

– Да, у нас было что-то вроде дружбы. Надеюсь, с тобой мы тоже подружимся.

– В этом я сомневаюсь, – сухо заявил кентавр. – Кто этот человек?

– Это мой друг, его зовут Рагнер.

– Его я что-то не припоминаю. Он, верно, впервые заехал в наши края.

– Так и есть, – ответил Лестер не прекращая улыбаться.

Лицо Титоса, однако, нисколько не изменилось. Он по-прежнему стоял с суровым видом.

– Для чего вы сюда явились? Зачем тебя послал твой хозяин на этот раз? Чтобы шпионить?

– Ни в коем случае, – поспешил заверить маг. – У нас и в мыслях ничего такого не было. Мы не шпионы, и никогда ими не были. Мы ехали сюда целенаправленно к тебе.

– Ко мне? – слегка удивился Титос. – И что же вы хотели от меня?

– Передать от короля приглашение на праздник, – соврал Лестер. – И мы никак не ожидали, что нас встретят таким образом: избивая и толкая почем зря.

– Так значит, вы ехали ко мне, чтобы передать приглашение на праздник? – спросил кентавр, игнорируя последние слова Лестера. – Но где же это приглашение? Что-то я его не вижу.

– Король велел передать его на словах. Он хочет пригласить кентавров к себе во дворец, на День великого Акнаола – праздник, который отмечается нашим народом в конце года. Таким образом, король хочет воздать дань уважения нашей давней дружбе и еще более ее укрепить.

Казалось, что это наглое вранье немного смягчило Титоса. Кентавр задумался, и на его лице даже проскользнула тень улыбки, будто лучик солнца пробился среди пелены туч. Лестер уже хотел вздохнуть с облегчением, но внезапно лицо Титоса вновь стало суровым, как будто тучи снова закрыли солнце и день опять стал серым.

– Я тебе не верю, маг. Ты что-то не договариваешь, – сухо заявил Титос.

Маг тяжело вздохнул и многозначительно посмотрел на Рагнера.

– Ты прав, Титос. На нашу страну напали враги, и король хочет заключить с вами союз, в надежде на вашу помощь.

От этих слов у Рагнера чуть глаза не вылезли из орбит. Он не ожидал, что Лестер начнет рассказывать о войне. Такая наглая и откровенная ложь привела его в некоторое замешательство. Но больше всего его изумило то, что Лестер при этом и глазом не моргнул, и разыгрывал сейчас такое представление, что, пожалуй, ему позавидовал бы любой актер. «Неужели он спланировал весь этот рассказ заранее, или он все же импровизирует?» – пронеслось в голове Рагнера.

– Так вот значит, что скрывается за всеми этими красивыми словами о празднике и дружбе! – взревел кентавр, самодовольно полагая, что он раскрыл истинные замыслы двух чужаков. – Вам нужна помощь! И вы, в самом деле, рассчитывали ее здесь получить?

– Король надеялся, что наша прошлая дружба должна этому поспособствовать, – невозмутимо ответил Лестер.

– Не было никакой дружбы между нашими народами и никогда не будет. Вы, люди, лживые и двуличные, никто и никогда не захочет с вами вести дела, если имеет хоть каплю гордости и самоуважения. Нет, колдун. Не ждите от меня никакой помощи. Разбирайтесь со своими проблемами сами. Так и передай своему хозяину. Тут он не найдет себе друзей. Вы можете забрать свои вещи и убраться отсюда восвояси.

Мага эти обидные слова кентавра нисколько не смутили. Если бы Титос был чуть внимательнее, он бы заметил в голубых глазах Лестера хитрую искру, которая вспыхнула на мгновение и тут же погасла.

– Позволь нам хотя бы на пару дней задержаться, чтобы отдохнуть и набраться сил перед дальней дорогой.

Кентавр испытующе посмотрел на Лестера. Рагнеру показалось, что он просверлит в маге дырку темными глазами. Лестер, тем не менее, стоял с невозмутимым видом и спокойно выдержал взгляд.

– Ну, хорошо, – голос Титоса зазвучал мягче. – Раз вы не шпионы, а скорее всего посланцы, то можете остаться у нас ... на ночь. И чтобы завтра днем вашего духу здесь не было. Я иду на такие уступки только потому, что ты когда-то дружил с моим отцом.

– Премного благодарен тебе, Титос, – ответил Лестер с поклоном. – Но позволь спросить тебя, почему вы нас приняли за шпионов?

Титос посмотрел на кентавра, который привел друзей и сказал:

– Марос, отведи их к клетке. Я тоже туда подойду.

Друзья развернулись и пошли вслед за Маросом.

Спуск по лестнице дался Рагнеру не менее трудно, чем подъем. Боль никак не проходила и в сердцах, бедный Рагнер проклинал Мароса, да и всех кентавров вместе с ним за то, что ему приходилось терпеть в последнее время. За удар по голове, за толчки, за боль, которая никак не проходила, за то грубое отношение к нему и его другу. Если бы была возможность, то он давно бы скрестил меч с любым из кентавров. Особенно с этим Маросом, который шел впереди них, словно важный петух. Однако в его голове закралась и другая мысль.

Рагнер вдруг понял, почему один из камней Аксиос спрятал именно у кентавров. С таким нравом и повадками, как у этого народа, можно быть абсолютно спокойным, что никто этот камень не сможет найти. И на что только рассчитывает Лестер? Где они будут искать этот камень? Да и времени у них всего ночь. Как маг себе представляет поиски среди кентавров, которые всю дорогу, пока их вели к Титосу, бросали на них настороженные, недружелюбные взгляды? Этому Рагнер не мог понять. Он посмотрел на Лестера и по его задумчивому виду понял, что старика сейчас терзают те же вопросы.

Они миновали развилку, на которой ранее свернули к дворцу Титоса. Друзья вновь шли через поселение, и навстречу им то и дело попадались кентавры, занимающиеся различными хлопотами. Возле одного из барачков кентавр-женщина отчитывала трех детишек за какую-то шалость. И все эти кентавры смотрели на двух чужаков, следовавших за одним из собратьев каким-то странным взглядом. Не тем что прежде, когда их вели, словно преступников, к Титосу. В этих глазах больше не было настороженности – ее сменило удивление. Тот факт, что друзья больше не шли под конвоем Мароса, сильно их впечатлил. Видимо, никто не ожидал такого исхода их встречи с Титосом. А между тем, бараки внезапно исчезли, и перед друзьями предстала большая вытоптанная поляна, на которой находилось семь кентавров, вооруженных копьями. Все они стояли возле огромного предмета, напоминавшего ящик, в высоту в два человеческих роста, накрытого большим грязным покрывалом. Кентавры о чем-то переговаривались, но, заметив подошедших во главе с Маросом, смолкли и уставились на них с таким видом, будто перед ними находились какие-то насекомые. Тут же от этой компании откололся один из кентавров и вплотную подошел к Рагнеру.

– Ты зачем их сюда привел? – грубо спросил тот у Мароса, при этом, спрашивающий не отрывал черных, горящих негодованием глаз от Рагнера.

– Я ему приказал, – прозвучал сзади голос Титоса. Друзья обернулись и увидели подходившего к ним предводителя кентавров. – Ты что-то имеешь против, Минос?

– Нет, но они чужаки, а мы с такими дел не имеем, – голос говорившего звучал грубо, будто из трубы.

– Они нам не враги, но и не друзья. Я хочу, чтобы они увидели, что тут у вас спрятано. Пусть посмотрят. Покажите клетку.

После этих слов Минос отошел от Рагнера и направился к накрытому покрывалом предмету. Остальные кентавры отошли от него подальше и перехватили копыя так, словно готовились к нападению. Минос взял за край грязное серое покрывало и потянул. Оно свалилось на землю и открыло нашим друзьям большую металлическую клетку, в которой лежало огромное нечто.

Сначала Рагнеру показалось, что это облезлое больное животное. Но, как только это нечто зашевелилось и поднялось во весь рост, Рагнер понял, что ошибался. Это была огромная тварь темно-серого цвета, примерно в два с половиной метра роста. Его голова напоминала волчью, с одним кривым рогом с правой стороны. Четыре огромных красных глаза горели, будто факелы, источая небывалую злобу и ненависть ко всему живому. Огромная пасть с двумя торчащими клыками, острыми как бритва, вселяли неведомый ужас. От одного только взгляда на них Рагнер почувствовал, как по телу бегут мурашки. Огромные лапища с большими когтями могли в два счета разорвать небольшое животное. Сзади, ключьями свисало жалкое подобие гривы. Эта тварь подошла к стенке и взялась за прутья клетки. Кентавры насторожились и еще крепче сжали копыя, словно боялись, что это существо начнет ломать клетку, и прутья, поддавшись его силе, не выдержат и сломаются. Но эта тварь не собиралась ломать клетку, она лишь высунула нос, насколько это позволяли стальные прутья, и стала внюхиваться. Рагнер заметил, что на огромной вытянутой морде три ноздри. И все они раздувались как сопла, жадно внюхиваясь, словно волк, почуявший добычу. Фыркнув, эта тварь издала громкий истощный вопль, и повалилась на пол. И тут Рагнер понял, что она издыхает. Но, несмотря на это открытие, тот ужас, который она в него вселила, никуда не исчез.

Титос ехидным взглядом посмотрел на друзей; оба стояли, оцепенев от страха, который в них вселил вид этой твари. Даже Лестер, повидавший многое на этом свете за свою жизнь, стоял онемевший от ужаса и испуга.

– Вы знаете, кто это? – обратился к друзьям Титос.

Рагнер отрицательно покачал головой, не отводя взгляда от клетки. Он видел, как тело этого чудовища медленно и тяжело дышало.

– Ну, а ты, старик, чего молчишь? Видел ли ты когда-нибудь нечто подобное? – спросил Титос.

– Нет. Мне не доводилось видеть такое, но я догадываюсь, кто это.

– Ну и кто же это, по-твоему? – не унимался Титос.

– Это сафр. Ведь так?

– Ты прав. Это сафр, но откуда он мог появиться здесь? – сурово спросил Титос.

– Меня интересует тот же вопрос, – ответил маг и пристально посмотрел Титосу в глаза. – Насколько мне известно, эти твари обитают в Мертвой земле.

– Один из наших отрядов поймал его пять дней назад, всего в трех днях езды к юго-западу отсюда. Эта поимка стоила нам трех жизней. Я приказал посадить сафра в клетку, чтобы он издох от голода.

– В трех днях езды отсюда? – удивился Лестер.

– Да. Они никогда не нарушали наших границ. Ни разу за все то время, что правил мой отец, ни один сафр не ступил на нашу землю. А теперь, они то и дело шастают и грабят наши поселения, убивая при этом всех без разбора, – в голосе Титоса чувствовалась, как в нем кипит целый котел ненависти.

– Быть того не может, – с тревогой выдохнул Лестер.

– Еще как может, – грубо ответил Титос. – В последнее время, Мертвая земля вдруг ожила и забурлила. Среди сафров появилось какое-то движение, которого никогда раньше не было. Они стали собираться в вооруженные отряды и частенько нападать на наши земли. Раньше они жили у себя и никого не трогали, даже носа не высовывали из своих поганых земель. В былые времена ими, разве что, только детей пугали на ночь перед сном. А теперь, внезапно эти рассказы стали претворяться в жизнь.

– Так вот почему вы подумали, что мы шпионы, – внезапно сказал Рагнер.

Титос перевел свой взгляд на него и ответил:

– Да. В последнее время шпионов в наших краях хоть отбавляй. Поэтому мы никому не можем доверять. У этих тварей наверняка появился предводитель. И мне кажется, что это колдун, – при этих словах Титос бросил многозначительный взгляд на Лестера. – Простой силой сафров трудно подчинить своей воле. Как видишь маг, у нас самих проблем хватает, так что разбирайтесь со своими врагами сами.

Их снова отвели в тот барак, в котором маг привел в чувства Рагнера. Правда, в этот раз не стали запираить на замок. Как только они оказались внутри, Рагнер тут же со стоном повалился на землю. У него так болела спина, что он был готов завывать от боли. Ходьба лишь усугубила его состояние. И не смотря на то, что увиденный им сафр произвел на него незабываемое впечатление, боль заставила его на какое-то время позабыть о твари. Как и в прошлый раз на выручку пришел Лестер. Видя, как друг страдает, он тут же опустился рядом на корточки, приложил руки к его спине и принялся что-то нашептывать. Спустя минуту от боли не осталось и следа, словно Рагнера никто и не бил копьем. Он медленно поднялся и понял, что на смену жгучей боли, терзавшей его все последнее время, пришло чувство голода. Рагнер вспомнил, что ничего не ел с самого раннего утра, да и завтрак их был весьма скуден. Он посмотрел на Лестера, но, казалось, того еда вовсе не интересует; старик уселся возле балки, подпиравшей потолок, и погрузился в раздумья, как это с ним всегда случалось, когда он узнавал что-то весьма тревожное. Раньше такое поведение мага сильно раздражало Рагнера, но сейчас он отнесся к этому с пониманием. К тому же, увиденное и услышанное за сегодняшний день породило много вопросов и доводов в голове Рагнера, которыми он хотел поделиться с магом. Но чуть позже. Пусть Лестер обдумает все, как следует. Все вопросы он задаст потом. Правда, времени у них не так много, ведь надо найти камень, а в их распоряжении только остатки дня и ночь. Но они что-нибудь обязательно придумают. Не бывает же, в конце концов, безвыходных ситуаций.

Спустя некоторое время Лестер сам заговорил с Рагнером.

– Та тварь, что мы видели – это сафр. Хотя ты и сам все слышал, – маг говорил слегка охрипшим голосом.

– Да, я понял, как называют этих тварей. Но мне не совсем ясно, о чем вы там говорили с этим Титосом. Мертвая земля ожила, что он хотел этим сказать?

– Я тебе потом все объясню.

– Хорошо, расскажи мне тогда, что ты там наплел ему про короля и войну? Ты и вправду собирался пригласить кентавров во дворец?

– Нет, конечно же, – засмеялся маг. – Пришлось выдумывать на ходу. Все, что я сказал Титосу было сплошным враньем. Я знал, что на любое королевское приглашение они ответят отказом. Ни за что на

свете они не поедут на какие-то там праздники к королю. Как ты уже заметил, кентавры не очень любят людей. Они стараются не иметь с ними общих дел. Да и вообще, они ведут весьма закрытый образ жизни. Можно сказать – сами по себе. Они, конечно, контактируют с другими народами, но только по мере необходимости. Однако, как я уже говорил, с людьми они стараются вовсе не знаясь. Так что я со спокойной душой выдумал всю эту историю про приглашение, заранее зная, что они никуда и ни за что на свете не поедут.

– Ловко, – улыбнулся Рагнер. – Ну а зачем же ты выдумал всю эту историю про войну?

– Он мне почти поверил, когда я сказал ему про приглашение на праздник, но потом внезапно его осенила мысль, будто я что-то скрываю. Я решил подыграть ему и рассказал про войну и про то, что людям нужна их помощь. Таким образом, я сыграл на его самолюбии. Я позволил Титосу почувствовать себя самым умным на свете кентавром, которого мне не удалось обмануть, – после этих слов Лестер немного посмеялся, да и на лице Рагнера блеснула улыбка.

– То есть, получается, что ты якобы раскрыл ему истинную причину нашего визита, и тем самым ввел его в самое глубокое заблуждение.

– Именно! И теперь они ни за что на свете не подумают, что мы здесь ищем камень, который спрятал Аксиос много веков назад.

– Да, все-таки хорошо, что мы не обмолвились ни единым словом об этом камне, иначе мы были бы уже мертвы, учитывая то, как нас встретили.

– Кентавры, конечно, не самый дружелюбный народ, но даже для них это был слишком уж жесткий прием. И это неспроста. Все из-за того, что стало твориться в Мертвых землях. Так что их можно понять. Похоже, и в самом деле наступают тревожные времена, но об этом потом. Сейчас нам надо подумать с чего начать поиски камня.

– Это очень интересный вопрос, – тут же отозвался Рагнер. – Я тут подумал, как мы будем искать этот камень, если на нас все смотрят как на мерзких насекомых? Думаю, нам вряд ли удастся организовать поиск незаметно. К тому же у нас очень мало времени.

– Ты абсолютно прав, Рагнер. Возможно, поговорив с местными, нам удастся что-нибудь узнать.

– Поговорив с местными? Ты серьезно? Да ни за что на свете они не станут с нами говорить. Скорее, снег выпадет летом, чем они нам что-

то скажут. Ты бывал здесь раньше, Лестер, неужели ты никогда ничего не слышал о странном камне, который у них хранится?

– Нет, ничего подобного. Да и мои визиты сюда были очень короткими. Я, признаюсь честно, впервые за все время был в этом круглом деревянном доме, в котором нас с тобой встретил Титос. Чего уж говорить о камне.

Внезапно дверь распахнулась, и друзья были вынуждены прервать свою беседу. На пороге стояла девушка-кентавр. Она была не такой крупной, как ее сородичи. Если все остальные кентавры напоминали Рагнеру маленькие мускулистые скалы, то эта особа, показалась ему маленькой и хрупкой, хоть она и была все же выше Рагнера. На ее нежном круглом личике, словно две миндалины, располагались два карих глаза, в которых Рагнер впервые за последнее время не увидел вражды, а, напротив, в них чувствовалась какая-то ласка и забота.

«Она была бы вполне привлекательной девушкой, будь она человеком», – подумал Рагнер.

– Идемте ужинать, вы наверняка проголодались, – ласковым голосом сказала незнакомка.

Лестер и Рагнер переглянулись – не ослышались ли они. Они не ожидали такого исхода событий. Все время, пока они находились в этих землях, им никто не сказал ни единого доброго слова. А тут является эта девушка, и мало того что в ее глазах нет этой вражды, так она еще зовет их на ужин! Как такое возможно?! Оба друга и не надеялись на нечто подобное. Они думали, что в лучшем случае они поедят только тогда, когда смогут убраться подальше от этих кентавров.

– Ну же, идемте, – сказала незнакомка, заметив некоторое замешательство сидевших на полу друзей. Рагнер, который, по всей видимости, ощущал чувство голода острее, чем Лестер, первый поднялся и последовал за незнакомкой, которая уже вышла из барака. Маг, тоже недолго думая, встал и пошел вслед за другом.

День уже подходил к концу – багровое солнце озаряло горизонт, возвещая о приближении ночи. Сумерки внезапно стали опускаться на землю, наполняя пространство невероятным ароматом ночных фиалок, которые цвели где-то неподалеку.

Незнакомка шла медленно, чтобы друзья не отставали. Она вела их по узкой тропинке позади бараков, в которых уже зажигались первые

огни. Рагнер почувствовал запах костра вперемежку с другим тонким ароматом, напоминавшим еду. Мысленно Рагнер надеялся, что они идут к этому костру, на котором, по всей видимости, готовили что-то вкусное. При одной только мысли о еде он почувствовал, как его желудок заурчал. Вот они прошли мимо очередного барака, свернули и оказались на небольшой вытоптанной поляне. Посередине горел большой жаркий костер, отбрасывающий танцующие отсветы на двух кентавров, сидевших возле него. Один из них помешивал содержимое котелка, висевшего над огнем. Второй что-то ему рассказывал с широкой улыбкой, оголив при этом большие белоснежные зубы. Как только он увидел друзей, улыбка моментально исчезла, и его лицо приняло далеко не дружелюбные черты. Он демонстративно, не говоря ни слова, поднялся на копыта, и ушел. Тот, что помешивал содержимое котелка, посмотрел ему в след с добродушной улыбкой, и обратился к друзьям:

– Не обращайтесь на него внимания, а лучше садитесь поближе к огню. Скоро уже все будет готово.

И Лестер и Рагнер остолбенели от таких слов. Во-первых, они не ожидали, что в том месте, куда их приведут, будет еще какой-нибудь кентавр помимо этой незнакомки. Им казалось, что она совершает такой поступок в тайне от сородичей. Во-вторых, их поразил тот кентавр, по все видимости очень молодой и внешне напоминавший незнакомку. Этот кентавр не бросил на них презренного холодного взгляда, не сказал грубого слова, да и вдобавок ко всему стоял и готовил ужин, которым собирался с ними поделиться.

Друзья молча подошли поближе к огню и уселись прямо на землю. Несмотря на то, что этот кентавр, не сказал ни единого грубого слова, даже наоборот, показался ему вежливым и добрым, Рагнер все-таки чувствовал себя не в своей тарелке.

– Меня зовут Филос, – представился стоявший возле котелка кентавр. – А это моя сестра Мика, – он указал на ту, что их привела. – А как вас зовут?

– Меня – Лестер, а это мой друг Рагнер, – ответил маг.

– Очень приятно познакомиться с вами, – голос Филоса звучал как-то весело и непринужденно, что очень сильно удивляло друзей.

– Нам тоже очень приятно с вами познакомиться. Признаюсь честно, мы даже слегка удивлены.

– Это и понятно, – заговорила Мика, опускаясь рядом с друзьями возле огня. – Вы наделали немало шума своим появлением в наших краях. Как только стало известно, что отряд Мароса поймал двух чужаков, все только и стали о вас говорить.

– Да, все подумали, что поймали шпионов, – вступил в разговор Филос. – Всех это очень раззадорило, потому что со шпионами у нас разговор короткий. Обычно они и до рассвета не доживают.

Рагнера поражало то, каким тоном Филос об этом говорит. Будто это была для них обычная повседневная работа – убивать кого-нибудь.

– Мы не шпионы, – ответил Лестер.

– Да, мы так и поняли это с сестрой, – с улыбкой на лице отозвался Филос.

– То есть, как это вы поняли? – удивился маг.

– Это все я, – весело зашебетала Мика. – Как только я тебя увидела, когда вас вели к Титосу, то тут же узнала твое лицо. Ты ведь приезжал в наши края несколько раз. Я тут же вспомнила и побежала быстрее к Филосу, чтобы все ему рассказать. Он мне сначала не поверил, и отправился посмотреть на вас, но опоздал. Вы уже находились в храме, когда он прибежал. И тогда он стал ждать, когда вы оттуда выйдете.

– Да, я стоял и высматривал, когда же вас, наконец, выведут оттуда, чтобы убедиться в том, что моя сестра не ошиблась. И представьте мое удивление, когда я увидел вас и в моей памяти тут же всплыли обрывки тех моментов, когда я тебя здесь видел. Ну, разве это не здорово?

– Это очень хорошо, – сказал удивленный Лестер. – Но для чего вы все это проделали?

– Ну как же, – весело заговорил Филос. – Если бы Титос решил вас казнить, мы бы тогда всем рассказали, что ты уже бывал в наших краях, и далеко не один раз. И, как мне кажется, ты даже смог подружиться с отцом Титоса.

– Ну, мы неплохо с ним ладили, – согласился старик.

– Вот видишь. Поэтому вряд ли вы шпионы. Да и будь вы шпионами, разве смогли бы вас тогда так легко поймать, прямо на дороге?

– Согласен с тобой полностью, – усмехнулся Лестер.

– Да, вот только ваши сородичи почему-то так не считают, – заговорил Рагнер.

– С этим трудно спорить, но и винить их за это тоже нельзя, – ответил Филос. – Времена наступили тяжелые и беспокойные. Все стали очень настороженными и нервными в последнее время. И все из-за этих сафров.

– Да, нам рассказал об этом Титос, когда показывал одного из них в клетке.

– В отряде, который его поймал, был наш отец, – в голосе Филоса больше не чувствовалось былого веселья. – Он так и не вернулся. Эта тварь распорола ему живот так, что все внутренности оказались снаружи. Говорят, он умер, корчась в адских муках.

Рагнер посмотрел на Филоса и увидел, как слезы застыли в его глазах. На этом лице больше не было прежней улыбки, ее сменил отважный и полный решимости взгляд, будто Филос задумывал план мести.

– Соболезную вашей утрате, – грустно проговорил Лестер. – А как же ваша матушка пережила это горе?

– Никак, – ответила Мика. – Она умерла два года назад. Так что теперь мы с братом остались одни на этом свете.

Лестеру стало не по себе от этих слов, и он почувствовал, как ком подкатывает к его горлу. Ему стало невыносимо жалко двух юных кентавров, у которых не осталось на этом свете самого дорогого – родителей. И, тем не менее, в них чувствовалась какая-то сила. Та, что не позволяет живому существу упасть под наносимыми жизнью ударами. Эта сила заставляет двигаться вперед, и продолжать бороться, несмотря ни на что.

– Мне кажется ужин готов, – на лице Филоса снова заиграла улыбка, что и прежде. – Мика, подавай тарелки.

Через пару минут все четверо сидели вокруг костра и уплетали приготовленную Филосом овсяную кашу с мясом. Проголодавшийся Рагнер готов был поклясться чем угодно, что он в жизни не ел ничего вкуснее. Такое бывает, когда чувство голода длительное время не дает тебе покоя, и пустой желудок постоянно о себе напоминает. Рагнер, да и Лестер тоже, испытывали огромную благодарность двум кентаврам, которые сделали для них большое доброе дело. Когда покончили с ужином, Рагнер впервые за последнее время почувствовал, что

настроение у него значительно улучшилось, и ему вдруг захотелось пообщаться с Филосом и Микой.

– Большое вам спасибо за этот вкусный ужин. Признаюсь, я уже и не рассчитывал, что нам с моим другом придется сегодня что-нибудь поесть.

– Да брось ты, – улыбнулась Мика. – Нам это ничего не стоит. Когда мы с братом поняли, что уже видели Лестера, и то, что Титосу нет больше до вас никакого дела, мы подумали, что вы наверняка голодны, и поэтому решили вас накормить. Любой бы поступил так на нашем месте.

– Я в этом сильно сомневаюсь. Все ваши подозрительно на нас смотрят, хотя им уже известно, что мы никакие не шпионы. А вот вы к нам очень добры.

– Да, большинство наших сородичей не любят людей, чего нельзя сказать о нашей семье. Мы избавлены от этих предрассудков, – улыбнулась Мика. – А зачем вы к нам приехали?

Лестер рассказал им все то же самое, что наговорил Титосу. И про приглашение, и про войну. Он решил пока никому не говорить истинную цель их визита в эти земли. Когда маг закончил рассказ, Филос лишь присвистнул, и сказал, что не удивлен решению Титоса. На этом данная тема закончилась. Рагнеру хотелось еще о чем-нибудь поговорить с ними, но он не знал о чем. Ему было так хорошо и уютно в этой компании, сидеть рядом с костром. И он решил спросить про то место, в которое их отвели, чтобы встретиться с Титосом. Рагнеру стало интересно, что там за каменная статуя и кого она изображает. К тому же, Лестер ничего об этом сам не знал, так что ему наверняка тоже будет интересно послушать.

– Мика, ты говорила, что нас отвели в храм. Ты имела в виду то круглое деревянное здание на бугре? – спросил Рагнер.

– Ну, разумеется его. Какое же еще? – ответила Мика.

– А что это за храм? Мне он показался необычным.

– Храм построили много лет назад наши предки. По правде сказать, на храм это мало похоже, но мы очень почитаем это место. Раз в год наш вожак молится там. Но сейчас наступили тяжелые времена, и теперь Титос там сидит почти каждый день.

– Ты говоришь, этот храм построили ваши предки много лет назад, но в чью честь? Там стоит какая-то статуя, это ваше божество? –

спросил Рагнер.

– А разве Лестер не знает ничего об этом месте? – задала встречный вопрос Мика. – Он же бывал в наших землях.

– К моему великому стыду, я ничего не знаю о храме. Мне ничего о нем не рассказывали, а сам я побывал сегодня внутри него впервые.

– Ничего удивительного тут нет, – заключил Филос. – Наши сородичи скрытны, поэтому ты не слышал про это место.

– Этот храм был построен в честь волшебника, который посетил наш народ много лет назад, – начала рассказ Мика. – Я помню эту легенду плохо, так что, братец, если я что-то забуду или скажу неправильно, ты мне поможешь.

– Она придуривается, – сказал Филос друзьям. – У нее великолепная память. Но, если моя сестра так переживает, – он перевел взгляд карих миндалевидных глаз на Мику, – то, так уж и быть, я ей помогу с рассказом.

– Я на тебя рассчитываю, – улыбнулась та. – По легенде, этот волшебник явился в наши края и долго здесь жил. Он многому научил наш народ, он открыл нам секрет, как с помощью некоторых приспособлений, изготовить волшебные стекла. Вы их видели, они установлены в куполе храма. Днем, когда светит солнце, эти стекла источают волшебный аромат полевых цветов, ночью, когда все спит, эти стекла светятся лунным светом и освещают храм.

– Вот почему так пахло в храме, – заключил Рагнер.

– Да, это все из-за этих стекол. Так вот, этот старик настолько сдружился с кентаврами, настолько ему понравился наш народ, что он решил сделать нам великий подарок.

– Подарок? – переспросил Лестер.

– Да, подарок. Он спустился в пещеру и прожил в ней долгое время совсем один. Наши сородичи очень беспокоились, но никто не отправлялся на его поиски, так как сам волшебник перед уходом запретил это делать. И вот однажды, когда уже никто не надеялся на его возвращение, в один из солнечных дней, он вышел из пещеры и объявил, что он преподнес великий дар кентаврам. Он сказал, что этот дар будет охранять наш народ от бед, и, что он специально спрятал его глубоко в пещере. Волшебник дал строгий наказ – никому нельзя было спускаться в эту пещеру, иначе его дар потеряет силу, а любого оказавшегося в ней ждала жуткая смерть. Потом волшебник покинул

наши земли и больше никогда тут не появлялся. В благодарность за все, что он сделал, кентавры воздвигли ему памятник, на котором изображен этот волшебник, указывающий путь в пещеру. А через какое-то время вокруг памятника построили храм.

Лестер и Рагнер сидели, словно громом пораженные. Вся эта легенда, которую рассказывала Мика, была очень похожа на ту, которую уже слышали друзья. Если она сейчас говорила про Аксиоса, то получается, что он спрятал один из камней как раз в той пещере. Какая удача! Теперь им не придется ломать голову, обдумывая все возможные варианты, где бы мог быть спрятан один из камней. Оставалось только попасть в пещеру и найти его.

– Ты забыла добавить, что одной рукой он указывает на пещеру, а другой предостерегает, чтобы в нее никто не входил, – подметил Филос.

– Да, я совсем забыла сказать, что значит жест его правой руки.

– Какая интересная история, – сказал Лестер и бросил многозначительный взгляд на Рагнера. Тот тоже посмотрел на него как-то загадочно, и маг понял, что в голове Рагнера сейчас обитают те же мысли, что и у него.

– И что же, за все эти годы никто так и не побывал в той пещере? – спросил Рагнер.

– Нет, конечно, – ответила Мика. – Все кентавры боятся спускаться в нее. Ни у кого даже и мысли такой никогда не возникало.

– Да и вход, наверное, охраняется, – как бы невзначай бросил Рагнер.

– Нет. Охранять вход нет нужды, – заметил Филос. – Ни один здравомыслящий туда не пойдет ни за что на свете.

– Неужели там так страшно? – не унимался Рагнер.

– Тебе же только что моя сестра сказала, что тот маг запретил туда заходить. Ты что, не слушал ее? – спросил Филос.

– Я ее слушал, но это всего лишь легенда. Чего тут бояться?

– Это не просто легенда, которую рассказывают на ночь маленьким детям, – возмутился Филос. – Говорят, иногда по ночам из этой пещеры доносятся какие-то страшные звуки, похожие на рычание.

– То есть в этой пещере живет чудище? – голос Рагнера звучал так, словно ему рассказывали очередную детскую байку, в которую он не очень-то хотел верить.

– Этого никто не знает. Но звуки там часто слышат. Многие даже стараются обходить это место стороной.

Лестер слушал все, что рассказывали Филос с Микой очень внимательно и старался не упустить ни одного слова. Рагнер относился ко всем этим рассказам о чудовище с легкой иронией, которую никто из кентавров не чувствовал, кроме мага. Однако, Лестер не разделял мнения своего друга на этот счет. В его голове закружилась тревожная мысль, что все эти слухи и рассказы насчет пещеры ходили среди кентавров явно неспроста. Что-то подсказывало магу, что если они и найдут камень в глубине этой пещеры, то вряд ли он им легко достанется.

В скором времени друзья распрощались с Микой и Филосом, и направились назад в барак. Кентавры уговаривали их посидеть еще, но те вежливо отказались, ссылаясь на сильную усталость после тяжелого дня, что, конечно же, было лишь предлогом. На самом деле Лестер и Рагнер собирались как можно скорее навестить в ту самую пещеру. Им не хотелось терять ни минуты. Особенно Рагнеру. У него давно появилось желание поскорее убраться из этих мест, несмотря на то, что все-таки нашлась парочка добрых кентавров, которая их накормила, и была готова вступить, если бы их захотели казнить. Это даже немного растрогало его, но, все же, как только в его памяти всплывали те взгляды, которые он ловил на себе сегодня днем, по его телу пробегали мурашки, хотя Рагнер был далеко не боязливым человеком.

Сумерки сменила ночь, тихая и спокойная. На небе зажглись тысячи звезд, словно кто-то на черном ночном покрывале рассыпал множество бриллиантов. Оранжевый диск луны, будто надежный ночной страж, освещал друзьям путь обратно в барак. Уже нигде не было слышно разговоров и смеха. Повсюду царил тишина, наполняющая пространство какой-то неведомой силой и таинственностью. Деревья среди этой ночи, освещенной лишь луной и звездами, казались страшными гигантами, распростершими ветви, будто клешни, готовые утащить в свое царство любого попавшегося им путника.

Друзья вошли в барак и были приятно удивлены: все вещи, которые у них отобрали, валялись на полу, почти у самого входа. Видимо тот, кто их принес, бросил, словно какой-то мусор. Об этом свидетельствовала выкатившаяся сковорода из мешка Рагнера,

валявшиеся яблоки – остатки небольшого провианта, небрежно раскиданные плащи, скомканные как старое ненужное тряпье. Но, самое главное – оружие Рагнера и посох Лестера – тоже лежали здесь в этой куче вещей. Друзья, несмотря на то, в каком виде перед ними это все предстало, очень обрадовались находке. Вернули все, кроме лошадей. Даже мех с водой был на месте. Друзья принялись собирать вещи и укладывать обратно в дорожные мешки.

– Ты подумал о том же, о чем и я, когда услышал легенду о волшебнике? – обратился Рагнер, укладывая плащ в мешок.

– Да, – ответил Лестер, выпрямившись во весь рост. – У меня нет никаких сомнений, что этот волшебник Аксиос. И как я раньше ничего не знал об этой пещере?

– Раньше тебе это не было нужно. Вот ты и не интересовался. К тому же, я не понимаю, как ты сюда приезжал раньше. Ведь эти кентавры совсем дикари. Хорошо, что они нас сразу не прибили прямо там, на дороге, когда застали врасплох.

– Я тебя предупреждал, что у них очень буйный нрав. С ними нелегко найти общий язык. Но сейчас для нас не это главное.

– Когда ты думаешь выдвигаться к этой пещере? – обратился Рагнер к магу, надевая перевязь с мечом.

– Дождемся, пока все уснут, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Тогда отправимся к храму.

– К храму? – удивился Рагнер.

– Да, к храму. Он будет для нас ориентиром. Та статуя стоит лицом ко входу, а левая рука, указывает на ту самую пещеру. Мы как раз пойдем направо относительно входа.

Спустя час друзья покинули барак. По настоянию Лестера они взяли с собой все свои вещи. Рагнеру эта идея показалась сомнительной, стоит ли волочить увесистые дорожные сумки в пещеру, но маг был непреклонен. Оказавшись на улице, они направились в сторону храма. Друзья старались идти как можно тише, не издавая ни единого шороха, опасаясь привлечь к себе внимание. В бараках давно был потушен свет, и над всем ночным миром царила луна, озаряя блекло-оранжевым светом путь к храму. словно два призрака Лестер и Рагнер шли по дороге. Наконец, они вышли к развилке, на которой днем повернули направо и внезапно увидели фигуры: три кентавра шли к храму. Лестер и Рагнер в мгновении ока пригнулись, почти ползком подошли

к одному из барачков, прижавшись к деревянной стене. Сердце у Рагнера колотилось с бешеной скоростью. Он почувствовал, как по его спине неприятно потек пот. Ему было страшно представить, что может случиться, если их сейчас заметят. Да их же убьют прямо на месте! Ведь эти кентавры даже разбираться не станут, если увидят их, пытающихся проскользнуть мимо стражи. Страх начал еще сильнее раздирать Рагнера после того, как один из проходивших внезапно остановился и стал вглядываться куда-то в темноту.

– Ты ничего не слышал? – послышался хриплый гнусавый голос.

Друзья еще сильнее вжались в стену, точно она была их единственным надежным укрытием.

– Нет, – послышался ответ. Кентавр, который остановился, постоял еще немного и быстро зашагал вслед за уходящими приятелями.

Друзья облегченно вздохнули. Опасность миновала. Минуту они еще не смели сдвинуться с места. Затем, Лестер приподнялся и тихо, стараясь ступать на землю словно мышь, стал пробираться в сторону храма. Рагнер, утерев пот со лба, который стекал в три ручья, направился вслед за магом.

Спустя некоторое время они вышли на полянку, из которой открывался вид на храм. Среди ночи, освещенный луной, он казался какой-то зловещей постройкой населенной призраками. Расстояние позволяло разглядеть два небольших огонька, по всей видимости, от факелов, и две стоящие фигуры. Лестер быстро прокрутил в памяти, как стояла статуя в храме, и, недолго думая, свернул вправо.

Пробираясь среди барачков, словно две пригнувшиеся тени, друзья внезапно оказались возле пустыря, поросшего высокой травой, доходившей Рагнеру до пояса. Теперь их путь пролегал через море нескошенной травы. Путники остановились, чтобы немного передохнуть.

– Ну и где же эта пещера? – Рагнер старался говорить шепотом, но это было лишним, так как до ближайшего барака, где их мог кто-нибудь услышать, было не менее пятидесяти метров.

– Пройдем по траве, вдруг что-нибудь найдем, – ответил маг, тоже шепотом.

Они бродили во тьме среди высоких зарослей, но пещеры все не было видно. Трава кололась, резала им руки, впивалась и жалила не защищенные одеждой части тела. А они по-прежнему все шли и шли.

И, казалось, что нет конца этому пути. Бараки давно превратились в маленькое пятно, озаренное блеклым светом луны. Рагнеру уже хотелось плюнуть на все и усесться прямо тут, в гуще зарослей. Он обессилен и измотан. Слишком много всего произошло за этот день. Он был уже не в состоянии ходить всю ночь в поисках пещеры. Но внезапно трава расступилась, и они вышли на узкую тропинку. Какое же это было облегчение, ступить на нее, после долгих скитаний по бурьяну. Как было приятно выбраться из кучи зарослей, от которых чесались руки, а в носу было полно пыли. Оказавшись на тропе, друзья испытали такое облегчение и радость, что зашагали быстро и бодро, словно вышли на прогулку. Глаза, давно привыкшие к темноте, могли легко разглядеть под ногами камень или выбоину. Они шли, и некоторое время их окружал только бурьян, но потом, на горизонте стал вырисовываться темный силуэт. По мере приближения к нему, силуэт становился все больше и принимал более отчетливые контуры, и в скором времени друзья поняли, что это гора. Тропинка вела прямо к ней. Путники ускорили шаг.

Когда они подошли к горе вплотную, им стало ясно, что это вовсе и не гора, а большая скала. Грубая и не отесанная, она уводила свои громадные валуны в сторону от тропинки и напоминала стену. Тем не менее, тропа вела друзей мимо этой громадины, и они шли дальше. Пройдя еще несколько метров, путникам открылось необычное зрелище. Перед ними возвышалась еще одна скала, с более пологими краями, отчего она отдаленно напоминала неуклюжий каменный треугольник. По бокам от нее, словно две башни, находились еще две скалы, уходившие вершинами высоко в ночное небо. Эти два гиганта были соединены небольшой каменной стеной с той, что была посередине. Все вместе, эти скалы напоминали жуткие каменные ворота в подземный мир. В центральной скале виднелся черный полукруглый провал, обозначавший вход внутрь. Тропа, по которой Лестер и Рагнер добрались до нужного места, проходила мимо этих каменных гигантов, и уходила куда-то вдаль. Путники подошли ко входу и остановились. Их обдало сыростью и прохладой, будто из пещеры на них дохнуло какое-то неведомое существо.

– Не торопись, – схватил Лестер Рагнера за плечо.

– В чем дело?

– Помнишь, что нам рассказывали Филос и Мика про эту пещеру? – предостерегающе спросил маг.

– Конечно, помню.

– Нам надо быть предельно осторожными.

– Я с тобой полностью согласен, – ответил Рагнер и с этими словами вошел в пещеру.

Внутри повсюду царила кромешная тьма, хоть глаз выколи.

– Осветим наш путь, – послышался голос мага позади. В этот момент до слуха Рагнера донеслось непонятное бормотание, и в скором времени в воздухе стали появляться искры. Мелкие и разноцветные, они вспыхивали и гасли, будто кто-то чиркал сразу несколько спичек, но огонь никак не зажигался. Затем искры стали замирать в воздухе, давая слабенький свет, которого было достаточно, чтобы разглядеть стоящего Лестера с вытянутой правой рукой повернутой ладонью вниз. Искры стали уплотняться, собираясь в кучки. Еще мгновение, и искрящиеся кучки превратились в три небольших шара, парящих в воздухе и светящихся, будто факелы, отливая различными оттенками, напоминая радугу. Лестер дунул на них, и все три шара взмыли высоко вверх, озаряя пространство, словно три маленькие луны.

Друзья, наконец, смогли осмотреться. Ничего особенного в пещере, за что смог бы уцепиться глаз, ни Рагнер, ни Лестер не обнаружили. Обычный каменный коридор, с грозно свисающими с потолка камнями, которые, казалось, могли обрушиться в любую минуту и похоронить под собой все живое. Повсюду валялись булыжники. Осмотревшись, путники пошли дальше – вглубь пещеры.

Чем дальше они углублялись, тем холоднее становилось. Спустя какое-то время они даже решили надеть плащи, которые предусмотрительно взяли по настоянию мага. Пещера уводила их все дальше и дальше, погружая в свой каменный и неприветливый мир. Они шли мимо огромных валунов, расположившихся здесь, словно древние старцы, нашедшие тут последнее пристанище. Проходили мимо сталактитов, свисающих с потолка, точно сосульки в холодную зимнюю пору. Над ними все время парили три светящихся шара, наколдованные Лестером, освещая друзьям путь, будто светочи.

Они шли довольно долго и почти не говорили. Рагнер чувствовал такую усталость, словно он целый день пахал землю. Ноги гудели от

долгой ходьбы, а спина ныла от тяжелого мешка на плечах, что Рагнеру стало казаться – еще немного, и он просто свалиться. А вот Лестер шел с таким видом, будто у него не было позади целого дня на ногах, среди этих жутких кентавров, которые то и дело грубят тебе и толкают почем зря.

– Надо передохнуть, – выдохнул Рагнер, присаживаясь на первый попавшийся камень. – Я так больше не могу, Лестер. Не знаю как ты, а я так устал, что просто с ног валюсь. Сколько мы уже бредем по этой пещере?

– Около получаса, – ответил маг, после недолгих раздумий. Рагнер не поверил своим ушам. Да как такое возможно? Старик стал сходить с ума от усталости, раз несет такую чепуху. Рагнеру казалось, что они идут целую вечность.

– Ты, наверное, ошибся, – ответил Рагнер. В свете трех фонарей, кружившихся над ними, его лысая голова отбрасывала блики. – Мы плетемся среди этих камней не меньше двух часов, это точно.

– Я знаю, о чем говорю. Поверь мне, я не ошибся. Похоже, Аксиос неплохо поработал над этим местом, – добавил Лестер, окинув взглядом пещеру. – По всей видимости, он наложил на эту пещеру заклятье, которое внушает любому, сюда вошедшему, что путь его долог и нескончаем. Это защита, направленная на то, чтобы тот, кто сюда зашел, рано или поздно, повернул назад.

– С чего ты так решил?

– Любая магия оставляет следы. Прямо сейчас я чувствую ее присутствие. Она окружает нас повсюду. Аксиос был мудрым и очень сильным волшебником. Он не мог полагаться лишь на кентавров. Вот и добавил пару заклятий на всякий случай. Но можешь сильно не переживать, мы уже недалеко от нашей цели.

– Опять что-то чувствуешь?

– Недавно я стал ощущать еще кое-что. Нас действительно окружает магия, но это белая магия, в ней нет никакого зла. Но сквозь пелену добра и света стала пробиваться тьма. Что-то злобное, пропитанное ненавистью лежит там впереди. Я чувствую, как оно начинает отравлять своим ядом все, что попадает под его влияние. Думаю, это и есть камень. Мы на верном пути, и, как мне кажется, идти нам осталось недолго.

Окончив небольшой привал, друзья снова отправились в путь. Они все шли и шли, по-прежнему встречая на своем пути лишь камни и сталактиты. Рагнера уже начинало тошнить от мрачного пейзажа. Ему до такой степени надоели камни, что он просто не мог на них смотреть. Однако куда бы он ни пытался отвести взгляд, они тут же появлялись с другой стороны. И все такие похожие, что Рагнеру стало казаться, будто они его преследуют. Так они прошли еще не меньше часа, во всяком случае, Рагнеру так показалось. Каменный коридор пещеры то расширялся до огромных размеров, то сужался, что трудно было проходить, не пригнув голову. Друзья все так же шли вперед, изредка останавливаясь, чтобы немного отдохнуть.

– Мы почти пришли, так что смотри в оба, – наконец, объявил Лестер. Старик стал шептать что-то себе под нос, и свет, излучаемый тремя шарами, парящими над головами друзей, ослаб. Теперь, чтобы идти, нужно было всматриваться под ноги, дабы не споткнуться о булыжник. Рагнеру показалась странной эта затея, но он не стал спрашивать Лестера, зачем маг так поступил. И они снова пустились в путь, правда, уже не так быстро. Пройдя еще около сотни метров, каменный коридор, внезапно повернул, уводя их направо. Стены резко расступились в разные стороны, и путники оказались в огромном каменном зале.

Повсюду царил мрак, а с потолка зловеще свисали сталактиты, словно щупальца, пытаясь дотянуться до друзей, чтобы утянуть их в бездну мрака. И лишь где-то вдалеке, в центре этого зала мерцал слабый огонек. Казалось что там, где он находится, бьется частичка жизни. Рагнер потянулся к огоньку, точно мотылек к горячей свече. Маг тоже пошел к светочу, хотя его в этом огоньке что-то явно смущало, так как он чувствовал тревогу. Пока они шли к светочу, Лестер то и дело оглядывался по сторонам, словно боялся, что из темноты на них прыгнет чудище. Но ничего такого не происходило, и они спокойно приблизились к цели. Перед ними оказалось небольшое каменное углубление, из которого вырывался маленький язык пламени с синеватым оттенком. В центре пламени парил в воздухе, словно пушинка, небольшой изумруд треугольной формы. Он казался таким легким, и так красиво отливал темно-зеленым цветом, что нельзя было глаз отвести. Друзья так и замерли над ним, жадно впившись в него взглядом. Вот она, цель, ради которой они сюда пришли. Вот он –

камень, из-за которого им пришлось столько вынести за последнее время. Ради этого изумруда они проделали такой путь, уставшие и, порой, голодные. Из-за этого парящего камня они терпели бессонные ночи, мокли под дождем, ощущали на себе презренные взгляды, чувствовали унижения и боль. Их цель была достигнута. Точнее, одна из трех. Первый камень они нашли. Осталось его забрать и со спокойной душой выбраться из этой холодной, мрачной пещеры.

– Как его взять? – спросил Рагнер, смотря на камень, как заколдованный.

– Мне кажется, что достаточно всего лишь протянуть руку, – ответил Лестер.

Рагнер и не заметил, как, несмотря на пламя, потянулась его правая рука прямо к камню. Медленно и аккуратно его ладонь стала погружаться в голубоватый с рыжим оттенком огонек. И тут он понял что не чувствует никакого жара, который должен был исходить от маленького язычка пламени. Напротив, его ладонь будто погрузилась в снежный сугроб.

– Я чувствую холод, – с улыбкой сказал Рагнер, сжимая в пальцах камень и извлекая его наружу. Огонек с шипением погас, и единственным источником света в этом мрачном помещении остались лишь три шара, свет которых Лестер недавно приглушил.

– Попробуй, он совсем не горячий. – Рагнер протянул камень другу, с какой-то странной улыбкой на лице, точно его загипнотизировали. Маг повернулся, чтобы взять камень, но не смог этого сделать. Внезапно его лицо замерло от ужаса, глаза, смотрящие куда-то за спину Рагнера, округлились, будто он увидел какое-то чудище.

– Что такое? – удивился Рагнер и, улыбка исчезла с его лица.

Лестер точно одеревенел и не смог вымолвить ни слова. Тогда Рагнер повернулся и понял, что так сильно поразило его друга. Хоть свет от трех шаров, парящих в воздухе, был тусклым и плохо освещал каменный зал, его все же хватило, чтобы разглядеть громадную голову с двумя горящими, словно огонь, глазами. Эта голова с длинной шеей, взмыла высоко вверх, издав страшный рев. Дракон! Весь покрытый чешуей, с длинным хвостом и огромными лапищами. Но это было еще не все. Как оказалось, у дракона было четыре головы. И каждая смотрела на двух чужаков, раздувая громадные ноздри, словно сопла. Лестер и Рагнер, по сравнению с драконом были двумя муравьями,

раздавить которых, чудищу проще простого. Огромная лапа стремительно взмыла в воздух, и уже была готова опуститься прямо на Рагнера, как вдруг он почувствовал резкий толчок, и ноги сами понесли его прочь из этого места.

Они бежали, как сумасшедшие. Рагнер позабыл про усталость, которая еще совсем недавно валила его с ног. Теперь же ноги несли его вперед, и он мчался без оглядки.

Дракон не собирался так просто отпускать незваных гостей. Он пустился в погоню, рычал, и все время пытался раздавить друзей, как мелких назойливых насекомых. Но когда казалось, что его огромная лапа вот-вот настигнет цель, Рагнер и Лестер еще сильнее ускорились, вырываясь из цепких рук смерти. Они мчались во весь дух, удирали, словно преступники, застигнутые на месте страшного преступления. Тогда дракон решил пустить в ход свое самое главное оружие – из пасти вырвалась толстая струя всепожирающего пламени. Если бы не огромный валун, который попался беглецам на пути, то, вполне возможно, на этом вся погоня прекратилась. В последний миг Лестер, почувствовавший резкий жар за спиной, толкнул друга за тот самый валун и сам прыгнул следом. Смертоносная струя пламени пронеслась мимо. Не дожидаясь, когда же дракон выпустит вторую жаркую струю или раздавит их, друзья понеслись дальше. Они даже забыли про дыхание, которое совсем сбилось. Во рту совсем пересохло, а сердце так и норовило выпрыгнуть из груди. Но все это сейчас было не важно. Главное – как можно быстрее удрать от разъяренного дракона, не опалив при этом зад. Дракон предпринял для этого попыток больше, чем достаточно. Если друзья не давали себя раздавить, то тут же на них обрушивалась огненная река. Но проворство и удача явно сопутствовали сегодня путникам. Их спасали камни, порой такие маленькие, что в обычной ситуации человек вряд ли смог бы спрятаться за ними. А они умудрялись скрыться от огня вдвоем! Правда, один раз у Рагнера загорелась пола плаща, но огонь быстро потушили. Проход стал сужаться, и Лестеру показалось, что сейчас придет конец этой погоне, и дракон, не сумев пройти, отступится. Но не тут-то было. Да, дракон действительно застрял, но он так рьяно вырывался с оглушающим рычанием, что было ясно – еще немного и ему удастся протиснуться через проход.

– Долго мы бегать от него не сможем! – говорил запыхавшийся Лестер, пытаясь перевести дыхание. – Надо его усыпить.

– Усыпить?

– Да. Пусть эта громадина немного отдохнет, а мы тем временем спокойно уберемся отсюда.

С этими словами маг принялся читать какое-то заклинание. А тем временем раздался оглушительный грохот. Это от стены откололось несколько громадных камней, и посыпались вниз. Рагнер подумал, что сейчас начнет рушиться вся пещера и похоронит их тут вместе с драконом на веки вечные. Но никакого обвала в пещере не произошло, и дракон, который, наконец, смог прорваться сквозь узкий проход, устремился прямо к друзьям. Казалось что это конец. Сейчас этот огнедышащий змей прикончит их прямо тут. И вдруг, прямо над головами дракона стала расползаться зеленая туча. Рагнер в жизни такой не видел. Громадная и неуклюжая, она гроыхнула разок, сверкнула молнией, и пошел бледно-зелёный дождь. Капли струйкой стекали по головам дракона, образуя стремительно разрастающуюся зеленую лужу на полу. А дракон, раскрывший одну из своих четырех пастьей, намереваясь выпустить очередную огненную струю, стал закатывать глаза, лапы его подкосились, и он с грохотом повалился на камни. Лестер, убедившись, что дракон уснул, что-то пробормотал, щелкнул пальцами, и туча испарилась, словно ее тут никогда и не было.

– Долго проспит эта громадина? – спросил Рагнер, подходя к одной из голов дракона. По размерам она была больше чем те валуны, за которыми друзья прятались от огня.

– Не знаю. Думаю не очень долго, поэтому нам надо как можно быстрее убраться отсюда.

– А может, отрубим все четыре головы, и дело с концом? – предложил Рагнер.

– Нет, мы этого делать не станем, – твердо заявил маг.

– Почему же?

– Потому что этот дракон выполнял то, ради чего его сюда поселили. Он охранял камень. Нельзя же его убивать за то, что он добросовестно пытался справиться со своей работой.

Они шли очень быстро, почти бежали, опасаясь, что дракон проснется и настигнет их. Но ничего не происходило. Не было слышно

ни единого звука, кроме эха их шагов, отражающегося от каменных стен. Три шара все также парили над ними, освещая дорогу. Лестер решил вернуть им прежнюю яркость, так как теперь опасения на счет того, что яркий свет кого-нибудь привлечет, миновала.

И вот, к их великой радости, впереди забрезжил белый свет. До выхода из пещеры оставалось совсем немного. Еще чуть-чуть, и они покинут это жуткое пристанище дракона. Немного не дойдя до выхода, они остановились, чтобы дать глазам привыкнуть к дневному свету, который уже в достаточной мере проникал сюда. У обоих на душе вдруг стало так легко, что они рассмеялись, словно дети. Они радовались, что смогли выбраться из этой пещеры. Но радость длилась недолго. Вдруг откуда-то из недр пещеры послышался гулкой протяжный звук. Друзья переглянулись. От улыбки у обоих не осталось и следа. Дракон проснулся и, по всей вероятности, шел сейчас за ними. Не желая больше с ним встречаться, путники вышли из пещеры.

На улице было солнечно и тепло. Кучевые облака изредка появлялись на небосводе, будто проверяли, нужен ли сегодня на земле дождь. Ветер – вольный гуляка – лениво колыхал ветви деревьев. На улице было тихо и спокойно. Лестер и Рагнер, выбравшись из пещеры, быстрым шагом направились в сторону поселения кентавров, которое они покинули ночью. Они шли и думали, что сказать, если к ним пристанут с расспросами. Ничего дельного на ум не приходило – они еще были под впечатлением от всего, что с ними произошло в пещере. Возможно, им удалось бы отговориться от вопросов по поводу их внезапного исчезновения. Внезапно дорога повернула, и друзья натолкнулись прямо на отряд кентавров, который их разыскивал. Путники остановились как вкопанные, ощущая на себе не меньше десятка суровых глаз, обращенных на них.

– А вот и они, – донеслось до их слуха.

Можно было бы попытаться что-нибудь придумать, но Лестеру этого не хотелось. Он резко повернулся и побежал в сторону пещеры, утягивая за собой Рагнера.

Они снова бежали, только на сей раз их нагоняли очень быстро. Вот и пещера вновь показалась, но входить туда было небезопасно. Друзья пробежали мимо нее, по пути расслышав громкое рычание, раздававшееся из ее недр. Видимо, дракон добрался почти до самого

выхода. А сзади вдогонку им что-то кричали кентавры. Что именно, разобрать было невозможно. Лестер резко повернул за одну из скал и остановился. Рагнер был в недоумении. Как можно останавливаться прямо здесь, когда за ними гонятся кентавры! Но, видимо, мага это сейчас не сильно волновало. Он отстегнул от пояса мех с водой и начал выливать содержимое прямо на землю. «Да он спятил!» – пронеслось в голове Рагнера. А Лестер, между тем, продолжал делать свое дело: он достал из маленького мешочка, непонятно откуда у него взявшегося, горсть порошка, что-то прошептал и бросил его в лужицу. Та зашипела, задымилась, и вода окрасилась в темно-бордовый цвет.

– Прыгай! – крикнул маг.

– Куда? – недоумевал Рагнер.

Лестер толкнул его прямо в лужу. Рагнер куда-то провалился, словно угодил в люк. Лестер тоже хотел прыгнуть, но тут подбежали кентавры.

– Стой и не шевелись, – приказал один из них, вытягивая копьё в сторону мага. – Где твой дружок?

– Хотите, чтобы я его позвал? – ехидно спросил маг. – Сейчас так и сделаю.

Он прыгнул в лужу и исчез. Кентавры стояли в недоумении. Вот только сейчас перед ними был старик. Куда он пропал? Один из кентавров решил тоже прыгнуть в лужу, но только намочил копыта. Он не мог знать, что после того как Лестер прыгнул в нее, бордового цвета не стало, и перед кентаврами сейчас была самая обыкновенная лужа. Чужаки исчезли непонятно куда...

Глава 16

На следующий день, ближе к полудню, Сервус приехал к Трэйтору. Одет он был в те же лохмотья, в которых встречался с Генри в трактире. Как только его проводили в кабинет Трэйтора, последний тут же протянул ему коричневый кожаный мешочек, в котором звякнули монеты.

– Держи. Это плата за твою прекрасную службу, – сказал Трэйтор.

Сервус взял свое вознаграждение и на секунду их взгляды пересеклись. Трэйтор снова заглянул в эти серые, бездушные глаза, и его мгновенно пробрал холодок. Это был страшный взгляд человека, которому, по всей видимости, были не ведомы ни страх, ни сочувствие, ни печаль. Трудно было сказать, мог ли Сервус вообще что-либо чувствовать. Казалось, он может сделать что угодно, даже убить, не моргнув и глазом. Этот человек был рожден для того чтобы творить темные дела. Именно такой человек и нужен был сейчас Трэйтору. Людей подобных Сервусу он очень высоко ценил, ибо встречаются они крайне редко.

– Ты его привез? – спросил он рыжего. В ответ тот достал из-за пазухи конверт, который накануне доставил в дом Генри.

– Хорошо. У меня будет для тебя еще одно задание. Надеюсь, что справишься с ним ничуть не хуже, чем в прошлый раз. Это очень ответственное поручение, и доверить его исполнение я могу только тебе. Сейчас нельзя допустить ошибки, – наставлял Трэйтор. – Если хоть что-то пойдет не так, то все наши усилия будут напрасны.

– Вы как и в прошлый раз можете целиком и полностью довериться мне, – отвечал Сервус, услужливо наклоняя рыжую голову в легком поклоне, напоминая верного пса.

– Так я и думал, – сказал Трэйтор, словно другого ответа он и не ожидал. – В таком случае слушай внимательно.

О чем разговаривал Трэйтор с Сервусом никому неизвестно, поскольку он говорил так тихо, что рыжему пришлось даже подойти к нему вплотную, чтобы все как следует расслышать. Продолжалась вся эта ситуация не более минуты. Когда Трэйтор замолчал, Сервус поклонился и молча удалился. Трэйтор некоторое время оставался у

себя в кабинете, размышляя о том, что будет с ним, когда весь его коварный замысел воплотится в жизнь. Для него уже не было никаких «но» и «если». У него все получится, и другого варианта он просто не рассматривал. Все будет именно так, как он хочет. Все его затеи непременно воплотятся в жизнь, и он станет тем, кем мечтал стать всю жизнь – королем. Ради достижения этой цели, он готов пойти на что угодно, даже на самые гнусные и отвратительные поступки. Главное – достичь цели.

Через два дня, вечером, когда солнце догорало на горизонте, к дому Трэйтора стали подъезжать роскошные кареты, запряженные двумя парами лошадей. Сразу было видно, что приезжие – богатые люди, принадлежащие к очень знатным родам. Это были члены Верховного совета Фильнии.

Накануне вечером, каждый из членов совета получил приглашение на ужин к Трэйтору. Так как раньше члены совета очень часто собирались, что называется, в неформальной обстановке во дворце, когда еще правил отец нынешнего короля, а в последние годы подобные мероприятия вовсе прекратились, то все с большой охотой откликнулись на приглашение.

В скором времени все гости собрались в большой, богато обставленной гостиной, освещенной десятками зажжённых свечей. На стенах висели большие картины в резных рамах. Окна занавешены бордовыми бархатными портьерами с вышитой золотыми нитками бахромой. Кое-где, вдоль стен, располагались античные статуи, вырезанные из белого мрамора. Полы в гостиной устланы шелковыми коврами, отливающими в свете горящих свечей каким-то завораживающим блеском. Повсюду стояли диваны и кресла, сделанные из ореха и обитые бархатом.

Атмосфера в гостиной царяла легкая и непринужденная. Все гости беззаботно общались, смеялись от души, словно дети, и пили вино из дорогих хрустальных фужеров. Слуги бегали туда-сюда, будто тени, которые никто не замечал, разнося на серебряных подносах легкие закуски. Да, безусловно, подобных приемов давненько не было. Все гости без исключения были в отличном настроении, и с огромной радостью общались друг с другом, словно не виделись сто лет. Все прекрасно помнили те времена, когда членов совета приглашали во дворец на подобные мероприятия. Но с приходом к власти Милата эти

собрания стали проводиться все реже, пока вовсе не прекратились. Трэйтор это прекрасно знал. Он далеко не первый год был знаком с этими людьми, и понимал, как можно их к себе расположить. Таким шикарным приемом он тешил самолюбие этих выпивающих, болтающих и смеющихся гостей. К тому же, каждый понимал, что за всем этим собранием, за всей этой веселостью скрывается какая-то причина. И каждый из присутствующих ждал, когда же Трэйтор о ней заговорит.

Двери в гостиную распахнулись, и маленький толстый слуга объявил, что ужин накрыт. Трэйтор с самой дружелюбной улыбкой пригласил гостей пройти в столовую. Когда все расселись по местам, Трэйтор, наполнив бокал до краев, встал и произнес:

– Дорогие и почтенные господа, – начал он, с улыбкой на лице. – Позвольте поднять этот бокал за каждого из здесь присутствующих. Вы все, безусловно, достойны называться самыми верными сынами Фильнии, которые посвятили свою жизнь служению стране. За вас, мои дорогие друзья.

В ответ послышались одобрительные отклики, и все осушили свои бокалы.

– Мне радостно встретить каждого из вас, – сказал Дарбек Соул, кладя в свою тарелку куриную ножку. Это был высокий стройный сорокалетний мужчина, с большими карими глазами, которые располагались на морщинистом лице, словно две черные пуговицы. Несмотря на возраст, его голова почти полностью была покрыта сединой. Узкая полоска губ, особенно выделялась алым цветом на фоне седой, коротко подстриженной бороды. Его орлиный нос и узкий точеный подбородок в совокупности с умным, горящим взглядом, придавали ему особенно благородный вид. – Все мы уже давненько не собирались подобным образом. Но, мне кажется, кого-то среди нас не хватает. Вроде бы Малкина Грея, – сказал он, сделав вид, будто пытается сообразить, кого именно нет. – Разве ты его не пригласил, Трэйтор?

– Как же я мог не пригласить Малкина Грея? – с напущенным удивлением ответил Трэйтор. – Я прислал ему приглашение, как и всем здесь присутствующим. По всей видимости, он просто не смог приехать.

На самом деле Малкин Грей не получал никакого приглашения.

– Как жалко, – с грустью ответил Дарбек Соул. – Неужели он даже не послал тебе ответ?

– Нет. К сожалению, он не дал никакого ответа на мое приглашение, – сказал Трэйтор, отправляя в рот кусок утиного мяса. – По правде говоря, я немного обескуражен, ведь я надеялся собрать здесь всех членов совета.

– Может быть, ему нездоровится. Вот и не приехал, – предположил Алфорд – самый старый член совета – с красным лицом и серыми мелкими глазами. Его щеки, словно дряхлые мешки, свисали вниз, отчего он напоминал английского бульдога. На его голове торчал клок седых жидких волосенок, зализанных направо, чтобы прикрыть огромную плешь.

– В таком случае, он мог бы так и написать, – строго сказал Брендон, делая глоток из бокала. Это был мужчина средних лет, с огненно-рыжими коротко подстриженными волосами. Его маленькая круглая голова на тонкой белоснежной шее, смотрелась как-то неестественно и отвратительно. Два темных глаза, словно две бездонные ямы, смотрели на окружающих так, будто их обладатель ненавидел весь мир. – Надо с уважением относиться к тому, кто приглашает тебя в гости. Тем более, если это делает такой превосходный и гостеприимный хозяин, как Трэйтор.

Последнее высказывание вызвало одобрительные возгласы и улыбку на лице хозяина.

– Мне лестно это слышать, дорогой Брендон, – ответил Трэйтор с притворным видом, будто подобная похвала произвела на него огромное впечатление. – Но давайте уже оставим в покое Малкина Грея. Не приехал, так не приехал. Что ж мы можем сделать?

Так и поступили. В скором времени все ели и пили, болтая обо всем на свете, и про Малкина Грея быстро позабыли. К тому же атмосфера царила приятная, и никому из присутствующих не хотелось забивать себе голову подобной чепухой. Подумаешь, кто-то не приехал. Остальные ведь здесь. Ужин вкусный, а вино приятно веселит. Что еще нужно для превосходного вечера? И, тем не менее, это были непростые люди. Ведь все они члены, пока что, существующего Верховного совета страны. А потому, каждый из присутствующих, где-то в глубине души чувствовал, что позвали их на этот восхитительный ужин неспроста. Раньше они, конечно, собирались все вместе во дворце. Но

в том-то и дело, что эти сборы были только лишь во дворце. Никто из здесь присутствующих никогда не приглашал к себе всех членов совета на ужин или на другое подобное мероприятие. Уж слишком эта публика была разношерстной. И, хотя все мило друг другу улыбались и охотно болтали, все это был сплошной маскарад.

– Слышали ли вы последние новости? – спросил Трэйтор, когда тарелки опустели и все стали потягивать вино.

– Полагаю, ты имеешь в виду крепость Пирс? – прохрипел Алфорд, откинувшись на спинку стула, скрестив ладони на животе. – Да, это ужасная трагедия.

– Я слышал, что армия так и не успела подойти к крепости, – сказал Делрой. Это был полный блондин, с огромными выпученными глазами. От выпитого вина, его толстые щеки так разругались, что он стал похожим на спелый помидор, развалившимся на стуле, сжимая в руках свой бокал. – Так что у обороняющихся просто не было шансов.

– Ты как-то слишком спокойно об этом говоришь, – заметил Брендон.

– А почему я должен переживать? – улыбнулся Делрой.

– Потому что страна в опасности. И королю сейчас очень непросто, – прохрипел Алфорд.

– С тех пор, как Милат стал пренебрежительно относиться к совету, мне стало плевать на короля. А войну мы все равно выиграем, – отвечал Делрой, делая большой глоток вина. – Мы и раньше били братнийцев. Почему сейчас должно быть иначе?

– Я согласен с Делроем, – сказал Валлаход. Это был мужчина в преклонном возрасте. Прядь седых, как снег, волос спадала на его морщинистое круглое лицо. Правый глаз – черный как ночь, другой – с бельмом. Крючковатый нос с глубоким розоватым шрамом, словно громадный утес, свисал над густыми седыми усами. – Братнийцев бояться не стоит. Но вот короля нам следует опасаться.

– Вы думаете, что он все-таки распустит совет? – спросил Дарбек Соул с таким видом, словно он уже и сам знал ответ.

– Разумеется, распустит. Этот молокосос возомнил себе, что может делать все, что ему вздумается.

– Почему вы решили, что король собрался распускать совет? – сказал мужчина лет сорока, с темными волосами и вытянутым

овальным лицом. Это был Эмиас. Он сидел, развалившись на стуле, подперев правой рукой подбородок.

– А разве вы сами этого не видите? – вспыхнул Валлаход. – Раньше мы собирались, чуть ли не каждый день, а теперь, хорошо, если раз в месяц. Да и толку от этих собраний нет никакого. Мы все равно ничего не решаем. Наш голос больше ничего не значит для короля.

– И во дворец мы теперь можем приходиться только по приглашению Милата, – сказал Дарбек Соул, откидываясь на мягкую спинку стула. – Раньше такого не было. Так что Валлаход прав. Похоже, король и в самом деле задумал распустить совет. К тому же, приближается День великого Акнаола, во дворце, как всегда, будет полным полно гостей. Полагаю, нас туда не пригласят.

Трэйтор сидел с серьезным видом и внимательно слушал. Но вся эта серьезность была лишь маской, под которой скрывалось ликование, точно он одержал крупную победу. Он был безумно рад, что разговор шел в нужном ему направлении. Именно этого он и добивался. Для этой цели он позвал всех верных слуг короля к себе на ужин. Всех, кроме Малкина Грея.

– Неужели вы думаете, что он все-таки решится пойти на этот шаг? – спросил Эмиас.

– Еще как решится! – каркнул Валлаход. – Лично я в этом несколько не сомневаюсь.

– Я слышал, что на днях во дворец приезжал гонец от Вагрела, – вступил в разговор Трэйтор. – Полагаю, новости, которые он привез королю, были очень важными. В этом не может быть никаких сомнений, ведь идет война. Раньше в подобной ситуации король обязательно созывал нас, поскольку ни одно важное решение без участия совета не принималось. Но на сей раз Милат пренебрёг этим, и принял решение самостоятельно.

– Вот, вот! – воскликнул Валлаход. – Именно об этом я и говорю. Мы практически потеряли влияние при дворе. Не сегодня-завтра совет распустят, а мы останемся ни с чем.

– Я согласен с Валахом, – сказал Брендон с мрачным видом. – Если Милат нас распустил, то мы потеряем все.

– Что ты под этим подразумеваешь? – спросил Делрой.

– Власть, деньги, влияние. По-моему все очевидно, – ответил Дарбек Соул с пренебрежительным видом.

– Не о том вы думаете, достопочтенные, – прохрипел Алфорд. – Неужели вас интересует только это?

– Скажи-ка, Алфорд, разве тебя это не волнует? – спросил ядовито Валлаход. – Не ты ли, так часто пользуясь своим положением, решал различные вопросы? Разве эта высокая должность не позволила тебе купить роскошный особняк с огромным садом, который ты так любишь? Готов поклясться чем угодно, что ты не готов променять свое высокое положение, на тихую жизнь всеми забытого старика.

– Ты прав, Валлаход, – Алфорд говорил спокойным тоном. – Все мы, присутствующие здесь, пользуясь положением, приумножили свои богатства настолько, что хватит еще не одному поколению. Все мы прекрасно помним то время, когда еще правил отец Милата король Далмер. Это было прекрасная пора, тут не может быть никаких возражений. Три года назад Далмер умер, и наше положение становится только хуже, с этим не поспоришь. Но я призываю каждого из вас не строить против Милата никаких козней во время войны. До тех пор пока не будет одержана победа, мы должны забыть про власть и про деньги.

– Да, господа, – Трэйтор пустил в ход все свое лицемерие, на которое только был способен. – Мы не должны думать о подобных вещах во время такого тяжелого испытания для нашей страны. С этим нельзя спорить, и Алфорд, как самый старший и мудрый член совета, это верно подметил.

Трэйтор поднялся со стула и принялся расхаживать вокруг стола, медленно останавливаясь возле каждого из гостей. При этом у него был такой тревожный взгляд, словно он очень сильно о чем-то переживал.

– Я подумал, – продолжал он, – что, если король, отлучив нас от всех дел, не сможет выиграть войну? Может быть в одиночку, он станет принимать неверные решения. Ах, я даже боюсь представить, что тогда будет, – сказал он плаксивым тоном и чуть ли не рухнул на свой стул. – Ведь тогда братнищцы захватят страну.

– Да перестань ты, Трэйтор, – махнул рукой Алфорд. – У короля есть Вагрел, который, кстати, тоже член совета. Он опытный и надежный полководец. С ним нам нечего бояться.

– Но все решения принимает король, – заметил Дарбек Соул. – А Вагрел, как нам известно, слишком мягок в спорах с Милатом. Не

умеет отстаивать свои решения перед королем. Он смелый и неглупый полководец, но предпринимать какие-либо действия самостоятельно, без позволения короля, не способен. Лично я немного сомневаюсь в Вагреле.

– Король не сможет одолеть братнищев один, – сказал Делрой, при этом его пышные щеки затряслись, словно желе в банке. – Потеря крепости Пирс отличное тому доказательство.

– Потеря крепости Пирс доказательство того, что армия не успела прийти на помощь, – заметил Алфорд. – Ты сам это говорил совсем недавно. К тому же не бывает войн без потерь. Захват Пирс братнищами еще ничего не значит. Это вздор. А я вам всем повторяю еще раз: не вздумайте строить козни против короля, пока идет война. Да, мы все сейчас не в лучшем положении. Но надо немного подождать. Закончится война, тогда будем что-то решать.

– Когда закончится война, что-то решать будет поздно, – заявил Валлаход; в черном глазу загорелся огонек. – К тому моменту совета уже не будет.

– Что ты предлагаешь сделать? – спросил Алфорд вызывающе. – Свергнуть короля?

Ответа не последовало.

Алфорд окинул присутствующих таким же вызывающим взглядом, и на какое-то время воцарилось молчание, которое никто не рискнул нарушить.

– Запомните, мы не станем делать ничего подобного, пока идет война, вам ясно? Я не меньше вашего переживаю за судьбу совета, и люблю его всей своей душой. Я последний человек, который допустил бы его роспуск. Мне горько смотреть на то, как Милат стал к нам относиться. Пока что сделать мы ничего не можем. Но и предателями в такое тяжелое время мы не станем. Надеюсь, все это уяснили.

В ответ послышалось неразборчивое бурчание. Стало ясно, что старик непреклонен и ни один довод не способен повлиять на его решение. Алфорда многие уважали в совете, а потому никто не решился ему перечить. В скором времени гости стали, один за другим, разъезжаться по домам. Пожимая руку Трэйтору на прощание, каждый высказывал благодарность за ужин и обещал непременно в следующий раз пригласить к себе в гости. Так говорили все, за исключением Дарбека Соула. Тот, прощаясь, как и все остальные поблагодарил

Трэйтора за ужин и, когда пожимал ему руку, как-то загадочно на него посмотрел. Легкая улыбка скользнула на его морщинистом лице, и он покинул дом Трэйтора.

На дворе уже была зима, и за ночь выпало немало снега, словно мать-природа старалась как можно сильнее укутать все живое в белоснежное мягкое покрывало, отливающее ярким серебром в солнечных лучах. Конь Трэйтора мчался галопом, фыркая, выпуская при этом из ноздрей огромные клубы пара. Таким образом, он давал понять своему хозяину, что не очень-то рад этой прогулке. У Трэйтора же, напротив, было прекрасное настроение, несмотря на то, что мороз, этот древний хозяин зимы, нещадно кусал его уши, щеки и нос, отчего его лицо стало малинового цвета. Но он этого совсем не замечал. Его разум одолевали совсем другие мысли. Он даже не заметил, как дорога, сделав очередной поворот, вывела на главную площадь города, где повсюду стояли торговые палатки, в которых и люди, и животные продавали свой товар. Трэйтор проехал площадь, нисколько не обратив на них внимания. Он словно находился в параллельной вселенной. Только благодаря верному скакуну, который далеко не в первый раз ехал по этому маршруту, Трэйтор оказался там, куда он направлялся. Когда конь, наконец-то, остановился, Трэйтор вырвался из пелены мыслей и вернулся обратно в привычный мир.

Он находился возле старого двухэтажного здания. Время не щадит никого, и это строение было не исключением. Побелка на стене от грязи и летних дождей совсем выцвела и стала серой, как грозовые облака, а местами и вовсе отвалилась. Окна были настолько грязными и покрыты паутиной, что складывалось впечатление, будто их не мыли с самой постройки. Вдобавок ко всему, две огромные трещины, словно толстые черные змеи, пересекали правую стену здания от фундамента до самой крыши. Казалось, что стоит один раз ударить по ней, и стена обвалится, похоронив под собой все, что находится внутри. На входных дверях краска почти полностью отвалилась. Лишь кое-где, в некоторых местах, виднелись маленькие островки зеленого цвета. Над входом висела выцветшая табличка, на которой едва ли можно было различить надпись «Животным и магам входить категорически запрещено». Трэйтор толкнул дверь и та со скрипом отворилась.

Внутри это строение выглядело ничуть не лучше. Стены испещрены сотнями маленьких трещин; розовая краска кое-где отвалилась; все

окна занавешены темно-синими кусками ткани, которые, казалось, вырезала кривыми кусками неумелая портниха. Под потрескавшимся потолком висела огромная медная люстра с зажженными свечами. Прихожая сразу же переходила в небольшой зал, устланный старыми затертыми коврами. Несколько старых диванов да пять столов с табуретами – вот и все убранство.

И, тем не менее, несмотря на то, что ни один уважающий себя человек не вошел бы в это прескверное местечко, народу тут было не мало. Пьяницы, воры, разбойники, беглые заключенные. Грязные, небритые, с уродливыми шрамами и с отвратительными беззубыми улыбками. Старые, повидавшие жизнь, проститутки в рваных платьях, весело гогоча, окутывали в своих объятиях посетителей. Один из бродяг, перебрав с выпивкой, рухнул на пол, вызвав тем самым еще большее гоготанье и улюлюканье. Одна из жриц этого захудалого местечка хотела поднять мужчину, но тот, пробурчав что-то невнятное, оттолкнул ее и так и остался лежать на полу. Та плюнула и ушла ублажать другого посетителя, видимо не сильно расстроившись своей потерей.

Осмотревшись, Трэйтор заметил рябое лицо, окаймленное каштановыми волосами. Генри сидел в дальнем конце на диване в обществе рыжеволосой проститутки. Трэйтор направился к нему. Пробираясь через зал, он чувствовал такое омерзение, какое обычно находило на него, когда он бывал в этом отвратительном заведении. Эти люди, этот противный запах человеческого пота вперемежку с алкоголем вызывали у него тошноту и желание поскорее убраться отсюда каждый раз, когда он был вынужден сюда приехать. Он ненавидел это место вместе с его обитателями. Трэйтор считал этот «дом любви», как его называл Генри, рассадником заразы и зловония. При каждом посещении он просил высшие силы, чтобы молния ударила в это здание, и оно сгорело раз и навсегда. Но поделать он ничего не мог. Ему нужно было переговорить с братом, а тот, противоположно Трэйтору, любил это место и частенько его посещал.

Генри развалился на диване, словно был тут королем. В одной руке он держал деревянный стакан с вином, другой – обнимал рыжую проститутку, с размазанным макияжем и без одного переднего зуба. Впрочем, на фоне остальных обительниц этого заведения, она была не так уж отвратительна и лет на пятнадцать моложе. Когда Трэйтор

подошел к брату, то остановился прямо напротив дивана, на котором тот сидел, и вперил свой брезгливый взгляд на эту парочку.

– О, мой дорогой брат, – рябое лицо расплылось в широкой улыбке. – И ты решил посетить эту обитель любви и сладострастия?

– К сожалению, мне приходится тут бывать только из-за тебя, – ответил Трэйтор с недовольным видом.

Генри что-то шепнул на ухо своей оболъстительнице и та, наигранно отвесив реверанс, ушла, заливаясь самым отвратительным смехом. Только после ее ухода Трэйтор брезгливо сел на самый краешек бордового дивана. Вид у него был такой, словно он попал в зловонную канализацию.

– Не понимаю я, для чего ты сюда постоянно ходишь, – начал Трэйтор окидывая зал презренным взглядом. – Тут же собирается всякий сброд. Ведь есть много других приличных заведений. Неужели тебе приятно находиться среди этих мерзких людей?

– Я знаю, что ты не любишь это место. Мне и самому не понятно, что меня сюда так манит. Возможно, именно здесь я ощущаю себя по-настоящему свободным.

– Что за вздор! – фыркнул Трэйтор. – Как здесь можно ощущать себя свободным? Ты только посмотри на этих людей. Того и гляди – либо ограбят, либо прирежут.

– Мой дорогой брат, мы с тобой обсуждали эту тему далеко не один раз. Давай оставим ее, ведь ничего нового мы друг другу не скажем, а я полагаю, что ты приехал сюда вовсе не для того, чтобы читать мне мораль. Так не будем терять времени.

Генри был прав: Трэйтору вовсе не хотелось вести пустые разговоры, тем более в таком отвратительном месте. Ему хотелось убраться отсюда, как можно скорее. Брата он все равно не сможет переубедить, так что нужно переходить к делу.

– Я недавно собирал у себя членов совета.

– О, и как все прошло? – спросил Генри, явно заинтересовавшись этой темой.

– Прошло все более, чем отлично. Ужин пришелся по душе каждому. Все остались довольными. Думаю, мы скоро станем часто так собираться.

– Это замечательно. Значит, ты поднял деликатную тему насчет короля? – последнюю фразу Генри сказал, понизив голос ровно

настолько, чтобы его смог услышать только Трэйтор.

– Да, и скажу тебе, что почти все не одобряют Милата. Если хорошенько постараться, то все члены совета нас поддержат.

– Ты сказал «почти все», разве кто-то на стороне монарха? – удивился Генри.

– Алфорд пока что не совсем созрел. Этот старик считает, что ничего нельзя предпринимать до тех пор, пока идет война.

– Алфорд, – прошипел Генри. – Видимо, этот старый пес совсем из ума выжил.

– Нет, Генри. Он в здравом уме и добром здравии, несмотря на свой почтенный возраст. Этот старик полагает, что если мы что-то предпримем во время войны, то это будет равносильно предательству. Будто если бы мы стали что-нибудь делать в мирное время, то было бы иначе, – усмехнулся Трэйтор.

– Как же нам быть с этим стариком? Может Сервус поможет? – предложил Генри.

– Нет, услуги Сервуса нам тут ни к чему. Думаю, не стоит причинять вред Алфорду. Скоро я сам смогу его переубедить и переманить вместе с остальными членами совета на нашу сторону.

– Как ты собираешься это сделать?

– Этого я пока что сказать тебе не могу. Но у меня есть одна задумка, которая заставит всех членов совета окончательно возненавидеть короля. Все до единого нас поддержат. И тогда Милат свалится со своего трона.

– Я с нетерпением жду этого часа, брат, – в глазах Генри блеснул огонек.

– Осталось ждать совсем недолго, Генри. Скоро мы будем править этой страной. А теперь я должен уйти. Не могу больше находиться в этой мерзкой дыре.

Трэйтор поднялся с дивана, распрощался с братом и менее чем через минуту, он скакал на своем коне.

Вечером того же дня к нему явился Сервус. Он стоял на пороге гостиной в рваном дорожном плаще. Трэйтор предложил ему сесть в кресло, но тот вежливо отказался.

– Как все прошло? – спросил Трэйтор. – Ты сделал все так, как я тебе велел?

– Я сделал все, как вы мне приказали, – покорно отвечал рыжий.

– Никаких трудностей не возникло? Тебя никто не мог заметить?

– Даю вам слово, что все сделано идеально. Я мастер в такой работе. Нет никаких сомнений в том, что мое присутствие осталось незамеченным.

– Это прекрасно. Если все именно так, как ты говоришь, то сделан еще один большой шаг к цели, – Трэйтор снова мысленно очутился во дворце, с короной на голове. От этого ему стало так радостно и приятно, что он отставил свой кубок с вином, который собирался выпить, но так и не успел из-за приезда Сервуса.

– Скоро будет большой праздник. После него мы и посмотрим, как ты справился с моим поручением.

Глава 17

Когда Лестер говорил Титосу о том, что в Фильнии скоро будет отмечаться большой праздник, он нисколько не обманывал кентавра. День Великого Акнаола отмечается в Фильнии каждый год на протяжении многих веков. Эта славная традиция – дань памяти самому прославленному предку фильнийцев – королю Акнаолу. Прославился этот монарх много веков назад, когда Фильния была разделена на множество самостоятельных княжеств, погрязших в междоусобных войнах. Но, однажды случилось так, что драконы стали совершать налеты на княжества, разоряя и выжигая поселения одно за другим. И никак их нельзя было остановить, поскольку по отдельности каждое княжество было слабым и сил не хватало, чтобы дать достойный отпор огненным змиям. Так длилось до тех пор, пока молодой и отважный Акнаол не объединил все княжества под единым знаменем. Тогда, собрав все силы в единый кулак, фильнийцы смогли дать отпор драконам и навсегда изгнать их из своих земель. С тех пор фильнийский народ стал единым целым, а Акнаол – первым королем Фильнии. День, когда состоялась эта грандиозная битва, решили увековечить праздником, который стали отмечать с тех самых пор.

Каждый год в этот день устраиваются массовые гулянья. В Ландрсмит съезжаются тысячи гостей со всех уголков мира, чтобы посмотреть на знаменитый карнавал. Город начинает бурлить еще за неделю до праздника; все гостиницы и трактиры забиты так, что некоторые запоздалые гости города, вынуждены покупать или арендовать себе палатку. Для таких приезжих на время праздничных гуляний выделяется отдельное поле на окраине города, которое полностью покрывается сотнями таких палаток. Здесь, бок о бок, живут люди, звери, маги, феи, гномы – абсолютно все представители различных народностей, за исключением, конечно же, кентавров.

Повсюду открываются различные павильоны, в которых чего только не продается. На улице собираются маленькие сцены, на которых выступают различные труппы актеров, собирающие толпы горожан и гостей. Выступают не только люди, но и феи, которые специально прилетают в Ландрсмит из Южных лесов. Представления с их

участием пользуются особым спросом у публики, поскольку на сцене обязательно происходит какое-нибудь волшебство, а по окончанию представления, каждый из зрителей получает подарок, который оказывается либо в кармане, либо в сумке, либо просто в руках. Эти подарки возникают непонятно откуда. Никто их не подсовывает и не подкидывает. Просто в конце выступления фей он появляется сам, разумеется, не без помощи магических трюков этих маленьких волшебниц. Ни один зритель после такого представления не возвращается домой без отличного настроения. Те, кто хитрее, приходят на подобные выступления по несколько раз, чтобы получить еще один подарок. Случалось даже такое, что некоторые возвращались домой с пятью подарками. И самое главное, что среди этих подарков совсем не встречалось какой-нибудь одинаковой вещи. Все они были разными, что еще больше радовало публику.

За неделю до праздника, когда первые гости появлялись в Ландрсмите, местные жители начинали украшать город. Повсюду, словно разноцветные змейки, висели ленточки, развиваясь и покачиваясь на зимнем ветерке. Яркие шары, которые было принято развешивать на окнах домов, каждую ночь блестели и переливались разноцветными огнями так, что весь город напоминал разноцветное море. От такой великолепной красоты дух захватывало. Казалось, что в эти дни на Ландрсмит спускалось какое-то неведомое царство, полное волшебства и чудес. И стоит только закрыть глаза и загадать желание, то оно непременно сбудется. Ночью в эти дни на улице было особое оживление. Несмотря на зиму, народ гулял допоздна, наслаждаясь красотой и волшебной атмосферой. Помимо разноцветных шаров, в этот день каждый житель должен был поставить напротив своего дома драконью голову, нанизанную на копье. Разумеется, драконья голова была не настоящей, но и простой пустышкой ее назвать было нельзя. Существовало особенное требование к этому атрибуту праздника: голова, как уже было сказано, должна быть нанизана на копье, и минимум один раз в час выпускать из своей пасти небольшую струйку пламени. Продавались такие головы в специальных волшебных лавках, которые накануне праздника были усыпаны драконьими головами на любой вкус: большие, маленькие, с огромными зелеными глазами, с рожками, с клыками, с тройным фонтаном огня или с двойным. Найти можно было какую угодно – все зависело от пожелания покупателя и

размеров его кошелька. Для того чтобы пламя выходило наружу, к каждой голове шло индивидуальное заклятье, которое необходимо было прочитать, перед установкой головы. После этого ровно неделю с определенной периодичностью голова выпускала пламя.

Не обошли предпраздничные хлопоты и королевский дворец. Как и в городе, в нем за неделю началась подготовка к празднику. Поднялась суета, которая всегда возникала в такие дни, поскольку на праздник обычно приглашалось множество гостей со всех уголков мира. Ударить в грязь лицом перед ними в такой день было нельзя ни в коем случае. Все комнаты, а во дворце их было такое множество, что ходит слух, будто бы ни один король никогда не знал точное их количество, должны были быть убраны и наряжены в соответствии с традициями праздника. В каждой должны были висеть шары и обязательно волшебная драконья голова. Во всех коридорах и залах развешивались разноцветные ленточки, а в самом большом зале, в котором должны были собраться приглашенные гости на представление, под потолком висел огромный длинный дракон с разинутой пастью, из которой торчали громадные клыки. Под ним стояла большая мраморная статуя, изображавшая молодого кудрявого юношу с оголенным мечом, направленным прямо на этого дракона.

Из подвалов и кладовых слуги доставали различную мебель, которую использовали исключительно раз в год во время этого большого праздника. Десятки столов, которые наравне с другими своими деревянными приятелями видели белый свет раз в год, мылись и составлялись в большой роскошной столовой, которая так же отпиралась раз в год только на дни праздничных торжеств. Слуги сновали туда-сюда, и, несмотря на то, что во дворце и без того всегда царил порядок и чистота, они еще раз вымывали и вычищали ковры, стены, окна, посуду, люстры, комнаты и залы.

Король Милат очень любил этот праздник и всегда с большой охотой принимал участие во всех связанных с ним хлопотах, но в этом году был словно сам не свой. Началось все с того, что однажды, когда к нему пришел Валмер по вопросам, которые касались подготовки к праздничным мероприятиям, король заявил ему, что в этом году праздник отмечаться не будет.

– Но, как же так, ваше величество? – темные глаза-бусинки сверкнули через очки. – Этот праздник отмечается так давно, и его

никогда еще не отменяли. Ваши подданные не поймут этого.

Милат и сам прекрасно это понимал но, тем не менее, его внутренний голос говорил, что праздник отмечать в этом году не стоит. Ведь идет война, совсем недавно была потеряна крепость Пирс и сейчас братнийцы продвигаются вглубь страны, а от Вагрела до сих пор нет никаких вестей. Отмечать праздник в такое время казалось Милату кощунством. Какие могут быть праздники, когда страну пытаются захватить недруги? Этими мыслями король поделился с Валмером, в надежде, что тот его поддержит, но эффект от сказанного оказался прямо противоположным.

– Тем более необходимо провести все торжественные мероприятия как положено. В такое время следует вести себя так, словно ничего не происходит, – настаивал Валмер. – Тогда люди поймут, что бояться нечего. А если вы сейчас отмените все праздничные мероприятия, то жители Ландрсмита непременно что-то заподозрят. Раз праздник отменяют, значит, дела на войне очень плохи.

– Но я не стану всем объявлять, что отменяю праздничные гуляния из-за войны с братнийцами, – упорствовал Милат.

– Тем более, ваше величество. В таком случае ваши подданные вовсе не поймут причину, по которой праздник отменяется. Если вы скажете что все из-за войны, то люди, как бы им этого не хотелось, смирятся с тем, что у них отобрали праздник, который все так любят.

– Но ты же сказал, что если сослаться на войну, то жители Ландрсмита скажут, что на войне дела идут плохо.

– Именно так, ваше величество, – согласился Валмер, слегка наклонив сидящую голову.

– Что же мне в таком случае делать?

– Выход очень прост – не отменяйте праздник. Тем более, вам известно, что в эти дни в гости приезжает ваша тетушка Беатриса. Вы знаете ее характер. Ни за что на свете она не захочет понять, почему вы отменили праздник. Она может устроить скандал.

При упоминании одного этого имени у Милата мурашки пробежали по спине. Он поправил спадающие на плечи волосы и крепко задумался. Тетушка Беатриса, которая была родной сестрой его покойного отца, как и все прочие жители страны очень любила этот праздник. Жила она неподалеку от Южных лесов, и, поговаривают, имеет кое-какие делишки с феями, обитающих в тех местах. Но, раз в

год, она навещала племянника во время праздничных гуляний. Тетушка Беатриса очень своенравна и, порой, капризна. Любит всех поучать и терпеть не может, когда ей перечат. Порой, казалось, что во дворце слуги ее боятся больше, чем Милата. Да и сам король считал, что тетушка, пожалуй, не плохо бы справилась с управлением страны. Валмер прав. Если Беатриса приедет и обнаружит, что праздник отменили, тогда разразится настоящая катастрофа. А этого королю совсем не хотелось. Хватало и других забот. Так что, последний аргумент, который Валмер привел в пользу праздника, перевесил все возражения и, как бы Милату не хотелось, он дал согласие. Что поделаться... Приходится чем-то жертвовать и идти вразрез своим чувствам, поскольку заботящиеся о своём народе монархи сами себе не принадлежат.

Шли дни, полные праздничных хлопот, и мало-помалу король, погружившись в них, пришел к выводу, что решение о проведении праздника было верным. В конце концов, войну ведь не проиграли, с чего же отменять праздник? Наоборот, проведение всех торжественных мероприятий лишь укрепит дух жителей города, да и всей страны в целом. Единственное, что тревожило Милата в эти дни, то, что от Вагрела давно не было никаких вестей. Произошло сражение под Керсабором или нет? А вдруг фильнийская армия потерпела поражение?! Это неведение порой сводило с ума короля, но он старался гнать от себя плохие мысли. В конце концов, если бы что-то плохое произошло, Милат наверняка уже знал бы об этом.

Как-то днем, когда Милат сидел у себя в кабинете, к нему зашел Валмер, чтобы согласовать список приглашенных гостей. Милат согласился с каждым пунктом, кроме того, в котором числились члены совета. Их Милат наотрез отказался приглашать, и все доводы, которых было не много со стороны Валмера, король отверг. Ни один из них не смог повлиять на решение Милата.

– Пройдут праздники, и я вовсе распушу этот совет, – сказал он, нахмурившись. Лабрадор Гуно, лежавший подле короля, хотел лизнуть ему ладонь, словно пытался смягчить хозяина. Но это не подействовало на Милата. – Эти пустышки, которые не приносят никакой пользы стране, слишком много возомнили о себе. Покойный отец чересчур разболтал их. Он потакал многим их прихотям, Валмер. И все это происходило у меня на глазах. Мой отец практически

отстранился от управления страной, доверив это дело совету. Я наблюдал за этим Валмер, и каждый раз говорил себе, что не стану вести себя, как мой отец, когда стану королем. Лишь я несу всю ответственность за свой народ. А эти кровопийцы, только набивали собственные карманы. Со мной у них этого не выйдет. Ни за что на свете я не стану приглашать их во дворец на праздничные гуляния. Единственный, кого я уважаю в совете – Вагрел. Его я пригласить не могу, ты сам это понимаешь. А остальных я не хочу даже видеть.

– Как будет угодно вашему величеству, – ответил Валмер, и собрался уже было уходить, но король его остановил.

– Слышно что-нибудь о Лестере?

– Ничего, ваше величество, – ответил Валмер, глядя на короля поверх очков. – Вы ведь знаете этого мага, от него редко поступают вести.

– Да, тут ты прав, – задумчиво сказал Милат, почесывая темную бороду. – Надеюсь, он найдет камни раньше братнийцев. Другой исход я даже боюсь себе представить. Если король Бренер воспользуется книгой, всему тогда придет конец.

– Ваше величество, можете не переживать. Лестер никогда вас не подводил. Думаю, он прекрасно справится с вашим заданием.

– Я тоже так считаю. По-другому и быть не может.

Ровно за три дня до начала праздника должна была приехать тетушка Беатриса. Как обычно, за час до ее прибытия прилетела голубая сойка, возвестившая о приближении своей госпожи. Эта традиция возникла давно, и связана она с одной нелепой ситуацией, которая произошла во время правления короля Далмера – отца Милата. Обычно монарх встречал Беатрису, как полагается встречать самых горячо ожидаемых гостей: пышно и почетно. Но однажды случилось так, что Далмер по непонятным до сих пор причинам, забыл о визите сестры. Поэтому, когда она прибыла в Ландрсмит, ее никто не встретил. Не было ни оркестра, ни придворных, ни слуг. Складывалось впечатление, что несчастную гостью никто не ждал. Не на шутку обиженная и разгневанная она ворвалась к брату в кабинет, и прямо при слугах отчитала, как мальчишку. Тот, разумеется, оправдывался и извинялся, но Беатрису было тяжело успокоить. Когда, наконец, разум взял власть над чувствами, гостья, дабы больше не оказываться в подобной ситуации решила, что впредь, за час до ее визита голубая

сойка будет возвещать королю о прибытии «дорогой гостьи», как она тогда выразилась. Короля Далмера уже три года как нет на этом свете, но традиция до сих пор сохраняется. Хотя сам Милат не видел в ней никакого смысла, ибо он никогда не забывал про визит своей тетушки. Именно поэтому, когда сойка приземлилась на плечо короля и тоненьким голоском стала напевать одни и те же слова, повторяющиеся из года в год «дорогая Беатриса вот-вот прибудет», все уже было готово для встречи гостьи.

Во дворе, выстроившись в две шеренги, стояли трубачи, в яркой парадной белой форме, которая при свете солнечных лучей ослепляла своей белизной. Гости и придворные большой толпой стояли по обе стороны от бархатного красного ковра, расстеленного специально для того, чтобы достопочтенной гостье не пришлось идти в легких башмаках по снегу. Перед каждым трубачом стоял маленький гном с большим букетом цветов в руках. Цветы выращивались в королевских теплицах, и сегодня утром были специально срезаны по случаю приезда тетушки Беатрисы.

Все присутствующие стояли во дворе и смотрели вдаль, на небо, ожидая появления гостьи. Король Милат стоял в начале красной дорожки, скрестив за спиной руки, и тоже смотрел на небо, словно пытался разглядеть там какую-то птицу. Легкий ветерок трепал его темные вьющиеся волосы. Поначалу, когда все вышли встречать тетушку короля, среди придворных царило какое-то оживление и даже веселье, но чем больше проходило времени, тем сильнее становилась тишина. Как-никак на улице стояла зима, и легкий морозец нет-нет да укусит то за мочку уха, то за нос или за щеки. Король, как и все придворные, стал замерзать, и в сердцах уже думал, когда же, в конце концов, прибудет гостья, и можно будет убраться с морозного двора в теплый дворец.

В небе появилась еле различимая темная точка. Заметив ее, толпа словно очнулась ото сна, внезапно оживилась и повеселела. Милат, который тоже заметил в небе эту быстро приближающуюся точку, улыбнулся, однако, им овладело такое чувство, словно его обдали ледяной водой на морозе, из-за чего по телу пробежали мурашки. И случилось это вовсе не из-за того, что он стоял на улице. Просто он побаивался тетушку. Вдруг ей что-то не понравится, и она начнет поучать, как нужно встречать таких высоких гостей вроде нее. Такое

бывало довольно часто, и Милату от этих упреков всегда становилось не по себе. Сказать что-то резкое в ответ он не решался, так как не хотел хоть как-то ранить ее чувства. Поэтому, он терпел подобные выходки родственницы, изредка отвечая ей какими-то невнятными фразами.

Темная точка в небе быстро увеличивалась в размере, опускаясь все ниже и ниже, к земле. Точка превратилась в огромное белое перо, длиной в несколько метров, напоминавшее формой речную ладью. Оно, словно карета мчалось по небу, запряженная двадцатью пятью парами белоснежных голубей, которые несли этот необычный транспорт к королевскому дворцу. Вместо кучера сидел огромный жирный павлин, управлявший экипажем. Перо, на котором летела тетушка Беатриса, несло по небу с такой легкостью и быстротой, точно в нем никто и не сидел. Оно опускалось все ниже и ниже, пока не оказалось на земле, возле расстеленной ковровой дорожки. Экипаж приземлился, и жирный павлин с важным видом, раздувшись от гордости, подошел к тому месту, где должна была быть дверь (на самом деле двери у пера не было) и низко поклонившись, оттопырив крыло, пригласил свою госпожу на выход.

Как только гостья собралась выйти из пера, трубачи разом грянули приветственную музыку; придворные, словно вспенившийся океан, радостно закричали, стали махать руками в знак приветствия. Кто-то кидал цветы под ноги, кто-то протягивал руки в надежде, что проходящая мимо тетушка Беатриса пожмет ее.

Беатриса – женщина зрелого возраста, на пороге преклонных лет, стройная, высокая, с четко очерченными контурами лица. Ее походка выдавала в ней чувство собственного достоинства и нескрываемое самолюбие. Густые каштановые волосы собраны в пышную прическу, чем-то напоминавшую большую корону, сделанную из волос. Карие глаза смотрели на окружающих так, словно это она здесь была королевой, которая вышла к народу после долгой отлучки. Она шла и махала маленькой ручкой в знак приветствия, улыбаясь белоснежной улыбкой. Позади, с важным видом, шел жирный павлин. Казалось, что он считает будто все радостные возгласы и приветствия, доносившиеся со всех сторон, адресованы ему.

Милат шел навстречу тетушке, улыбаясь во весь рот. Он надеялся, что гостье понравилось то, как ее встретили, и она не станет сейчас же,

прямо при всех высказывать замечания. Вроде бы она шла и улыбалась, и казалось, ей все нравится, но трудно угадать, какие на самом деле мысли обитали в ее голове. Встретившись на середине дорожки, племянник и тетушка крепко обнялись. Беатриса подставила щечку, и Милат поцеловал ее.

– Дорогая тетя, вы становитесь с каждым годом все прекраснее, точно свежее весеннее утро, – сказал Милат, в надежде, что такой комплимент порадует родственницу. Беатриса смущенно улыбнулась, точно молодая девица и, взяв под руку племянника, направилась вместе с ним во дворец. Из-за каблуков она казалась на несколько сантиметров выше монарха.

– Как же меняется город, – с неподдельным восхищением говорила она, – с каждым разом все труднее его узнавать. Я даже подумала поначалу, что заблудилась и не туда прилетела.

«Кажется, неплохое начало», – подумал Милат, ведя спутницу во дворец мимо двух каменных статуй, стоявших перед лестницей, ведущей к главному входу. – «Может, в этот раз все обойдется».

Как только они прошли мимо больших дубовых дверей, Беатриса высказала предположение, что двор к празднику можно было бы украсить лучше, а гномов с цветами, почти не видно, поэтому надо было их расставить вдоль лестницы.

Выслушав короткую нотацию, Милат поспешил сменить тему, расспросив тетушку о том, как прошла ее дорога, и какие вести с юга принесла с собой дорогая гостья. Это подействовало, и Беатриса с удовольствием принялась рассказывать племяннику все новости.

Оказывается, дела у нее шли неплохо.

Феи из южных лесов охотно навещают ее чуть ли не каждый вечер. Недавно их старая королева отошла в иной мир, и вместо нее теперь правит ее молодая внучка Флора. Очень добрая и веселая. Всячески старается поддерживать с ней, Беатрисой, теплые и дружеские отношения, чему та несказанно рада. Правда, совсем недавно в их края пожаловала старая злая ведьма и пыталась что-то разыскать в тех местах. Она наделала там много шума, но феям удалось ее прогнать. В целом, жизнь в тех краях идет тихо и размеренно. Редко случается что-то необыкновенное, на подобии той ситуации с ведьмой. А еще тетушка слышала от фей, что кентавры в последнее время сильно оживились, что весьма необычно для их народа, поскольку те ведут

очень замкнутый образ жизни. Среди фей ходит слух, будто бы в те края стали наведываться чужаки, свирепые и ужасные.

– Откуда феям об этом известно? – спросил Милат, когда они вошли с гостьей в небольшую гостиную.

– Говорят, что некоторым феям довелось встретиться с кентаврами. Якобы они им и рассказали кое-что об этих набегах, – ответила тетушка, усаживаясь в мягкое кресло.

– Я в этом сильно сомневаюсь, дорогая тетя. Вы не хуже меня знаете, кто такие кентавры. Вряд ли есть хоть капля вероятности, что они станут рассказывать о своих проблемах феям.

– Пожалуй, в этом вопросе я больше согласна с тобой, нежели с феями. Тем более, Флора тоже не очень-то верит во все эти рассказы. Но, довольно пустой болтовни, – резко отрезала тетушка; при этих словах Милат весь напрягся. – Расскажи-ка, дорогой племянник, когда же вы начнете подготавливать дворец к празднику?

Милат так и опешил. По его мнению, дворец был полностью украшен и подготовлен ко всем праздничным мероприятиям. Он сам видел, как слуги целыми днями носились туда-сюда, вычищая все, что только можно. Они развесили абсолютно все украшения, какие только были во дворце. Более того, по мнению короля, слуги даже немного переборщили с ними; кое-что можно было снять, поскольку ленты, шары, драконьи головы, чересчур сильно бросались в глаза. И тут тетушка выдает такое! Да неужели она ничего не замечает или специально решила подшутить над племянником?

– Дорогая тетя, дворец уже давным-давно подготовлен к празднику. Осталось лишь принять гостей, – робко произнес Милат, в надежде, что такой тон немного успокоит гостью, и гроза обойдет дворец мимо. Но вместо этого Беатриса громко и заливисто рассмеялась.

– Если ты серьезно считаешь, что дворец должен быть таким образом подготовлен к празднику, то либо ты гений и я ничего в этом не смыслю, либо ты безответственно подошел к такому важному мероприятию. Поскольку в первом я совсем не уверена, то остается лишь одно – дворец к празднику не готов. И это за два дня до приема гостей! Да разве так можно?! – сокрушалась тетя Беатриса.

Милат слушал все эти изречения в свой адрес, и поначалу ему стало как-то не по себе, но потом он вспомнил нрав родственницы, и стал

пропускать все упреки и укоры мимо ушей, ловко делая вид, что он полностью согласен с теткой.

– Придется мне самой всем заняться, – вздохнула она.

– Дорогая тетя, стоит ли так беспокоиться из-за этого? Если хотите, я прикажу слугам, и они все переделают.

– Ох, только этого не хватало. Твои слуги все равно сделают все не так, как нужно. Им нужен руководитель, у которого есть вкус. А на эту роль кроме меня больше никто не подходит.

Тут дверь открылась, и молодой слуга доложил, что обед готов и подан к столу.

– Ну что ж, тетушка, давайте для начала поедим, вы, наверное, проголодались с дороги. А после, раз вам так угодно, можете заняться украшением дворца.

Во время обеда случился еще один неприятный для Милата разговор. Как раз в тот самый момент, когда слуги подавали десерт, тетушка Беатриса спросила:

– Скажи-ка, Милат, ты нашел себе избранницу, с которой готов разделить свою жизнь? – король, немного опешив от такого вопроса, ничего не ответил, лишь оторвался от своей тарелки и устремил взгляд голубых глаз на гостью. Павлин, который тоже сидел за столом с важным видом, пил чай из белой фарфоровой чашки, оттопырив зеленое перо, старался не обращать никакого внимания на двух собеседников.

– Как? Ты до сих пор не нашел себе избранницу? – сказала Беатриса таким тоном, словно произошла катастрофа вселенского масштаба; карие глаза округлились от удивления. – Тебе ведь уже тридцать один год! Твой отец в эти лета нянчил тебя, а ты до сих пор не женат! Пора бы уже подумать о наследнике.

– Я – не мой отец, милая тетя, – мягко сказал Милат. – Я живу своей жизнью и не хочу быть на него похожим. Честно говоря, я и без жены прекрасно живу. А вступить в брак ради наследника я еще успею.

– Ты рассуждаешь, как мальчишка. О наследнике, Милат, нужно думать в первую очередь. Ты монарх. Не задумывался ли ты хоть раз, что будет, если тебя внезапно не станет? Кто тогда займет трон страны?

– Видите ли, тетя, я пока не собираюсь отправляться к праотцам, – улыбнулся король.

– Какая самоуверенность, – фыркнула Беатриса. – Не подумай ничего дурного, дорогой племянник. Я желаю тебе крепкого здоровья и долгих лет жизни. И все-таки, должна заметить, что никому неизвестно, когда пробьет его час. А потому ты, как монарх, обязан в первую очередь думать о своей стране. Если ты после себя не оставишь наследника, то Фильния может погрузиться в хаос. Начнется дележка власти, из-за которой, вполне вероятно, прольется кровь. Этого нельзя допускать, Милат. Ты – король, а король должен продумывать все на десять шагов вперед. Ты не можешь полагаться на волю случая.

– Я вовсе не полагаюсь на волю случая. Просто пока не хочу жениться. Но я вам обещаю подумать над этим, – поспешил заверить Милат, заметив как на лице Беатрисы брови стали сходиться у переносицы, и она уже собиралась вновь что-то возразить.

– Подумай, дорогой племянник. Я бы никогда не дала тебе плохого совета.

После обеда весь остаток дня Беатриса раздавала указания по поводу того, как следует украсить дворец. Одни украшения следовало перевесить, а другие вовсе убрать. Слуги бегали туда-сюда, словно ошпаренные кипятком. А властный голос Беатрисы, казалось, был слышан во всем дворце. Суэта продолжалась до самой ночи. Лишь когда стрелки часов стали приближаться к полуночи, а бедные слуги, измотанные за весь день, просто валились с ног, только тогда Беатриса решила, что дворец готов к приему гостей.

В праздничный день город начал бурлить с самого утра. Солнечные лучи едва коснулись крыш домов, а на улице уже пели и плясали. Музыка разносилась со всех концов города; праздничные шествия, выступления, смех и радостные возгласы захлестнули Ландрсмит в поток бушующего праздничного настроения. Повсюду мелькали драконьи головы, выпускающие струйки огня. Дети, словно раззадоренные бесята, бегали по улицам и махали палками, изображая короля Акнаола, сражающегося с драконами. Предостерегающие оклики родителей тонули среди всеобщего городского гула и практически не имели никакого результата к великой радости первых и большому беспокойству последних. Народу в этот день в Ландрсмите было как никогда много. Улицы напоминали огромные разбушевавшиеся реки, заполненные людьми и прочими гостями

города. На каждом углу стояли особые павильоны, в каждом из которых по указу короля раздавали подарки. По древней традиции в этот день жители города приветствовали друг друга особым образом: если встречались двое мужчин, то они приветствовали друг друга фразой: «Приветствую тебя потомок великого Акнаола. Да придёт благодать над твоим домом во все века!». После чего они крепко, дружески обнимались и расходились. Если же встречались мужчина и женщина, то в такой ситуации, первый должен был станцевать маленький танец, а после подарить даме бутон алой розы. Женщина в ответ должна была присесть в реверансе и, в знак благодарности трижды поцеловать мужчину в щеки. Если же встречались две женщины, то они просто обменивались поклонами и обязательно дарили друг другу что-нибудь из того, что было на них в этот день: будь то шарф, серьги или драгоценное кольцо. Но, как правило, дальновидные дамы старались в этот день никаких драгоценностей не надевать. Животные и прочие гости города, не были обязаны принимать участие в этой традиции. Однако многих такие порядки забавляли, поэтому они с удовольствием принимали участие во всем, что происходило в это веселое время.

В праздничный день во дворце жизнь кипела как никогда. Гости стали съезжаться с самого утра. Слуги почтенно провожали всех прибывших в огромный зал, где официанты с серебряными подносами разносили угощения и напитки. За пару часов собрались все приглашенные, так что ближе к полудню стало нечем дышать, и слугам пришлось открыть все окна, чтобы впустить свежего воздуха в душное помещение. С правой стороны, возле стены расположился оркестр, состоящий исключительно из людей (берментов не пригласили специально, чтобы у гостей остались силы к вечеру). Музыканты играли легкую мелодию, которая скорее служила фоном, дабы гостям не стало скучно, пока все ожидали появления короля. Наконец двери распахнулись, и все стихло. Музыканты перестали играть, гости притихли. Все повернулись к вошедшим Милату и Беатрисе.

Король был одет в белый элегантный костюм с вышитыми золотыми нитками узорами. Он напоминал отколовшийся айсберг среди огромного океана расступающихся гостей. Справа, взявшись под руку, шла Беатриса в светло-голубом, вышитом бисером платье. Несмотря

на то, что она любила всегда выглядеть роскошно, прическу она менять не стала, так что на голове у нее была та же корона, сделанная из ее каштановых волос. Позади этой парочки шел всё тот же самый павлин – любимец своей хозяйки, не покидавший ее ни на минуту.

Пройдя к месту, где были установлены два мягких кресла, обитые красной парчой с серебряными узорами, Милат и его спутница остановились. Из толпы вышел один из слуг и быстрыми шагами засеменил к королю, поднося серебряный кувшин со стаканом. Он налил розовый напиток из кувшина и протянул королю. Милат взял стакан, осушил до дна, прочистил горло и стал говорить.

– Дорогие и почтенные гости, – раздался его голос во всех концах огромного зала. Он звучал громко и четко, что было очень странным, поскольку в таком огромном помещении пришлось бы кричать, чтобы все могли услышать говорившего. Но король не кричал, его голос звучал спокойно только громко, будто он говорил в рупор. Секрет заключался как раз в том самом напитке, который Милат выпил прежде. Это был волшебный напиток – «Громоглас». Если его выпить, то голос на некоторое время становится намного громче, что очень удобно, когда приходится говорить среди шумной толпы или же в огромном полном гостей зале.

– Я рад всех вас видеть в этот замечательный солнечный день, здоровыми и красивыми, – продолжал король. – Сегодня мы в очередной раз собрались, чтобы вспомнить, как много веков назад, наш великий предок король Акнаол, смог собрать страну воедино, чтобы дать отпор врагам. Это воистину великий день, которым гордится каждый житель нашей страны. С тех пор прошло немало времени, и многие враги пытались захватить нашу страну. Но у них никогда этого не получалось и, не побоюсь этого слова, никогда не получится, потому что в наших жилах течет кровь великого, смелого и отважного короля Акнаола.

В ответ слышались одобрителльные возгласы и аплодисменты. Милат, выждав небольшую паузу, продолжал:

– Так давайте же отпразднуем этот день, как полагается: весело и задорно! С праздником вас, дорогие друзья!

Снова буря аплодисментов, которая затем утонула в буре оркестровой музыки, накатившей внезапно после того, как Милат окончил поздравительную речь. Толпа вдруг расступилась в стороны и

в центр выбежала дюжина фей. Они стали танцевать под грохочущий оркестр. Началось праздничное представление. Милат и Беатриса уселись в кресла. Павлин, с важным видом, встал по правую сторону от хозяйки и вместе со всеми принялся глядеть представление.

Феи кружились в дивном танце, словно белоснежные лебеди, скользящие по поверхности кристально-чистого водоема. Прodelывая различные трюки и кульбиты, они, то взмывали вверх, чуть ли не под самый потолок, взмахивая нежными крылышками, точно бабочки, то кружились внизу, на мраморном полу, в такт музыке, которая все больше набирала темп. И чем быстрее становился темп, тем ярче и красочнее были движения фей. Сначала их танец напоминает нечто хаотичное, каждая движется сама по себе, нет никакой синхронности. Точно так же, много веков назад, жили двенадцать княжеств, каждое само по себе. Именно это и показывают в волшебном танце феи. Далее музыка становится более мрачной и грубой, духовые вместе с ударными выходят на первый план, и картина начинает меняться. Огромное чучело дракона, висевшее под самым потолком, оживает и, взмахивая громадными крыльями, несется над головами гостей прямо к танцующим феям, изрыгая из пасти потоки огня. Ни один зритель при этом не пугается, слышны лишь возгласы, полные восхищения и удивления. Заметив дракона, феи бросаются врассыпную, пытаются спастись от огня. Поначалу их движения хаотичны, и они летают по всему залу, уходя от злого дракона, но затем они начинают объединяться и клином летят за спину мраморной статуи с обнаженным мечом. Когда кажется, что спасения нет, и дракон вот-вот всех мигом проглотит, статуя оживает и молодой юноша взмахом меча отрубает дракону голову. Она вместе с телом взрывается в воздухе и превращается в миллиарды разноцветных звездочек, которые падают прямо на гостей. Юноша убирает меч в ножны, а радостные феи начинают вокруг него танцевать. Теперь их движения синхронны, словно они единое целое. Каждый взмах крыла, каждый трюк, все двенадцать фей выполняют одновременно, кружась вокруг спасителя. Музыка после смерти дракона становится радостной и задорной настолько, что практически каждому гостю уже не терпится пуститься в пляс. Но все внимание по-прежнему сосредоточено на выступающих. Вот одна из фей дунула на юношу и он растворился в воздухе, словно его никогда не было. Остальные феи стали кружиться все быстрее и

быстрее, так что за ними стало трудно наблюдать. Бах! И они разлетаются в стороны, а из пространства начинает взрываться небольшой салют, знаменующий конец битвы и представления. Толпа гостей раздражается бурей радостных аплодисментов.

Милат встает и произносит речь, в которой благодарит выступавших за прекрасное представление. Феи подлетают, и, порхая в воздухе, кланяются сначала Милату, а затем Беатрисе. После этого музыканты начинают играть веселые задорные мотивы, отчего весь зал пускается в пляс.

Танцы продолжаются до самого вечера, изредка прерываясь на небольшой перерыв. Гости пляшут так, словно последний раз в жизни. Веселье и радость, которые царили в зале, трудно передать словами. Смех и одобрительные возгласы, славящие Акнаола и его потомка Милата, раздаются периодически во всех концах зала. Кажется, что этот праздник жизни никогда не кончится, да и вряд ли кому-то из присутствующих этого хотелось. Однако Милату в какой-то момент захотелось сбежать из зала, подальше от тетушки, которая никак не хотела униматься и назойливо предлагала королю различных кандидаток в жены.

– Посмотри вон на ту красавицу, – обратилась она к племяннику, склонившись к его правому уху.

– На которую? – спросил король, ища взглядом среди гостей ту даму, на которую указывала Беатриса.

– Вон та, в сиреневом шелковом платье, прямо по центру танцует с молодым кавалером.

Милат быстро нашел темноволосую красавицу, о которой говорила тетушка.

– Видишь? – поинтересовалась Беатриса.

– Вижу.

– Она так на тебя смотрит, буквально сверлит взглядом. К тому же очень даже недурна собой.

– Да, она красива, спору нет. Но эту красавицу зовут Лидия. Она внучка Кроула, того самого, который пытался поднять восстание против моего отца. Так что, моя дорогая тетушка, эта красавица не может мне составить партию.

Беатриса, видимо не ожидавшая такого исхода, сначала притихла, и Милат уже вздохнул с облегчением, в надежде на то, что теперь вечер

продолжится так же чудесно, как и начинался. Не тут-то было. Через несколько минут Беатриса снова стала сватать племяннику очередную гостью. Милату она не понравилась, так что ничего у тетки не вышло. Однако она не собиралась просто так сдаваться. Тетка снова стала кого-то предлагать и вновь получила отказ. И так раз за разом, пока, наконец, Беатриса, явно раздосадованная поведением племянника, который, как ей казалось, не ценил ее стараний, не ущипнула Милату за локоть, словно обиженный ребенок и недовольно сказала:

– Твой отец никогда себя так не вел. Ты поступаешь крайне неприлично, отвергая мои предложения. Я стараюсь для тебя целый вечер, а ты и глазом ни разу не моргнул. Как можно так по-хамски себя вести?

– Дорогая тетя, – король еле сдерживал гнев, – я не вижу ничего неприличного в моем поведении. И я еще раз напоминаю вам, что я – не мой отец. Не надо меня с ним сравнивать.

– Тебе уже давно пора бы обзавестись женой, Милат, чтобы она нарожала кучу детишек. Наследники, дорогой племянник, ты не должен о них забывать! А с таким подходом, ты и до старости будешь один.

– Что же вы меня все поучаете, а при этом сами так ни разу и не были замужем?

– Я – совсем другое дело. Моя жизнь посвящена целиком и полностью природе, а не стране. Я осознанно пошла на такой шаг. Такие как я никогда не выходят замуж, даже если и захотят.

– Давайте оставим этот разговор. Сегодня чудесный праздник, и мне не хочется омрачать его подобными спорами.

К счастью короля, как только он проговорил эти слова, к нему подошел Валмер и что-то шепнул на ухо, отчего Милат сильно приободрился и, поднявшись со своего кресла, обратился ко всем присутствующим:

– Дорогие гости, – в этот момент музыканты прекратили играть, и все стихло. – Мне радостно вам сообщить, что приближается время карнавала. Я вынужден покинуть вас, так как это мероприятие требует моего обязательного присутствия. Все, кто желает, могут отправиться вслед за мной. Остальные же должны продолжать веселиться. А сейчас, позвольте вас покинуть, – затем Милат повернулся к Беатрисе. – Дорогая тетушка, почтите ли вы за честь, остаться здесь за

хозяйку? Мы не можем бросить гостей одних. Это будет неприлично. Окажите мне эту услугу.

Беатриса, даже если ей и хотелось поехать вместе с племянником, не могла отказать. Либо ей, либо королю обязательно нужно было остаться. А, так как король должен был присутствовать на карнавале, остаться должна она.

– Разумеется, я останусь, – улыбнулась Беатриса, оголив при этом белоснежные зубы. – Как же я могу оставить гостей.

– Другого ответа я и не ожидал, – ответил король. Расцеловав тетушку в обе щеки, он с огромным облегчением на душе покинул зал.

Карнавал был пышным, веселым и разноцветным. Началось это праздничное шествие с поздравительной речи короля. Затем, под радостные крики и улюлюканье собравшегося моря людей, три молодых мага, облаченные в золотые плащи, взяли три огромных закрытых сосуда и, прочитав какое-то заклятье, открыли их. Тут же наружу вырвалась разноцветная дымка и устремилась вверх. Она стала молниеносно окутывать вечернее небо, накрывая город разноцветным светящимся покрывалом, отчего в городе стало очень светло. Это был необыкновенный волшебный свет, точно яркое радужное одеяло стало сиять над городом, отгоняя прочь наступающую ночную тьму.

Как только город поглотил волшебный свет, начался карнавал. Длинным потоком, словно огромная река по широкой длинной улице под звуки труб и барабанов, началось торжественное шествие. Открывали его три бермента с огромными фиолетовыми глазами, весело играющие на флейтах. За ними, пританцовывая, шла группа подростков с мечами в руках, изображая Акнаола. Затем грянул гром, и над головами зрителей пронеслись три белых крылатых коня. Они били копытами по воздуху, и из пространства, хлопаясь и взрываясь, вылетали шутихи и петарды. Вслед за тремя белоснежными красавцами на земле появились пёстро одетые маленькие существа с факелами в руках. Это литлги – ростом едва достигают колена взрослому человеку. Коренастые и бородатые, отчего немного напоминают гномов. Живут в земляных норах большими группами, точно муравьи. Носят маленькие шляпки, похожие на шляпы грибов. Очень добрые и отзывчивые существа. Живут по большей части в лесах. Считаются самыми лучшими лекарями.

Проходя мимо королевской трибуны, все литлги как один сняли шляпки, поклонились, а затем, принялись танцевать, размахивая факелами, вырисовывая в пространстве необычные узоры. Их представление длится чуть больше минуты, но оно успевает поразить публику в самое сердце, отчего они проходят дальше под гул аплодисментов и радостных криков. Литлгов сменяют феи, поющие завораживающим голосом песни на древнем языке, который в нынешнее время практически никто не знает. Их тоненькие голоски пронизывают пространство и трогают каждого за душу столь сильно, что отсутствие знания древнего языка ничуть не мешает. Но феи пролетают мимо, и вслед за ними несется дракон, наколдованный магом, и оседланный им же. Он летит и радостно машет всем, выкрикивая поздравления и погоняя свое творение.

Карнавал длится добрых два часа. Участники сменяют друг друга, поражая всех необычайностью и красотой. Пестрые одежды, маски, танцы, музыка, песни – все это сливается в громадный волшебный ком, который накрывает каждого гостя и жителя города, оставляя в сердцах и сознании неопиcуемый восторг да радость. Закрывает шествие длинная вереница разукрашенных повозок, из которых в толпу летят конфеты. Это часть карнавала самая любимая среди детишек, которые стараются поймать как можно больше лакомств. Как только повозки, из которых разлетаются угощения, проходят, карнавал заканчивается, но люди не торопятся расходиться по домам. У всех прекрасное настроение и постепенно пляски и пение охватывает весь город. Праздник продолжается до глубокой ночи. Лишь когда три мага снова открывают сосуды, чтобы спрятать в них разноцветное покрывало, окутавшее весь город, люди расходятся по домам.

После карнавала Милат возвращается во дворец, и начинается пир, который длится чуть ли не до самого утра. Гости много пьют и закусывают. Во дворце царит веселая и непринужденная обстановка.

В этот праздничный день король впервые за долгое время не вспомнил о войне с братницами. После пира, распрощавшись с тетушкой, Милат отправился в свои покои. Уставший и вымотанный он, однако, не собирался спать. Как только он вошел в спальню, из кресла поднялась черноволосая девушка, одетая в шелковую ночную рубашу, элегантно облегающую ее тонкую талию и пышную грудь. В тусклом свете трех горящих свечей, ее милое круглое личико со

жгучим взглядом темных глаз, напоминало хищницу, дождавшуюся свою жертву.

– Я знал, что ты уже ждешь меня, Лидия, – улыбнулся Милат.

Девушка медленно подошла к королю. Милат поднял ее на руки, страстно поцеловал пухлые губы и понес на кровать.

Праздничные гуляния прошли, и дворец вместе с его обитателями стал возвращаться к прежней жизни. На следующий день после праздника тетя Беатриса засобиралась домой. Милат, к своему стыду, признавался себе, что очень этому рад, хоть и не подавал виду. Даже наоборот, уговаривал тетушку остаться, зная заранее, что та, конечно же, все равно улетит. Беатриса со слезами на глазах, усаживаясь в свое перо, повторяла уже в который раз:

– Племянник ты мой дорогой, я бы хотела остаться, но как же я могу бросить своих дорогих зверушек? Ты же знаешь, что они не могут долго оставаться без меня. Они как дети малые, за ними нужен глаз да глаз. Ты ведь знаешь, что я люблю тебя всем сердцем, но остаться, увы, не могу.

Расцеловавшись на прощание и дав свое благословение, Беатриса взмыла на пере в воздух, и через несколько минут превратилось в удаляющуюся в небе точку. Милат выдохнул, словно с его плеч свалился огромный камень, и в отличном настроении направился в свой кабинет.

Милат сидел в кресле и ласково трепал за ухо Гуно. За эти несколько дней, пока шли праздники, королю так ни разу не удалось посидеть с четвероногим другом. Тот, по всей видимости, не меньше соскучился по хозяину, поскольку так сильно вилял хвостом и бился им о ножку стола, что король всерьез стал опасаться, как бы пес его не сломал. Поэтому Милат решил повернуться так, чтобы Гуно пришлось перейти на другую сторону, там, где его хвосту ничего не угрожало. Так они и сидели среди тишины и спокойствия, полные умиротворения. Король хотел подойти к книжной полке, чтобы взять что-нибудь почитать, как в дверь постучали. Милат ожидал увидеть на пороге кого-то из слуг, но никак не Валмера.

– Ваше величество, к вам прибыл Трэйтор, – темные глаза-бусинки смотрели сквозь очки. – Он очень настойчиво просит его принять.

При упоминании этого имени Милат невольно вспомнил совет, который хотел распустить после праздников. Это было не самое приятное воспоминание, поскольку при одной только мысли о совете у короля невольно скривилось лицо.

– Что ему от меня нужно? – недовольно спросил Милат.

– Не знаю, он не говорит. Сказал лишь только то, что дело чрезвычайной важности, и откладывать его никак нельзя.

– Какие там могут быть у него дела? Впрочем, ладно, из всего совета, он мне противен меньше всех. Пусть войдет.

Через минуту Трэйтор вошел в кабинет короля. Темные глаза с тревогой смотрели на монарха. Милат, хоть и заметил это, но виду не подал. Он расположился поудобнее в кресле и пренебрежительным тоном спросил:

– Вы хотели мне что-то сказать, я вас слушаю. Только говорите быстрее, у меня много дел.

Как только Милат это проговорил, Трэйтор неожиданно упал на колени и плаксивым тоном, точно вот-вот разрыдается начал говорить:

– Ваше величество, склоняюсь перед вами, как смиренный и преданный ваш слуга, – с этими словами он так низко поклонился, что чуть не ударился о пол крючковатым носом. – Высокое чувство долга обязало меня прийти к вам и оторвать от важных государственных дел. Прошу вас простить меня и выслушать, ибо не могу я умолчать о том, что мне стало известно.

Тут он замолчал, в ожидании ответа от Милата.

– Продолжайте, – нервно сказал король, предчувствуя нечто плохое.

– Ваше величество, со всем прискорбием вынужден сообщить вам о гнусном предательстве вашей короны.

Трэйтор снова замолчал.

– О каком предательстве? Что вы там такое говорите?

– Ваше величество, ваша армия вместо того чтобы направиться защищать город Керсабор по злому умыслу предателя была направлена в Батсонию.

Милат настолько был поражен этими словами, что даже не поверил в них.

– Как это понимать? Откуда вы знаете, куда должна была двигаться армия? Кто вам об этом сказал?

– Тот же человек, чьими стараниями верные вам войска заняли Батсонию вместо Керсабора.

На минуту воцарилось молчание. Милат не знал, как реагировать на всё это.

– И кто же этот человек? – спросил Милат с долей недоверия в голосе.

– Малкин Грей. Вчера во время праздничного ужина, изрядно напившись, он стал вдруг рассказывать о том, как несправедливо ваше величество относится к совету и что в скором времени он вас проучит.

– Что, так и сказал?

– Точно так, слово в слово, ваше величество. Я сначала ему не поверил, но потом он стал рассказывать такие вещи, что я перестал сомневаться в правдоподобности его слов.

– Хм, и что же он вам рассказал?

– Он сказал, что перехватил ваше письмо, в котором вы приказываете защищать Керсабор и подменил его на собственное, в котором слово «Керсабор» было заменено на «Батсония».

Снова воцарилось молчание. В том, что Трэйтор говорил правду, не было никаких сомнений, но мозг короля отказывался в это верить. Может, Малкин Грей, напившись, просто пошутил? Тогда откуда он мог знать такие подробности?

– Но ведь письмо, которое отправил я, заверено королевской печатью, а у Малкина Грея такой печати нет. Вагрел не поверит тому, что написано от моего имени не увидев этой печати. Возможно, он просто вас обманул, – Милат говорил, но сам уже не верил в свои слова, и все-таки пытался уцепиться за любой довод, который доказывал бы, что все слова, которые он сейчас услышал – ошибка.

– Ваше величество, у Малкина Грея есть такая же печать, как у вас. Она появилась у него во времена правления вашего отца.

– Откуда тебе это известно?

– Он сам мне ее показал вчера вечером. И ваше письмо тоже.

Милат чуть не взвыл от злости и досады, которые в один момент навалились на него и сдавили ему грудь. Ему вдруг стало тяжело дышать, а стены кабинета, казалось, вот-вот его раздавят. Он поднялся и подошел к окну. Некоторое время он смотрел куда-то вдаль, ни о чем

не думая. Он никак не мог собраться с мыслями. Прошло не менее десяти минут, прежде чем к Милату вернулось самообладание.

– Он сказал вам, откуда ему стало известно, что Вагрел должен послать ко мне гонца с письмом? – спросил Милат, поворачиваясь к Трэйтору.

– Об этом он умолчал. Сказал лишь то, что в этом ему помогла какая-то неведомая сила. Насколько я понял, здесь не обошлось без магии.

– Валмер.

– Да, ваше величество, – помощник, стоявший все это время в кабинете, возле двери от всего услышанного побледнел, а темные глаза-бусинки ошарашено смотрели на Трэйтора.

– Передайте Марфусу, чтобы он срочно зашел ко мне.

– Слушаюсь, ваше величество.

Валмер вышел и через несколько минут вернулся в кабинет вместе с коренастым мужчиной с густыми усами и большими карими глазами, одетый в железные доспехи.

– Возьмите людей, – приказывал Милат, – и направляйтесь в дом Малкина Грея. Переверните там все вверх дном, но найдите мое письмо и королевскую печать. Если вам это удастся сделать, то арестуйте его.

– Вы пока можете идти домой, – обратился король к Трэйтору. – Я вас вызову, когда вы мне понадобится. Если все, что вы мне тут наговорили, окажется правдой, то можете просить у меня все что угодно.

Трэйтор поднялся с колен. Поклонился в пояс, и с видом смиренного слуги, вышел из кабинета.

– Как ты думаешь, Валмер, все это правда? – спросил Милат.

– Я даже не знаю, что ответить вам, – сказал слуга. – Сложно в такое поверить. Я даже боюсь представить, какая катастрофа может разразиться, если все это окажется правдой.

– Боюсь, что катастрофа уже разразилась, Валмер.

Глава 18

Малкин Грей жил в южной части города в огромном трехэтажном особняке. Это был полный мужчина среднего роста сорока двух лет. Никаких примечательных черт в его внешности не было: маленькие серые глаза, пухлые губы, да нос картошкой. Пожалуй, это был единственный человек, которого судьба совета нисколько не волновала. Его жизнь вполне устраивала и так. Денег ему хватало, власти он не хотел, а если король решил править сам – пускай, Малкину Грею до этого нет никакого дела. Он считал, что вполне достаточно послужил стране и королю, и теперь ему хотелось пожить спокойной размеренной жизнью в своем доме, который он получил еще при правлении отца короля Милата.

Малкин Грей сидел дома в гостиной и вместе с супругой Джудит пил чай. Накануне вечером, в день Великого Акнаола, он неплохо посидел вместе с Трэйтором, который явился к нему после обеда и предложил отметить этот замечательный праздник. В былые времена Малкина Грея часто звали в гости товарищи, да и во дворце частенько собирались, но в последние годы все это сошло на нет. С приходом к власти Милата членов совета больше не приглашали на приемы. Поэтому, когда Трэйтор предложил отметить праздник, Малкин Грей безумно обрадовался, хоть виду и не подал. Однако гостя он принял радушно, как и подобает принимать давних товарищей. Тотчас был накрыт стол, и хозяйева вместе с гостем принялись отмечать праздник.

Сколько было съедено и выпито за вечер, Малкин Грей понятия не имел. Однако он точно помнил, что после того, как Джудит ушла спать, он вместе с Трэйтором просидел еще очень долго и выпил вместе с ним далеко не единственную бутылку вина. Ушел гость поздней ночью, и, несмотря на все уговоры, категорически отказался остаться ночевать.

Проснулся Малкин Грей ближе к полудню. Его состоянию далеко не каждый бы позавидовал: голова раскалывалась, его мутило, а глаза воспалились так, что поначалу не получалось смотреть на дневной свет. От обеда он отказался и поднялся с постели только к чаю, который они обычно пили вместе с Джудит в четыре часа.

Они сидели в гостиной и вспоминали минувший вечер, когда слышались тяжелые стуки в парадную дверь.

– Кого там еще принесло, – проворчал Малкин Грей, делая глоток из фарфоровой кружки.

– Может быть, это твой приятель пришел тебя навестить после вчерашнего вечера, – слышался тонкий голосок Джудит.

– Было бы любезно с его стороны. Готов поклясться чем угодно, мы выпили вчера семь бутылок вина, но этот человек оставался трезвым как стеклышко.

– Да хватит тебе, тоже мне скажешь. Это тебе с пьяного глазу показалось.

– Ничего мне не показалось. Истинно тебе говорю, этот человек не способен пьянеть. Да перестань ты махать головой, – пробурчал Малкин Грей. – Сейчас сама у него спросишь.

– Трэйтор, это вы, дорогой? – крикнул Малкин Грей, когда услышал тяжелые приближающиеся шаги в коридоре.

Но вместо приятеля на пороге появилось несколько человек в серебристых доспехах. Малкин Грей отлично знал эту форму, как и того, кто возглавлял этих людей.

– Марфус? – удивился он. – Чем обязан столь внезапному визиту?

– Мне надлежит произвести в вашем доме обыск, – слышался хриловатый бас. – В зависимости от результатов, я буду должен либо арестовать вас, либо нет.

Малкин Грей так и подавился чаем; из груди Джудит вырвался крик, а из рук выпала кружка и разбилась вдребезги.

– Обыск? – Малкин Грей попытался подняться с места, но ноги его не послушались и поэтому он плюхнулся назад на диван.

– Да, обыск, – хладнокровно ответил Марфус и принялся раздавать подчиненным указания. Тотчас слышался топот сапог по всему дому, словно по нему бродило стадо слонов.

– В чем обвиняют моего мужа? – спросила Джудит, когда к ней вернулось самообладание.

– Возможно, ваш супруг прячет у себя кое-какие вещи, очень важные для короля и государства.

– Это какое-то недоразумение. Ничего я у себя не прячу. Вы ошиблись и зря теряете время.

– Оставайтесь, пожалуйста, на месте, – остановил Марфус Малкина Грея, когда тот поднялся и хотел выйти из гостиной.

– Ваши люди разнесут мне весь дом, – возмущенно ответил Малкин Грей.

И в самом деле, обыск был в разгаре. Об этом свидетельствовали звуки падающих вещей с грохотом бьющихся о пол. Казалось, что в дом ворвалась куча дикарей и принялась его с остервенением разорять. Малкину Грею, как бы ему не хотелось, пришлось подчиниться, и он снова сел на диван.

– С чего вы взяли, что мой муж может что-то прятать? – спросила Джудит с видом дамы полного достоинства.

– Я не могу дать никакого ответа на этот вопрос, – хладнокровно отвечал Марфус. – Я всего лишь выполняю приказ короля.

– Вот значит, как он благодарит тебя за долгие годы преданной службы, – сказала Джудит, повернувшись к мужу. – Разгромленным домом и ложными обвинениями.

– Джудит, милая, я прошу тебя успокоиться. Уверен, что это какое-то недоразумение, только и всего. Думаю, скоро все разъяснится и эти почтенные люди нас покинут.

– Только к тому моменту они разнесут нам весь дом, – сказала Джудит презренным тоном.

– Эти люди ни в чем не виноваты. Они всего лишь выполняют приказ. Надо к этому относиться с пониманием.

Тут один из солдат подошел к Марфусу, стоявшему все это время в дверях гостиной, и протянул ему какой-то сверток вместе с предметом, который Малкин Грей не смог рассмотреть. Марфус взял сначала сверток, осмотрел его с двух сторон, потом беглым взглядом изучил предмет, который, как показалось Джудит, был похож на печать, и, ухмыльнувшись, что-то шепнул солдату, и тот мигом убежал. После этого снова послышались шаги, приближающиеся к гостиной. А затем все резко стихло. Обыск закончился. Казалось, Малкин Грей вместе с Джудит могут спокойно вздохнуть. Однако, лукавый взгляд Марфуса, которым он смотрел на обоих супругов, поправляя свои густые усы, явно не сулил ничего хорошего.

– Малкин Грей, именем короля Фильнии, вы арестованы. Вас немедленно проводят в Турлинскую тюрьму, где вы будете ожидать справедливого суда, – объявил Марфус.

Малкин Грей, несчастный Малкин Грей, который, как ему казалось, в жизни мухи не обидел, арестован! Да как такое вообще возможно?! Наверное, он просто не проснулся и это всего лишь кошмар или, должно быть, действие вина еще не закончилось и у него галлюцинации. Но если это все неправда, то почему к нему подходят два человека и надевают ему тяжелые холодные наручники? Почему Джудит, не веря во все происходящее, пытается им помешать, но ее оттаскивает в сторону Марфуса? Почему же ноги его не слушаются, и он бессильно падает на диван, находясь в каком-то непонятном оцепенении? Силы его покинули, и он даже не может спросить, что такого он натворил. Но, неожиданно Джудит приходит к нему на выручку и сама задает этот вопрос:

– За что вы арестовываете моего мужа?! Что вы там такого нашли?! – почти крикнула она в истерике, пытаясь высвободиться из рук Марфуса.

– Если вы успокоитесь, то я обещаю ответить на все ваши вопросы. Однако если вы и дальше будете мешать моим людям, выполнять обязанности, то вы не только ничего не узнаете, но обещаю вам, что вас сейчас же запрут в любой из комнат в вашем доме.

Это угроза подействовала, и Джудит, собрав всю волю в кулак, прекратила вырываться. Марфус, убедившись, что она действительно успокоилась, выпустил ее хрупкое тело из своих мощных ручищ.

– Ваш муж обвиняется в государственной измене, так как в вашей спальне было обнаружено королевское письмо, которое, по все видимости, ваш муж украл. Кроме того, мои люди так же обнаружили королевскую печать, которая попала к вашему супругу совершенно непонятным образом.

– Он же член совета, вполне естественно, что у него могут храниться какие-то бумаги скрепленные королевской печатью.

– Очень справедливое замечание, но это письмо, никак не могло попасть к вашему супругу, если он его не перехватил.

– Это же какой-то абсурд! – вскрикнула Джудит, но ее больше никто не слушал. Двое людей, надев на Малкина Грея наручники, вывели его во двор, посадили в предназначенную для арестантов карету с дверями, закрывающимися на большой замок и с решетками в окнах.

Когда все стихло, Джудит почувствовала такую пустоту и такое горе, что она бессильно упала на пол и принялась горько и судорожно

рыдать. Она не могла поверить во все происходящее. Вот еще совсем недавно они пили чай, и ничего не предвещало беды. А сейчас, ее бедный несчастный муж, которого она любила всем сердцем, едет в тюрьму. Да еще по такому страшному обвинению! И она принялась рыдать еще сильнее. Все горе, вся боль, которую она испытывала, выходила вместе с горькими слезами. В этот миг, ей казалось, что она самый несчастный человек на свете. Внезапно, ей почему-то захотелось подняться и вырваться из этого дома. Эти стены, этот бардак, который учинили солдаты стали ей невыносимы. Они стали сдавливать ее в своих огромных, мерзких ручищах. Ей казалось, что еще немного, и она задохнется в этом месте. Но только она хотела подняться, как внезапно в ее глазах потемнело, и она упала без сознания.

Милат гулял по парку, вдыхая морозный зимний воздух, наполняя им легкие, пытаясь отвлечься от дурных мыслей, которые никак не покидали его в последнее время с тех пор, как Трэйтор сообщил о предательстве Малкина Грея. Если это подтвердится, то страшно представить, чем это может обернуться. Пока нет никаких вестей, которые могли бы хоть как-то развеять неведение насчет города Керсабора. Пал ли он или братнищцы до него еще не добрались? Если бы добрались, то наверняка об этом было бы уже известно. Плохие вести разлетаются молниеносно. А может быть, Трэйтор что-то напутал? Мало ли, что ему говорил Малкин Грей, когда они праздновали. А тот спьяну ничего не понял. Но, каким образом тогда Трэйтор мог узнать такие подробности? Откуда ему стало известно, что Милат хотел направить армию защищать Керсабор? Ответы на все эти вопросы должен был принести Марфус. И Милат очень хотел, чтобы все это оказалось неправдой. Но его внутренний голос подсказывал, что Марфус вернется с плохими новостями.

Прогулка, которая зачастую поднимала настроение и делала мысли чище, на сей раз не оказала должного эффекта, поэтому король в скором времени вернулся во дворец.

– Рассказывай, как все прошло? – обратился Милат к Марфусу, когда тот вернулся поздним вечером.

– Мои люди перевернули весь дом, и нашли это, – он достал из-за пазухи письмо, печать и протянул королю.

Милат сразу же узнал свой почерк, когда перечитывал послание, которое так и не дошло до адресата. Гнев моментально, словно яд, разлился по всему нутру. Челюсть затряслась и, поначалу, он не мог выдать из себя ни единого слова. Валмер, стоявший все это время возле короля, попросил разрешения взглянуть на письмо. Ответом послужила рука, сжимавшая лист бумаги, протянутая в сторону просившего. Бегло прочитав содержимое, Валмер так и ахнул и даже схватился за сердце.

– Выходит все, что сказал Трэйтор правда, – констатировал он.

– К сожалению, да, – ответил Милат. – Мерзкий предатель перехватил письмо, и моя армия заняла совсем не тот город, уйдя от Керсабора так далеко, что теперь братницам без труда удастся его захватить.

– Какой ужас! – вскрикнул Валмер.

– Ужасней не придумать, – с этими словами Милат встал, подошел к столу, и склонился над картой, которую за последний день он пересматривал не менее десятка раз.

– Вагрел в Батсонии, братницы, скорее всего, уже в Керсаборе, – король, заправив темные вьющиеся волосы за ухо, водил указательным пальцем по карте, показывая называемые им города. – Следующим на их пути будет Палбридж, а от этого города рукой подать до Ландрсмита. Скорее всего, основная армия не успеет подойти на подмогу.

– Надо предупредить Вагрела, чтобы он развернул армию на Палбридж. Вполне возможно он успеет до захвата города.

– Надо, но полагаться только на Вагрела, в такой ситуации не стоит. Необходимо собрать резервы в самый короткий срок. Полагаю, тысяч двадцать запросто наберется.

– Да, ваше величество, – ответил Валмер. – Однако на это потребуется некоторое время. Необходимо учитывать, что Вагрел

собрал всех воинов из близлежащих городов. За три дня с такой задачей вряд ли удастся справиться.

– Я знаю, что на это нужно время. Значит, придется собирать войско как можно скорее. В самые сжатые сроки. Страна в опасности. Да, и еще, было бы неплохо привлечь магов. Фильния и их страна. Уверен, что с их помощью нам удастся разбить неприятеля.

– Ваше величество, вы же знаете, что колдуны не лезут в дела людей. Заставить их сражаться против армии обычных воинов невозможно. Тем более, что Лестер – посредник между магами и дворцом, сейчас находится неизвестно где. Будет трудно установить с ними контакт и тем более заставить сражаться с простыми людьми. Вы же знаете их неписанный закон – никогда не колдовать против тех, кто обделен колдовскими способностями. Только темные маги на такое способны.

– Все равно необходимо привлечь магов. Лестера нет, но есть Юлий – маг, который служил при дворе еще во время правления моего отца. Он по-прежнему верен короне, хоть и ушел на покой. Уверен, он согласится выступить посредником между мной и магами. И если они откажутся, то я выгоню всех колдунов из Фильнии.

– Ваше величество, угрозы могут их не напугать. Маги довольно принципиальны в своих правилах.

– Валмер, как мой главный помощник, ты немедленно разошлешь во все города наместникам послания, с требованием как можно скорее предоставить воинов. Страна находится в опасности и каждый сейчас обязан приложить все усилия для того, чтобы ее защитить. А так же ты сегодня же сообщишь Юлию о том, что мне необходима его помощь. Уверен, он быстро откликнется. Это все, Валмер. Ступай.

– А как быть с Трэйтором? – спросил Валмер.

– Про него я чуть не забыл. Передайте ему, что я желаю его видеть завтра. Награда должна встретить своего героя.

– Слушаюсь, – с этими словами Валмер вышел из кабинета.

– Скажите Марфус, Малкин Грей что-нибудь говорил во время ареста?

– Дома, когда мы пришли к нему с обыском, он говорил то же, что и все говорят в подобной ситуации.

– Ну конечно, он понятия не имеет, зачем и почему к нему пришли, – сказал Милат, усаживаясь в свое кресло.

Гуно поднял голову и подставил хозяину, чтобы тот почесал ему ухо.

– Именно так, ваше величество. Потом, когда мы нашли ваше письмо, он молчал вплоть до тех пор, пока его не отвели в камеру.

– Постарайтесь добиться от него признания, каким образом он заполучил мое письмо, – приказал король Марфусу.

Тот поклонился и вышел.

Оставшись один, Милат принялся нервно расхаживать в кабинете. Он был в не себя от злости. Внутри бурлил котел. Однако сейчас монарх размышлял вовсе не о Малкине Грее. Необходимо срочно оповестить Вагрела и немедленно повернуть армию к Палбриджу. Но кого послать к нему? Лучше всего доверить такое ответственное задание верному человеку, в чьей преданности у Милата не было никаких сомнений. «Может послать Валмера?» – думал король. Этого человека он знает всю свою жизнь. Валмер был главным помощником монарха еще во время правления отца Милата. С другой стороны отсылать его из дворца королю не хотелось. За эти годы Валмер стал для него чуть ли не правой рукой, без которой монарху не хотелось оставаться.

Раздался стук в дверь, вырвавший Милата из размышлений. Король приказал войти.

– Ваше величество, – обратился к монарху Валмер. – Молодой человек по имени Алан, вернулся по вашему приказу и просит принять его.

– Какой еще Алан? Ах, Алан, тот, что из Пирс? – спросил Милат.

– Да.

– Пусть заходит, – приказал король.

В кабинет вошел высокий красивый смуглый мужчина. Длинные, черные как смоль волосы, собраны в хвост на затылке; карие глаза преданно смотрят на Милата.

– Я рад вас видеть, почтенный воин, – король подошел к гостю и протянул ему руку в знак приветствия.

Алан, смущенный таким приемом тут же залился краской. После небольшой заминки он протянул мозолистую руку Милату.

– Ну что, Алан, – Милат похлопал гостя по плечу, – как ваши раны, зажили?

– Да, ваше величество, и я готов служить вам, как и прежде, – ответил Алан с благородным порывом.

– Вы готовы к службе, и, признаюсь вам, вы явились ко мне вовремя, – начал Милат. – Случилась ужасная трагедия, последствия которой, могут привести к печальному исходу войны. Вы мне показались человеком, которому можно довериться. Дело в том, что армия должна была занять Керсабор, но в ходе происков заговорщика и предателя, верные мне войска заняли Батсонию. Теперь братнийцы могут с легкостью захватить Керсабор, поскольку этот город практически некому оборонять. Я хочу, чтобы вы передали Вагрелу следующие слова: гонцу, который передал ему мое послание, подменили письмо, из-за чего братнийцы вот-вот займут Керсабор, если уже не заняли. Поэтому Вагрел должен вести армию как можно быстрее к Палбриджу. Там мы должны остановить братнийцев. Вы все запомнили?

– Да ваше величество. Слово в слово.

– Что ж, в таком случае немедленно скачите к Вагрелу и все ему расскажите. Чтобы убедить его в правдивости ваших слов, передайте ему это, – Милат снял с безымянного пальца золотую печатку, сделанную в виде льва, и передал Алану. – И, напоследок, еще кое-что; я вижу – вы готовы и дальше верно служить стране, поэтому передайте Вагрелу, что я назначаю вас его помощником.

– Для меня это огромная честь, ваше величество, – ответил Алан.

– Теперь ступайте и скачите в Батсонию как можно скорее.

Алан вышел из кабинета короля и менее чем через час покинул Ландрсмит.

На следующее утро Трэйтор явился во дворец. Его сразу же проводили в столовую, где Милат заканчивал завтрак, так как король велел пропустить к нему гостя в любое время, в какое бы тот не явился.

– Я очень рад вас видеть Трэйтор, – Милат поднялся из-за стола и крепко пожал руку гостю, как только тот вошел в столовую. – К сожалению, сведения, которые вы мне сообщили, подтвердились.

После этих слов лицо Трэйтора вытянулось в овал.

– Присаживайтесь, – пригласил Милат, отодвигая стул, обитый розовой парчой. Трэйтор сел, словно послушный ученик. – Вы

голодны? Я сейчас же распоряжусь, чтобы принесли еще один прибор.

– Нет-нет, ваше величество. Я не голоден. Даже если бы мне и хотелось есть, я бы не смог проглотить ни единого куска после того, что вы мне сейчас сообщили.

– Я вас понимаю. Хотя мне не совсем понятно, как Малкин Грей мог пойти на такое. Подобный поступок не свойственен его характеру.

– Признаюсь, я до последнего момента надеялся, что все это окажется неправдой. Я думал, Малкин Грей просто неудачно пошутил.

– И, тем не менее, вы пришли ко мне и все рассказали.

– Я поступил так, как мне велела моя совесть. Я не мог не прийти к вам, услышав такое. Да, мне было трудно в это верить, тем более, Малкин Грей всегда казался таким тихим и преданным. И все же, я, как ваш преданный слуга, был обязан сообщить вам, подобные новости. И мне безумно жаль, что все это оказалось правдой.

– Вы правильно сделали, что пришли ко мне и все рассказали. Однако признаюсь вам, я был удивлен вашему визиту.

– Почему же? – с напускным удивлением спросил Трэйтор.

– Дело в том, что я не верю в Верховный совет Фильнии, членом которого вы тоже являетесь. Я всегда был уверен – да и сейчас тоже – что в него входят проходимцы и властолюбцы, и толку от них нет никакого. Я хочу его распустить. Точнее, хотел. Теперь я вижу, что ошибался. Все-таки есть в совете и порядочные люди. Может, не стоит его распускать? А как вы думаете? Вы ведь тоже член совета.

Милат испытующе посмотрел на собеседника.

– Да, ваше величество, я являюсь членом совета. Но, в первую очередь, я верный подданный вашей короны. Именно поэтому считаю, что вы просто обязаны распустить совет. Ведь Малкин Грей тоже член совета.

– Он был членом совета, – поправил Милат Трэйтора.

– Прошу прощения, Малкин Грей был членом совета. И, уверяю вас, ваше величество, таких как он много в совете. Вы правильно высказались на их счет, все они проходимцы, властолюбцы и, в конце концов, просто алчные люди. Поэтому вы должны избавить страну от них раз и навсегда.

– И вы готовы пойти на такую жертву? – лицо короля вытянулось от изумления.

– Да, ваше величество, готов. Признаюсь вам честно, мне никогда не нравился совет, и я бы сам давно вышел из его состава. Но мне не позволяла совесть. Я считал, что это мой долг, служить стране и короне. Но раз вы сами задумали распустить совет, позвольте дерзнуть и сказать вам – распустите его. Нет от него никакого проку.

– Вы меня удивляете, Трэйтор, – Милат откинулся на спинку стула. – Я ожидал, что вы станете защищать совет, в который входите уже много лет. А тут выходит, наоборот. Вы сами же пытаетесь убедить меня, чтоб я его распустил. Скажите, а вам не жалко Малкина Грея? Вы ведь прекрасно знаете, что его ждет за подобное деяние. Неужели вас нисколько не смущает, что из-за вашего доноса, его отправят на эшафот?

– Нет, ваше величество. Мне жалко только то, что Малкин Грей опустил до предательства. А то, что он отправится на эшафот, есть свидетельство того, что справедливость в этом мире существует. С предателями только так и должно поступать.

– Ну что ж, в таком случае осталось уладить еще кое-что. За вашу преданность я готов наградить вас, как угодно. Можете просить у меня все, что вам вздумается. Я готов исполнить любое ваше желание.

– Простите ваше величество, но даже сама мысль о том, что я получу какую-то награду за то, что выполнил свой долг, оскорбительна для меня. Мне ни в коем случае от вас ничего не надо, – при этом Трэйтор соорудил гримасу оскорбленного до глубины души человека.

Милат снова посмотрел на него испытующе, а затем его лицо расплылось в добродушной улыбке.

– В таком случае можете рассчитывать на мою дружбу. Обещаю, вам воздастся за все ваши благодеяния, которые вы совершили. А пока можете идти, но не сомневайтесь, что скоро я вас вновь к себе позову.

– Для меня это будет честь, – ответил Трэйтор, поднимаясь с места.

Он поклонился и вышел.

Вечером, когда сумерки опустились на город, грозя вот-вот уступить место ночи, у Трэйтора собрались все члены совета. На этот раз им не подавали ужина, только вино, да и то в умеренных количествах. Сидели в гостиной и говорили обо всем подряд в ожидании приезда Алфорда, поскольку тот опаздывал, а начинать разговор без него Трэйтор не хотел. Уж очень важными были новости, которые он собирался сообщить. Именно по этой причине он хотел рассказать он

них лично, чтобы все присутствующие услышали их именно от него. Это, по мнению Трэйтора, играло ключевую роль. Почему? На этот вопрос он и сам не мог ответить, просто так подсказывал внутренний голос. А Трэйтор не любил его игнорировать. Но вот послышались звуки подъезжающего экипажа, и через несколько минут дворецкий провожал опоздавшего гостя в гостиную.

– Прошу простить меня за опоздание, – сказал Алфорд с порога. – Моя супруга заболела, пришлось задержаться.

– Какая досада, достопочтенный Алфорд, – Трэйтор подбежал к старику, чтобы пожать тому руку. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Ерунда, обычная простуда. Доктор сказал, что через пару-тройку дней все пройдет. – Алфорд пожал каждому из присутствующих руку, а затем Трэйтор, как и подобает гостеприимным хозяевам, усадил гостя в роскошное мягкое кресло, приказав слуге подать старику вина.

– Вы, наверное, совсем меня заждались? Полагаю, не один раз проклинали старика, – тут Алфорд рассмеялся, обнажив рот, в котором почти не осталось зубов.

– Ни в коем, случае, дорогой Алфорд, – улыбнулся Дарбек Соул. – Мы все хорошо провели время в приятном ожидании. Я уверен, для каждого из присутствующих время пролетело незаметно. Мы весело болтали и потягивали замечательное многолетнее вино.

– Дарбек, что-то мне подсказывает, что вы лукавите, – усмехнулся Алфорд. – Ну, оставим это. Уверен, что все вы порядком засиделись, поэтому Трэйтор, если хочешь, можешь объявить, зачем ты всех нас собрал.

Лицо Трэйтора стало вдруг серьезным, словно кто-то резко сорвал улыбку с его лица. Он поставил на стол, который находился прямо в центре гостиной, кубок с вином и, прочистив горло, заговорил:

– Дорогие друзья, лишь чувство долга и осознание высочайшей несправедливости, которая стала твориться в этом городе, а так же опасение за нашу страну, заставили меня позвать вас всех к себе. Страшные дела стали твориться во дворце. Ох, мне тяжело об этом говорить. Какое ужасное время, какой кошмар, думаю, нашим потомкам придется жить совсем в иной стране, если, конечно, враги ее не захватят. Можем ли мы допустить это? – обратился он ко всем присутствующим.

Однако гости, ничего из сказанного толком понять не могли. О каких таких страшных вещах толкует Трэйтор? Что он имеет в виду? Ничего толком было не ясно из его речи.

– Может, ты объяснишь, в чем дело? – прохрипел Валлаход.

– А вы разве еще не в курсе? – с напускным удивлением спросил Трэйтор.

– В курсе чего? – раздраженно спросил Брендон.

– Ах, ну конечно, вы еще ничего не знаете, – спохватился Трэйтор. – Братнийцы захватили город Керсабор.

После этих слов присутствующие удивленно переглянулись, а затем вновь устремили взгляды на Трэйтора, в ожидании продолжения рассказа, но тот медлил.

– Как это захватили? – не выдержал Алфорд.

– Вот так. Целиком и полностью, и сейчас братнийская армия продолжает свое движение вглубь страны.

– Откуда тебе это известно? – спросил Делрой, напоминая мешок, развалившийся в кресле.

– У меня есть свои источники, о которых я бы хотел умолчать, иначе меня перестанут информировать. Но поверьте мне на слово, это очень надежный источник.

– Сообщил ли твой источник какие-нибудь подробности? – спросил Алфорд.

– Особо никаких. Единственное, что мне известно, так это то, что армия так и не пришла на выручку в Керсабор. Вместо этого, Вагрел повел войска в Батсонию.

Ответом на эти слова был ропот и перешептывания среди изумленных гостей. Для всех новость о падении Керсабора была чем-то нереальным. Всем было известно, насколько это большой и важный город. Поэтому тот факт, что армия его не обороняла, приводил всех в изумление.

– Как такое могло получиться? Почему Вагрел повел армию совсем в другую сторону? – спросил Эмиас с тревожным видом. Казалось, что весть о падении Керсабора взволновала его больше всех. – Неужели он предал короля и повел армию специально в другой город?

– Ни в коем случае, дорогой Эмиас, – отвечал Трэйтор. – Вагрел тут вовсе не причем. Он всего лишь выполнял данное ему распоряжение.

– Неужели, ты хочешь сказать, что король лично сам дал приказ вести армию в Батсонию, оставив на растерзание Керсабор? – с вызовом спросил Алфорд.

Он даже мысли не мог допустить, что Милат мог так ошибиться.

– Именно это я и говорю, Алфорд. Лишь король повинен в падении Керсабора.

– Остерегись подобных высказываний, Трэйтор, – прошипел Алфорд. – Почему ты в этом так уверен?

– Это мне сообщил мой источник...

– Твой источник? – перебил Трэйтора Алфорд. – А почему мы должны верить твоему источнику? Лично я его ни разу в глаза не видел. Думаю, остальные тоже.

– К сожалению, есть неопровержимое доказательство моих слов.

– И какое же это доказательство? Предъяви его нам, – потребовал Алфорд.

– А почему мы не должны верить Трэйтору? – вмешался в разговор Валлаход. – Разве он когда-нибудь нас обманывал? И почему это ты, Алфорд, так заступаешься за Милата? Думаешь, он стал лучше управлять страной, отстранив нас от всех дел?

– Дорогой, Валлаход, нам ни к чему споры, – сказал Трэйтор невозмутимым тоном. – Друзья, к сожалению, это еще не все новости, которые я хотел вам сообщить.

Наступила небольшая пауза. Трэйтор стоял с таким видом, словно он пытался подобрать нужные слова. А между тем обстановка в гостиной накалилась до предела и напоминала пороховую бочку. Казалось, чиркни спичкой, и тут же прогремит взрыв.

– Милат, желая оправдать свое намерение распустить совет и свалить с себя всю вину за падение Керсабора, решил во всем обвинить Малкина Грея. Мол, это он подменил послание гонцу, в котором Вагрелу приказывалось вести армию на Керсабор.

Снова изумленные недоумевающие взгляды окружили Трэйтора.

– Это какой-то бред. Такое просто невозможно даже представить. Я не верю, что Милат мог во всем обвинить кого-то из нас, – недоумевал Алфорд. – Откуда тебе известно на счет Малкина Грея?

– Вчера Малкин Грей был арестован, – эти слова прогремели, словно гром среди ясного неба. Казалось, они произвели самое сильное впечатление на присутствующих. Все вдруг оживились, заговорили,

точно кто-то пропустил разряд через гостиную. Валлаход вдруг не выдержал и вскочил с места со словами: «это измена и тирания». Алфорд сидел сраженный последними словами Трэйтора. Он был единственным, кто молчал в этой гостиной, о чем-то размышляя. «Это не допустимо» – крикнул Делрой, «и кто теперь будет следующим?» послышался возмущенный голос Брендона.

– А я говорил, что этот молокосос ни на что не способен, – прошипел Валлаход. – Завел войска не туда, а сваливает все на совет. Уверяю вас, дорогие мои, это все сделано специально и только с одной целью – заговор! По-другому я сказать не могу. Это заговор против всех нас. Больше в этом нет никаких сомнений. Милат решил пойти по самому гнусному и подлому пути. И как теперь нам с вами жить? Теперь каждый из нас будет находиться в страхе. Где гарантии, что завтра или послезавтра не придут за мной, или за ним (он ткнул пальцем в Брендона, который сидел рядом с ним) или еще за кем-нибудь из нас? И ты, Алфорд, по-прежнему собираешься защищать этого тирана? – обратился он к старику. Тот сидел с угрюмым видом и не знал, что ему ответить. – Скажи мне, сколько еще тебе нужно доказательств, чтобы ты наконец-то понял, кто такой Милат? – его слова звучали резко, каждое, как удар в барабан.

– Я не думал, что все настолько серьезно, – тихо проговорил Алфорд.

– Не думал? – зло усмехнулся Валлаход. – Так ты же и не хотел думать. Ты не желал видеть то, что видели все остальные. В особенности мы с Трэйтором. А ведь он предполагал, что без совета Милат не сможет править, и станет заводить страну в тупик.

– Тише, Валлаход, – остановил того Алфорд. Его голос звучал более твердо. – Я поддерживал короля только из-за того, что идет война. Но раз Милат не способен ее вести сам, и, что еще хуже, решил переложить всю ответственность на нас за свои неправильные решения, и таким образом расправиться с советом, я больше не намерен его поддерживать. Я выбираю совет.

Валлаход ничего не ответил, лишь посмотрел на Алфорда самодовольным взглядом, точно он одержал над ним победу.

– Что же нам делать? – спросил озабочено Делрой. – Так нас и в самом деле всех арестуют под любым предлогом.

– А разве мы не должны в первую очередь попытаться помочь Малкину Грею? – спросил Дарбек Соул.

– Малкину Грею мы уже ничем не поможем, – отозвался Валлаход. – Вряд ли нам удастся вырвать его из тюрьмы. Даже если мы и попытаемся, может стать только хуже. Милат может воспользоваться этим и арестовать всех нас.

– Нас-то за что? – удивился Эмиас.

– Эмиас, ты словно малое дитя, – ответил Валлаход. – Если мы заступаемся за Малкина Грея, значит мы с ним заодно. Следовательно, нас тоже можно арестовать. Нам надо позаботиться о совете, – обратился он ко всем присутствующим. – Нельзя допустить, чтобы Милат пустил его под нож.

– Да, теперь у него отличный повод для того чтобы расправиться с нами, – заметил Трэйтор.

– Что же нам делать? – спросил Делрой.

– Нанести удар первыми, – сказал Эмиас.

– Это невозможно, – отвечал Валлаход. – Наше влияние во дворе ослабло, а поднимать бунт бессмысленно. Не думал, что я это скажу, но я согласен с Алфордом. В такое тяжелое время нас вряд ли поддержит народ.

Споры длились еще очень долго, но, ни к какому решению члены совета не смогли прийти. Каждый пытался тянуть лямку на себя, уверяя, что сможет все исправить. Однако ни один из присутствующих не поддержал ни одной кандидатуры. Разъехались по домам, когда на улице уже была глубокая ночь. Проводив последнего гостя, Трэйтор стоял на крыльце и любовался чистым ночным небом, усыпанным миллиардами звезд, напоминавшим волшебное покрывало, окутавшее мирно спящий город. Повсюду царил тишина и спокойствие. Ни единого звука не доносилось, словно все вымерло. Трэйтор вдохнул поглубже зимнего морозного воздуха, наполнив им легкие до отказа, и, выдохнув, вошел в дом. У него было прекрасное настроение.

На следующий день Милата известили о падении Керсабора.

Глава 19

Кони пробирались сквозь лесную чащу, выпуская из ноздрей клубы пара. Снега выпало по щиколотку, так что двигаться было нетрудно. День катился к вечеру. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в кроваво-красные тона. Днем был легкий приятный морозец, но по мере приближения вечера, становилось холоднее, и мороз все сильнее покусывал мочки ушей и носы. Войско шло огромной вереницей, оставляя позади себя вытоптаные лесные чащи и следы от прогоревших костров.

Всадник в черном шерстяном плаще пустил скакуна легким галопом в начало колонны, которую возглавлял Бренер на белом коне.

– Ваше величество, я думаю пора останавливаться на ночлег, – заговорил он, поравнявшись с королём.

– О, вот как, – отозвался Бренер.

– Пора разбить лагерь, пока солнце совсем не скрылось. Да и воины порядком устали.

– Да, еще бы им не устать. Полторы недели в пути, и никаких серьезных столкновений с противником. Они не только устали, но и заскучали. Признаюсь, я тоже.

– Так что прикажете?

– Что ж, Кеслер, пора бы отдохнуть. Я и сам уже устал от этой верховой езды. На сегодня достаточно. Разбиваем лагерь.

– Слушаюсь, ваше величество.

Кеслер развернул коня, подъехал к одному из всадников, что ехал неподалеку от короля и передал распоряжения. Тотчас же по цепочке послышались команды, и войско остановилось.

Солдаты, расходясь в стороны от протоптанной ими же дороги, принялись разбивать лагерь. Уставшие и измотанные за целый день пути, они с огромным удовольствием кинулись рубить дрова, ставить палатки и разводить костры. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и сотни огоньков, словно гирлянда, озарили большой военный лагерь. Солдаты сидели возле жаркого костра и с огромным аппетитом уплетали ужин, болтая и отпуская различные шутки.

Король Бренер прав – солдаты заскучали. С тех пор, как пала крепость Пирс, не было ни одного столкновения с неприятелем. Поначалу всех это удивляло: как же так, неужели им дают вот так запросто продвигаться вглубь страны? Потом это стало забавлять. Все считали, что фильнийцы попросту трусили оттого, что их «неприступная крепость», о которой когда-то слагали легенды, вдруг пала под натиском братнийцев. Но в последние дни всех накрыла скука. И даже любой завязавшийся бой был бы бальзамом на душу, но как назло на пути попадались лишь деревни, брошенные местными, которые в спешке покидали дома, унося ноги от наступающего врага.

Все мало-помалу уставали от нескончаемой дороги. Часто их путь пролегал не по хорошей грунтовой дороге, а через поля и леса, через реки, покрытые слабой коркой льда, не выдерживающей человеческого веса. И тогда эти реки приходилось переходить вброд. Люди быстро вымотались, и лишь предстоящая битва под Керсабором вдохновляла их да заставляла терпеть все тяготы непростого пути.

Бренер сидел в своем шатре. Он только что окончил ужин и развалился на мягкой перине с кубком вина, которое он отпивал мелкими глотками, наслаждаясь приятным теплом, исходящим от потрескивающего огня. Светлые волосы были взъерошены и отливали белизной в свете ярко-горящих свечей. Король, хоть и не нес тяжкого бремени войны, как его солдаты, однако, дни бесконечной дороги утомили и его. Ему хотелось уже как можно скорее добраться до Керсабора и взять, наконец, этот город, к которому, как ему казалось, он так долго шел. Вот тогда-то Милат поймет, что за народ, эти братнийцы. Если падение Пирс было уколом булавки, то падение Керсабора должно быть ударом кувалдой по голове, от которого невозможно оправиться. Бренер уже грезил о том, как Милат приползет к нему с позорным предложением о перемирии. Мысль о том, что братнийская армия так еще и не встретилась с армией неприятеля, его не посещала, равно как и то, какие из этого могли бы выйти последствия. А ведь фильнийская армия считалась сильнее братнийской. Вот только Бренер об этом совсем позабыл. Он был уверен, что с таинственным помощником в зеркале ему нечего бояться. Победа обязательно будет у него в руках.

В шатер вошел Кеслер, слегка поклонился и произнёс:

– Вернулись передовые отряды, ваше величество.

– И что они говорят? – спросил Бренер, не отрывая взгляда от кубка с вином, который он все это время разглядывал, вертя в руках, словно пытался найти в нем что-то новое.

– До города примерно полтора дня пути. Если поторопиться, то можно уложиться за день. Но я бы торопиться не стал, дабы сохранить силы воинов перед предстоящей осадой.

– А что армия противника?

– К моему удивлению фильнийской армии в районе Керсабора нет.

– Видимо, король Милат решил не защищать город. Возможно, он считает, что Керсабор способен пережить осаду без его помощи.

– Не знаю, что думает король Милат, но я считаю, что это его самый сильный промах. И, признаюсь, мне как-то даже не по себе от этого.

– Отчего же? Разве мы не должны воспользоваться оплошностью противника?

– Так оно и есть, ваше величество. Только совсем не понятно, где же в таком случае армия Милата. Неужели он дожидается, пока ваше войско захватит половину его страны?

– Кто знает, о чем думает Милат. Возможно, он просто плохой стратег и военачальник. Да это, в сущности, и не важно. Главное, какие выгоды мы можем из этого извлечь, верно?

– Так точно.

– Это все новости?

– Да.

– Что ж, Кеслер, тогда ступайте, отдохните, как следует, перед предстоящей дорогой.

Кеслер поклонился и вышел из шатра. Бренер допил вино, продолжая грезить о том, как встретит его народ на родине. Какие легенды начнут слагать о нем. О том, как он покориł половину страны, не встречая никакого серьезного сопротивления. И тут, словно давно позабытая травма, которая напоминает о себе в самый неподходящий момент – в памяти всплыл образ незнакомца из зеркала, который ему помогал, и которому, на самом деле, он был обязан всеми этими победами. Ведь если бы не он, ни за что на свете Бренер не напал бы на Фильнию. Его предки много раз воевали с этой страной, и всегда проигрывали, за исключением всего нескольких случаев, которые можно было пересчитать по пальцам одной руки. И каждая война отбирал кусок территории его страны. В конечном счете, Фильния

обрела могущество, а Братния была обглодана и опозорена. После последнего поражения, которое потерпел его отец, братнийцы больше не хотели никакой войны с соседом. Однако затаенные обиды по-прежнему вызревали, словно нарыв, в сердцах его подданных. И теперь, он, король Бренер, такой молодой – ведь ему всего двадцать семь лет – смог захватить крепость Пирс и собирается взять один из крупнейших городов Фильнии – Керсабор. Еще месяц назад он ни за что не поверил бы в это.

И тут он вспомнил об одном сокровище. Про него ему еще в детстве рассказывали легенды окутанные мраком. Книга. И как же он про нее мог забыть? Ведь у фильнийцев хранится та самая книга, открыв которую можно обрести небывалое могущество. Да-да, так и есть, только вот от нее нет никакого толка без камней, которые так надежно спрятаны, что никто их не может найти. Надо бы потом, когда его армия одержит победу, попросить Милата показать ему эту книгу. А, возможно, потребовать, чтобы она была передана его народу для хранения. Так фильнийский король еще больше будет унижен. Да, мысленно король Бренер был уже победителем, что и говорить. Он не думал, что таинственный мужчина в зеркале так и не назвал причин, по которым ему помогает. Бренеру и в голову не приходило, что внезапный и странный помощник, может неожиданно исчезнуть так же, как и появился.

На следующий день, рано утром, принялись сворачивать лагерь. Тушили костры, на которых еще недавно готовился завтрак, собирали палатки, запрягали лошадей; сотни солдат сновали туда-сюда, напоминая муравьев, пробужденных от зимней спячки.

И снова выстроившись в колонны, напоминая громадную черную змею, братнийская армия пустилась в путь. К полудню вышли на дорогу, и идти стало легче и веселее. Настроение у солдат, да и у их командиров тоже, поднялось, ибо дорога вела напрямик к Керсабору – наконец-то можно будет размять косточки в предстоящей битве.

По мере приближения к городу все чаще попадались опустевшие деревни. Люди уносили ноги, наспех собирая скарб и уводя скотину, чтобы врагу ничего не досталось. Некоторые сжигали дома, и тогда перед братнийцами представляли еще дымящиеся пепелища.

Это нисколько не удивляло ни Бренера, ни его помощников. И все же, отсутствие припасов в этих деревнях, немного расстраивало

короля. Конечно, запасов провианта армии хватит еще надолго, но, было бы куда лучше, если бы фильныйцы оставляли хоть что-то. Тогда свой провиант можно было бы растянуть на более длительный срок. Впрочем, впереди их ждал большой Керсабор, в котором провианта хоть отбавляй. Так что беспокоиться не о чем.

Прошел очередной день пути. На ночлег остановились раньше, чем обычно, чтобы рано утром двинуться в путь. Разводить костры запретили, так что пришлось довольствоваться холодным ужином. Утром, позавтракав на скорую руку, свернули лагерь и отправились в путь.

Широкая извилистая, уже обезлюдевшая, дорога, по которой часто проезжали торговцы с груженными телегами, вывела армию короля Бренера на вершину холма, откуда открывался отличный вид, на прекрасный город Керсабор. Этот красавец, обнесенный огромной каменной стеной, всю ночь не смыкал глаз, готовясь достойно встретить надвигающегося неприятеля.

Десятки огней озарили пасмурное небо. Адский, всепожирающий огонь, сыпался на город в виде огромных горящих снарядов братнийских требушетов. Они обрушивались на стены и ворота, на дома и на площади, на жителей и на солдат. Здания рушились со страшных гулом и треском, превращаясь в груды громадных камней, под которыми находили смерть жители города. Огонь моментально расплзлся, пожирая все, что ему было под силу пожрать на своем пути. Солдаты и жители города бегали, словно муравьи с ведрами воды, пытаясь тушить пламя. Однако эти тщетные попытки не приносили никакого успеха. Там, где тушился один язык пламени, тут же возникало еще три. Несмотря на зиму, огонь распространялся с невиданной скоростью. Десятки деревянных домов уже были объаты пожаром. А горящие снаряды все сыпались и сыпались. И казалось, нет им конца. Они разбивались со страшным треском о городские стены, врезались в башни и ворота, пытаясь пробить брешь в обороне города. Но, сделать это никак не удавалось. И, несмотря на пожары и разрушения, Керсабор продолжал стоять, словно огромный великан, которому нанесли легкое ранение.

Пока требушеты продолжали метать снаряды, король Бренер, облаченный в черные доспехи, выехал на белоснежном коне перед выстроенными в боевом порядке солдатами, которые вот-вот приступят к штурму города. Они, словно хищники, почуявшие добычу, стояли, предвкушая предстоящую битву. Настроение у них было боевое, и Бренер решил произнести какую-нибудь триумфальную речь, от которой его солдаты еще больше воодушевятся.

– Солдаты! Братья! – кричал Бренер, правя коня вдоль первой шеренги. – Сегодня наступает новая эра в истории нашей страны. Посмотрите, где мы с вами находимся. Еще совсем недавно нам казалось несбыточной мечтой взять крепость Пирс, а сегодня прямо перед нами Керсабор! Мы – первые, кому удалось так глубоко продвинуться вглубь Фильнии. Мы – те, кто отомстит за все поражения, которые понес наш народ от фильнийцев. Вспомните, какие легенды слагали об их армии, и где она теперь?! Вы – та сила, которая смогла сдвинуть чашу весов в нашу сторону. И через сотни лет о нас с вами будут слагать легенды. Мы войдем в историю. Через сотни лет наши дети и внуки будут рассказывать, как мы одержали победу под Керсабором! Как мы вернули былое величие нашей страны! Победа будет за нами! Штурмуйте же Керсабор!

Солдаты с ревом кинулись в бой. Несмотря на сотни стрел, посыпавшихся на них, словно дождь, они не остановились – добежали до цели, и десятки лестниц облокотились на стену. По ним тут же, словно муравьи, поползли солдаты. Фильнийцы их скидывали, бросали в них камни, пускали стрелы. Мертвые братнийцы падали на землю, словно переспевшие яблоки, падающие с деревьев. Фильнийцы яростно обороняли город. Они продолжали осыпать врага бесконечным количеством стрел, а когда кому-то из братнийцев все-таки удавалось взобраться на стену, то их тут же встречали обороняющиеся солдаты с острыми как бритва мечами.

Скрежет металла, крики солдат, свист пролетающих стрел – все смешалось в этой битве. Казалось, что на земле настал ад. Сотни солдат падали замертво, пораженные неприятельской стрелой. Братнийцы, как они не пытались прорваться в город, падали со стен. И даже те, кого не пронзила стрела или не проткнул меч, сворачивали себе шеи, ломали руки и ноги, падая на трупы своих товарищей. Они пытались пробить тараном городские ворота, но каждый раз, когда им

удавалась подойти к ним вплотную, на них выливали масло и поджигали. И тогда горящие люди разбежались в стороны, словно живые факелы, издавая душераздирающие вопли. А кому везло, тех сражала неприятельская стрела, прежде чем они сгорали заживо.

Трупов с каждым часом становилось все больше, а город все еще не был взят. Более того, его жители и солдаты продолжали яростно сопротивляться, уничтожая противника всеми возможными способами. Кеслер, видя, что никакого результата нет, а войско продолжает редеть, несколько раз предлагал Бренеру остановить битву и дать войску передохнуть, но король упрямылся и не хотел отступать. Ближе к вечеру к Бренеру подъехал Валтер. Каштановые, кудрявые волосы слиплись от пота, левая щека изодрана в кровь. Он хромал на правую ногу и тяжело дышал, словно ему пришлось пробежать в черных доспехах длинную дистанцию. Он, как и Кеслер, просил короля прекратить бой, так как солдаты устали, а враг продолжает отчаянно сопротивляться. Как бы Бренеру не хотелось взять Керсабор одним штурмом, вид уставшего и изнуренного Валтера заставил его дать команду прекратить бой и отступить на исходные позиции.

Всю ночь над лагерем братнищев раздавались стоны раненых. Одни жалобно просили воды, других лихорадило и они, лежа в бреду, звали жен или детей, третьи стонали от невыносимой боли, которую ничем нельзя было приглушить. В армии братнищев не было магов, которые могли бы сварить зелье, облегчающее любую боль, поэтому единственное, на что могли рассчитывать несчастные, было вино, которое толком не могло облегчить их муки. Бренер аккуратно шел сквозь ряды раненых, стараясь ни на кого не наступить. Если кто-то узнавал короля, то пытался встать, даже, несмотря на раны. Однако Бренер каждый раз жестом пресекал эти попытки. Он вышел специально, чтобы подбодрить солдат. Король понимал, что в сегодняшней битве погибло много воинов, и еще больше было ранено, а потому он считал необходимым показать, что он рядом с ними и не бросил их. Проходя мимо сильно раненых, он старался сказать что-нибудь приободряющее. И стоит отметить, появление монарха возымело эффект. Солдаты, не только раненные, но и те, кому посчастливилось остаться целым и невредимым в сегодняшней битве, увидев Бренера, спокойно шагающим среди них, сразу как-то воспряли духом, и прониклись еще большим уважением к своему королю. Да,

сегодня им не удалось взять Керсабор. Но ничего страшного. Завтра будет новый день, и они готовы снова драться. И уж завтра они наверняка одолеют фильнийцев. Ведь они смогли взять Пирс, значит, возьмут и Керсабор.

В следующие два дня шли не менее ожесточенные и кровавые бои. Братнийцы продолжали наступать, но фильнийцы яростно сопротивлялись и били врага, не давая ему никакой пощады.

Вечером третьего дня, Валтер, Кеслер и их помощники находились в шатре Бренера, где обсуждалось текущее положение дел. Все присутствующие сходились во мнении, что нужно менять тактику. Кеслер считал необходимым перейти к осаде, справедливо полагая, что взять город обыкновенным штурмом им не удастся, фильнийцы стоят насмерть, а армия короля Бренера несет колоссальные потери.

– Если так и дальше будет продолжаться, – говорил военачальник, – то через пару недель от армии ничего не останется.

Это было справедливое замечание. Бренер и сам начинал понимать, что взятие Керсабора обойдется ему очень дорого. Его войско уже заплатило немалую цену погибшими и ранеными, и было неизвестно, сколько еще падет братнийцев под Керсабором. И, все же, предложение Кеслера король не принял. Молодой Валтер напомнил, что если начнется длительная осада, то с большой долей вероятности на помощь осажденным успеет подойти основная фильнийская армия. А этого допустить нельзя. Потрепанные в сражениях братнийцы неминуемо потерпят поражение и будут вынуждены отступить. Бренера раздирали противоречивые чувства. С одной стороны он разделял опасения Валтера, с другой – он не мог не соглашаться с Кеслером – бывалым воином, имевшим богатый военный опыт.

Если продолжать идти в лобовую атаку, то скоро от войска ничего не останется. Нужно было найти слабое место в обороне города. На минуту Бренер вспомнил незнакомца из зеркала. Почему он не появится и не даст подсказку, как это уже было не раз? Неужели он решил больше не помогать? Но Бренер быстро прогнал от себя эти мысли. Да, было странно, что этот незнакомец не сказал, каким образом стоит брать Керсабор. Но, все-таки, он помогал уже дважды. Возможно, он просто решил, что Бренер и сам справится с этой задачей. В конце концов, не может же он помогать на каждом шагу. И, тем не менее, Бренер готов был сейчас многим пожертвовать, лишь бы

узнать слабое место в обороне города. А в том, что такое место есть, король был твердо уверен. Не бывает абсолютно неприступных стен. Где-то наверняка есть лазейка, вот только где?

В тот вечер споры в королевском шатре велись долго. Кеслер, Валтер и их помощники предлагали множество различных вариантов взятия города. И все они почти тут же отменялись. Лишь один человек за этот вечер не проронил ни слова. Он стоял со скрещенными на груди руками, погруженный в какие-то мысли и, казалось, совсем не слушал то, что говорили присутствующие. Это был человек средних лет, невысокого роста, коренастый, с короткими каштановыми волосами. Его лицо не имело никаких примечательных черт, за исключением выпяченной толстой нижней губы, напоминающей жирную сосиску. Бренер, порядком уставший за этот вечер, внезапно остановил взгляд голубых глаз на этом человеке. Его возмутили и его задумчивый вид, и то, что он за весь вечер не проронил ни слова. Зачем же он тогда нужен здесь, если не хочет принимать никакого участия в этом утомительном разговоре? Бренер специально пригласил сюда помощников Валтера и Кеслера, чтобы те тоже поделились предположениями относительно штурма Керсабора. Неужели этот человек пришел сюда, в королевский шатер, и стоит тут, мечтая непонятно о чем?

– А что думает обо всем этом Илмер? – спросил Бренер высокомерным тоном. – У вас такой задумчивый вид. Поделитесь с нами соображениями.

Илмер, внезапно оторванный от своих мыслей, почувствовал устремленные на себя взгляды. Но его, казалось, это совсем не смутило. Он только втянул нижнюю губу и склонился в легком поклоне.

– Все это время, ваше величество, одна мысль не давала мне покоя.

– Что же это за мысль?

– Она посетила меня сегодня днем, во время очередного штурма. Сначала она мне показалась безумной, но пока я находился здесь, ко мне пришла твердая уверенность, что моя задумка сработает.

– Продолжайте, – приказал заинтересованный Бренер.

– Я заметил, что ворота в Керсаборе очень большие. Значительно больше, чем их обычно строят. Это очень удобная мишень. Если мы

сосредоточим огонь всех наших требушетов только на воротах, они не выдержат.

– Хм, что ж, меня заинтересовала ваша идея. А вы, Кеслер, что думаете?

– Признаюсь честно, совсем недавно меня тоже посещала эта мысль. Я согласен с Илмером.

– Значит, решено, – сказал Бренер. – Что ж, надеюсь, завтра мы уже будем пировать в Керсаборе.

На следующий день с самого восхода солнца братнийские требушеты начали метать каменные снаряды по воротам осажденного города. Громадные глыбы с треском разбивались, превращаясь в мелкие осколки. На воротах, с каждым ударом образовывались предательские трещины, которые расползались по ним словно маленькие змейки. Змейки с каждой минутой становились все больше и больше, сливаясь в несколько больших трещин. Гул и скрежет камня не затихали ни на минуту. Каждый удар напоминал раскат грома. Казалось странным, что ворота до сих пор на месте и еще не превратились в груды деревянных дров. Было непонятно, как еще петли могут выдерживать удары таких огромных камней. Наконец, очередной залп требушетов, и ворота, не выдержав массивного обстрела, с треском разлетелись на куски. Путь в Керсабор был открыт, и армия короля Бренера с громкими воплями устремилась в город.

Бой шел почти до самого вечера. И, хоть фильнийцы сражались отчаянно, их судьба была предрешена. Пока ворота были целы, стены помогали им выдерживать натиск неприятеля. Но, как только в обороне была пробита брешь, численный перевес братнийцев сделал свое дело. С каждым часом неприятель все глубже продвигался в город, и звуки битвы становились более приглушенными, пока к вечеру вовсе не стихли.

Бренер наблюдал за происходящим, сидя в походном кресле возле шатра. Он слышал звуки боя и ликовал, радуясь близкой победе. Город, который, как ему казалось невозможно взять, бился в предсмертных конвульсиях. Бренер с удовольствием пил вино и чувствовал себя великим завоевателем, которому нет равных. Незнакомца из зеркала он быстро вытеснил из памяти. Монарх наслаждался моментом и не хотел думать ни о чем другом, как о победе. Король представлял, как на

родине его встретит народ, когда он проедет со своей армией по улицам столицы. Как ему будут рукоплескать, и кидать цветы под ноги. Да, Бренер вписал свое имя в историю на многие века. Никому еще не удавалось сделать то, что сделал он. Никто еще не брал Керсабор. А он смог! Он – король Бренер!

Монарх сидел, придаваясь приятным мыслям, как вдруг заметил облака густого черного дыма, поднимающегося над городом. Кровавое зарево, словно лучи багрового заката, залило весь небосвод. Поначалу Бренер даже подумал, что это солнце садится, освещая горизонт кровавыми лучами. Но довольно быстро он понял, что это вовсе не закат. Неужели в городе начался такой сильный пожар? Но, ведь, они целых три дня метали подожженные снаряды, и ничего подобного не происходило. Да, тогда тоже поднимался дым и были видны всполохи огня, но не так, чтобы все небо было залито багровыми красками. И дым не напоминал громадного черного демона, поднимающегося над городом.

На горизонте показался всадник. Он скакал на черном коне прямо к королевскому шатру, подгоняя своего скакуна. Через минуту Бренер узнал знакомое лицо Кеслера, окаймленное длинными, черными волосами.

– Ваше величество, город пал, – объявил он, едва спешившись.

– Это прекрасно. Значит, мне можно въехать в город?

– Да, ваше величество. Все очаги сопротивления подавлены.

– Замечательно. Что ж, сегодня можно праздновать победу. Эй, коня мне, – приказал король одному из своих слуг. – Скажи мне, Кеслер, а что за клубы дыма поднимаются над городом? Неужели там такой сильный пожар?

– Фильнийцы подожгли склады с провиантом.

– Вот как? – эта новость поразила Бренера, что в свою очередь тут же отразилось на его лице, и оно приняло такое выражение, словно сладкая конфета в один момент обрела горький привкус.

– Да, ваше величество. Как только стало очевидно, что город падет, фильнийцы подожгли весь свой провиант. Очевидно, они готовились к этому заранее. Сейчас мы заставили всех жителей тушить эти пожары, но думаю, это уже вряд ли поможет.

– Это не очень хорошие новости, Кеслер. Поговорим об этом позже. Поехали же скорее в город.

Бренер взобрался на белого, как снег коня и пустил его галопом в город. Кеслер отправился следом.

Под радостные возгласы, прославлявшие монарха, Бренер въехал в город. Его солдаты, грязные, потные, окровавленные, невзирая на невыносимую усталость, восторженно приветствовали повелителя. В черных доспехах, они напоминали ворон, которые радостно приветствовали вожака. Бренер ехал, подняв правую руку, отвечая на их восторженные крики. Король улыбался во все зубы, он буквально светился от радости. Все внутри него ликовало, а бурная встреча солдат, которые громко кричали ему в след приветствия и «ура», приносили ощущение неопишуемого восторга. Он был звездой, сошедшей с небес, которой поклонялись простые смертные. И эти смертные, ликуют от радости, что светило спустилось к ним, и сейчас проезжает рядом на белоснежном коне. Это неведомое до сей поры чувство приятно дурманило и опьяняло. Бренер даже не мог представить себе, насколько приятен вкус победы, и какой это неопишуемый восторг, проехать под рукоплескания своих подданных. Что же будет, когда он вернется домой, и толпа горожан будет чувствовать своего победителя? От этих мыслей Бренеру стало еще приятней.

А между тем, он ехал по разрушенным улицам, усеянным трупами. Не только солдаты нашли тут свое последнее пристанище. Женщины, старики, подростки лежали среди развалин, застыв в неестественных позах. Кого-то придавило обрушившейся балкой, в кого-то попала стрела, а кому-то так и не удалось выбраться из охваченного пожаром дома. Смерть кружила среди разбитых улиц этого города. Она, словно призрак, бродила по разным закоулкам, неся слезы и горе. Не только жителям, но и солдатам, потерявшим в этой битве своих друзей, братьев и отцов. Дома, разбитые и обугленные, накренились словно калеки. Кое-где стояли выгоревшие дотла строения, от которых остался один черный фундамент. Вид этих разрушений непременно наводил бы ужас, окажись какой-нибудь одинокий житель или солдат в таком месте под покровом ночи. Но, среди общего ликования победители не замечали всего того кошмара, который царил здесь. Они взяли город, и это самое главное.

Черный густой дым, который Бренер заметил, находясь еще возле своего шатра, по-прежнему расплзался над городом, разнося повсюду

запах гари. Пепел, словно снег, летел откуда-то сверху. Алые всполохи то и дело озаряли небосвод. По всей видимости, пожар разгорелся не на шутку, и потушить его никак не удавалось. Проезжая по очередному разбитому кварталу, среди груды руин, Бренер обратил на это внимание, и приказал Кеслеру, ехавшему позади него, потушить пожар, как можно скорее. Однако это было не так просто, хотя бы потому что таких крупных пожаров было несколько. Кеслер не обманул короля: фильныйцы, в самом деле, подожгли все склады с провизией, не желая отдавать ее врагу. Тем не менее, после того, как король подъехал к замку, Кеслер отдал своим помощникам, поджидавшим его и короля на ступеньках, распоряжение согнать всех жителей на тушение пожаров.

Возле замка, большого и довольно плотного строения с толстыми стенами, собралась приличная толпа военачальников и высших командиров, которая, так же, как и солдаты, встретила короля радостным ликованием. А затем, когда Бренер спешил и ступил на огромную прямоугольную лестницу, все хором, в один голос, принялись трубить «Да здравствует король!». Любой самодержец не должен удивляться подобному поведению придворных. Вполне возможно, он просто не может чувствовать, как что-то поднимается в его душе и расцветает, словно бутон лилии, когда его подданные радостно его приветствуют. И все потому, что многие короли слышат подобные слова всю свою жизнь, с самого детства. Начиная с пеленок, все говорят ему, какой он молодец, а когда подрастает, его помощники говорят, что он превосходный правитель, даже если эти помощники так не думают. А когда они проезжают среди своих войск, солдаты им рукоплещут, так же, как сейчас рукоплескали Бренеру. Чувства таких королей притупились со временем, от избытка вкуса. Если часто есть то, что приносит тебе удовольствие, то рано или поздно это становится пресным и обыденным. Вот только уши Бренера впервые слышали нечто подобное. Это была первая его война. Впервые он одержал такую победу. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. И осознание того, что он всего этого заслуживает, еще сильнее согревало душу. Во всяком случае, в эти минуты он совсем позабыл, кто ему помогал и направлял все это время. Он поднялся по лестнице и с белоснежной улыбкой пожал каждому руку, затем повернулся к небольшой площади, на которой среди руин и развалин развевались

знамена с изображением ворона сжимавшего в лапах золотую стрелу; солдаты, радостно выкрикивали имя короля. Бренер достаточно громко прокричал какие-то радостные слова, но они утонули среди общего гомона и радостного ликования. Монарх постоял еще несколько секунд, наслаждаясь моментом, затем помахал солдатам рукой и ушел в замок.

Длинные коридоры с огромными расписными потолками, несмотря на недавнее сражение и все еще царивший в некоторых местах беспорядок, по-прежнему выглядели великолепно. Десятки люстр с зажженными свечами освещали прекрасные масляные картины, некоторые из которых либо криво висели, либо и вовсе валялись на полу – последствия недавнего сражения в замке. В ярких лучах огня мраморный пол отсвечивал желтоватой белизной. Бренер не мог поверить своим глазам. Он думал, что этот замок будет подобным тому, что он занимал в крепости Пирс, а на деле это место отдаленно напоминало его собственный дворец. Да, тут не было золотых стен и потолков, не было той королевской роскоши, однако их с лихвой компенсировали великолепные мраморные статуи и длинные белоснежные колонны. Резная мебель из ореха, превосходные богатые ковры и непревзойденная роспись на потолках не могли не радовать глаз. Подумать только, как все это могло уцелеть? Среди разбитого и наполовину сгоревшего города, такая красота казалась совсем нереальной. И откуда только могли здесь взяться все эти картины, мягкие просторные кровати, серебряные сервизы и бархатные портьеры? Несмотря на то, что во многих местах царил беспорядок – солдаты еще не успели все привести в надлежащий вид, Бренер был приятно удивлен.

– А где же хозяин этой красоты? – спросил Бренер Кеслера, осматривая очередную картину. – Разве он не должен сдать на милость победителя?

– Он мертв, ваше величество, – ответил Кеслер.

– Вот как? Он погиб в сражении?

– Нет, отравился.

– Отравился? – удивился Бренер.

– Точно так. Когда мои солдаты ворвались в столовую, старик сидел за столом вместе со своей женой и двумя близнецами – мальчиком и

девочкой. На вид им было лет по тринадцать. Все были мертвы, кроме отца. Тот еще успел сказать пару слов, прежде чем испустил дух.

– И что он сказал?

– Он сказал, что ни за что не сдастся нам живым, и мы все здесь найдем свою смерть. После этих слов он умер.

– Хм, какое зловещее послание. Вот же глупый старик. А ведь я собирался оставить его в живых. Но, да ладно, каждый сам выбирает свою участь. А мы сегодня празднуем победу.

Праздничный ужин длился до самого позднего вечера. Вино лилось рекой. Торжественные тосты и поздравления не переставали звучать. Смех и радостный гомон царили в большой, богато обставленной столовой, в которой совсем недавно наместник Керсабора вместе со своей семьей отправился к праотцам. Пили и веселились, пели и танцевали, прославляя своего славного короля и его армию. Среди присутствующих, лишь Кеслер был не так весел, как остальные. Какая-то мысль, нет-нет, а проникала в его мудрую голову. И эта мысль не давала ему в полной мере отдаться всеобщему веселью. Она была каплей дегтя в бочке меда. Эта мысль не позволяла ему искренне заливаться смехом, в то время как другие гоготали во всю глотку. Она не давала ему, как следует напиться, когда прочие не переставали опорожнять один за другим кубки с вином. Он произнес радостный тост, восхвалявший воинов и короля, и все же, чувствовалась в его голосе нотка тревоги, которую никто не пожелал заметить. Все были слишком опьянены победой и вином.

Разошлись под утро. В спальне, которую отвели королю, Бренера ждал «сюрприз», как ему сказал один из его военачальников. Этим «сюрпризом» оказалась молодая красивая девушка. Она стояла в полумраке и застенчиво опустила прекрасные, немного раскосые голубые глаза, как только вошел король. Она была невысокого роста, широкобедрая и пышногрудая. В свете горящих свечей, ее длинные светлые волосы отливали золотом. Бренер, порядочно выпив этим вечером, медленно приблизился к ней. Он мягко, словно она была хрупкой, коснулся ее плеча и почувствовал, как она вздрогнула.

– Не бойся меня, – прошептал он ей на ухо.

Король взял ее волосы и медленно поднес их к лицу. Нежный аромат жасмина и мяты легонько коснулись его носа. Он глубоко вдохнул, а затем аккуратно приподнял ее подбородок. Взгляд чуть раскосых

нежно-голубых глаз обжигал и завораживал его. Бренер потянулся к ее губам и нежно поцеловал.

На следующее утро, король проснулся в самом приятном расположении духа. Солнце, под стать настроению Бренера, ярко светило в окно, заливая косыми лучами спальню. Король потянулся, а затем повернулся на другой бок, в надежде вновь увидеть ту очаровательную красавицу, с которой он провел прошлую ночь. Но, к своему разочарованию, он там никого не обнаружил. Бренер лежал в кровати один. От приятной незнакомки остался лишь аромат жасмина и мяты, которые впитала за ночь постель. Бренер вновь потянулся и подумал о том, что необходимо будет разыскать эту очаровательную девушку. Он снова уткнулся лицом в подушку – ему было приятно после стольких дней, проведенных в пути, полежать в мягкой постели. В этот момент в дверь постучали. Бренер выругался и не стал отвечать. Пусть думают, что он еще не проснулся. В конце концов, имеет же он право чуточку побыть наедине с самим собой. В дверь снова постучали, на сей раз более настойчиво.

– А, чтоб вам всем провалиться! – вырвалось у короля, и тут, не дожидаясь разрешения, дверь распахнули, и на пороге показался Кеслер.

– Я еще не встал и не давал разрешения входить, – недовольно заявил Бренер.

– Прошу меня простить, ваше величество, но уже давно полдень. Есть вопросы, которые необходимо решить, как можно быстрее.

– Уже полдень? – удивился Бренер. – В таком случае пусть все собираются, я скоро подойду.

– Все уже давно собрались и ожидают вас.

– Прекрасно. Где они находятся?

– Мы решили занять один из кабинетов.

– Замечательно, но я приму всех в столовой за завтраком. Так и передай.

– Как будет угодно вашему величеству, – с этими словами Кеслер вышел, закрыв за собой дверь.

После утреннего туалета Бренер восседал в столовой за завтраком, в окружении своих командиров. После обмена приветствиями первым, как инициатор этого собрания, взял слово Кеслер.

– Хочу еще раз всех поздравить с этой знаменательной победой. Но, к сожалению, времени на долгие празднества у нас нет. Перед нами стоит множество проблем, которые необходимо решить как можно скорее.

– Продолжайте, – сказал Бренер, отправляя в рот кусок яичницы.

– Сначала я хотел бы вам доложить, что все вражеские солдаты разоружены. Сейчас наши воины обыскивают дома, в поисках оружия, которое спрятали местные жители, не пожелав его сдать. Кроме того, наши солдаты патрулируют улицы, в основном передвигаясь по двое, в целях безопасности.

– Превосходно, вы прекрасно со всем справляетесь.

– Все подожженные склады удалось потушить, но спасти продукты, как вы понимаете, не получилось. Отсюда выходит, что наш расчет на то, что мы сможем пополнить припасы в Керсаборе, не оправдались. Нам остается рассчитывать лишь на наши обозы. А, как вам известно, их осталось не так много.

– Мы могли бы изъять провиант у жителей города, – вмешался в разговор Валтер – этот вечный оппонент Кеслера. – Я уверен, они немало продуктов растащили по домам, прежде чем поджечь склады.

– Тоже верно, – подметил Бренер, дожевывая поджаренный бекон.

– Даже если мы изыдем весь провиант у жителей, это будет каплей в море. А если мы собираемся оставить город за собой, то нам понадобится держать здесь свой гарнизон, который тоже нужно будет чем-то кормить. Кроме того, необходимо восстановить ворота.

Король медленно вытер рот салфеткой, о чем-то размышляя. Он сидел, не проронив ни слова, пока слуга убирал со стола приборы. Наконец, когда на столе не осталось ничего, кроме кувшина с вином, Бренер, поправив белоснежную челку, заговорил:

– По-вашему, на какое время нам хватит нашего провианта?

– По нашим подсчетам, дней на пятнадцать. Если сократить паек, то может и на двадцать, – ответил Кеслер.

– Это больше, чем я ожидал.

– Если мы собираемся продвигаться дальше, этого мало ваше величество, – сказал Кеслер.

– А что, если поступить так, как предложил Валтер?

– Этого недостаточно. Кроме того, я уже высказал вам свои домыслы на этот счет. В городе необходимо оставить гарнизон,

которому так же нужно пропитание. Вдобавок к этому, местные могут устроить бунт.

– Что ты предлагаешь, Кеслер?

– Признаюсь честно, я нахожусь в некотором замешательстве. Мы захватили такой крупный город, и до сих пор не встретили основных сил противника.

– Похоже, король Милат просто решил с нами поделиться, у него вон, сколько земли, – пошутил Валтер.

– Я так не считаю, – продолжил Кеслер, после того как в столовой стих смех. – Хотя мне и непонятно, что за всем этим кроется, я думаю это не спроста. Рано или поздно мы будем вынуждены столкнуться с фильнийской армией. Наше войско сильно потрепали, особенно в последней битве. Пока неизвестно, сколько погибших и раненых, но, могу смело заявить, что их сотни, если не тысячи. Помимо этого запасы провианта неумолимо подходят к концу. Да, мы можем отобрать еду у местных жителей, оставить здесь гарнизон с провизией и двинуться дальше, но, уверяю вас, когда голодные жители этого города поднимут бунт, никакой гарнизон не сможет устоять.

– Кеслер, ты слишком мрачно смотришь на вещи, – ехидно заметил Валтер. – Этим бунтарям нечем будет драться, ведь мы отняли у них оружие.

– Помолчи, Валтер, – перебил его Бренер. – Продолжай, Кеслер.

– Если наши войска встретятся с армией неприятеля, мы неминуемо потерпим поражение. Их войско свежее, у них провианта хоть отбавляй. Они воюют на своей территории. Каждый житель их страны будет им помогать. А мы – захватчики. Нам ни за что не найти тут хотя бы одного союзника. Кроме того, у Милата есть маг, который, насколько мне известно, старается не лезть в дела простых людей, однако, мне думается, что в случае опасности для страны, он будет обязан вмешаться. Я предлагаю вам, ваше величество, не продолжать этого военного похода. Вы и ваша армия уже окружила себя ореолом славы, который навсегда будет вписан в историю. Предложите королю Милату мир, с тем условием, что все завоеванные земли, перейдут под ваше покровительство. Уверен, он согласится. Так вы сохраните и армию, и свои завоевания. Вы вернетесь в славный город Варридук в зените славы. Только умоляю вас, не продолжайте этого похода.

– Что думают остальные? – спросил Бренер после недолгого молчания, окидывая присутствующих взглядом голубых глаз.

– Я считаю, мы должны продолжать поход, – сказал Валтер, поправив каштановые волосы. – Надо бить фильнийцев, пока есть такая возможность. Скоро король Милат сам попросит мира, тогда мы сможем отхватить у него больше земель. А если мы попросим о мире сами, то Милат может посчитать, что мы выдыхаемся.

Кеслер, привыкший уже к тому, что Валтер редко поддерживает его точку зрения, промолчал, бросив взгляд, полный неприязни на этого «молокососа», как он его называл.

– А как же быть с провиантом? – спросил Бренер.

– Провиант можно отобрать у жителей, которые будут попадаться нам по пути. К тому же, можно немного урезать паек солдатам. Думаю, мы сможем протянуть до следующего города.

Бренер откинулся на спинку стула и принялся размышлять. Настроение у него резко поменялось. Новые проблемы, о которых он и не задумывался, тяжким грузом легли на его плечи. Нужно было принимать решение, только какое? Инстинктивно он чувствовал, что Кеслер, хоть он его и недолюбливал, был прав. С другой стороны ему хотелось новых завоеваний, новых побед. Он уже вкусил этот опьяняющий, ни с чем несравнимый вкус, и теперь ему хотелось добавки. Он просидел так добрых пять минут, погруженный в размышления, но к нужному решению он так и не смог прийти. И тут в его голове всплыл образ незнакомца в зеркале. Точно! Ведь он же такой просвещенный, знает то, о чем другие даже догадываться не могут. Он дважды помог Бренеру и, наверняка поможет еще раз. Он сможет указать ему верный путь. Ведь этот незнакомец так хочет за что-то отомстить Милату! Он не может не помочь ему. Нужно дождаться, когда он вновь появится в зеркале и подскажет, как следует поступить. И как Бренер сразу до этого не додумался?

– Мне нужно все хорошенько обдумать, – сказал король. – Такие решения не принимаются за пять минут, верно? Идите и отдохните хорошенько, а я взвешу все «за» и «против». Благодарю вас за то, что пришли, а теперь ступайте.

Участники собрания поднялись с мест, поклонились и вышли из столовой.

Весь оставшийся день у Бренера было приподнятое настроение, несмотря на то, что Кеслер поначалу его подпортил, сообщив о новых проблемах. Но король был уверен, что он непременно найдет выход из этой непростой ситуации. Незнакомец в зеркале обязательно подскажет ему верное направление. Он был в этом абсолютно уверен. Бренер даже и не заметил, как изменилось его отношение к этой непонятной, окутанной ореолом тайны, фигуре. Он позабыл о том, что до сих пор и не узнал, кто он такой, этот загадочный тип. Почему он помогает ему, не требуя ничего взамен. Бренер, незаметно для самого себя стал доверять незнакомцу. Более того, он стал на него надеяться. А ведь еще пару недель назад такое даже представить себе было невозможно. Но одержанные победы затмили разум Бренера. Он больше не был способен мыслить критически. Он и не мог подумать, что однажды этот таинственный незнакомец может к нему не явиться. И, уж тем более, Бренер не мог себе представить, что он тогда будет делать. В глубине души, король надеялся, что незнакомец подскажет, куда двигаться дальше, продолжая одерживать победы. Он так думал, потому что в душе сам страстно желал этого. Бренер хотел новых завоеваний и большей славы, которую эти завоевания ему принесут. Да, он уже сделал многое, но было бы куда лучше захватить еще один город. А еще лучше Ландрсмит. Вынудить короля Милата бежать, словно труса, поджав хвост. И как-то невдомек было Бренеру, что волнения Кеслера были вполне оправданы. Не зря беспокоился этот бывалый военачальник, что фильнийская армия так и не появилась. Но ведь Кеслер не знал, что у короля есть тайный помощник. И не обязательно ему об этом знать.

После совещания в столовой, Бренер решил, что было бы неплохо прямо сегодня вновь поговорить с темным силуэтом в зеркале. Таким знакомым, и теперь таким желанным. Для этого королю был необходим самый главный атрибут, без которого эта встреча ни за что не могла состояться – зеркало. И, желательно, большое. В спальне Бренер не обнаружил ни одного такого атрибута, а потому он приказал, во что бы то ни стало, к вечеру раздобыть ему зеркало. Слуги, которые принялись выполнять распоряжения короля, между собой перешептывались и тихо посмеивались, дескать, король стал чересчур часто любоваться на себя в зеркало, «прямо как королева». К счастью, в замке не было проблем с зеркалами. В большой комнате с камином,

которая, по всей видимости, являлось гостиной, нашли то, что так требовалось Бренеру. Через полчаса большое овальное зеркало в резной металлической оправе находилось в спальне короля. Бренер, после того, как столь важный и необходимой предмет был доставлен, остался в спальне, в ожидании незнакомца. Но шли минуты, и ничего не менялось. Король сидел на софе перед зеркалом, и просто ждал. Он не знал, какие слова сказать, а потому вынужден был все время сидеть и смотреть на свое отражение. Минуты стали сливаться в часы, а в зеркале по-прежнему был только Бренер, развалившийся на софе, вглядывающийся, то и дело, в свое отражение. Вот его белокурые волосы, которые в свете падающих солнечных лучей, отливают золотом. Длинные ресницы, окаймляющие голубые глаза. Прямой красивый нос, который Бренер всегда любил поглаживать в детстве, боясь, что он может стать курносый, как его младший брат Герберт. Бренер внешне был очень похож на свою покойную мать, которая по праву считалась первой красавицей королевства. От нее он также унаследовал и свой надменный характер. На слуг и подданных он всегда смотрел свысока. Даже сейчас он сидел с таким видом, будто ожидал появления нерасторопного слуги.

Прошло уже добрых полтора часа, и Бренеру порядком надоело сидеть на одном месте. В конце концов, не может же он вечно торчать в спальне в ожидании таинственной фигуры. К тому же, он всегда появлялся поздним вечером. Так что нечего было ждать его днем. Поразмыслив таким образом, монарх поднялся и вышел из спальни.

Не зная, чем себя занять, Бренер принялся изучать замок. Великолепная постройка, ничем не примечательная внешне, внутри пестрила красотой и вкусом, которым, несомненно, обладал его предыдущий владелец. Мрамор и картины, миниатюрные статуи, роспись на потолках – все это превосходно гармонировало с роскошной мебелью, гобеленами и различной богатой утварью. Вот он вышел к большой библиотеке с сотнями томов книг, уютно расположившихся в больших шкафах из красного дерева. Чтобы достать книгу с верхних полок, пришлось бы подняться по лестнице, которая стояла с правой стороны возле одного из шкафов. По всей видимости, наместник города любил много времени проводить в этой части замка, поскольку на столе лежала большая стопка книг, и еще одна лежала отдельно с заложенной страницей. Но Бренера мало

интересовали книги, а потому, пробыв в библиотеке не более полуминуты, он покинул ее и отправился дальше осматривать замок. Десять спален, три гостиные и две столовые насчитал Бренер в ходе прогулки. И каждое из этих помещений было так шикарно отделано и обставлено, что в какой-то момент королю стало казаться, что этот замок не на много хуже его дворца. В будущем можно сделать здесь себе отдельную резиденцию. Неплохой трофеей достался ему за такую кровопролитную битву.

После осмотра замка Бренер проехался по городу в сопровождении военных советников, которые старались вести короля по западной, менее разбитой, части города. Мощные улочки с каменными строениями не очень впечатлили Бренера. И все же, проезжая по улицам и площадям покоренного города, оглядываясь по сторонам и примечая развевающиеся знамена, на которых черный ворон сжимал в лапах золотую стрелу, король ощущал себя великим завоевателем и победителем. Его сердце наполнялось гордостью и желанием преумножить свои военные успехи. Жажда славы и новых завоеваний, словно яд разлились в теле молодого короля. Если раньше эта жажда напоминала маленькую гусеницу, которая сидела где-то внутри сердца Бренера, пребывая в глубоком сне, то теперь гусеница проснулась, и принялась с необычайной скоростью пожирать сердце хозяина, увеличиваясь в размерах.

Весь вечер Бренер просидел в спальне перед зеркалом, в ожидании появления таинственного помощника. Даже ужин он распорядился подать в спальню, опасаясь пропустить такой важной встречи. Король прождал до самой поздней ночи, но никто к нему не явился. Раздосадованный и нервный Бренер лег спать. Следующие четыре дня не принесли никаких результатов. Поначалу король проводил в спальне только вечернее время. Ужинал он там же, и все ждал появления таинственный помощника. Но тот не появлялся, словно его вообще никогда не было. Бренеру стало казаться, что он сходит с ума, проводя перед зеркалом долгие скучные вечера. Вдобавок к этому, военные советники стали каждый день спрашивать, какое решение он принял. Бренер, не зная, что ответить, скрывая свою растерянность, нервно отвечал, что не принял еще никакого решения. Злость и досада постепенно овладевали королем. Он рассчитывал на этого помощника, а тот все не появлялся. Неужели незнакомец обманул? На пятый день

после взятия Керсабора Бренер целый день просидел в спальне, распорядившись, чтобы никто его не беспокоил. А если кто осмелится его потревожить, тот немедленно отправится на виселицу. Ввиду нервозности, которая проявлялась с каждым днем все больше и больше, никто не осмелился зайти к королю в спальню. Даже Кеслер в этот день оставил короля наедине со своими мыслями. Весь день ничего не происходило. Бренер, терзаемый сомнениями решил: если сегодня помощник не объявится, то он поступит так, как советовал ему Кеслер. Как бы королю не хотелось продолжить завоевания, он больше не мог находиться в Керсаборе.

Вечером, когда солнце давно скрылось за горизонтом, зеркало вспыхнуло таким знакомым и таким желанным сиянием. Бренер поднял голову и увидел знакомый темный силуэт.

– Король Бренер ждет своего верного друга, приятно это видеть, – заговорил незнакомец. Как всегда, королю показалось, что этот голос раздается из трубы.

– Признаюсь, я уже и не думал, что ты явишься. Я давно тебя жду, – ответил грубо Бренер.

– Я был немного занят, ваше величество. Поздравляю вас с очередной победой. Думаю, ваш народ прославляет вас на родине и поднимает бокалы в вашу честь.

– Очень на это надеюсь.

– Ваше величество, вы, как я понимаю, в замешательстве? Вас беспокоит неизвестность, верно? Вы не знаете, как поступить дальше, продолжать наступление или остановиться?

– Откуда ты это знаешь?

– Я это вижу, ваше величество. Как и то, что вы до сих пор злитесь из-за того, что я так долго не являлся к вам.

Бренер промолчал. Незнакомец, выждав короткую паузу, продолжил:

– Я дам вам совет. Продолжайте наступление. Ничего не бойтесь. Армия Милата вам не помешает. Это я гарантирую.

– Неужели Милат совсем не собирается защищать страну? Мои помощники в недоумении из-за того, что мы до сих пор не встретились с основными силами противника.

– Пускай и дальше пребывают в неведении. Это будет загадкой, которую они не смогут разгадать. Главное что вы, ваше величество, продолжите поход, покоряя страну. Вы будете дальше вписывать свое

имя в историю. Через века все будут слагать легенды о вас, а не о ваших помощниках, их предадут забвению и никогда не вспомнят. Так что отбросьте все сомнения, ваше величество. Я вижу, что ваше сердце жаждет этого же. Так почему вы его не слушаете?

Таинственный помощник был прав, и в душе Бренер радовался, что теперь он со всей уверенностью может продолжить войну. Жажда славы и новых завоеваний уступили место разуму, и у короля в эту минуту окончательно созрело решение, полностью противоположное совету Кеслера.

– Я продолжу поход, – твердо заявил Бренер.

– Чудно, – ответил незнакомец.

– Скажи, как я могу тебя позвать, если у меня возникнет такая необходимость, чтобы не сидеть перед зеркалом дни напролет?

– Я сам являюсь к вам, когда это будет нужно, ваше величество. Вы нервничали, ожидая моего появления, но я появляюсь только тогда, когда это действительно необходимо. Так что не переживайте. В следующий раз, я появлюсь вовремя.

На этом встреча с таинственным незнакомцем закончилась. Он исчез так же внезапно, как и появился. Но Бренера это особо не волновало. Этой ночью он засыпал с полным осознанием того, что он скажет завтра военным помощникам.

Глава 20

Он падал в пропасть, окутанную непроглядной тьмой. Летел с огромной скоростью, и казалось, вот-вот столкнется с дном бездны, и тогда ему придет конец. Мысленно Рагнер уже попрощался с жизнью далеко не один раз, но по-прежнему падал и падал. Резкая вспышка белого света заставила его зажмуриться.

Он лежал на изумрудной траве, обласканной золотыми лучами солнца. Легкие дуновения прохладного ветерка, нежно касались лица, покрытого легкой щетиной. Где-то неподалеку скворцы весело вели птичьи пересуды. Наверное, это и есть конец. Так Рагнер и подумал.

– Вставай, вставай, – слышался знакомый голос.

Рагнер открыл глаза и увидел знакомую седую бороду; Лестер весело протянул ему руку.

– Я все еще жив? – спросил он мага.

– Живее и не придумаешь, – весело отозвался Лестер.

Рагнер схватился за сухощавую руку и быстро поднялся на ноги.

Они находились на лесной опушке, залитой золотистыми лучами солнца. Кругом ни души, разве что неумолкающие скворцы, сидевшие где-то на макушке одного из деревьев. Солнце припекало довольно сильно, отчего на лысой голове Рагнера тут же проступили капельки пота. Он и забыл, что в пещере они с магом надели плащи, да так в них и остались, пока убегали от кентавров.

– Что сейчас со мной произошло? – спросил Рагнер, снимая плащ. – Я падал в какую-то пропасть, а в итоге, оказался в непонятном месте.

– Ты вовсе никуда не падал, – усмехнулся маг, почувствовав, как пот начинает струиться по спине, Лестер последовал примеру друга и тоже снял плащ. – Мы с тобой прошли через нору.

– У меня было ощущение, что я лечу вниз, а не прохожу через нору.

– Нам некуда было бежать, и я решил ею воспользоваться, – Лестер уложил плащ в дорожный мешок, а затем взглянул на Рагнера. Тот стоял с таким видом, который показывал, что он понятия не имеет, о чем говорит его собеседник.

– Хорошо, я поясню более подробно, – улыбнулся старик.

– Ты уж постарайся, – буркнул Рагнер. – Знаешь, Лестер, я ведь не очень-то разбираюсь во всех этих волшебных штучках, и ты частенько забываешь об этом.

– Хорошо, постараюсь больше так не делать, – маг уселся рядом со своим мешком и начал объяснять.

– Это своего рода проход, который позволяет незаметно перебраться из одной точки в другую. Надо, всего лишь, четко представить место, в которое хочешь попасть. Ну и, разумеется, необходимо открыть вход в нору, иначе ничего не выйдет.

– И как же открыть этот вход?

– О, это пустяковое дело, для этого нужно немного воды, ясный погожий день и волшебная пыльца. Разливаешь воду, насыпаешь пыльцу в получившуюся лужу, только ни в коем случае нельзя делать этого в тени, солнечные лучи обязательно должны попадать в эту лужицу. Затем, читаешь заклинание и все. Нора открыта. Только необходимо прыгать в нее очень быстро, потому что она открывается на очень короткое время. Чуть замешкаешься и все, нора закрывается и приходится проделывать все заново. Очень хорошая штука, но пользуюсь ею редко.

– А почему же мы сразу не воспользовались этой норой, когда направлялись к кентаврам? Выиграли бы кучу времени, – недоумевал Рагнер.

– Понимаешь, ты сам видел, что за народ эти кентавры. К ним нельзя просто так вламываться. Мы должны были показать, что наши помыслы чисты. И нам это удалось. Они ведь стали следить за нами с тех пор, как мы появились в их краях. А вот если бы мы свалились, как снег на голову, воспользовавшись норой, они бы убили нас, не спросив даже имени. Однажды я уже являлся к ним так, и чуть не поплатился за это жизнью. С тех пор я решил больше не рисковать. Тем более, ты сам видел, как у них сейчас беспокойно. Да и волшебную пыльцу, которую нужно добавлять, чтобы нора открылась, не так-то легко достать, – легкая улыбка озарила лицо старика. – Поэтому приходится экономить.

– Куда мы теперь направимся? – спросил Рагнер, увидев, что маг засобирался в дорогу. – Будем искать следующий камень?

– Для начала нам нужно что-нибудь поесть. На пустой желудок искать камни вряд ли удастся. Да и, к тому же, я пока понятия не

имею, где его искать. Кстати, ты не потерял тот камень?

Рагнер сунул руку в нагрудный карман и вытащил изумруд, найденный в пещере. Камень отливал ядовито-зеленым цветом в золотистых лучах солнца. Рагнер протянул камень старику, но тот отказался его брать.

– Пусть он пока побудет у тебя. Если я начну его сейчас изучать, это займет не меньше часа, а тебе, я полагаю, как и мне, не мешало бы подкрепиться. Пойдем, я знаю, тут неподалеку есть небольшая деревенька, там нас накормят, как следует, и с полными желудками начнем думать, что делать дальше.

Вышли с лесной опушки на небольшую узенькую тропинку. Хоть она и пустовала, можно с уверенностью сказать, что эта тропинка пользуется спросом. Единственное, что отметил Рагнер – следы на этой тропинке были какие-то странные и, по большей части, звериные. Следов от обуви он не заметил.

Тропинка узкой извилистой змейкой уводила путников все дальше от лесной опушки в сторону небольшого холма, облаченного в ярко-зеленую траву, мирно покачивающуюся под легкими дуновениями ветерка. Солнце стояло в зените и, несмотря на то, что друзья сняли плащи, в скором времени пот струился по их спинам в три ручья. Рагнер не ожидал, что путь будет таким далеким. Со слов Лестера казалось, что поселение находится в нескольких сотнях метров. На деле же они шли уже не менее получаса, а деревня никак не хотела появляться на горизонте. Во рту пересохло, а воды, чтобы утолить жажду хоть ненадолго, не было совсем. Рагнер взял было свой мех, но из него не выпало ни капли. Такая же ситуация произошла и с мехом Лестера – последнюю воду тот использовал, чтобы открыть нору.

Рагнер хотел выругаться, но сдержался. С недовольным видом он продолжал путь, мысленно призывая всевышние силы быстрее вывести их с магом к деревне. А Лестер, в противоположность другу, шел легко и с таким видом, точно он спускался с горы. Казалось, его нисколько не заботило то, что они, обливаясь потом, плетутся под жаркими солнечными лучами без единой капли воды. Этот настрой мага в какой-то момент начал раздражать Рагнера, но он быстро подавил в себе это чувство.

Тропинка вывела путников на вершину холма, и оттуда открылся долгожданный пейзаж. У самого подножия холма длинной, блестящей

на солнце змейкой текла река – извилистая и узкая. Вдоль неё по обоим берегам растянулось небольшое поселение, обнесенное деревянным забором.

Здесь, с вершины холма, все строения в этой деревне казались такими маленькими, словно разбросанные детские игрушки. Только протяни ладонь, и с легкостью поднимешь любой домик и переставишь на другое место.

Вид поселения приободрил Рагнера, и он, повеселев, пустился вслед за Лестером, который уже спускался с холма.

Тропинка привела их прямо к деревне. Друзья пересекли небольшие деревянные ворота, и Рагнер ахнул: вместо маленькой, ничем не примечательной деревушки перед ними возник огромный город с широкими улицами и большими зданиями. Жизнь в этом необыкновенном месте кипела и бурлила так, словно друзья попали в пчелиный улей. Телеги и повозки, груженные и пустые, маленькие и большие носились туда-сюда, поднимая в воздух огромные клубы пыли. Жителями этого города оказались животные, снующие повсюду, точно муравьи, смеясь и разговаривая обо всем подряд. Хорьки, мыши, бобры, еноты, суслики, сурикаты, медведи, белки, зайцы, лисы – кого здесь только не увидишь. Прямо у самых ворот путникам повстречалась семья опоссумов, шумно переправляющаяся на другую сторону улицы. Глава семейства – большой толстый опоссум вместе со своей супругой, весело подгонял четверых непоседливых отпрысков, которые то и дело пытались свернуть в каком-нибудь неверном направлении. Не успели друзья пройти и квартала, как мимо них пронеслись две огромные колесницы, запряженные крылатыми конями. Правили экипажами две громадные серые крысы с золотыми коронами на голове.

Путники продвигались по широкой центральной улице, и Рагнер не переставал удивляться. Дома, которые казались ему с холма такими крошечными и незатейливыми, на деле оказались большими деревянными многоэтажными строениями. Каждое здание выкрашено яркой краской, а окна, все без исключения, переливались цветами радуги. Как правило, возле входных дверей, по обе стороны, располагались две небольшие клумбы, засаженные яркими, дивно пахнущими цветами. Несмотря на пыль, которую поднимали проезжающие мимо повозки и колесницы, каждый нежный лепесток

был чистым, словно все эти бутоны только-только расцвели и первый день радуют своим великолепием прохожих.

Рагнер смотрел по сторонам, и не мог поверить своим глазам, ведь Лестер говорил, что они идут в деревню, а на самом деле – пришли в город. И, что более всего ему было непонятно, так это то, что он сам своими собственными глазами видел с вершины холма небольшое поселение. Куда же они все-таки попали? Что это за место? И почему его населяют только животные? Рагнер чувствовал, что и в этот раз не обошлось без волшебства. Иначе и быть не могло. Он бросил недоумевающий взгляд на Лестера: тот шел по улице и не прекращал улыбаться. Его лицо было таким довольным, что Рагнер не стал задавать вопросы, которые так и рвались наружу. Но маг, заметив любопытство, раздирающее друга, сам решил все рассказать.

– Я вижу, ты в недоумении, – улыбнулся Лестер. – Это и понятно. Тебе казалось, что мы пришли в деревню, но, как видишь, порой не всегда нужно верить своим глазам.

– Но ты сам сказал, что мы идем в деревню, а в итоге эта деревня превратилась в большой город.

– Я хотел, чтобы это было для тебя сюрпризом. Ты никогда не видел ничего подобного, – маг посмотрел на друга и улыбнулся самой добродушной улыбкой. – Место, где мы с тобой сейчас находимся, называется Звериное царство. Это город, в котором живут исключительно животные, ты это и сам уже заметил.

Лестер ненадолго прервался, поскольку друзья подошли к перекрестку и были вынуждены пропустить очередную колесницу, которая на сей раз была запряжена двумя огромными ящерицами. Правил ими большой бурый медведь. Он промчался мимо путников, оставляя позади огромные клубы пыли. Друзья перешли улицу и Лестер продолжил:

– Это воистину волшебное место, мне тут всегда нравилось. Население тут очень добродушное и дружелюбное. Людей здесь никогда не бывает. Они про это место не знают. А если даже кто-то из них захочет сюда проникнуть, то у него ничего не выйдет. Любой человек попадет в ту деревню, которую ты видел.

– Как же тогда сюда попал я? – удивился Рагнер.

– С тобой был я. Только маги, и то не все, могут проникать в Звериное царство. Нужно знать особое заклинание, чтобы сюда

попасть.

– Своего рода ключ от замка, – заключил Рагнер. – А для чего вся эта конспирация с деревней?

– Для безопасности. Звери не хотят, чтобы к ним навевались непрошенные гости. Впрочем, я одобряю их решение. Живут они тут сами по себе – ну и пусть. Так оно будет лучше.

Путники свернули с главной улицы направо, прошли еще три квартала, а затем повернули налево. То и дело на пути им попадались местные жители: поодиночке, парами, а то и вовсе целыми семьями. И никто не обращал внимания на Лестера и Рагнера. Словно они не выделялись на общем фоне местных обитателей. Это Рагнеру очень нравилось, особенно после того, как он побывал у кентавров. Лучше уж пусть тебя не замечают, чем постоянно ловить на себе злые, недружелюбные взгляды.

Повсюду были витрины, в которых красовались различные товары. Посуда, глиняные фигурки, игрушки, продукты, корзины любых размеров. Тут продавалось все то же самое, что и у людей, кроме оружия, драгоценностей и одежды. Животным это было ни к чему, люди сюда не заходили, а потому, надобности в этих товарах не было.

Дорога вывела друзей к деревянному двухэтажному зданию, окрашенному в синий цвет. Никаких примечательных черт, которые бы выделяли его на фоне остальных строений, не было. Никаких вывесок или надписей. Такое же аккуратное, ухоженное, с клумбами возле входных дверей. Рагнер понял, что именно в это место они и шли. И, надо признаться, несмотря на то, что ему понравилась прогулка по Звериному царству, он был рад, что они наконец-то на месте. В желудке давным-давно пусто, а прогулка под палящим солнцем забрала у него последние силы, ведь предыдущую ночь им не удалось поспать.

Когда путники переступили порог здания, их обдало приятной прохладой, как если бы они умылись водой из холодного ручья. Это принесло облегчение после длинной прогулки под палящим солнцем. Они очутились в небольшой, но хорошо отделанной комнате. Стены были обклеены обоями нежно-розового цвета с золотистыми рисунками, приятно отливающие в падающих солнечных лучах. Люстра, вмещающая в себя два десятка свечей, должно быть ярко

освещала эту комнату в вечернее время. Днем с этой задачей справлялись три окна, стекла в которых, снаружи отливали всеми цветами радуги, отчего никак нельзя было рассмотреть, что происходит внутри здания. С такими стеклами отпадала надобность в шторах, поэтому их в здешних краях не вешали. Помимо этого, у стекол в этих окнах было еще одно необычное свойство: в жаркие дни, они ослабляли тепло солнечных лучей, отчего в помещении становилось прохладно. На подоконниках стояли большие фарфоровые вазы со свежими цветами, которые наполнили помещение приятным сладковатым ароматом. Прямо перед входной дверью располагалась стойка, за которой стоял огромный, толстый, пушистый хомяк, читающий книгу в красном переплете. Слева от этой стойки находилась деревянная винтовая лестница, ведущая на второй этаж, справа – двойная дубовая дверь с матовыми стеклами.

Когда Лестер и Рагнер вошли внутрь, хомяк оторвался от книги и расплылся в улыбке, отчего его толстые щеки обвисли, словно полупустые мешки. Рагнер чуть было не рассмеялся, но, посчитав, что такое поведение может обидеть этого милого здешнего обитателя, он подавил смешок и вместо этого улыбнулся в ответ.

– Здраствуйте, догогие гости, – голос у него был писклявый и смешной, поэтому Рагнеру снова пришлось подавить смех, только на этот раз это стоило ему больших усилий. – Гад пгиветствовать вас в нашем замечательном заведении.

– Найдется ли у вас для двух уставших путников комната с двумя кроватями? – спросил маг, добродушно улыбаясь.

– Газумеется найдется, – ответил хомяк, доставая из-под стойки огромный толстый журнал в потертом, коричневом переплете. Раскрыв его где-то в середине, хомяк принялся водить по строкам маленькими пальчиками с длинными коготками.

– Могу вам пгедложить номег семь тысяч сто тгидцать один.

– С двумя кроватями? – спросил Лестер.

– Да.

– Тогда мы остановимся в нем.

– На чье имя сделать запись? – спросил хомяк, доставая из-под стойки чернильницу с пером.

– Запишите на имя Лестера, мага Изумрудных лесов.

Хомяк обмакнул перо в чернила и принялся аккуратно, очень медленно выводя каждую букву, делать запись в журнале. Рагнеру показалось, что прошла целая вечность, прежде чем магу вручили ключи с большой красной табличкой, на которой золотыми цифрами было написано «7131».

– Странно как-то, здание вроде небольшое, а номер такой длинный. Похоже, у них тут нумерация начинается с семи тысяч, – в недоумении заметил Рагнер, когда они поднимались с Лестером по винтовой лестнице.

– Вовсе нет, здесь и вправду более семи тысяч комнат, – маг отвечал таким тоном, словно в этом не было ничего необычного.

– Откуда тут взяться такому количеству комнат? Это же обычное двухэтажное здание. Если десяток наберется, то уже хорошо.

Они поднялись на второй этаж и, к своему удивлению, Рагнер не обнаружил тут ни единой двери, которая бы вела в одну из комнат. Только голые стены, выкрашенные в белый цвет и старый, выдавший виды, деревянный шкаф. Ни окон, ни столов, ни стульев. Друзья подошли к шкафу и остановились. Лестер открыл дверь.

– Заходи, – сказал маг другу. Тот нерешительно повиновался.

– Знаешь, Лестер, все это как-то странно, – заметил Рагнер, когда маг тоже вошел внутрь.

– Ну, мне кажется, ты давно уже должен был привыкнуть к странностям, – улыбнулся старик.

В шкафу по углам висела паутина. Однако пол, который, по мнению Рагнера, должен был быть весь в пыли, на деле оказался чистым, словно его каждый день кто-то протирал. Лестер, оказавшийся слева, посмотрел на друга, улыбнулся, закрыл дверь в шкаф и снова повернулся лицом к противоположной стенке.

– Семь тысяч сто тридцать один, – громко скомандовал маг.

Рагнер посмотрел на Лестера. Тот стоял и смотрел, не отрываясь прямо перед собой на стенку шкафа. Все это показалось очень странным Рагнеру, но, как верно заметил маг, странностей в последнее время произошло немало, так что нечего было удивляться. Что-то щёлкнуло, и уже через несколько секунд двери шкафа открылись, и маг шагнул наружу. Рагнеру ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Они очутились в небольшом коридорчике, который мало чем отличался от того, что находился на втором этаже. Лишь на полу лежал старый потертый ковер цвета бордо, а справа темно-коричневая лакированная дверь, на которой красовалась овальная табличка с надписью «7131». Лестер вставил ключ в замочную скважину, два раза провернул, потянул за ручку, и дверь распахнулась.

Номер оказался небольшим и довольно уютным. Здесь было все необходимое путникам, утомленным длинной дорогой: две кровати, заправленные чистым постельным бельем; большой дубовый стол, покрытый белоснежной скатертью, на которой красовалась небольшая ваза с букетом кроваво-красных роз; большой деревянный шкаф, с виду почти новый; пара стульев да пара мягких кресел. Обстановка небогатая, но лучшего и пожелать нельзя.

Войдя внутрь, друзья сбросили с себя дорожные мешки, и прямо в одежде плюхнулись на кровати. Как же это было приятно после стольких ночей проведенных в дороге, когда приходилось спать под открытым небом на голой земле, наконец-то очутиться в объятиях мягкой постели, которая так охотно и ласково приняла путников. Рагнер никогда не думал, что можно вот так запросто радоваться простой мягкой кровати. Все остальные блага сейчас казались несущественными и маловажными.

Друзья лежали несколько минут в полной тишине. Рагнер настолько устал, что даже забыл о пустом желудке, который уже давным-давно давал о себе знать. Постепенно его сознание проваливалось в сон.

– Пока ты не уснул, дай мне камень, – откуда-то издалека, прозвучал голос Лестера. Как бы Рагнеру не хотелось, ему все-таки пришлось открыть глаза и достать из нагрудного кармана треугольный изумруд. Он протянул камень и почувствовал, как его глаза снова стали слипаться. Он даже не сопротивлялся. Взял Лестер камень или нет, Рагнер не мог сказать. Его вытянутая рука вдруг обмякла, и это было последнее, что он помнил, прежде чем сон окончательно его сморил.

Он проспал весь день и лишь вечером, когда солнце почти скрылось за горизонтом, Рагнер проснулся. Он ощутил себя отдохнувшим, поэтому первое, что он почувствовал – голод. Желудок был давно пуст,

а потому он отчаянно напоминал хозяину о необходимости набить брюхо. И чем быстрее, тем лучше.

Рагнер сел на кровати и осмотрелся: в комнате царил полумрак, с которым пыталась справиться единственная зажжённая свеча, появившаяся здесь, пока он спал. Помимо свечи, на столе появился еще один предмет, накрытый белой салфеткой. Какой же было приятной неожиданностью для Рагнера обнаружить под ней тарелку, в которой аппетитно расположилась половина жареного цыпленка с краюхой черного хлеба. Также помимо тарелки стояла большая деревянная кружка с темным элем. От вида всей этой красоты, у Рагнера заурчало в желудке. Недолго думая, он принялся все это поглощать, прямо сидя на кровати. Он ел с таким аппетитом, смакуя каждый кусочек, обсасывая каждую косточку. А как же приятно хрустела поджаренная шкурка! Да еще запивая это все таким дивным, совсем недавно сваренным элем. Это был верх блаженства.

Дверь распахнулась в тот самый момент, когда Рагнер закончил трапезу. Лестер вошел, и, увидев, что друг проснулся, расплылся в белоснежной, добродушной улыбке.

– А я вижу, ты времени зря не теряешь, – усмехнулся маг, указывая на пустую тарелку.

– Это ты принес еду?

– Да, – ответил маг, усаживаясь в кресло. – Решил, что тебе не помешает подкрепиться, после сна. Тебе понравилась стряпня местных поваров? Учти, эль здесь варят исключительно для приезжих магов, местные его не пьют, поэтому, если тебе он вдруг не понравился, не торопись критиковать.

– Я и не думал критиковать. И еда, и эль были просто восхитительными. Кстати, а ты сам поел? Или эта еда была нам на двоих? – внезапно спохватился Рагнер.

– Не беспокойся, – усмехнулся маг, почесывая седую бороду. – Я давно поел, там, внизу. А твою порцию принес тебе. Решил, что незачем тянуть, ты, должно быть, сильно проголодался, ведь мы ели последний раз у кентавров. Да и будь тут еды на двоих, надо полагать, что и кружек здесь тоже было бы две. Верно? – маг снова усмехнулся.

– Да, верно. Я как-то об этом и не подумал.

Рагнер поднялся с кровати и принялся разминаться. Несмотря на то, что кровать была мягкой и удобной, из-за того что он проспал

несколько часов в одной позе, спина у него затекла и стала ныть.

– Неплохо было бы прогуляться, – заметил Рагнер, после разминки. Настроение у него было отличное. К тому же, ему действительно понравилось в Зверином царстве. Но Лестер, как показалось Рагнеру, не разделял настроения друга. Как только он услышал о прогулке, лицо мага вдруг стало хмурым, на лбу прорезались две глубокие ложбинки, что всегда случалось, когда Лестер хотел сказать что-то очень серьезное. Вместо ожидаемого утвердительного ответа, Рагнер услышал приглашение сесть в кресло.

– Мы здесь задержимся ненадолго, – заговорил маг, едва Рагнер уселся. – Думаю, завтра же отправимся в путь.

– К чему такая спешка?

– Есть причина, уж поверь мне, – Лестер сложил пальцы домиком и на мгновение о чем-то задумался. – Ты просил меня рассказать про сафров и Мертвую землю, помнишь?

– Конечно, помню.

– Не удивительно, что ты про них ничего не знаешь. В тех краях, где обитают люди, они уже давным-давно не появляются. Да и вообще они не высовываются из Мертвой земли.

– Про Мертвую землю я слышал лишь то, что в ней не водятся никакие звери – отсюда и название такое. Про то, что там живут сафры, я не знал. А почему они оттуда не высовываются? Хотя, признаюсь честно, я этому очень рад. Когда вспоминаю ту тварь, у меня кровь стынет в жилах. И все-таки мне интересно узнать – откуда они взялись?

Рагнер уселся поудобнее в кресле, и устремил все внимание на мага, который, прочистив горло, принялся рассказывать.

– Давным-давно, в самом начале всех времен, древнейшие и, безусловно, самые сильные маги создали Дамгарию. Это была чудесная страна, которая напоминала рай, до краев наполненный добротой и любовью. Все ее обитатели жили очень дружно, и даже понятия не имели, что где-то на свете может существовать зло. Древние маги были настолько довольны своим творением, что даже не заметили, как в Дамгарию проник демон Варкель. Этот древний змий, пропитанный злом и ненавистью ко всему живому, не разделял их радости и был намерен отравить жизнь обитателей Дамгариии. Для этой цели он создал армию ужасных тварей, которые теперь именуется

сафрами. Хаос и ужас охватили дивный эдем. Кровь лилась реками, со страшным опьянением Варкель наблюдал, как его непобедимая армия сеет страх и смерть повсюду. Древние маги спасли Дамгарию и всех ее уцелевших обитателей. Они смогли одолеть Варкеля и низвергли его в ту самую пещеру, где через много-много лет к нему явится Ваакль. Сафров им уничтожить не удалось, поэтому они оттеснили их в отдельное место, которое впоследствии нарекли Мертвой землей. Без своего хозяина эти твари стали спокойнее и больше не пытались развязать войну. В Мертвой земле они и поныне ведут уединенный образ жизни, практически никому не попадаясь на глаза. Во всяком случае, так было раньше, – Лестер закончил рассказ, и на минуту воцарилось молчание.

Рагнер сидел и обдумывал сказанное другом. Теперь многое становилось понятным.

– Вот почему у тебя была такая реакция, когда нам показали ту тварь в клетке, – подметил Рагнер.

– Абсолютно верно. Никогда до сей поры, сафры ни на кого не нападали. И уж тем более не разоряли поселения целыми отрядами. Чутье подсказывает – что-то неладное назревает на юге. Титос неспроста подметил, что, по всей видимости, сафрами управляет какой-то колдун. Помнишь, что я тебе рассказывал про Аррадона?

– Думаешь, это все как-то связано с тем пророчеством? – спросил Рагнер в недоумении.

– Вполне возможно, хотя, надеюсь, все это только совпадение. Однако мне кажется, что Вестермскую книгу украли не братнийцы.

– Хм, совсем недавно ты был уверен, что книга именно у них, теперь ты думаешь совсем иначе.

– Король Бренер пошел войной на Фильнию и вряд ли он каким-то образом замешан в том, что стало происходить в Мертвой земле. Братнийцы хотят оторвать кусок Фильнии, а в лучшем случае – захватить страну. Сафры им ни к чему. Вряд ли Бренер вообще что-то знает о пропаже книги. Кстати, тот дух, что вселился в ведьму, говорил нечто подобное.

Лестер прикрыл глаза, пытаюсь оживить в памяти вечер в лесу, когда дух указал место, где спрятан первый камень.

– «Вестермская книга у врагов, но у тех ли, о которых ты думаешь» кажется, дух говорил так, – Рагнер и сам не мог понять, почему ему

вспомнились слова той мерзкой старухи.

Тот вечер был далеко не самым лучшим воспоминанием в его жизни, которое он всячески пытался вытеснить из своей памяти. И внезапно снова всплыла картина этого отвратительного обряда вызова духа, словно это было только вчера.

– Да, да, именно так и было сказано, – согласился маг. – Думаю, тот, кто украл Вестермскую книгу, просто решил подставить братнийцев, чтобы отвести от себя подозрения. И мне кажется, именно этот неизвестный замешан в том, что творится в Мертвой земле. Именно этот колдун управляет сафрами.

– Но для чего это делать? – спросил Рагнер.

– Возможно, чтобы начать войну. Это очень удобно. Пока Милат отвлекся на братнийцев, можно собрать в кулак всех сафров, чтобы потом нанести удар. Только в этом случае война будет вестись на полное уничтожение всего живого. И книга тут отлично поможет. Опять похоже на то, что пророчество сбывается.

– Успокойся, Лестер. Камней-то у него нет. А без них книга ничего не дает.

– У него ПОКА нет камней. Скорее всего, этот колдун так же, как и мы ищет их. Если он нас опередит, дело совсем станет плохо.

– Ну, все камни он точно не соберет. Один мы уже нашли.

– Все равно нам следует поторапливаться. Неизвестно какой силой обладает этот колдун. Если он найдет остальные камни раньше нас, чую, заполучить наш камень ему будет не трудно.

– Я думаю, ты немного преувеличиваешь на счет пророчества. Мне кажется, это всего лишь совпадения.

– Я тоже очень на это надеюсь.

Однако тревожный взгляд Лестера говорил об обратном. Маг был абсолютно уверен, что пророчество сбывается, и он готов был пойти на что угодно, лишь бы этого не случилось.

– Как ты думаешь, кто мог украсть книгу? – спросил Рагнер после недолгой паузы.

– Понятия не имею. Это может быть кто угодно, ведь горячих голов, которые пытались разыскать камни, всегда хватало. С книгой также. Видимо это очень сильный и хитрый колдун, раз ему удалось усыпить всю стражу.

– Да, такое проверить далеко не каждому удастся. Кстати, раз мы хотим быстрее разыскать все камни, с чего начнем? Тебе известно, где находится следующий камень?

– Нет. Я надеялся найти хоть какую-нибудь подсказку в изумруде, но ничего не вышло.

– Как? Совсем ничего? – удивился Рагнер.

– Совершенно ничего. Пусто. Во всяком случае, пока.

– И с чего же нам тогда начинать? Ты говоришь, что нам надо поторапливаться, но каким образом? У нас нет ни единой зацепки, указывающей на местонахождение следующего камня.

– Я уверен, что мы найдем какую-нибудь подсказку. Возможно, я что-то не рассмотрел. Забери пока этот камень.

Маг протянул треугольный изумруд, и Рагнер убрал его в нагрудный карман.

– Было бы неплохо, если бы следующий камень оказался здесь, в Зверином царстве, – как-то мечтательно протянул Рагнер.

Лестер с удивлением посмотрел на друга.

– Я сильно сомневаюсь, чтобы мудрый Аксиос спрятал один из камней в этом месте. Да и, насколько мне известно, Звериное царство появилось значительно позже тех времен, когда жил великий маг. А я вижу, тебе здесь понравилось, – заметил Лестер.

– Это место показалось мне неплохим. Есть что-то притягательное в этом необыкновенном мирке. Не знаю, возможно, это всего лишь первое впечатление.

– Зачастую, первое впечатление оказывается самым верным, хотя и бывают исключения. Ты прав, это чудесное место, и, раз уж тебе тут нравится, пойдем, прогуляемся. Отложим все дела на завтра. Только сначала выпьем с тобой по кружке доброго эля.

Внизу, на первом этаже, было что-то вроде закусочной, в которой можно плотно поесть, а магам помимо еды предлагался свежий пенный эль. Средних размеров зал вмещал дюжину столиков, покрытых белоснежной скатертью, и барную стойку, за которой стоял огромный волчара с черной повязкой на правом глазу. В это время посетителей было много, так что почти все места оказались заняты. Официанты – большие суслики, то и дело метались туда-сюда между столиками, разнося заказы. Друзья спустились сюда таким же необычным способом – через шкаф. Рагнеру стал нравиться такой

способ перемещения. Было бы здорово, если бы вот так запросто можно было очутиться в любом месте, где тебе только захочется. Назвал место и готово. Очень удобная штука, этот старый шкаф.

Оказавшись на первом этаже и не найдя в зале свободного места, друзья сели за стойку и заказали эль. Буквально через минуту две большие деревянные кружки, наполненные до краев, стояли перед путниками, и они принялись размеренно смаковать чудесный напиток.

Как же хорошо сидеть здесь, в зале среди гудения посетителей, напоминавшего стаю пчел. Рагнеру было так спокойно на душе, так приятно и блаженно, что сейчас совсем не хотелось думать ни о камнях, ни о книге. Для него сейчас существовал именно этот момент, когда он со старым другом сидит и потягивает эль в чудесной обстановке, в неведомом до сей поры крае. И почему он раньше ничего не слышал о Зверином царстве? Почему он вообще так мало знает об окружающем его мире? А ведь он прожил уже тридцать лет. Немалый срок. Должно быть, раньше его вовсе ничего не интересовало. Ему всегда были безразличны древние легенды, или сказания, которые родители рассказывают детям. Так вышло, что все это прошло мимо него. Даже когда он служил у короля, для него существовала только служба, а свободное время он предпочитал проводить в каком-нибудь трактире. А когда он переехал в деревню и жил там совсем один, его почему-то тоже нисколько не интересовал окружающий мир. Он даже и не думал, что этот мир так широк и разнообразен, что не ограничивается только службой у короля и жизнью в деревне. Да только это путешествие вместе с Лестером показало, насколько все прекрасно и необычно устроено. Насколько мир полон красок и чудес.

Когда они допивали эль, Рагнер почувствовал на себе чей-то тяжелый пронзительный взгляд. Он стал осматриваться, чтобы понять, кого же он мог так сильно заинтересовать. Но в зале было все по-прежнему: неподалеку сидели три барсука и весело играли в какую-то настольную игру; большой бурый медведь сидел за столом с раскрытой газетой, перед ним стояла давно опустевшая миска и кружка, от которой исходил пар; две зайчихи весело о чем-то болтали. Словом, царила всё та же непринужденная обстановка. Однако Рагнер чувствовал за этой непринужденностью кого-то, чьи глаза жадно впились в него, словно орел в добычу, и никак не хотели его отпускать. И вот в дальнем углу он заметил две странные фигуры,

выделяющиеся среди остальных гостей. Двое мужчин, облаченные в серые рваные плащи: первый сидел к Рагнеру спиной, а потому, он не смог увидеть его лица. Второй же сидел напротив своего товарища и, несмотря на то, что их угол был плохо освещен, Рагнеру все-таки удалось разглядеть его лицо. И какое это было лицо! Огромный вытянутый овал с впалыми щеками и мертвенно-бледным окрасом, отчего незнакомец напоминал ожившего мертвеца. Ни волос, ни бровей, ни ресниц – из-за чего физиономия казалась еще отвратительнее. Два огромных серых глаза с каким-то зловещим, хищным интересом рассматривали Рагнера. Должно быть, именно так преступник разглядывает будущую жертву. Даже после того, как их взгляды встретились, этот незнакомец не отвел в сторону огромные глазищи. Рагнеру стало жутко, и он отвернулся, и постарался на что-нибудь отвлечься, но ничего не выходило. Он по-прежнему чувствовал, как этот бледный лысый оживший мертвец продолжает сверлить его взглядом. Лестер заметил, что Рагнер стал вести себя как-то странно: его взгляд дёргался, блуждал по присутствующим, словно искал за кого зацепиться.

– Тебя что-то беспокоит? – маг поставил пустую кружку на стойку.

– Какой-то тип все время на меня смотрит, – ответил Рагнер.

– Который? – маг окинул взглядом присутствующих в зале.

– Вон тот, в дальнем углу, – Рагнер кивком указал туда, где сидела странная парочка.

– Вон тот лысый?

– Да, тот самый, – Рагнер вскользь глянул в тот угол и тут же отвернулся. – Ты не знаешь кто они такие?

Лестер прищурился, чтобы лучше рассмотреть странную парочку. Он так же бессовестно разглядывал их в ответ, так что лысый, наконец, перестал пялиться на Рагнера и отвернулся.

– Судя по всему, эта парочка гнилоедов, – при этих словах Лестер брезгливо сплюнул. – Мерзкие колдуны, которые знают с темными силами и не прочь, иной раз, закусить мертвечиной. Отсюда и происхождение названия.

Маг еще раз смерил парочку взглядом, в котором читалось отвращение, и отвернулся.

– Я про них никогда не слышал, – сказал Рагнер, отворачиваясь к барной стойке.

– Ты много о чем не слышал, – усмехнулся Лестер, впрочем, усмешка эта был отнюдь не веселой. – Этих тварей все стараются обходить стороной. Ни один уважающий себя маг не пройдет с ними по одной улице. Но в городах они почти не появляются. Боятся. Вообще они стараются выходить только по ночам, потому что только в это время суток они могут колдовать. Днем их силы иссякают, и они практически не представляют опасности. Живут в основном на болотах. Любят творить всякие гадости. Зачастую людям. Порчи, проклятья – это всего лишь малая часть того, что они вытворяют. Используют они исключительно черную магию. Поговаривают, в деревнях они воруют издохшую скотину. Ее они съедают, когда проводят свои мерзкие обряды.

– Почему один из них так смотрел на меня?

– Не знаю. Видимо, его что-то в тебе привлекло. И, признаюсь честно, меня это немного беспокоит. Вообще не понимаю, что эти твари тут забыли. Я их никогда в здешних краях не встречал. За всю жизнь, может, и видел их пару раз. Но этого более чем достаточно. Ладно, мне противно находится с ними в одном помещении. Пойдем, прогуляемся.

Сумерки давно опустились на землю, а вместе с ними пришла и вечерняя прохлада. Солнце скрылось за горизонтом, лишь зарево догорало на западе.

Друзья шли по Звериному царству, вдыхая волшебный аромат цветов, которые стали благоухать с наступлением вечера. Уличные фонари давно зажжены и ярко освещают город; местные жители, по-прежнему, как и днем, снуют повсюду, словно день и не думал заканчиваться. Магазины и уличные лавки всё так же открыты и рады приветствовать любого посетителя.

Друзья медленно шли по центральной улице. Приятная прогулка в этом дивном безлюдном крае, приносила неопишное удовольствие, несмотря на вездесущую суету. И все-таки Рагнер чувствовал за всем этим огромную доброту, которую он еще нигде не встречал. Она читалась в глазах местных, в том, как они вели себя с окружающими, в веселых и непринужденных разговорах между собой. Стоит отметить,

что за все время, пока друзья тут находились, они ни разу не слышали, чтобы кто-то с кем-то ругался или хоть как-то наругал. Все вели себя вежливо и добродушно.

Они проходили мимо огромного плаката, на котором на непонятном языке было что-то написано, когда Лестер вдруг остановился. Все его внимание было обращено на этот плакат. Несколько секунд он стоял, прищурившись, читая непонятные Рагнеру надписи.

– Теперь ясно, почему мы днем видели так много колесниц, – сказал маг, закончив чтение. – Завтра тут состоятся ежегодные межвидовые скачки на главном ипподроме Звериного царства.

– Межвидовые скачки? – удивился Рагнер. – Звучит очень интересно. Было бы здорово на них попасть.

– Сколько раз я тут был, и ни разу мне не удавалось их посмотреть, – губы мага тронула легкая улыбка. Он шел медленно, о чем-то задумавшись. – Надо бы искать второй камень, но я думаю, ничего страшного не случится, если мы задержимся тут еще на денек.

– Я вижу, ветерок поменял направление.

При этих словах друзья рассмеялись.

– Камни нужно искать как можно быстрее, в этом я и сейчас уверен. Однако пропустить ежегодные межвидовые скачки, находясь в Зверином царстве – настоящее преступление. Я слышал, что на Ипподроме двугорбого быка в этот день не протолкнуться. Сотни зрителей и невероятные ставки, насколько мне известно. Поэтому мы можем позволить себе задержаться тут еще на денек.

– Ипподром двугорбого быка?

– Да, назвали в честь быка с двумя горбами. Он придумал эти скачки пятьдесят лет назад, чтобы сплотить всех зверей. Конечной цели эта благородная задумка не достигла, однако скачки стали очень знаменитыми среди животных и магов.

Друзья продолжали мирную прогулку, наслаждаясь вечерней прохладой. Ночь постепенно опускалась на Звериное царство, накрывая его темным покрывалом с миллиардами серебряных звезд. Лавки и магазины стали закрываться, хотя животных на улице было по-прежнему много. Уличные огни стали гореть ярче, Рагнер, не обративший на них никакого внимания в начале прогулки, с удивлением заметил, что фонари эти совсем необычные: в них было

нечто, похожее на песок, который при этом парил в воздухе да излучал многоцветное сияние, озаряя все пространство вокруг фонаря.

Лестер и Рагнер проходили мимо большого сквера, в центре которого был огромный фонтан, подсвеченный снизу десятками разноцветных огней. Вокруг него расположились длинные деревянные скамейки, забитые местными жителями так, что не осталось ни одного свободного места. Лестер, к удивлению Рагнера, не говоря ни слова, свернул в этот сквер. Так как все места были заняты, им пришлось встать возле одной из скамеек. Маг, как и все остальные присутствующие, смотрел на фонтан так, словно на сцену, на которую вот-вот выйдут актеры, и начнется представление. Рагнеру это показалось странным, но он не стал задавать вопросы, полагая, что вскоре все само разрешится. Ждать пришлось недолго: в скором времени откуда-то вдруг послышалась музыка, и началось то, ради чего все здесь собрались. Как только заиграли первые аккорды тихой завораживающей мелодии, струи в фонтане стали извиваться словно змеи. Затем, где-то ударил барабан, вода в фонтане поднялась невысоко над землей и стала растягиваться большим плоским кругом, напоминая огромный блин. Снова удар барабана, и все замерло. Перестали бить струи из фонтана. Вода повисла в воздухе огромным блином. Около минуты ничего не происходило, а затем, снова заиграла веселая музыка, и из воды одна за другой стали возникать парные фигуры, скользящие по воде в дивном задорном танце. Раздались аплодисменты, и теперь Рагнер понял, для чего все собрались, и почему все так смотрели на фонтан. И снова Рагнер был приятно удивлен таким милым и приятным волшебством, творившимся прямо у него на глазах. А между тем фигуры перестали скользить по воде в танце, музыка сменила темп, и теперь они принялись выполнять различные трюки: шпагаты, кувырки, кульбиты, прыжки, один за другим, словно это был водяной цирк. Рагнер присмотрелся внимательнее и разглядел среди фигур, выполняющие трюки, самого себя. Он глазам своим не мог поверить. Как такое возможно?! А вот рядом с ним скачет Лестер, словно юный мальчишка, у которого вдруг отросла седая борода, а лицо покрылось морщинами. А вот позади него делает сальто назад леопард, который сидит рядом на лавочке и хлопает своими огромными лапищами. И тут Рагнеру стало ясно. Появившиеся из воды танцующие фигурки были точными

уменьшенными копиями тех, кто сидел сейчас вокруг фонтана! Вот здорово! И впрямь Звериное царство – необычное место.

Дальше музыка снова меняет темп, теперь она играет тихо и мирно, напоминая колыбель. Фигурки вдруг оказываются внутри пузырей, которые медленно-медленно поднимаются в воздух. Они прощально машут присутствующим гостям, шлют им воздушные поцелуи, и, затем пузыри хлопаются один за другим. Фигурки исчезают вместе с ними. Вода, вышедшая из фонтана и вытянутая в огромный блин, стала сужаться, обретая прежнюю форму. Стихла музыка. Представление закончилось. И снова разразились громом аплодисменты, не стихая несколько минут. Потом все стали расходиться, оживленно обсуждая увиденное. Не остались в стороне и наши друзья. Рагнера переполняли эмоции, он никогда еще ничего подобного не видел, а потому у него назрело немало вопросов. Но Лестер не стал дожидаться, пока его друг станет его обо всем расспрашивать. Вместо этого он сам все рассказал, как только они покинули сквер. Оказалось, что это был танцующий фонтан, который днем ничем не отличается от обычного, зато вечером, после заката солнца, устраивает представление для всех собравшихся. Чтобы выступления были еще более красочными и необычными, и не были похожи друг на друга, фигурки в фонтане являются уменьшенной проекцией всех, кто присутствует на представлении. Само выступление обычно длится недолго – не более пяти минут. Зато сколько оно вызывает эмоций, особенно у гостей, которые видят подобное диво впервые! Придумали эти фонтаны очень давно двое братьев близнецов. Оба были магами и оба обожали Звериное царство настолько, что решили построить аж пять таких фонтанов. Нигде в мире нет ничего подобного. Только здесь – в Зверином царстве, можно повидать такое диво.

Путники вернулись ближе к полуночи и сразу же улеглись спать. Прогулка и предыдущая бессонная ночь давали о себе знать, так что уснули сразу, как только голова коснулась подушки.

Глубокой ночью Рагнера разбудил непонятный шорох, будто кто-то рылся в шкафу. Он открыл глаза и прислушался: возможно, ему все это только приснилось? Нет, это не сон. После небольшой паузы шуршание возобновилось и стало еще громче прежнего. Никаких сомнений – кто-то проник в комнату. Что-то громко звякнуло,

ударившись о пол; Рагнер решил зажечь свечу, мало ли, вдруг это Лестер пытается что-то найти, но специально не зажигает свет, опасаясь разбудить друга.

Он поднялся с кровати, чиркнул спичкой, и через мгновение слабый свет озарил комнату. Шорох прекратился. Рагнер взял свечу и в проблеске света, падающего на кровать, в которой должен лежать маг, он увидел мирно спящего Лестера. Звонящая тишина, воцарившаяся в комнате, казалась особо зловещей. Он медленно повернулся, чтобы рассмотреть того, кто к ним проник. При повороте свечи тени предметов начали плясать в жутком кошмарном танце. Вот он увидел разбросанные на полу вещи, еще совсем недавно сложенные в дорожном мешке. И среди этих вещей сидит нечто похожее на огромную, черную, как смоль ворону. Она находилась спиной к нему, растопырив крылья в стороны, словно пыталась взлететь. Рагнер замер ненадолго, пытаясь собраться с мыслями, затем, он осторожно двинулся к креслу, на котором лежал его меч. Он шел медленно, крался словно призрак, стараясь не издать ни единого звука. Непрошенный гость продолжал сидеть недвижно, словно воришка, застигнутый за кражей, надеющийся, что его не заметили. Предательский скрип половицы, и этот воришка с диким криком повернулся на звук, и Рагнер понял, что перед ним вовсе не ворона. Огромная лысая голова без бровей и ресниц с мертвенно-бледным окрасом приделана к жирному телу, покрытому черными перьями. Птичьи лапы заканчивались человеческими стопами с кривыми грязными пальцами, и длинными когтями. Именно эту голову Рагнер видел вечером внизу, когда пил с Лестером эль. Только в прошлый раз Рагнер был уверен, что это человек. Сейчас же, перед ним находилась огромная отвратительная тварь, вопящая мерзким голосом, обнажая вполне человеческие гнилые зубы. От этого вопля у него мурашки пошли по коже. Рагнеру чуть-чуть осталось до кресла. Если сейчас прыгнет, то через секунду будет сжимать в руке меч. Но хитрая тварь кинулась на него раньше, будто прочитала мысли. Рагнер упал. Тварь оказалась непомерно тяжелой; она села прямо на грудь Рагнера, не давая ему встать и вздохнуть. Он стал со всей силы бить ее железным подсвечником, стараясь попасть по голове. Но тварь ловко уворачивалась, обвивая неимоверно твердыми крыльями шею Рагнера. Он продолжал бить неприятеля подсвечником, и, наконец, попал по

лысой голове. Но тварь, издав отвратительный рык, еще больше усилила хватку. Тогда Рагнер вновь нанес удар, попав по челюсти. Никакого толка. Тварь продолжала душить Рагнера, все сильнее сжимая черные крылья. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мерзкая лысая голова наклонилась ближе к лицу Рагнера и стала шипеть еле различимые слова: «Где оно?» Если бы он смог сейчас дышать, то почуял бы мерзкий гнилой запах из пасти этой ужасной, отвратительной твари. Рагнер корчился на полу. Он выронил подсвечник и, хватаясь за крылья, пытался их разжать. Ничего не получалось. Крылья были тверды и невероятно крепки, будто сделаны из камня. Рагнер намертво придавлен к полу, а Лестер спал, как убитый и ничего не слышал. Это конец. Рагнер почувствовал, что сознание начинает его покидать.

Вспышка невыносимо яркого света на миг озарила комнату. Стальное кольцо, обвитое вокруг шеи Рагнера, исчезло, а тяжелый груз, придавивший его к полу, с грохотом укатился в сторону. Лестер произнес какое-то заклятие, и через мгновение огромный черный ком вылетел в окно, словно мусор. Рагнер этого не видел; он валялся на полу и с жадностью хватал воздух, пытаясь отдышаться. Маг подошел к нему и протянул руку. Рагнер лежал еще несколько секунд, прежде чем схватился за нее и поднялся с пола. Он сел в кресло, по-прежнему держась за шею. Лестер подошел к окну и с опаской посмотрел наружу.

– Ты как? – спросил маг, отойдя от окна.

Рагнер ответил не сразу.

– Не сказал бы, что хорошо, – прохрипел он. – Думал, что мне конец.

– Похоже, я подросел вовремя.

– На пару минут раньше было бы еще лучше, – с укором заметил Рагнер.

– Эта тварь улетела, но я уверен, что это ненадолго. Если мы тут останемся еще на ночь, то она обязательно вернется.

– Что этот гнилоед тут искал? – дышать стало легче, однако Рагнер все еще хрипел.

– Думаю, ты и сам догадываешься.

– Он искал камень, – ответил Рагнер.

Он машинально протянул руку к нагрудному карману своей белой рубашки и нащупал в нем твердый треугольник.

– Похоже, один из них почувствовал его там внизу, когда мы с тобой пили эль. Вот поэтому он так и пялился на тебя весь вечер. Зло, которое несет в себе этот камень, приманило его и в нашу комнату. Мне бы следовало догадаться, что он явится к нам. Старый я осёл.

– Значит, ты думаешь, что он вернется?

– Да, обязательно. И на сей раз, он будет, скорее всего, не один, так что нам опасно оставаться в этих краях. Надо уходить, и чем раньше, тем лучше.

Как только небо окрасилось легким багрянцем, засобирались: уложили вещи, рассчитались за комнату, позавтракали, пополнили припасы и отправились в путь.

Торговцы уже открывали свои лавочки и павильоны; первые жители – самые ранние пташки, уже выбрались на улицу и сновали туда-сюда по своим делам. Ежи развешивали по всему городу огромные плакаты, на которых были начертаны надписи на непонятном для Рагнера языке. Впрочем, смысл написанного и так был ясен, поскольку на каждом плакате была изображена колесница, участвующая в скачках. Скачки! При виде этих плакатов Рагнер почувствовал досаду, ведь ему очень хотелось посмотреть на них. А теперь, вместо того чтобы пойти на Ипподром двугорбого быка, они уносят отсюда ноги. И все из-за этого гнилоеда, чтоб он провалился! Просить Лестера о том, чтобы остаться и посмотреть скачки, Рагнер не рискнул. Маг шел по улице, словно сам не свой: задумчивый и мрачный, будто в его голове крутились самые жуткие на свете мысли. Видимо, ночное происшествие очень сильно его взволновало. А вот Рагнер, несмотря на то, что чуть не лишился жизни, быстро пришел в себя. Теперь ему казалось, что вовсе не обязательно так спешно покидать Звериное царство. Его вновь очаровали широкие улицы с мощеными тротуарами; красивые разноцветные дома, так уютно выстроились вдоль дорог со своими маленькими душистыми клумбами; изумрудные парки и скверы с фонтанами – все это манило Рагнера, нашептывало остаться здесь, в Зверином царстве еще хоть на денек. И он бы остался. Но образ мерзкой твари, которая пыталась его задушить, разыскивая камень, так внезапно оживший в памяти, вмиг развеял все мысли о том, чтобы оставаться здесь. Да, ему очень хотелось посмотреть на скачки, но деваться некуда. Лестер прав, нужно покинуть это место, как можно скорее.

Они продолжали идти без остановок, дом за домом, улица за улицей, квартал за кварталом; миновали большую площадь, на которой стояли громадные мраморные статуи в виде двух мужчин-близнецов. Один держал в руках большую книгу, другой – длинный посох. Оба без бороды. Они улыбались, точно это были живые люди. «Должно быть, это те самые маги, что придумали танцующие фонтаны», – подумал Рагнер.

Наконец, вышли к широкой реке. Противоположный берег был так размыт, напоминая огромное серое пятно, словно какое-то невидимое полотно скрывало его за собой. К удивлению Рагнера, огромный каменный мост, который должен был соединять два противоположных берега, обрывался посередине реки, будто его другой конец обрубили. Лестер ступил на мост, как если бы ничего необычного в нем не было. Рагнер последовал за ним.

Старик по-прежнему шел с мрачным видом, полный тревожных дум, не удосужившись пояснить другу, куда они все-таки идут. Перед ними возникла деревянная будка прямо неподалеку от обрыва моста, в которой на кресле-качалке сидел маленький крот. Почуввав приближавшихся друзей, он повернул мордашку в их сторону и широко улыбнулся. Только теперь маг внезапно остановился и обратился к Рагнеру:

– Делай то же, что и я. Мы побывали в гостях, теперь нужно как следует отблагодарить хозяев, а иначе больше нас сюда не впустят.

Сказав эти слова, маг подошел к кроту и отвесил земной поклон, приговаривая «благодарю за радушный прием». Затем он прошел на несколько шагов вперед и остановился, ожидая друга. Рагнер проделал все точь-в-точь, как и маг. Крот ему также поклонился в ответ, а затем уселся на прежнее место.

– Ты отлично справился, теперь нам нужно еще кое-что сделать. Видишь вон там впереди обрыв моста?

Рагнер кивнул.

– Теперь мы должны с тобой идти с закрытыми глазами вперед до тех пор, пока не услышим журчанье ручья.

Глаза воина округлились от удивления.

– Знаю, звучит безумно, но ты мне должен довериться. Только так отсюда можно выйти. И самое главное, ни в коем случае не открывай

глаза. Иди себе потихоньку вперед. Пусть тебя ничего не смущает. Ничего страшного с тобой не произойдет, – заверил маг.

Рагнер посмотрел вперед – туда, где мост внезапно обрывался. Прикинул расстояние, которое нужно пройти. По его меркам выходило около пятидесяти метров. Немалое расстояние, если учитывать то, что идти придется с закрытыми глазами. Да и куда идти-то? В пропасть?

– Ну что, ты готов?

Рагнер еще раз посмотрел вперед и кивнул.

– Тогда пошли.

С этими словами Лестер закрыл глаза и пошел вперед, мирно и неторопливо, словно гулял по парку, а не шел прямо в пропасть да еще с закрытыми глазами. Рагнер постоял немного, наблюдая за другом, затем закрыл глаза и зашагал вперед.

Это было необычное чувство, словно идешь на ощупь в кромешной тьме. Медленно, не торопясь, выставив руки вперед, он шел прямо туда, где обрывался мост. С каждым шагом он ожидал, что вот-вот он сорвется в воду, и скорее всего, разобьется. Однако внутренний голос ему подсказывал, что маг ни за что на свете не подвел бы его и не толкнул бы на такое дело, не будь он уверен, что оно ему нисколько не повредит. Он же все-таки друг. Так он и шел, словно ребенок с завязанными глазами, играющий вместе с друзьями в жмурки. Сколько он уже прошел? Двадцать метров, тридцать? Или всего лишь десять? Наконец, где-то вдалеке послышался звук воды. Или это не вода? Еще шаг и еще. Звук все громче. Еще шаг. Теперь Рагнер был уверен, что это шумит какой-то ручеек, который находится где-то совсем близко. Он сделал еще несколько шагов для пущей уверенности и открыл глаза.

Он очутился на небольшой полянке: под ногами мягкая ярко-зеленая трава, впереди – ручеек весело журчит да бьется о камни, поросшие мхом, и уносится куда-то вперед. Рядом стоит Лестер и весело улыбается; седая борода в свете солнца отливает серебром. Ничего не говоря, Рагнер обернулся, поставил ладонь козырьком к лысой голове: речка, та самая, которую они видели с вершины холма, а вот и тот самый холм и у его подножия расположилась маленькая деревушка, обнесенная деревянным забором, которую они видели вчера. Словом, от Звериного царства ни осталось и следа. Друзья вновь очутились в привычном мире. Рагнеру теперь стало ясно, почему тот

мост, по которому он шел еще совсем недавно, обрывался прямо посередине реки. Это были своего рода врата, ведущие во внешний мир, от которого ограждено Звериное царство.

– Куда мы теперь направимся? – Рагнер повернулся к магу.

– Пока ничего не могу сказать наверняка. Где находится второй камень – мы не знаем, однако торопиться с возвращением в Фильнию не стоит. Там сейчас зима, снег лежит. Лучше побудем пока здесь – на юге.

– Да, а куда же мы направимся? Юг-то большой, – заметил Рагнер.

– Ну, пока будем держаться Большого тракта. Не вплотную, конечно. Мало ли кого там встретим. Так будет безопаснее. А если наши запасы закончатся, то нам не составит никакого труда их восполнить. Все-таки на Большом тракте часто попадаются поселения.

– То есть, ты предлагаешь бродить, пока мы не пойдем, где искать второй камень? – спросил Рагнер, переступая через ручей.

– Да, пока поступим так. Думаю, нам придется так бродить недолго. Уверен, что в скором времени мы пойдем, где спрятан второй камень.

– Интересно, каким образом это произойдет. Пока что нет ни единой зацепки.

Лестер промолчал. Да и что, собственно, он мог сейчас сказать? Ему известно столько же, сколько и Рагнеру. Где искать второй камень, он понятия не имел. Еще в самом начале пути он был уверен, что возложенная на него королем миссия будет отнюдь не легкой. И все-таки, когда они оказались у кентавров и разыскали первый камень, он надеялся, что Аксиос оставил хоть какую-нибудь подсказку, которая смогла бы указать местоположение второго камня. Однако никаких таких подсказок он не обнаружил. Во всяком случае, пока что. Все же маг был уверен, что изумруд наверняка таит в себе ответы, способные хоть каким-нибудь образом подсказать, где искать второй камень.

Поступили так, как и говорил Лестер. К вечеру того же дня вышли к Большому тракту, однако шли в стороне, полями и лесными чащами, чтобы меньше встречать посторонних. Мало ли кого можно встретить на пути, да еще с камнем в кармане, за владение которым, многие отдали бы все, что угодно. И речь идет не только о злых колдунах и ведьмах. Разбойников на пути тоже хватало. Многие из них слышали про ярмские камни и убили бы даже за один из них без раздумий. Ведь продать такое сокровище на черном рынке можно за баснословную

сумму. Риск неоправданно высок, особенно после встречи с гнилоедом, поэтому друзья держались в стороне настолько, насколько возможно, чтобы не заблудиться.

Проходили дни и ночи. Путники шли не торопясь, часто останавливаясь на долгие привалы. Спешить некуда, ведь ни Лестер, ни Рагнер не знали, куда им идти. На привалах старик часто сидел под каким-нибудь деревом, если была такая возможность, или прямо в открытом поле, подолгу рассматривая камень. Он пытался найти в нем хоть что-нибудь, хоть мельчайшую особенность, которая позволила бы разрешить загадку. Вечерами, перед сном он так же подолгу крутил камень в руках, но это не приносило никакого результата. Совсем ничего. Пусто. Камень как камень. Ни единой подсказки. И с каждым днем лицо мага становилось все мрачнее и мрачнее.

Рагнер тоже поначалу изучал камень. Так же подолгу вертел его в руках, но вскоре он оставил бессмысленные попытки. Надежда, которая поначалу теплилась в нем, стала быстро угасать. Теперь ему казалось, что они вместе с магом занимаются полной ерундой. Нет никаких подсказок. Ничего такого этот Аксиос не оставил. Спрятал камни, чтобы их никто не нашел и дело с концом. С какой стати он вообще должен был оставлять подсказки? Кто вообще сказал, что они есть? Так кажется Лестеру? Да мало ли, что ему кажется? Они уже бродят вторую неделю, спят в основном на улице, на жесткой земле, опасаясь останавливаться в трактирах, которых и так, раз-два и обчёлся. С каждым днем настроение Рагнера становилось все хуже и хуже. Нервы стали натянутыми, как гитарная струна. Общение между друзьями свелось к минимуму: порой и парой слов не обмолвятся за день. Вдобавок ко всему, Рагнеру стал сниться один и тот же кошмар, из-за чего он стал плохо высыпаться. Он думал, что это связано с тем, что они постоянно спят на улице, на жесткой земле. Но, если бы он был более наблюдательным, то наверняка заметил бы, что этот кошмар стал его навещать с тех самых пор, как они нашли камень.

Лестер, хоть и засиживался с камнем подолгу, на ночь все же отдавал его Рагнеру. И тот спал вместе с камнем каждую ночь. Если бы Рагнер хоть раз сказал магу, что его стал навещать кошмар, тот наверняка бы догадался, в чем дело. Но, так как друзья в последнее время стали не особо разговорчивы, Лестер оставался в неведении. Он и сам-то был хмур в последнее время, поэтому ему не бросилось в

глаза, как сильно стал меняться его друг. Во всяком случае, до тех пор, пока не произошел случай.

Однажды вечером, после скудного ужина путники сидели возле костра. Оба молчали и смотрели на оранжевые языки пламени, танцующие в веселом танце, изредка выплевывая искры. Так сидели долго, пока маг, не нарушив молчание, попросил у Рагнера камень. Тот, вложил в протянутую сухощавую руку изумруд, тяжело вздохнул и встал, чтобы пройтись и размять затекшие ноги. Лестер, нисколько не обращая внимания на друга, положил камень на землю, отошел в сторону направил на камень посох и принялся начитывать какое-то заклинание. Маленькая вспышка и хлопок, точно взорвалась петарда. Лестер поднял камень – ничего. Все, как и прежде: изумруд, как изумруд, ничего не изменилось. Тогда маг снова положил камень на прежнее место и вновь навёл посох на камень. Снова вспышка, и вновь без результата. И вот камень опять на земле, а маг читает над ним заклинания – всё с тем же результатом. Лестер продолжал читать заклинания – все, которые только знал, в надежде, что какое-нибудь станет ключом от тайной двери, за которой скрыта подсказка. Но ничего не выходило, и эта надежда таяла с каждым неудачным разом все сильнее и сильнее, словно кусок масла на раскаленной сковороде.

Рагнер, наблюдавший за все этой сценой, поначалу подумал, что такой способ и вправду может дать результат. Однако, после третьей неудачной попытки, его стало это раздражать. С каждой минутой все сильнее и сильнее. Злость и гнев обожгли все его нутро, точно огонь, в который подлили масло. Нервы, и без того натянутые в последнее время, как струна, не выдержали, и струна наконец лопнула. После очередного заклинания, не принесшего никакого результата, Рагнер подскочил к магу, резко его оттолкнул и пнул камень в неизвестном направлении. Лестер, не ожидавший толчка, оступился и повалился на землю.

– Довольно страдать ерундой, старик, – зарычал Рагнер, повернувшись лицом к магу. – Ты что, не видишь, что ничего не помогает? Сколько еще ты будешь стоять тут, и трясти своим посохом?

Лестер, посмотрел на Рагнера, но тот стоял спиной к огню, а потому разглядеть лица магу не удалось. Он взялся за посох, облокотился на него и медленно стал подниматься с земли, ничего не говоря. Толчок был сильным и неожиданным, маг уже не молодой, а потому резкая

боль в спине пронзила его, словно молния. И все же он не подал никакого вида, будто у него что-то болит.

– Не можем же мы сидеть, сложа руки, – проговорил маг, настороженно глядя на Рагнера. Он окинул взглядом местность, которую освещал костер и нашел валяющийся изумруд прямо возле одного из тлеющих поленьев.

– Ты думаешь, что твои заклинания и впрямь могут нам чем-то помочь? — прорычал Рагнер. Гнев настолько поглотил его разум, что он даже не замечал как Лестер, потихоньку, крадучись, словно перепуганный зверь, идет туда, где валяется изумруд. – Стоишь тут бубнишь непонятные слова, а толку ноль.

– Нельзя исключать, что какое-нибудь заклинание и впрямь поможет, – по мере приближения к валяющемуся изумруду маг оказался повернутым спиной к огню. Только сейчас, когда пламя озарило лицо Рагнера, Лестер заметил, какая в нем произошла перемена. Даже при таком освещении видны темные круги под глазами. Лицо осунулось и побледнело. Две огромные морщины, которых раньше никогда не было, теперь, словно две борозды, испещряли лоб. Большие голубые глаза, налитые яростью, смотрели на Лестера с такой лютой ненавистью, что тот невольно ахнул.

– Что с тобой? – тихо спросил Лестер. – Ты сам на себя не похож.

– Что со мной? – Рагнер ядовито усмехнулся. – Он еще спрашивает! Возится тут с этой ерундой. Ты же видишь, что никакого толку. Нет никаких зацепок. Ничего этот Аксиос не оставил. Но ты упорно продолжаешь в это верить. Сам придумал глупость, и сам же в нее поверил, глупый ты старик.

Лестеру было больно слышать эти слова, хоть он и понимал, что они идут не от сердца.

– Да прекрати ты возиться с этим, – Рагнер ударил мага по руке, когда тот поднял изумруд. Камень, словно маленький лягушонок, вылетел из руки Лестера и упал прямо в огонь. Дальше произошло то, что никак нельзя было ожидать: из огня фонтаном полетели зеленые искры в разные стороны, послышалось шипение, будто на раскаленную сковороду с маслом попала вода.

Из костра вырвался огромный язык пламени и устремился к небу оранжевой змеей. Друзья от неожиданности повалились на землю.

Змея поднялась над землей метров на двадцать и зависла в воздухе, вырисовываясь в огромное огненное кольцо. Хлопок. Искры разлетелись в разные стороны, и в пространстве возникла картинка, словно это вовсе не огненное кольцо, а окно в другой мир. И что за диво виднеется в этом окне: огромный остров, поросший густой зеленью, плывущий по небу словно птица. Изображение висело в пространстве не дольше минуты. Лестер и Рагнер смотрели на него: один с пониманием и улыбкой на лице, другой с удивлением.

Круг сузился, и окно захлопнулось. Камень, над которым еще совсем недавно маг читал заклинания, изумрудной звездой упал на землю.

Глава 21

Поленья в костре мирно потрескивали, словно мгновением ранее не вырывались из пламени фонтаны зеленых искр, и не вздымалась в воздух огненная змея. Костер, как костер, ничего необычного.

Маг, после того, как им открылась необычная картина, сидел, уставившись в огонь, целиком погрузившись в раздумья. Рагнеру же, после всего произошедшего за этот вечер, было невероятно стыдно перед Лестером. Чувство повисло на его душе огромным тяжелым грузом, который не давал ему спокойно сидеть на месте. После некоторых колебаний он встал и подошел к старику.

– Прости, Лестер. Не знаю, что на меня нашло. Я будто был сам не свой. Мне стало казаться, что мы занимаемся ерундой. Вдобавок ко всему, я практически не сплю по ночам в последнее время.

Легкая улыбка тронула губы мага. Он поднялся с места и крепко обнял друга.

– Я на тебя не злюсь, – сказал он, похлопав воина по плечу. – Дорога и постоянные поиски ответа, где искать второй камень, нас обоих порядком измотали. К тому же изумруд тоже оказывает на нас влияние. Каждый раз, когда я беру его в руки, то чувствую сокрытое в нём зло. Ты сказал, что стал плохо спать по ночам. Почему?

– Каждую ночь мне снится один и тот же кошмар. И каждый раз я просыпаюсь в холодном поту и больше не могу заснуть.

Лестер уселся на прежнее место возле костра и жестом руки пригласил сделать то же самое Рагнера.

– Расскажи мне о своем сне.

Рагнер немного помолчал, собираясь с мыслями, а затем принялся описывать кошмар, не дававший ему покоя каждую ночь...

Рагнер шел вдоль цветущих аллей дивного сада. Солнце стояло в зените, но было нежарко. Яркие пташки летали повсюду и весело щебетали. Бабочки-красавицы порхали в воздухе, кружась в каком-то волшебном танце, перелетая от одного цветка к другому. Ласковый

ветерок легонько покачивал кусты цветущего жасмина. Его терпкий запах наполнял пространство дивным ароматом.

Рагнер гулял по саду не один. Его спутник – серый мышонок в крошечных очках шел по правую руку от него, стараясь не отставать ни на шаг. Рагнер никогда не видел ранее этого зверька, но почему-то был уверен, что знает его очень давно. Они шли по саду уже длительное время, Рагнер в этом абсолютно уверен, но усталости не чувствуют.

Вдруг мышонок останавливается и писклявым голоском просит, чтобы Рагнер нес его на руках. Рагнер наклоняется к земле и аккуратно, чтобы ни в коем случае не причинить хрупкому зверьку вреда, берет в ладони и сажает на плечо. Ему кажется это необычайно милительным, когда мышонок оказывается у него на плече и трется о щеку. Они продолжают путь, наслаждаясь красотами сада и теплом солнца. Куда они идут Рагнеру неизвестно, но он точно уверен, что они движутся в верном направлении.

Огромная черная туча неожиданно выплывает из-за горизонта и в один миг закрывает собой все небо, погружая сад во мрак и тьму. Ветер, словно злющий коршун, налетает на растения и, вырывая их с корнем из земли, швыряет, словно поверженную добычу. Он настолько силен и свиреп, что Рагнеру едва удастся удержаться на ногах. Он хочет продолжить путь, но почти не может сдвинуться с места, так как ветер дует прямо в лицо. И тут Рагнер вспоминает о мышонке. Вдруг ветер его сдул! Эта ужасная мысль заставляет его повернуть голову и посмотреть на правое плечо. И что же он видит! Вместо маленького серого мышонка, его плечо обвила черная жирная змея, страшно выпуская раздвоенный язык в сторону шеи Рагнера. Ужас объял Рагнера. Змея зловеще шипит и вот-вот его укусит. Страх сковывает его, но инстинкты подсказывают немедленно сбросить мерзкого гада. Когда змея уже готова впиться клыками в шею, Рагнер хватает ее за голову и отшвыривает в сторону. Но вместо того, чтобы уползти, змея, оказавшись на земле, начинает увеличиваться в размерах, и с шипением снова бросается на Рагнера. Он уклоняется от змеиной атаки и, не дожидаясь следующего выпада в свою сторону, бросается бежать отсюда прочь.

Он бежит и бежит, спотыкается, падает, поднимается, и снова бежит. А змея гонится за ним, и не думает отставать от жертвы. Раскат грома

бьет с такой силой, что кажется, будто сама земля сейчас лопнет от такого удара. Молния на секунду озаряет небосвод.

Рагнер продолжает бежать. Куда – он не знает. Лишь бы оторваться от ужасного преследователя! Он снова спотыкается и падает. Резкая боль в колене говорит, что больше он убежать не сможет. И тогда он начинает ползти, цепляясь руками за все, что попадает на земле, словно за последний шанс на спасение. Его рука нащупывает камень, и Рагнер оборачивается, чтобы запустить им в змею – последняя отчаянная попытка отбиться от неприятеля. Но к удивлению он не обнаруживает позади себя никого. Змея словно испарилась. Секунду Рагнер лежит на земле, осознавая, что опасность каким-то образом его миновала. А ветер между тем продолжает задуть со страшной силой, неся запах дыма.

Рагнер медленно поднимается, боль в колене не позволяет ему сделать каких-либо резких движений. Когда он все-таки выпрямляется во весь рост, его взору открывается зловещая картина: весь горизонт охвачен пламенем, которое ветер разносит с огромной скоростью. Все растения, которые выстояли против ветра, теперь пожарили оранжевые языки огня.

Инстинкты подсказывают Рагнеру, как можно скорее убираться из этого места. Он собрался сделать шаг, как вдруг змея вновь возникает прямо перед ним. От неожиданности он падает на землю. Змея открывает пасть и с шипением бросается на него...

– Хм, – сказал маг, после того как Рагнер закончил рассказ. – И как давно он начал тебе сниться?

– Наверное, с тех самых пор, как мы побывали у кентавров, – немного подумав, ответил Рагнер.

– Ты в этом уверен?

– Да, уверен.

– Я отдавал на ночь камень тебе. Получается, ты спал с ним каждую ночь, с тех пор как мы его нашли, – сказал маг, почесывая седую бороду.

– Ты думаешь, мне снится кошмар из-за камня?

– Я в этом не уверен, но этой ночью камень побудет у меня. Посмотрим, что из этого выйдет, – заключил Лестер. – Завтра встанем пораньше и отправимся в путь.

– Отлично, куда мы направимся?

– За вторым камнем, – улыбнулся старик. – Как я и полагал, Аксиос оставил подсказку, просто мы с тобой неправильно искали.

– Да, и в самом деле, надо было всего лишь кинуть изумруд в огонь. Все было так просто, почему мы сразу не додумались до этого? Люди ведь часто бросают драгоценные камни в огонь, – саркастически сказал Рагнер.

Лестер улыбнулся.

– Что это за место, которое нам показал камень? – спросил Рагнер. – Я ничего подобного раньше не видел.

– Об этом я и размышлял, перед тем как ты ко мне подошел. Существует легенда, согласно которой есть на свете остров, который не принадлежит ни земле, ни небу. Он находится между ними, паря по воздуху, словно птица. Считается, что на этом клочке парящей земли спрятано множество сокровищ. Кто найдет его, тот сможет завладеть всеми этими несусветными богатствами. Но это всего лишь легенда. Никто в нее не верит. Не верил и я, до тех пор, пока этот остров нам не показал камень.

– Значит, второй камень спрятан там. Получается, остров не выдумка.

– Да. Я в этом абсолютно уверен. Найти остров самому невозможно. К нему ведет дорога, которая не обозначена ни на одной карте.

– Как же мы тогда разыщем этот остров?

– Если в ночь полной луны взобраться на Лысую гору и посвистеть во все четыре стороны света, должен явиться Хранитель заповедных троп. Он знает все дороги. Только ему ведом путь к этому острову. Поскольку следующей ночью будет полнолуние, завтра нам нужно быть на Лысой горе.

– Так просто? – удивился Рагнер. – Мне казалось, что ритуал вызова того, кто знает тайные дороги, должен быть несколько сложнее.

– Понимаешь ли, Рагнер. Дело в том, что Хранитель заповедных троп, не указывает путь просто так. Насколько мне известно, сначала он заглядывает в душу тому, кто его осмелился потревожить. Если душа нечиста, он не станет помогать, и может даже убить. Кроме того,

вызвать его может только колдун. Простому человеку это не дано. Так что, если маг или ведьма поддались алчности, если мечты о сокровищах развратили их душу, они не смогут попасть на остров. Хранитель заповедных троп не станет им помогать. Так что, как видишь, все не так уж просто.

– Ну, дела, – присвистнул Рагнер. – То есть, мы можем не попасть на остров, и вдобавок к этому, нас может убить Хранитель заповедных троп, я все правильно понял?

– Это только в том случае, если наши с тобой помыслы будут нечисты. Но мы не сокровища ищем, верно? Так что нам нечего бояться.

– Да, не сокровища. Мы ищем кое-что похуже – один из камней, который Аксиос хотел спрятать так, чтобы его никто не нашел. Вдруг этот Хранитель заповедных троп как раз защищает камень от непрошенных гостей? И что будет, если он поймет, зачем мы на самом деле его позвали и для чего хотим попасть на остров?

– Будем надеяться, что с нами ничего не случится, – заключил Лестер. – К тому же, мы ведь ищем камни не для того, чтобы воспользоваться Вестермской книгой. Полагаю, Хранитель заповедных троп не причинит нам зла. В любом случае выхода у нас нет.

– Отлично, – саркастически сказал Рагнер. – Радует хотя бы то, что у нас наконец-то обозначился путь, а то я порядком устал от бесцельных пустых скитаний. Где находится эта Лысая гора?

– Возле Мертвых озер. Это один день пути к югу отсюда, если ехать на лошади.

– Но лошадей-то у нас нет, – заметил Рагнер.

– Не в бровь, а в глаз, – ответил маг. – Неподалеку отсюда есть поселение. Там мы наверняка сможем купить пару лошадок. Но это будет завтра. А сейчас давай ложиться спать. Завтра нужно встать пораньше. Надеюсь, этой ночью кошмары не будут тебе досаждать.

– Я бы сейчас все отдал за мягкую кровать и чистую постель в каком-нибудь трактире, – не без грусти заметил Рагнер, укладываясь на дорожный плащ и подкладывая под голову полупустой мешок. – От ночевки на земле у меня спина не перестает болеть.

– Полностью с тобой согласен, – отозвался Лестер. – Я столько спал под открытым небом разве, что только в молодости. А сейчас староват я для этого.

Для Рагнера эта ночь прошла куда более лучше, чем предыдущие. Как и полагал маг, кошмар ему не снился, и он впервые за последнее время ни разу не проснулся за ночь, чему был рад, однако сон на твердой земле немного эту радость омрачал. И все же Рагнер чувствовал себя бодрее и свежее. Как провел эту ночь Лестер – неизвестно. Во всяком случае, когда Рагнер спросил его об этом, старик лишь махнул рукой, промолчав в ответ.

Пока маг собирал завтрак, Рагнер отправился к ручью, который находился поблизости. Как всегда он достал острый кинжал и принялся брить голову и лицо. Весь процесс занял не более десяти минут. Когда дело было закончено, он наклонился над водой чтобы умыться. Но вместо своего отражения в воде он увидел какую-то фигуру в темном плаще. При этом вода вдруг начала светиться слабым голубоватым светом. От страха и неожиданности Рагнер отпрянул от ручья, словно увидел в нем призрака. Однако менее чем через минуту Рагнер вновь подошел к воде и никого в ней не увидел. Фигура исчезла, словно ее и не было.

«Видимо, мне все это померещилось», – подумал Рагнер, и, умывшись, как следует холодной водой, вернулся к лагерю.

После скудного завтрака отправились в путь, оставив на месте ночлега поляну колокольчиков. Менее чем через четверть часа вышли на Большой тракт, а еще через полчаса уже были в небольшой деревушке, населенной преимущественно людьми и животными. Хотя, как заметил Рагнер, тут так же было много берментов и литлгов. В трактире хозяин любезно подсказал друзьям человека, который может продать лошадей. Им оказался низкий худощавый мужчина, с длинными жидкими волосами и большими серыми глазами. Вид у него был весьма недружелюбный. Жил он на небольшой ферме, на которой работали исключительно одни животные. С ними хозяин фермы вел себя очень ласково. А вот с Лестером и Рагнером он был груб и на деле оказался скуповатым. За двух кляч запросил такую цену, за которую в большом городе можно приобрести двух хороших первосортных скакунов. Рагнер был настолько возмущен этим откровенным грабежом, что предложил Лестеру отправиться на Лысую гору через нору. Но маг отмахнулся и, молча, вручил деньги хозяину. В скором времени путники покинули деревушку и неслись галопом на юг.

– Надо было послать скупердяя куда подальше. Такую цену заломить! – негодовал Рагнер. – Да еще такой грубиян! Ты видел, как он на нас с тобой смотрел? Словно мы насекомые.

– Этот тип, судя по всему, является амалиндом – человеком, который предпочитает обществу людей, общество животных, – спокойно заметил Лестер. – За это его нельзя осуждать.

– С чего ты взял, что он амалинд?

– У него на ферме нет ни одного человека, только животные.

– Ну и что? Может, они просто берут меньшую плату за свой труд.

– Я так не думаю. Ты видел, как он обращался со своими работниками? С такой добротой и лаской, которая нам и не снилась. Точно тебе говорю – он амалинд. Но это меня не волнует. А вот то, что он содрал с нас столько денег, меня тоже разозлило.

– Навел бы на него порчу или еще что-нибудь в этом духе. Чтобы знал, как задирать цены.

– Я не могу заколдовывать беззащитных, ни в чем не повинных, людей.

– Тогда почему ты не послушал меня? – удивился Рагнер. – Через нору было бы дешевле и гораздо быстрее.

– Норой будем пользоваться только в тех случаях, когда расстояние не позволяет нам вовремя оказаться в нужном месте. А сейчас нам торопиться некуда. Я думаю, еще до заката будем на месте. К тому же, нора не единственный способ перемещения, без использования лошадей.

– Вот как?

– Да, например, разрыв пространства.

– Ты мне ничего о нем не рассказывал. Почему бы нам не воспользоваться этим способом сейчас?

– Я же сказал, нам некуда торопиться. Придет время, и я покажу тебе этот способ.

– Если эти жалкие клячи выдержат дорогу, – пробурчал Рагнер.

По мнению Лестера, его друг слишком мрачно смотрел на их транспорт. Да, лошади далеко не первый сорт, но назвать их жалкими клячами тоже нельзя. Бежали они бодро и весело, да и доходягами они не были. Прошлый хозяин хорошо за ними ухаживал. И все-таки глядя на них сразу же было видно, что долгой и изнурительной дороги лошади не выдержат, только сейчас этого от них и не требовалось.

Поначалу их путь пролегал по Большому тракту, который неспроста был назван большим. На нем легко могли уместиться три телеги. Друзьям то и дело кто-нибудь попадался на пути. Будь то животные, люди, поодиночке и целыми семьями. Один раз им попались две ведьмы, которые, по словам Лестера, занимались белой магией.

Ближе к полудню, они свернули с Большого тракта и дорога опустела. Кроме того, она стала намного уже, и на ней вряд ли бы проехала даже одна телега. Поселения тоже исчезли и теперь, среди густых полей под облачным небом, на этой узкой дороге, на которой не было ни души, Рагнеру стало немного жутковато. Все-таки куда приятнее, когда на пути хоть кто-то встречался.

Солнце уже опускалось за горизонт, окрашивая в багровый цвет мелкие облака, когда друзья съехали с дороги и направили лошадей в сторону леса. Многовековые сосны росли не так тесно друг к другу, словно эти громадные великаны боялись нарушить личное пространство своих собратьев, отчего передвигаться по лесу на лошадях путникам было совсем нетрудно. Приятный хвойный аромат наполнял все пространство, даря чувство умиротворения и покоя.

Лестер и Рагнер продолжали путь, уходя в самую глубь леса. Скоро солнце окончательно скрылось за горизонтом, погружая все в кромешную и непроглядную тьму. Маг наколдовал три светящихся шара, кружившие над путниками, освещая путь. Деревья расступились, и лес остался позади. Перед путниками возник огромный водоем, в котором отражалось чистое ночное небо с миллионом серебряных звездочек и огромным оранжевым диском луны. За водоемом расположилась небольшая гора, на которой не росло ни одно дерево. Возле водоема тоже нет никакой растительности.

– Вот мы и приехали, – сказал маг, указывая на гору. – Прямо перед нами Лысая гора. Осталось только взобраться на нее. Дальше пойдем пешком, – маг спрыгнул с лошади.

Рагнер последовал примеру Лестера, и, оказавшись на земле, хотел подойти к воде, чтобы умыться, но старик не дал ему сделать и пары шагов в сторону водоема.

– К этой воде нельзя прикасаться, – резко заявил Лестер. – Эти озера неспроста называются мертвыми.

Рагнер осмотрелся по сторонам но больше не увидел ни одного водоема, кроме того что находился перед путниками.

– Тут поблизости есть еще пара озер, – сказал маг, предугадав мысли Рагнера. – Вода, что в них течет, убивает все живое. Рыбы в них нет, ни одно животное к ним не приближается и ни одна птица из них не пьет.

– Что не так с водой?

– Отравлена неведомым ядом. Стоит только намочить руки или, что еще хуже, выпить, тебя тут же настигнет мучительная смерть.

– Ты тут, по всей видимости, не впервые, – заметил Рагнер, снимая дорожный мешок с лошади.

– Да, случалось пару раз. Раз в год, в лесу, который мы с тобой проехали, собираются маги, чтобы обмениваться опытом. Меня тоже приглашали.

– Не знал, что магам нужно обмениваться опытом. Или вы тут не только опытом обмениваетесь? – усмехнулся Рагнер.

– Ну, без веселья тоже не обходится. Разумеется, тут устраивается небольшая пирушка.

– Пряма таки небольшая. Что-то я в этом сильно сомневаюсь. Представляю, что творится в лесу, когда в нем собирается куча захмелевших магов.

– Веселятся тут только в первую ночь. И ничего в этом плохого нет. Все ведь рады видеть друг друга. Ну а какая же радость встречи без вина? – тут Лестер усмехнулся. – Уверяю тебя, все проходит тихо и мирно. Хотя, бывали разные случаи. Один раз чуть не сожгли лес. Потом пришлось очень много колдовать, чтобы восстановить сгоревшие деревья.

– Так я и думал, – ответил Рагнер. – А ты ничего подобного не проделывал на этих ваших сборищах?

– Нет, конечно же. Уж я свою меру знаю.

Лошадей решили расседлать и отпустить на волю. Лестер полагал, что назад, к Мертвым озерам, они уже вряд ли вернуться, поэтому необходимость в лошадях отпадала. Рагнера такое решение немного обескуражило. Но не из-за того, что ему не хотелось отпускать лошадей, а из-за потраченных на них денег.

Продвигаясь к горе, старались держаться от воды подальше, чтобы ненароком в нее не свалиться. Хотя при свете луны водоем казался самым обычным и безобидным, и только твердая, лишенная всякой

растительности земля вокруг него наводила на мысль, что с водой что-то не так.

Обойдя озеро по кривой дуге, вышли к подножию горы, к пологому склону. Небо было ясное, и луна прекрасно освещала путь к вершине. Взбираться на гору оказалось нетрудно – гора небольшая, и, действительно, лысая, так как на ней совсем ничего не росло. Абсолютно голая земля. Лишь кое-где, в некоторых местах, лениво лежали небольшие камни. И все же, когда друзья оказались на вершине, оба плюхнулись на землю, переводя дух. Все-таки взбираться в гору с мешком за спиной – не самая легкая задача. Отдышавшись, Рагнер поднялся на ноги и стал осматриваться. Красивый, завораживающий дух вид открывался с Лысой горы. Рагнер думал, что они вышли из леса, но это оказалось не так. Напротив, большое зеленое покрывало рослых многовековых сосен окружало гору со всех сторон. Лишь в трех местах, в этом одеяле зияли дыры – там, где находились мертвые озера. Эти дыры лес никак не мог залатать. Не мог он пробраться в эти отравленные места.

– В полнолуние взберись на вершину Лысой горы и свистни в четыре стороны света. И явится тогда к тебе Хранитель заповедных троп. И если твоя душа чиста, он укажет тебе путь в любое место, куда только пожелаешь, – Лестер стоял рядом с Рагнером и смотрел куда-то вдаль. – Эту историю мне рассказывал мой учитель давным-давно, но я до сих пор ее помню. Мне всегда она казалась выдумкой.

Маг посмотрел на усыпанное звездами небо, и, отойдя от Рагнера на пару шагов, набрал в легкие воздуха и засвистел. Среди ночной тишины свист показался особо громким. Как только воздух в легких закончился, маг повернулся в противоположную сторону, вдохнул глубже и снова засвистел. Он снова повторил ритуал, пока не посвистел во все четыре стороны. Рагнер все это время смотрел на друга и думал, каким именно должен быть этот хранитель заповедных троп? Как он должен выглядеть, и каким образом он к ним явится? И явится ли вообще? Вдруг где-то еще есть Лысая гора, о которой маг не знает.

Ждать долго не пришлось. Как только маг закончил свистеть, лунная дорожка коснулась вершины Лысой горы, а на ней появилась большая темная точка, которая спускалась прямо к друзьям. Маг заметил ее первый. Точка быстро приближалась, увеличиваясь в размерах. И вот,

через несколько минут с лунной дорожки к путникам спустился Хранитель заповедных троп. Это был огромный красавец-олень с большими фиолетовыми глазами, в которых, словно два маленьких солнца, блестели ярко-желтые зрачки. Вместо обычных рогов у него были вьющиеся вверх ветви деревьев с красными листьями.

– Приветствуем тебя, о великий Хранитель заповедных троп, – маг склонился в глубоком поклоне.

Рагнер последовал примеру старика. Олень чуть склонил голову, приветствуя друзей в ответ.

– Для чего я понадобился двум уставшим путникам? – спросил олень нежным баритоном, смерив друзей внимательным взглядом.

– Прости нас за беспокойство, но без тебя нам никак не справиться. Я и мой друг ищем остров, что парит между небом и землей, словно птица. Остров, дорога к которому, не указана ни на одной карте.

– Я знаю это место, – ответил олень. – Многие ищут его. Всех манят сокровища, которые на нем спрятаны. Алчность и жадность движет подобными искателями. Их души пропащие, и я таким не могу помочь.

– О, великий Хранитель, клады и сокровища нас совсем не манят. Они нам не нужны. Мы ищем совсем другую вещь, – ответил маг.

– Другую вещь? – казалось, олень был слегка удивлен. – Дай, я посмотрю.

Он пристально взгляделся в глаза мага, читая его душу. Он рыскал в ней огромными фиолетовыми глазами, словно коршун. От такого взгляда нельзя было что-то утаить. Он читал мага, словно открытую книгу, заглядывая в самые потайные уголки души. После старика, олень повернулся к Рагнеру, который с момента появления Хранителя заповедных троп не проронил ни слова. Олень принялся читать и его. У Рагнера от такого взгляда возникло чувство, будто он стоит нагой перед хранителем, а тот без тени смущения глазееет на него и изучает.

– Я знаю, что вы ищете, – олень снова посмотрел на старика, но теперь это был самый обычный и даже добрый взгляд. – Золото вам и вправду не нужно, но вы хотите забрать другое сокровище, которое спрятано там было от злых сердец. В вас нет злобы. Помыслы ваши чисты, а потому я помогу вам. Но, для начала нужна жертва.

– Какая?

– Кровь.

Маг сначала растерянно посмотрел на Хранителя заповедных троп, потом на Рагнера. Тот стоял, вытаращив голубые глаза на оленя.

– Не бойтесь, требуется небольшая кровавая жертва, – сказал олень, посмотрев на Рагнера; ярко-желтые зрачки хранителя напоминали две огромные золотые монеты.

Лестер повернулся к другу и, протянув руку, сказал:

– Дай мне кинжал.

Рагнер, не до конца осознавая, что происходит, выполнил просьбу старика. Маг взял в руки увесистую рукоять, вытянул правую руку и провел лезвием по ладони. Из глубокого пореза потекла темная струйка крови, орошая землю.

– Теперь ты, – олень повернулся к Рагнеру. Воин вопросительно посмотрел на мага; требовательный взгляд старика дал понять, что не может быть никаких возражений. Тогда Рагнер повернул левую ладонь, которая еще не до конца зажила после того, как ведьма порезала ее для вызова духа. Он взял протянутый магом кинжал, и провел острым лезвием по старой ране.

– Вытяни ладонь, – приказал олень магу. Тот повиновался. Олень приблизился к старику и лизнул порез. Затем Хранитель подошел к Рагнеру и приказал сделать то же самое. Рагнер повиновался. Олень лизнул и его рану.

– Как это необычно, – сказал маг, разглядывая руку. Порез, после того, как его лизнул олень, стал тут же затягиваться. Рагнер посмотрел на свою ладонь – даже шрама не осталось.

– Итак, я обещал помочь, – заговорил олень, пока друзья разглядывали моментально зажившие порезы.

– Благодарим тебя, о, мудрейший, – маг снова склонился в поклоне.

– Однако дорогу вам я указать не могу, – ответил олень. Лестер, который справедливо полагал, что дело в шляпе, озадаченно посмотрел на Хранителя.

– Прошу простить меня, верно, я неправильно понял тебя. Ты не можешь указать нам путь?

– Да, я не могу вам указать дорогу, потому что ее не может пройти ни один смертный. Но, будьте спокойны, я вас сам туда отвезу. Садитесь на меня и держитесь крепко. Нам предстоит далекий путь.

– Благодарим тебя, великий Хранитель, – Лестер благодарно кивнул и затем с легкостью юного мальчишки взобрался на спину оленя.

Рагнер порой удивлялся такой проворности мага, все-таки он уже был «староват», как Лестер порой говорил. Рагнер так же поблагодарил Хранителя, затем взобрался к нему на спину и сел позади мага.

Олень, как только друзья оказались у него на спине, попятился, а затем резко рванулся вперед. Рагнер подумал, что они сейчас кубарем покатаются с горы. Страх моментально охватил все его нутро ледяными щипцами. Но вместо того, чтобы упасть и покатиться вниз к подножию горы, олень поскакал ввысь, отталкиваясь от воздуха, словно бежал по земле. Когда Рагнер понял, что им с магом ничего не угрожает, страх отступил. И теперь вместо него пришло любопытство. Рагнер стал оглядываться по сторонам, любуясь проносящимися под ними огромными соснами. От такого вида дух захватывало. Никогда еще Рагнеру не доводилось нестись вот так просто над землей на большой скорости; седые волосы старика развевались на ветру и порой попадали в глаза, но это не сильно мешало.

Огромное лесное покрывало осталось позади, уступая место лугам. Справа от них, прямо у подножия холма появилось озеро, в котором, словно в зеркале, отражалась огромная красавица-луна. Они пронеслись над ними на большой скорости. Теперь им навстречу неслись маленькие квадратики. Поначалу, в лунном свете было не разобрать, что это такое. Но когда они пролетали над ними, Рагнеру удалось рассмотреть в этих квадратиках домики. Они пролетали над каким-то селением, которое с высоты казалось таким нереальным и крошечным, будто кто-то разбросал на полу детские игрушки.

Длинной извилистой змеей осталась позади река. Холмы, поросшие густой зеленью промелькнули мимо с огромной скоростью. Леса и поля, озера и болота, горы и долины, все это проносилось внизу, под друзьями, которых резвый олень уносил все дальше и дальше.

Впереди показалась острая скалистая гора. Прямо у ее подножия расстелилось огромное зеленое поле, в центре которого расположилось большое озеро, напоминавшее с высоты серебряное блюдо. Олень начал снижаться. Чем ближе они подлетали к горе, тем отчетливее становился виден каменный выступ прямо у ее вершины, который так выпирал, что складывалось впечатление, будто гора показывает язык. Менее чем через минуту олень опустился на него и сказал друзьям, что они прибыли.

Спешившись, Лестер и Рагнер принялись осматриваться. Но ничего, кроме долины, водоема и одиноко стоящего дерева, непонятно как проросшего на каменном выступе, не увидели. На лице обоих читалось недоумение. Ни единого намека на остров, который ожидали увидеть друзья. Напротив, все указывало на то, что в этом месте не может быть ничего подобного. Рагнер уже стал сомневаться, туда ли их привез олень, который стоит сейчас прямо на самом краю выступа и смотрит куда-то вдаль.

– О, мудрейший, – послышался голос мага. – Я и мой друг находимся в недоумении, – однако олень не дал ему договорить до конца.

– Рассвет ответит на все ваши вопросы, – а затем, повернувшись в сторону мага и посмотрев на него каким-то загадочным взглядом, добавил. – Скоро вы все увидите.

Солнце медленно выползло из-за горизонта. Друзья стояли и смотрели, как поднимается огромное светило, озаряя все алыми лучами, постепенно разгоняя ночной мрак.

Когда светило уже почти полностью выглянуло из-за горизонта, возвещая всему миру о наступлении нового дня, над долиной стал вырисовываться необычайный силуэт, будто кто-то снимает невидимое покрывало. Сначала появилась верхушка небольшой горы, затем показались макушки деревьев, птицы, перелетающие мелкими стайками с куста на куст. Отсюда, с выступа было слышно их веселое щебетание. И вот, наконец, невидимое покрывало полностью опустилось, и перед друзьями возник остров, находящийся между небом и землей. Это было воистину необычное и волшебное зрелище. Огромный кусок земли с растениями и живностью, парил, словно легкое перышко. Вдобавок ко всему, в глаза бросался необычный водопад, берущий начало внизу – в озере, в долине. «Водопад» лился обратно – вверх, на остров. Ничего подобного ни Рагнер, ни Лестер в жизни не видели.

Хранитель заповедных троп подошел к единственному дереву, что росло на каменном выступе, и трижды ударил по его стволу правым копытом. После этого дерево стало скручиваться и вытягиваться к острову, образуя мост. Олень подошел к друзьям.

– Ваша просьба исполнена целиком и полностью. Пройти на остров вы можете по этому мосту.

– Мы сердечно благодарны тебе за твою помощь, – сказал маг, прикладывая правую руку к груди.

– И еще кое-что, – внезапно сказал олень. – Это поможет вам на острове.

После этих загадочных слов Рагнер ощутил, как в его левой руке появился какой-то твердый предмет. Он раскрыл ладонь и увидел в ней кроваво-красный круглый камень размером с большую жемчужину. Лестер тоже раскрыл левую ладонь и обнаружил в ней точно такой же камень.

– Благодарим тебя, – сказали друзья.

– Я желаю вам удачи, – ответил олень.

Он повернулся и, шагая к острову, стал растворяться в воздухе, пока совсем не исчез.

– Для чего нам могут пригодиться на острове два непонятных круглых камня? – спросил Рагнер, когда хранитель заповедных троп исчез.

– Пока не знаю. Но, думаю, в скором времени все разъяснится. Одно могу сказать наверняка – эти камни необычные. Я чувствую, что в них заключена какая-то древняя сила.

Спрятав камни в карманы, друзья направились к острову. Первым шел маг, он же и первым ступил на мост, который напоминал множество сплетенных между собой толстых ветвей. Старик шел по нему смело и бодро, чего нельзя было сказать о Рагнере, которого боязнь высоты заставляла еле-еле плестись по мосту, со скоростью черепахи. Лестер уже давно стоял на том конце и весело подбадривал его словами, которые обычно говорят в подобных ситуациях: «не смотри в низ» и тому подобное. Но никакого действия они не возымели. Одно дело стоять по ту сторону моста, вне опасности и говорить всякие приободряющие слова, и совсем другое – идти над пропастью по мосту, у которого совсем нет перил. Любой неверный шаг может стоить жизни.

Когда Рагнер ступил на остров, маг встретил его с широкой улыбкой, похлопывая по плечу, и отпуская шутки по поводу его страха.

– Куда мы теперь направимся, – спросил Рагнер, после того, как маг прекратил каламбурить. – Остров ведь немаленький.

– Камень точно здесь, – ответил маг, бросая взгляд по разным сторонам. – Я это чувствую, но в каком именно месте не могу сказать.

Пойдем пока вперед, ближе к центру острова. Может, что-нибудь да найдем.

Никаких дорожек в этом месте не было, поэтому их путь пролегал прямо по густой, высокой по колени траве. Они поднялись на бугор, и весь остров со своей необычайной яркой фауной предстал пред взором друзей во всем великолепии. Да, создатель этого чуда не поскупился на яркие краски. Кругом было разноцветное море диких цветов, колышущихся под дуновениями ветра. Он разносил их дивный сладковатый аромат повсюду, привлекая пчел, которые весело жужжа, перелетали от одного бутона к другому. Птицы в пестрых оперениях громко заливаются, радуясь ласковому солнечному теплу. А еще чуть дальше, впереди, с маленькой скалы шумно спускается небольшой водопад прямо в такую же небольшую каменную чашу, наполненную водой. Справа от этого водоема, словно солдаты, высились огромные ели.

Друзья полюбовались этим видом и решили направиться прямо к водоему, чтобы напиться и пополнить запасы воды. Они прошли совсем немного, как вдруг прямо над ними послышались взмахи крыльев. По звуку было ясно, что это были очень большие крылья. Лестер и Рагнер услышали их вместе и почти одновременно подняли головы, но ничего кроме ясного голубого неба они не увидели. Переглянувшись, они продолжили путь. Но не прошли и десяти метров, как крылья вновь пронесли над путниками. И снова они ничего не увидели, задрав головы. На сей раз Рагнер с тревогой долго оглядывался по сторонам. Но не было никакого намека на какое-нибудь большекрылое существо.

Друзья поняли – за ними кто-то следит. Как только они собрались вновь тронуться в путь, большая тень пролетела прямо над их головами настолько низко, что крылья чуть не коснулись друзей. Рагнер в один миг достал меч и стал озираться, словно ощетинившаяся собака. Каждый мускул на его теле напрягся. Он готов был в любую минуту без всяких раздумий броситься на неприятеля. Лестер крепче перехватил посох и, так же, как и его друг, стал осматриваться. Однако яркое солнце слепило глаза, а потому приходилось смотреть в небо, только повернувшись к светилу спиной. Преследователь, словно почувствовав эту брешь в обороне путников, решил зайти с солнечной стороны. Рагнер, вновь услышав звуки

приближающихся крыльев, резко повернулся, но солнце его ослепило, и он увидел лишь тень, которая одним махом ударила его в грудь и сбила с ног так, что он отлетел на пару метров. Боль моментально обожгла грудь, но Рагнер, несмотря на то, что она становилась с каждой секундой сильнее и сильнее, мигом вскочил на ноги и повернулся лицом в ту сторону, где по его предположению должен был находиться неприятель. Неприятелем оказалось крупное существо с телом льва, головой орла и белоснежными, как первый снег, крыльями. Грифон. Он стоял в пол оборота, и смотрел на друзей так, точно нашел добычу и готов сейчас же прикончить.

Рагнер стиснул в правой руке рукоять меча и готов был уже броситься в атаку на неприятеля, но Лестер остановил его, сказав, что сейчас это не самая лучшая идея. Рагнер, как бы ему этого не хотелось, послушался мага, однако меч даже не подумал опустить.

– Зачем вы сюда явились? – резко и злобно спросил грифон, и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Хотите золота, я вижу вас насквозь, но не видать вам его. Вы его не получите!

Грифон стал угрожающе наступать на друзей. Тем ничего не оставалось, как пятиться.

– Да, ни за что не получат, – послышалось сзади злобное шипение.

Друзья повернулись, и увидел еще одного грифона – точную копию того, который был спереди. Оба, точно два хищника окружили друзей и медленно наступали на них.

– Что же мы с ними сделаем, брат? – спросил первый грифон.

– Съедем, а кости выбросим в пропасть, – отвечал второй.

Лестер, который поначалу считал, что сможет объяснить этим двум местным обитателям, для чего они явились в это место, после нескольких тщетных попыток что-либо сказать понял, что ничего у него выйдет. Грифоны даже не слушали его. Вместо этого они продолжали наступать на друзей, при этом злобно прищелкивая языками. Тогда маг решил прибегнуть к крайней мере: он произнес короткое заклинание и в ту же секунду ярко-красный шар возник у самого кончика посоха и полетел в сторону грифона. Тот взмахнул крыльями, уворачиваясь от магии. Но Лестер, недолго думая, уже отправлял очередной такой же шар в цель. Грифон и на этот раз увернулся, взмыв вверх.

В это время Рагнер сделал три выпада в сторону неприятеля, не позволяя ему подойти ближе, чем на расстояние вытянутого меча. Грифон, шипя и щелкая языком, не осмеливался подойти ближе.

Лестер, как только его грифон взмыл в воздух, резко повернулся и отправил очередной ярко-красный шар в сторону того, что наступал на Рагнера. Раздался треск. Оглушенный грифон обмяк и повалился на землю. Путь к отступлению был чист и друзья тут же решили этим воспользоваться. Они принялись бежать, что есть мочи. Они неслись во весь дух в сторону елей. Им казалось, что там они будут в безопасности. Во всяком случае, с воздуха им ничего не будет угрожать.

Второй грифон, сообразив, что наибольшая опасность исходит от мага, нанес удар с воздуха прямо в спину старика. Тот отлетел вперед, и посох выпал из его руки. Грифон тут же спустился на землю, преграждая путь к оружию колдуна. Рагнер ошетинился, прикрывая лежащего на земле Лестера.

– Давай сварим их в кипятке, – послышался голос сзади.

Рагнер обернулся и увидел второго грифона. Тот пришел в себя, будто с ним ничего не было, лишь слева на голове были немного опалены перья.

– Согласен, – отозвался второй. – Отведем их к горячему озеру.

Рагнер снова повернулся и увидел, как второй грифон хищно движется на друзей. Лестер поднялся на ноги, но ничем не мог помочь другу – его посох валялся за спиной наступающего врага.

Рагнер, не желая сдаваться без боя, кинулся на грифона, который двигался за спиной Лестера. Он ударил, но неприятель ловко увернулся. Промахнувшись мечом, он сжал кулак и с силой ударил грифона по голове. Любой человек от такого удара тут же упал бы без сознания, но грифон и глазом не моргнул. Он встал на задние лапы, а передними ударил Рагнера в грудь. Тот упал, выронив меч.

– Какой смелый человечек, – прошипел грифон. – Оружие вам больше не понадобится.

Грифон взял в клюв посох мага и кинул к валявшемуся мечу. Его приятель, поваливший Рагнера, вынул из ножен жертвы кинжал и так же отправил его к мечу и посоху. Такая же участь постигла лук со стрелами. Рагнер лежал на спине, и никак не мог продышаться –

мощный удар выбил из него дух, поэтому недруг с лёгкостью разоружил воина.

Спустя минуту друзей вели к горячему озеру. Лестер вновь попытался что-то сказать, но его продолжали игнорировать. Тогда он решил молчать и больше не обращаться к грифонам, которые шли позади и обсуждали между собой, как именно они съедят пленников. Первый предлагал обварить их совсем чуть-чуть, чтобы только кожа слезла, второй, напротив, предлагал сварить их полностью, поскольку, как он был уверен, тогда мясо станет мягче и нежнее. Первый не соглашался и продолжал настаивать на своем, второй тоже не уступал, в конечном счете, решили определиться, как именно варить пленников, когда уже будут на месте.

Рагнер, отдышавшись, слушал все эти разговоры и приходил в ужас. Если бы у него на голове были бы волосы, они наверняка встали бы дыбом. Ужас и страх охватили его, а инстинкты говорили, что нужно немедленно бежать. И хоть здравый смысл подсказывал ему, что из этой затеи ничего не выйдет, он все-таки решил в полголоса высказать предложение магу. То, что их могут услышать грифоны, он не опасался, поскольку те теперь увлечённо спорили насчет приправы.

Лестер, услышав предложение о побеге, промолчал. Он осмотрелся по сторонам: их вывели с той поляны, где им открылся дивный вид на цветущие поля, теперь же пейзаж изменился до неузнаваемости – они шли среди больших скрюченных засохших деревьев, а вместо зеленой травы под ногами была только сухая потрескавшаяся земля. И как такое возможно? Такой резкий переход от красоты к уродству. Но это сейчас совершенно не заботило друзей. Каждый шаг приближал их к неминуемой гибели, а выхода из сложившейся ситуации, кроме как попытаться убежать, не было. Да и то, вряд ли побег увенчается успехом. Эти два крылатых существа мигом их настигнут. Однако мириться с судьбой легче всего. Лучше уж хоть что-то попытаться сделать, а там – будь что будет. В конце концов, что они потеряют, если попытаются убежать? Что может быть еще хуже, чем быть сваренным заживо в кипятке?

Осмотревшись по сторонам и, как следует, подумав, маг сказал: «На счет три бежим: я на лево ты – на право». Дальше послышался тихий счет и после того, как прозвучало громкое «три» оба кинулись, словно зайцы, в разные стороны. Грифоны, мигом сообразив, что к чему,

прекратили споры, и с криками поднявшись в воздух, пустились в погоню.

Рагнер старался бежать изо всех сил. Как ему казалось, ноги несли его со скоростью света. Он петлял среди деревьев в надежде, что так преследователю будет сложнее догнать воина. От бега в груди заболело еще сильнее, а во рту появился привкус металла. Он продолжал бежать и совсем не смотрел под ноги. Рагнер споткнулся о засохший корень, предательски выглядывавший из-под земли, и упал. Он снова вскочил, но тут перед ним, поднимая пыль с земли, опустился грифон. Дальше бежать не было смысла. К удивлению грифон ничего ему не сделал. Вместо этого он, смеясь, повел Рагнера туда, откуда они начали побег. Пока Рагнера вели, он прикинул, что ему удалось пробежать около пятисот метров.

Лестер уже стоял на том месте, откуда они рванули со всех ног, когда Рагнера подвели к нему. И они продолжили свой роковой путь. Маг пробежал еще меньше чем воин. Буквально через сто метров старик почувствовал, как его схватили и оторвали от земли.

Дальше шли молча. Грифоны больше не переговаривались, а у друзей было настолько подавленное настроение, что им совсем не хотелось говорить. Последний шанс на спасение растаял, как снег под палящими лучами солнца. Теперь Рагнеру казалось, что кентавры намного лучше этих вредных грифонов. Во всяком случае, кентавры не пытались сварить их в кипятке, и даже отпустили после того, как им все объяснили. Тут же – на этом проклятом острове – у них совсем нет шансов на спасение.

Деревья исчезли, и друзьям сразу стало ясно, что они на месте. Об этом свидетельствовал небольшой водоем, в котором бурлила кипящая вода, от которой поднимался горячий обжигающий пар. Озером его назвать было нельзя, поскольку в длину он был не более пятнадцати метров, а в ширину и того меньше.

Их подвели к самому краю каменистого берега и приказали прыгать. Сами же грифоны отошли от Лестера с Рагнером на пару шагов, чтобы те, когда будут прыгать, случайно не обрызгали их кипятком.

Друзья стояли, как вкопанные, не зная, что делать. Прыгать в кипяток казалось обоим чем-то запредельным и нереальным. Рагнер просто глазам своим не верил. Ему казалось, что это просто очередной

ночной кошмар. Сейчас он откроет глаза, и все это исчезнет, и тогда он вздохнет спокойно. Но, к сожалению, это был не сон.

– Ну чего встали? – раздался зловещий голос. – Прыгайте, не то мы вас сейчас сами столкнем.

Эта страшная угроза никак не подействовала на друзей. Рагнер решил, что пусть уж его толкнут, сам он ни за что на свете не прыгнет в этот адский водоем. Его ноги словно приросли к тому месту, где он стоял, и не хотели слушаться своего хозяина.

– Позвольте мне проститься с моим другом, – внезапно сказал маг.

– Что ж, попрощайся, – засмеялись грифоны. Лестер сделал пару шагов в сторону Рагнера и аккуратно, чтобы этого нельзя было увидеть со спины, раскрыл перед Рагнером правую ладонь. В ней лежал кроваво-красный круглый камень – подарок Хранитель заповедных троп. Рагнер посмотрел на него и увидел надпись «съешь меня».

– Кажется, раньше этой надписи не было, – шепнул старик.

– Я что-то не припомню. Вроде действительно не было, – так же прошептал Рагнер. Он достал из кармана свой камень и увидел на нем такую же надпись, выведенную желтыми буквами.

– Помнишь, что сказал олень, когда уходил? Они должны нам помочь.

Во взгляде мага читалась полная уверенность.

– Ты думаешь, они помогут нам не свариться в этом кипятке?

– Да, я в этом уверен.

– Хорошо, давай попробуем.

– Других вариантов нет, – с этими словами маг закинул свой камень в рот и проглотил его.

– Давай, что ты раздумываешь, – сказал старик, заметив замешательство Рагнера. – Времени нет.

Рагнер мигом отправил свой камень в рот и проглотил его.

– Чего вы ждете? – раздался сзади голос. – Прыгайте живее.

Но, ни Лестер, ни Рагнер не сдвинулись с места. Тогда один из грифонов решил взять дело в свои лапы. Сначала он подошел и толкнул в воду мага. Вопль, наполненный ужасом, вырвался из груди Рагнера, когда он увидел, как кипяток проглотил старика. В следующий миг он почувствовал резкий толчок в спину. Вот он теряет равновесие и падает в бурлящий бассейн. Все, на что он может сейчас рассчитывать, это быстрый и безболезненный конец.

Они оказались под водой. Вместо горячего кипятка, который должен был в один миг их обварить, они ощутили легкое и даже приятное покалывание по всему телу. Вода оказалась не обжигающей, а теплой и приятной, которую обычно набирают, чтобы принять ванну. Кроме того, руки путников стали светиться желтоватым светом. Вода была настолько чистой и прозрачной, что Рагнер без труда рассмотрел седую бороду мага.

Тут Рагнер ощутил, как какая-то неведомая сила взывает к нему с самого дна. Он машинально засунул руку в карман и достал изумруд. В этот момент сила стала еще сильнее зазывать его. Она манила и притягивала его вместе с изумрудным камнем. И тогда Рагнер стал грести со всех сил к самому дну. Он знал, что именно там он разыщет то, что они искали с Лестером. Изумруд в руке с каждым моментом становился все тяжелее и тяжелее, отчего опускаться на дно становилось проще. И вот среди густого мрака он увидел темно-синее сияние. Он поплыл к нему, словно мотылек, привлекаемый ярким огоньком. Оказавшись у каменного дна, Рагнер увидел сияющий сапфир василькового цвета, сделанный в виде ромба. Он протянул к нему ладонь и поднял камень со дна. Вдруг вода забурлила, огромные пузыри стали подниматься с самого дна. Рагнер и Лестер, который все это время плыл позади друга, ощутили, как невидимая рука стала выталкивать их из воды. И вот бурлящий фонтан рванулся вверх, выбрасывая друзей на землю.

Грифоны, стоявшие все это время возле воды и спорившие о том, кто кого будет есть, оказались в недоумении, когда перед ними плюхнулись Лестер и Рагнер. Они думали, что друзья уже сварились, а вместо этого оба были целыми и невредимыми. Грифоны поначалу смотрели, как путники лежат на земле и откашливаются, затем они медленно направились к ним. Но только теперь это было не угрожающее наступление, а робкие маленькие шажки. Увидев, что двое грифонов приближаются к ним, друзья в один миг вскочили с земли, словно два ошестинившихся зверя, готовых бороться за свою жизнь до последнего вздоха. А между тем, грифоны подошли к ним и остановились, рассматривая путников, будто видели их впервые. Но, теперь в этом взгляде не чувствовалось злобы. Напротив, в орлиных глазах этих существ читалось любопытство.

– Видимо, ваши помыслы и вправду чисты, – наконец, заговорил один из грифонов. – Бывали здесь за тысячи лет многие, но сердца их были черны, как крыло ворона. Все они не смогли выжить после того, как искупались в этом водоеме. Вы первые, кто поднялся оттуда живыми. Значит, вам дано очистить этот остров от зла, которое он хранил все это время.

Рагнер и Лестер удивленно переглянулись. Еще совсем недавно эти двое даже слушать их не хотели, а теперь вели себя так, словно перед ними стоят два важных гостя.

– Бывали здесь до вас некоторые колдуны, – отозвался второй грифон. – Хранитель заповедных троп их сюда провожал, но на этом вся его помощь заканчивалась. Потом, как я слышал, он перестал даже это делать. Злым людям здесь нельзя быть. На самом деле, тут нет никаких сокровищ. Единственное что здесь было, это то, что вы подняли со дна.

– Для чего тогда нужно было придумывать эту историю про остров? – недоумевал Рагнер.

– Чтобы однажды сюда пришел тот, чьи помыслы чисты. Тот, кому нужен только этот камень. Такие, как мы с тобой, – ответил Лестер.

– Да, все верно, – ответил первый грифон.

– Значит, мы можем идти? – спросил Рагнер, которому хотелось поскорее убраться из этих мест.

– Да, вы свободны. И мы поможем вам выбраться с острова, – сказал второй грифон.

– Мы спустим вас вниз, – добавил первый. – Садитесь нам на спины.

– Благодарим вас, но еще нам нужно забрать наше оружие, – ответил маг.

– Мы отвезем вас и за вашим оружием.

Пару минут спустя Лестер и Рагнер стояли на поляне, где осталось их оружие. Маг прочитал заклинание и подул на Рагнера. В один миг его одежда стала сухой. Затем, то же самое старик проделал и со своей одеждой. Забрав оружие, друзья уселись на спины грифонов, и те взмыли ввысь, унося путников с острова.

Они даже не предполагали, что как только они подняли сапфир на поверхность, на скрюченных деревьях, вдруг стали набухать почки, а на сухой потрескавшейся земле зазеленела молодая травка.

Глава 22

Трэйтора вели по длинному сырому коридору вдоль тюремных камер. Впереди шел тюремщик с факелом, чей свет разгонял царивший здесь полумрак. Тошнотворный запах плесени и сырости, казалось, пропитал все пространство, и заставил Трэйтора далеко не один раз пожалеть о решении пойти в это место. Почти в самом конце коридора тюремщик остановился и, сняв с пояса связку ключей на огромном кольце, вставил большой ключ в замок, повернул несколько раз, и железная дверь со скрипом отворилась. Перед Трэйтором была самая обыкновенная тюремная камера: каменный пол, на котором в дальнем правом углу валялась куча соломы, служившей заключенным постелью; небольшой стол и подсвечник. Невысокий потолок с давно потрескавшейся штукатуркой и небольшое окно, заделанное стальной решеткой, которое служило единственным источником света вплоть до наступления темноты.

Как только дверь отворилась, в дальнем углу, словно призрак, мелькнула какая-то тень и, судя по шаркающим звукам, направилась прямо к посетителю. Тюремщик хотел что-то сказать, но Трэйтор не дал ему этого сделать. Он взял под руку этого пожилого, скрюченного и обросшего седой щетиной мужчину, и что-то ему шепнул на ухо.

– Только не долго, – сказал он голосом, напоминавшем воронье карканье. – Вообще-то это не положено.

– Вы знаете, от чьего имени я сюда пришел? – спросил Трэйтор почти шепотом, чтобы заключенный не мог расслышать его слов.

– Да знаю я, знаю, – отвечал тюремщик. – Потому и иду вам на уступки. Я буду тут стоять, неподалеку. Если вдруг что-то случится, то кричите. Вообще этот у нас самый беспокойный заключенный, второй день только молчит, а то все кричал и кричал. Пришлось ему карцером пригрозить, чтоб успокоился.

– Не беспокойтесь, думаю, все пройдет тихо и мирно.

Тюремщик, звеня ключами, отошел на такое расстояние, на котором было бы невозможно расслышать, о чем говорится в камере, но любой крик он услышит обязательно.

Фигура приближалась к Трэйтору, и, наконец, слабый свет из окна камеры озарил Малкина Грея. Вернее то, что от него осталось – за эти несколько дней, проведенных в тюрьме, этот человек изменился до неузнаваемости. Он сильно исхудал. Казалось, заключённый только чудом и может стоять на ногах. Малкин Грей был настолько бледен, что напоминал покойника, поднявшегося из могилы. Большие глаза впали глубоко в глазницы, вокруг них проступило два больших темных круга. От прежнего члена совета Фильнии – пышущего здоровьем Малкина Грея – не осталось и следа. Когда Трэйтору удалось его разглядеть, то он невольно отшатнулся – настолько сильное впечатление оказал на него этот ходячий труп.

– Ох, слава высшим силам, – с этими словами измученное, покрытое щетиной лицо Малкина Грея попыталось изобразить подобие улыбки. – Трэйтор, вы пришли навестить старого друга. Вы даже не представляете, как я вам рад.

Голос был настолько охрипшим, что если бы Трэйтор не видел того, с кем говорит, он бы ни за что не узнал голос Малкина Грея.

– Как вы, дорогой друг, держитесь? – с притворным сочувствием спросил Трэйтор.

– Из последних сил, – ответил Малкин Грей таким тоном, точно он вот-вот расплчется. – Эти постоянные допросы меня совершенно вымотали. Я измучен. Но они не верят ни единому моему слову. О, это так ужасно. Но, скажите, дорогой мой друг, как вы узнали, что меня арестовали?

– Вчера днем я заехал к вам с визитом, но вместо вашего крепкого рукопожатия меня встретили горькие слезы вашей супруги. Как только она мне все рассказала, я тут же направился сюда, чтобы поддержать друга.

– Ох, Трэйтор, вы такой замечательный человек! Такой великодушный! Я так рад вас видеть. Теперь, когда меня поведут на казнь, а в том, что меня собираются казнить нет никаких сомнений, я встречу смерть, осознавая, что у меня была прекрасная жена и преданный друг, – он всхлипнул, и слезы огромными каплями потекли по мертвенно-бледному лицу.

– Ну, будет, будет вам, – принялся успокаивать Трэйтор. – Я надеюсь, что до казни дело не дойдет.

– Нет, Трэйтор, все к этому идет. Меня обвиняют в государственной измене, а вы не хуже меня знаете, чем это обычно заканчивается.

– Какие страшные слова! – с притворным ужасом сказал Трэйтор. – Да как такое возможно? Я в это не могу поверить. Как только мог Милат заподозрить вас, самого честного и преданного слугу, в таком ужасном и страшном грехе?

– У меня нашли королевское послание, мой дорогой друг, – сказал Малкин Грей, взяв, наконец, себя в руки и утерев с лица слезы. – Но вы, наверное, и так все знаете. Джудит вам ведь все рассказала.

– Ваша супруга так убита этим горем, что я толком ничего не понял с ее слов, кроме того что у вас в доме что-то нашли. Расскажите же, пожалуйста, подробнее, что такое у вас обнаружили, и почему вас обвиняют в измене?

– Бедная Джудит, что с ней будет, когда меня не станет? – выдохнул заключённый с такой грустью, что почти любой, услышавший его, невольно пустил бы слезу. Трэйтора эти слова нисколько не тронули, хотя он продолжал стоять с притворно-печальной маской на лице.

– Прекратите так говорить. Я сделаю все, чтобы вас отсюда выпустили, но для этого вам надо рассказать мне, что с вами произошло.

И Малкин Грей рассказал, какое несчастье обрушилось на него на следующий день, после дня Великого Акнаола.

– Ситуация ужасная и очень страшная, – сказал Трэйтор, притворявшийся до этого, что обдумывает рассказ Малкина Грея. – Не удивительно, что вас обвиняют в измене. Найти такое послание, от которого зависит исход войны, да еще и вместе с королевской печатью, которая, к несчастью, имела у вас, равносильно смерти. Но, послушайте, дорогой друг, я нисколько в вас не сомневаюсь и все же, я должен спросить: вы хоть каким-нибудь образом причастны ко всей этой истории?

– Никоим образом! – воскликнул Малкин Грей. – Я и в жизни не видел этого послания. Для чего мне делать такие вещи?

– Простите меня, как я уже сказал вам, я нисколько в вас не сомневаюсь и абсолютно уверен, что вашей вины тут нет. Но каким же образом могло попасть к вам это послание? Вот вопрос, ответ на который спас бы вас от ваших страданий и позволил бы вам покинуть это ужасное место и избежать казни.

– Я уверен, что мне его подбросили, – при этих словах глаза Трэйтора округлились, будто он не ожидал услышать подобные слова – этому человеку можно было преподавать уроки по лицемерию.

– Да-да, именно подбросили, – повторил Малкин Грей, заметив изменение выражения лица Трэйтора. – Кто-то, по всей видимости, перехватил королевское послание, а затем незаметно подкинул ко мне в дом.

– Какие ужасные слова! Но кто может на такое пойти? Неужели у вас есть враги?

– Раньше я считал, что их нет, но я ошибался. Видимо, можно нажать врагов, даже не делая никому ничего плохого. Ах, Трэйтор, дайте мне обещание, – с мольбой проговорил несчастный.

– Просите все, что хотите дорогой друг, я выполню любую вашу просьбу.

– Обещайте мне, после моей казни найти истинного предателя. Обещайте, что смоете с меня этот позор и докажете королю, что я не виноват. И прошу вас, позаботьтесь о моей несчастной супруге. Я боюсь, что такое горе убьет ее. Обещайте же мне это, и я смогу умереть спокойно.

– Я обещаю вам, мой дорогой друг, что выполню все, о чем вы меня сейчас просили. Я найду того проходимца, который с вами так обошелся и будьте уверены – он понесет заслуженное наказание, и этот позор будет смыт с вашего доброго имени. Я так же обещаю, что позабочусь о Джудит, как о родной сестре, и она никогда ни в чем не будет испытывать нужды. Будьте уверены мой друг – я все это выполню. Но, прежде всего, я вам обещаю сделать все, чтобы вас выпустили отсюда, и никакая казнь не состоялась. Я пойду к самому королю, встану на колени, и буду молить его о снисхождении к вам. Я докажу ему, что такой замечательный человек, как вы не способен на подобные злодеяния. Обещаю вам – я сделаю все, что только смогу. Я приложу все усилия, чтобы вызволить вас отсюда.

– Спасибо, Трэйтор. Вы замечательный друг. Не думаю, что король смилуется надо мной, или поверит в то, что мне подкинули это послание. И все же вы подарили мне, хоть и крохотную, но, все-таки надежду.

– Тюремщик идет, – сказал Трэйтор, когда послышались приближающиеся шаги. – Мне пора идти. Прощайте, и не падайте

духом.

– Прощайте, дорогой друг.

Подошел тюремщик, и Трэйтор вышел из камеры. Дверь захлопнулась, и ключ дважды скрежетнул в замочной скважине; через мгновение Трэйтор вновь шел за тюремщиком, который вел его к выходу.

Как только Трэйтор покинул тюрьму, он тут же направился во дворец к королю Милату, который дожидался его у себя в кабинете.

Когда у Малкина Грея обнаружили королевское письмо, Милат решил узнать, кто и как помог этому человеку перехватить это послание. Так можно проследить всю цепочку заговора, а король намеревался наказать всех виновных в этом ужасном злодеянии. Поэтому Милат приказал допрашивать арестованного до тех пор, пока тот во всем не признается.

Малкин Грей не мог дать каких-либо признаний, и короля подобный поворот событий несколько не удивил, так как он вполне ожидал, что заключенный не станет в чём-либо сознаваться, по крайней мере, не сразу. Поскольку пытки к столь знатным людям как Малкин Грей не могли быть применены, король приказал изнурить заключенного допросами. Король полагал, что, в конце концов, арестованный не выдержит и во всем признается. Но заключенному не в чем было сознаваться, поэтому каждый день королю докладывали одно и то же: «своей вины не признает; усердно пытается доказать, что послание ему кто-то подкинул».

Так продолжалось уже чуть больше недели. Наконец, после очередного доклада, король разозлился и приказал убавить заключенному рацион, в надежде, что голод развяжет предателю язык. Но королю тут же объявили, что убавить рацион заключенному вряд ли удастся, поскольку он сам уже давным-давно не притрагивается к еде. Эта новость еще сильнее распалила Милата, и в порыве гнева он сказал, что в таком случае, он больше не видит смысла в допросах: «...раз заключенный не желает покаяться и во всем признаться, остается только публично казнить предателя...».

В тот самый момент Трэйтор находился вместе с королем в его кабинете и почуял удачный момент вновь доказать королю свою преданность, попросил монарха не торопиться и дать ему, Трэйтору,

возможность разговорить отчаянного преступника, который никак не хотел раскрывать подробности заговора.

– Но, ведь он тогда сразу же поймет, что это вы выдали его! – отвечал удивленный Милат. – Неужели вы не опасаетесь, что его сообщники узнают об этом и наверняка захотят отомстить?

– Ваше величество зря беспокоится, – заверял Трэйтор. – В тот вечер Малкин Грей был так пьян, что вряд ли помнит, что он мне поведал эту страшную тайну. Поэтому я могу ничего не опасаться.

– Но все же, – настаивал Милат. – Вдруг в его памяти приоткроется та серая завеса, спрятавшая тот разговор глубоко в его голове, и он все-таки что-нибудь вспомнит?

– Даже если это и произойдет, чего мне бояться?

– Но как же, ведь тогда он скажет своим сообщникам, что это вы его выдали. В таком случае вам придется опасаться за свою жизнь.

– Ваше величество, преступник находится в тюрьме, как же он тогда сможет выдать мое имя своим сообщникам? – Трэйтор изображал недоумение. Ему очень льстило то, как король пытался огородить его от несуществующей опасности.

– Трэйтор, вы не хуже меня знаете, что не существует неподкупных тюремщиков ни в одной тюрьме. За золотую монету ваше имя, написанное на бумажке, будет передано на волю быстрее, чем вы покинете тюрьму.

– Что ж, ваши опасения и впрямь справедливы, и все-таки я хотел бы с вашего позволения попробовать разговорить преступника. Я хочу это сделать еще и потому, что мне хочется чувствовать, что я сделал все что мог, дабы помочь раскрыть заговор. Иначе долгими ночами я буду ворочаться в постели, измученный угрызениями совести, что не сделал все от меня зависящее.

Слова оказали то впечатление на короля, на которое и были рассчитаны. Глубоко тронутый такой преданностью Милат дал разрешение Трэйтору посетить Малкина Грея. И вот на следующий день Трэйтор отправился в тюрьму.

Побеседовав с Малкином Греем, Трэйтор тут же направился во дворец короля. С тех пор, как Трэйтор явился обличать предателя, отношение Милата к Трэйтору сильно изменилось в лучшую сторону. С тех самых пор король стал считать этого человека, если не другом (разве бывают у королей друзья?) то, во всяком случае, подданным,

готовым служить монарху верой и правдой. Поэтому Трэйтору разрешили навещать во дворец в любое время – привилегия, которой когда-то пользовались все члены совета.

Король давно поджидал Трэйтора, поэтому, когда слуга доложил о его прибытии, Милат велел тут же впустить гостя.

– Дорогой мой, вы вернулись, – король оторвался от чтения каких-то бумаг и откинулся на спинку кресла, поправив длинные вьющиеся волосы. – Какие новости вы мне принесли? Присаживайтесь, нечего вам стоять в дверях.

Трэйтор поклонился в знак приветствия и сел в кресло, на которое кивком указал король.

– Ну, рассказывайте, как все прошло? Скажите для начала, он вспомнил о том разговоре между вами, когда он во хмелю сам все вам рассказал?

– Как я и полагал, ваше величество, Малкин Грей абсолютно не помнит, о чем мы с ним тогда говорили.

– Что ж, это занятно. Ну, а что на счет его сообщников? Вам удалось что-нибудь выведать?

Трэйтор тяжело вздохнул, делая вид, будто ему тяжело говорить, о чем его просили.

– Ваше величество, я сделал все что мог, клянусь памятью своих предков, но этот человек не захотел мне выдать ни имен сообщников, ни то, каким образом им удалось выкрасть ваше послание. Пропадающая душа, что и говорить.

– Вы, правы, что и говорить. Однако, случилось все так, как я и полагал. Последняя попытка не увенчалась успехом.

– Прошу прощения, ваше величество, но позвольте мне заметить, что еще не все рычаги давления были задействованы.

– Вы намекаете на применение пыток? Трэйтор, вы же сами знаете, что этого сделать никак нельзя. Пытки к людям, занимающим такое положение как Малкин Грей, не применяются по закону.

– Однако ваше величество может этот закон отменить.

– Я не стану этого делать, – немного подумав, сказал Милат. – К благородным людям пытки не применимы.

Последние слова были произнесены так твердо и решительно, что Трэйтор решил прекратить разговор о пытках.

– Значит, остается только казнить предателя, – заметил Трэйтор.

– Да, вы правы. Казнить, и обязательно публично, чтобы эту казнь видели все жители города, – Милат вскочил с кресла в нервном возбуждении. – Я хочу, чтобы все видели, что в этой стране предателей ждет самое суровое наказание. Пусть эта казнь донесет до всех моих подданных, что моя решительность несколько непреклонна в борьбе с внутренними врагами. Ибо они еще хуже и гораздо страшнее врагов внешних, поскольку последних мы видим перед собой, тогда как предателей и изменников мы не видим, а потому их коварные поступки подобны удару ножом в спину. Так пусть каждый увидит, пусть до каждого сознания дойдет, что кара – неотвратимая и беспощадная, – поразит, как молния, каждого, кто будет уличен в подобном злодеянии.

Король замолчал. Нервное возбуждение прошло. Он сел в кресло, поправил растрепавшуюся черную челку и принялся трепать за ухо Гуно, который положил голову на левое колено хозяина.

– Что касается сообщников, которых он отказался выдать, – продолжал Милат. – Я все равно их разыщу. Рано или поздно, заслуженная кара настигнет и их. И, клянусь памятью своего отца, они будут сильно сожалеть о содеянном.

– Ваше величество, я полагаю, все сообщники наверняка покинули славный Ландрсмит и, мне кажется, сейчас их будет очень трудно найти. Наверняка они знают об аресте, и, опасаясь, что Малкин Грей может их выдать, они, скорее всего, давно в страхе покинули город.

– Вы правы, Трэйтор, – сказал, немного подумав, Милат. – Эти трусы наверняка разбежались, как тараканы. Что ж, значит, Малкин Грей единственный, кто понесет наказание за это предательство.

Больше в этот день ни о казни, ни про Малкина Грея не говорили. Милату, который в последние дни только об этом и думал, надоела эта тема, и он решил отвлечься от нее, хотя бы ненадолго. Поэтому он предложил Трэйтору разыграть с ним партию в шахматы. Трэйтор с удовольствием согласился, тем более что именно эту игру он очень любил и часто в нее играл. Однако, несмотря на это, он все-таки проиграл королю целых две партии, но не из-за того что, король играл лучше него. Трэйтор сделал это нарочно, поддаваясь Милату таким искусным способом, что король ничего не заподозрил. После шахмат Трэйтор покинул дворец – Милат решил ужинать в одиночестве.

Снова мысли, неприятные и тревожные, стали мучить венценосную голову. Весть о падении Керсабора король воспринял очень

болезненно, и теперь, когда он остался в одиночестве, какая-то огромная волна ужаса накрыла Милата. Никогда еще этот большой и стратегически важный город не оказывался в руках у врагов. Его войско попросту даже не успевало дойти до него. А сейчас армия короля Бренера шла победным маршем по Фильнии, с каждым днем приближаясь к Ландрсмиту. «А что подумает народ?» – с ужасом спрашивал сам себя король. «Никчемный бездарный король, который не может одолеть братнийцев!» – отвечал он сам себе. И тогда неведомый страх сжимал сердце ледяными щипцами, и нервная дрожь охватывала Милата.

Вдобавок ко всему, уверенность, что Вестермская книга находится у братнийцев, подливала масло в огонь. Трэйтору король об этой пропаже не рассказывал.

Единственная надежда на Лестера, который должен найти камни раньше братнийцев. «А что, если они уже нашли эти камни?» – думал Милат. Но он тут же отгонял страшные мысли, думая, что если бы камни и вправду были бы у братнийцев, об этом уже давным-давно стало бы известно; скрыть ту силу, которую дает книга – невозможно.

И все-таки эти домыслы и страхи выползали, словно призраки из могил, и мучали короля. К ним добавлялось какое-то странное, неведомое до сей поры ощущение приближающейся грозы, которая должна обрушиться со страшной силой и повергнуть его. Ощущение накатывало на него ледяной волной и, казалось, пыталось утянуть его в страшную пучину безумия. Но Милату удавалось удержаться. Он верил, что все страхи и переживания, одолевающие его в последнее время, пройдут, как только братнийцы будут разбиты. А в том, что это обязательно случится, король нисколько не сомневался.

Между тем, новость о падении города Керсабор разлетелась по Ландрсмиту с небывалой скоростью. Уже на следующий день, после того как король получил эту печальную весть, ее обсуждали чуть ли не на каждом углу. Первые высказывались весьма категорично, обвиняя во всем короля; вторые были мягче и считали, что на любой войне бывают неудачи, потому король ни в чем не виноват. «...Если Керсабор не удержали, то чего уж говорить о Ландрсмите. Надо поскорее уезжать отсюда...» – рассуждали третьи. Правда, таких было совсем немного. Иные полагали, что опасаться нечего – армия вот-вот разобьет врага, ведь не бывало такого, чтобы Ландрсмит оказывался в

руках неприятеля. Однако другие оспаривали такие выводы, ссылаясь на то, что Керсабор – крупный город, который враги тоже никогда раньше не захватывали, теперь же по слухам, половина города выжжена. «Ландрсмит все-таки столица. Ее будут лучше защищать», – именно такие умозаключения звучали в подобных ситуациях.

Многих пугало то, что армия Фильнии, под предводительством Вагрела не то что не защищала город, но даже и не дошла до него, затерявшись в неизвестно каких местах. В скором времени появилась другая новость, вновь взбудоражившая весь город. Оказалось, что армия не дошла до Керсабора из-за того, что кто-то, то ли подменил, то ли выкрал королевское письмо, в котором Милат приказывал армии защищать Керсабор. Эта новость позволила вернуть в ряды сторонников короля тех, кто обвинял Милата в военных неудачах. Особенно после того, как стало известно, что этого преступника поймали и собираются казнить.

В день казни на центральной площади Ландрсмита было не протолкнуться. Огромный бурлящий океан людей заполнил все свободное пространство возле эшафота, который стоял среди этого шума в страшном молчаливом одиночестве.

Король Милат решил лично присутствовать на казни. Он сидел на большом деревянном кресле, установленном на пятиступенчатом помосте, с которого можно следить за казнью. Позади короля стоял Трэйтор. Сам он не хотел присутствовать на казни, по крайней мере, рядом с королем, разумно полагая, что это может бросить на него тень в глазах остальных членов совета, которые вполне могли присутствовать среди шумной толпы. Но король дважды попросил Трэйтора присутствовать вместе с ним. Отказать Милату второй раз Трэйтор не посмел.

– Забавно, сколько людей собралось, чтобы увидеть, как уйдет из жизни очередной мерзавец, – Милат сидел, развалившись в кресле, и оглядывал собравшуюся толпу.

– Подобные события всегда собирают множество людей, – отвечал Трэйтор, склонившись к королю с правой стороны.

– Да. Что верно, то верно. Если бы Малкина Грея не казнили, а чествовали за какие-нибудь заслуги, вряд ли бы на площади собралось столько зрителей. Жестокость притягивает людей сильнее, нежели добродетель.

– Такова человеческая природа, – заключил Трэйтор. – Однако вы сами хотели, чтобы эту казнь увидело как можно больше людей. А сейчас ваше величество как-будто недовольны, что собралось столько горожан.

– О, нет, Трэйтор, я недоволен только тем, что сегодня казнят лишь одного человека, – в голубых глазах Милата моментально вспыхнул недобрый огонек, которого Трэйтор не видел, однако он все прекрасно понял по интонации. – Надеюсь, недалек тот день, когда поймают сообщников этого предателя.

В самом деле, два человека, облаченные в серые плащи, вели некое привидение, исхудавшее и обросшее щетиной, в изорванной одежде. Толпа подалась вперед, точно по ней пробежала искра. И, хотя, изначально люди были настроены враждебно к человеку, которого все считали преступником, вид этого жалкого бледного мертвеца, который испуганными глазами пытался кого-то отыскать в толпе, разжалобил людей. В самом деле, Малкин Грей, вернее все, что от него осталось, поднялся на тринадцать ступеней, и каждый шаг был для него невыносимо тяжелым. С каждой ступенькой сердце вырывалось у него из груди. Нервная дрожь, охватившая его с тех пор, как его вывели из тюремной камеры, ни на секунду не оставляла его. Он жадно вдыхал воздух, будто никак не мог насытиться, отчего каждый вздох слышали люди, стоявшие совсем рядом с эшафотом. Сам Малкин Грей вряд ли это замечал. Пока тощий мужчина с хмурым лицом и огромным носом зачитывал приговор, он пытался разыскать среди толпы супругу. И с каждой секундой, приближавшей его к смерти, он все больше приходил в отчаяние оттого, что не мог ее найти.

Но вот его взор мельком скользнул по помосту, на котором сидел король. Этого беглого взгляда хватило, чтобы заметить стоявшего там Трэйтора, о чем-то говорившего с Милатом. И тут случилось совершенно невозможное: жалкое подобие улыбки скользнуло по исхудавшему лицу. Малкин Грей, такой простодушный и невинно осужденный, подумал, что даже сейчас Трэйтор просит о его помиловании.

Чтение приговора было окончено, и палач: рослый мужчина, сжимающий в мощных ручищах длинный меч, подвел осужденного к плахе и приказал ему встать на колени. Затем он занес меч над Малкином Греем и с силой его опустил.

– Дело сделано, – заключил Милат, поднимаясь с кресла. – Предателю воздалось по заслугам. Едем Трэйтор, прогуляемся. Хотелось бы развеется после такого зрелища.

Когда король покидал площадь, где еще совсем недавно произошла казнь, женщина, одетая во все черное, лишилась чувств, после того, как палач показал толпе отрубленную голову ее мужа.

Глава 23

По широкой мощеной улице, выстроившись в две колонны, ехала группа всадников. Её возглавлял Марфус – начальник королевской стражи – невысокий коренастый мужчина с густыми усами, которые он, то и дело приглаживал, будто легкий ветер, гулявший по городу, мог их растрепать. Шлем цвета серебра скрывает его черные, как смоль волосы, которые в некоторых местах тронула первая седина. Карие глаза настороженно бегают по разным сторонам улицы и следят, чтобы никакая опасность не угрожала его величеству.

Марфус и его солдаты сопровождали Милата на загородной прогулке, и сейчас они возвращались во дворец.

День выдался пасмурным и холодным. Зима подходила к концу, однако уступать свои права весне, которая должна наступить меньше, чем через неделю, не торопилась. Прогулка за городом в окружении зимнего леса была, как бальзам для души. Как всегда она помогла королю расслабиться и прогнать прочь все дурные мысли из головы, так что возвращался Милат во дворец в хорошем настроении.

Однако от хорошего настроения через несколько секунд не осталось и следа.

Стрела, выпущенная из арбалета, нашла брешь в доспехах начальника королевской стражи, вонзившись тому в горло. Марфус выпал из седла и с грохотом повалился на землю. Конь, неожиданно потерявший наездника, заржал и, словно обезумевший, помчался вперед.

Солдаты не сразу поняли, что произошло. Все, как по команде натянули поводья и остановились. Остановился и король. Один из солдат спешил и склонился над начальником. Вид торчащей из горла стрелы и фонтан брызжущей крови привели его в ужас. Из глубины подсознания мгновенно всплывает слово «покушение!», и он кричит об этом товарищам, подъехавшим к нему вплотную.

Солдаты в один миг сомкнулись вокруг короля плотным кольцом, озираясь по сторонам. В это время горожане, которые были неподалеку и видели, как один из всадников выпал из седла, устремились к месту происшествия. Поднялся галдеж и суматоха.

Женщины вскрикивали и причитали, словно курицы-наседки. Мужчины были более сдержаны, лишь по выражению их лиц можно было догадаться, какой ужас и сочувствие они испытывали, глядя на хрипевшего Марфуса. Затем, спустя короткое время, когда зевакам стало ясно, что произошло, они бросились врассыпную, унося ноги от места ужасной трагедии.

Охрана чуть ли не умоляла Милата немедленно ехать во дворец, справедливо полагая, что убийца во второй раз может не промахнуться, и стрела поразит нужную цель. Однако король считал иначе. Как только он услышал слово «покушение», громом прогремевшее среди ясного неба, он тут же впал в оцепенение. Он не мог поверить, что такое вообще могло произойти. Это была какая-то другая реальность. Это происходило не с ним. Должно быть это просто кошмар, который растворится в ночной темноте, как только он проснется. Но, к сожалению, это был не сон, а страшная реальность. Люди разбегаются по домам, а вокруг него тесным кольцом стоит охрана и, умоляет его уехать отсюда, как можно скорее.

Милат быстро овладел собой. Благородная кровь забурлила в нем как никогда раньше. Вместо того чтобы послушать охрану и уехать во дворец, он решил, что должен пожать руку человеку, который верно служил ему всю свою жизнь. Как может он теперь вот так запросто взять и уехать? Монарх не может так поступить.

Спешившись, он направился к Марфусу. Солдаты с обнажёнными мечами все, как один, последовали его примеру, не выпуская короля из плотного кольца.

Ужасное зрелище, видеть, как человек мучается в предсмертной агонии. Воздух вперемешку с кровью попадает в легкие и не дает умирающему, как следует вздохнуть. Страшное хрипение доводит до мурашек. Кровь стекает багровой струйкой и образует лужу, которая стремительно увеличивается в размерах. Марфус хватается руками то за горло, то за стрелу; он бьется в предсмертных конвульсиях, словно рыба, внезапно попавшая на берег. Когда над ним склоняется Милат, он пытается что-то сказать, но вместо слов из его груди вырывается бульканье и хрипение; никто не может разобрать последних слов умирающего.

С каждым мгновением жизненные силы покидают начальника королевской стражи, оставляя на дороге огромный кровавый след.

Наконец, он делает последнее движение, будто пытается дотянуться до короля, Милат хватает его за руку, и чувствует, как она вдруг обмякла. Глаза Марфуса остекленели и огонек в них погас.

После того как жизнь покинула Марфуса, солдатам удалось наконец-то уговорить Милата уйти отсюда немедленно. Через мгновение, монарх в окружении плотного кольца охраны, уехал во дворец.

Когда монарх, окруженный охраной, спешно покинул место трагической и внезапной смерти Марфуса, рыжеволосый мужчина задернул шторку в комнате третьего этажа в доме, окна которого выходили на улицу, где к мертвому телу начальника королевской стражи стала сбегаться городская стража. Мужчина поднял с пола горшок с цветком и водрузил на подоконник. Затем поднял арбалет, положил в большой мешок, наполовину наполненный всяким тряпьем, завязал его как следует и принялся осматривать. Наконец, удостоверившись, что никак нельзя распознать, что спрятано в мешке, он накинул на себя старый, выдавший виды плащ, и вышел из дома.

Оказавшись на улице, в нескольких десятках метров от произошедшей трагедии, он направился в противоположную сторону от того места, где лежало бездыханное тело Марфуса. Мужчина неспешно прошел до конца улицы и вышел прямо к трактиру. Он вошел внутрь и подошел к хозяину заведения, чтобы расплатиться за номер.

– Вы слышали о происшествии? – спросил трактирщик, когда рыжеволосый постоялец протянул деньги за ночлег.

– Да, весь город уже об этом говорит, – ответил тот. – Какой-то мужчина умер прямо неподалеку отсюда.

– Да, только он не просто умер. Говорят, его убили.

– Убили? – рыжеволосый наигранно изумился.

– Кто-то застрелил его. Говорят, целились в короля, а попали в него.

– Так убили кого-то из королевской охраны? – снова удивился гость.

– Так и есть. Да еще среди бела дня. Поговаривают, будто убийца спрятался в каком-то переулке. Дождался, когда король будет проезжать мимо, и выстрелил.

– Но, ведь, король, кажется, остался цел и невредим.

– И то верно. Я в это не верю. Не мог убийца так промахнуться. Я полагаю, что он сидел где-то наверху, ну хоть бы на крыше. Выстрелил, а когда понял, что совершил оплошность, тут же улизнул.

– Ваша версия больше похожа на правду, – отозвался рыжий, затем, немного подумав, добавил, – страшные времена наступили. Но, мне пора, надеюсь, убийцу скоро поймают.

– Всего доброго. Я тоже так думаю. Этот голубчик не успеет уйти. Наверняка стража закрыла город. Скоро еще одного на эшафот поведут.

Распрощавшись с трактирщиком, рыжеволосый гость вошел в конюшню, которая находилась во внутреннем дворе трактира; его серый конь с черным пятном на голове давно был оседлан и готов пуститься в путь.

Менее чем через минуту этот резвый скакун ехал по улицам Ландрсмита на север, проезжая одну улицу за другой. Сервус старался ехать неспешно, правя коня так, чтобы не сталкиваться с городской стражей. Он делал это искусно, не вызывая никаких подозрений, ловко сворачивал в какой-нибудь переулок, как только на его горизонте появлялись вооруженные люди в доспехах. Однако один раз все же ему пришлось проехать мимо двух стражей, которые пешком прочесывали улицу. Сервус с самым непринужденным видом проехал мимо них; он полагал, что вряд ли вызывает какие-либо подозрения. И все же, если бы его остановили и нашли в мешке спрятанный арбалет, это вызвало бы неприятные вопросы, на которые он не смог бы дать вразумительный ответ. К счастью, двое стражей и не подумали его остановить или окликнуть. Им не было никакого дела до путника в поношенном плаще и со старым мешком. Они, по всей видимости, еще не знали об убийстве Марфуса.

Проехав по Синей улице, Сервус свернул в переулок, миновал его, и выехал к одноэтажному каменному дому. Остановившись возле него, он спешился, привязал коня, достал ключи и вставил в большой ржавый замок. Сразу провернуть ключ оказалось не так-то просто – отпирался этот замок нечасто, и еще реже смазывался. Лишь после того, как было приложено немало усилий, ключ все-таки несколько раз провернулся, издавая при этом отвратительный скрип, и путь в дом стал свободен. Сервус толкнул обитую железом деревянную дверь, взял мешок и вошел внутрь.

Вышел он оттуда без мешка. Кроме того, одет он был уже не как нищий приезжий, а как солидный городской житель. На нем был синий

шерстяной плащ, из-под которого торчал черный дорогой костюм с позолоченной булавкой в виде шакала, прикрепленной слева на груди.

Сервус закрыл дверь, отвязал коня и пустился в путь. Менее чем через полчаса он сидел напротив Трэйтора в гостиной его дома.

– Как все прошло? – поинтересовался хозяин дома.

– Как и планировалось, – отвечал Сервус. – Начальник королевской стражи был убит во время возвращения его величества с загородной прогулки.

– А что Милат? Он не пострадал?

– Король цел и не вредим. Все сделано так, как вы хотели.

– Превосходно, – ответил Трэйтор с довольным видом, откидываясь на спинку кресла, почесывая черную треугольную бородку. – Я, как всегда полностью тобой доволен. Но, скажи-ка мне, Милат сильно испугался?

– Вынужден вас разочаровать, – отвечал Сервус. – Король, если и испугался, то виду не подал. Как мне показалось, на мгновение он впал в ступор, но, повторяюсь, это всего лишь на мгновение. Монарх быстро овладел собой и вместо того, чтобы, поджав хвост, бежать во дворец, он до самой смерти оставался с начальником королевской стражи.

– Какое благородство, – фыркнул Трэйтор, переводя взгляд карих глаз с Сервуса на картину, изображавшую светловолосую деву с кувшином воды. – Хотя, как по мне, так поступают только глупцы. Так Марфус умер не сразу? – продолжил Трэйтор после небольшой паузы.

– Он прожил еще несколько минут, несмотря на то, что у него из горла торчала стрела.

Трэйтор сложил пальцы домиком, о чем-то размышляя. Воцарилось такое молчание, что было слышно, как тикают часы.

– Пожалуй, это и к лучшему, что Марфус умер на глазах короля, – прервал молчание Трэйтор. – Он не дал волю чувствам на улице. Не хотел, чтобы люди подумали, будто король может чего-то испугаться. Я уверен, что сегодняшнее убийство произвело на него сильное впечатление. Как ты думаешь?

– Я с вами полностью согласен, – отвечал Сервус, глядя бездушными, серыми глазами на Трэйтора. – Сегодняшнее происшествие показало королю, что он не может чувствовать себя в безопасности.

– Вот именно, – согласился Трэйтор. – Это то, что мне нужно. Теперь остается ждать, когда он пришлет кого-то за мной. Думаю, во дворце сейчас он мечет молнии. И ему как раз нужен человек, который должен его поддержать.

В этот момент с улицы донесся звук лошадиного ржания. Трэйтор вскочил с кресла, словно ужаленный и подбежал к окну. Одернув занавеску, он увидел всадника, который слез с гнедого коня и направлялся прямо к входной двери. Вид у этого человека был очень встревоженный. Трэйтор отпустил занавеску и с самодовольной улыбкой направился к своему креслу.

– Вот и люди его величества пожаловали, – сказал он, усаживаясь на свое место.

Меньше чем через минуту в дверь постучали.

– Войдите, – скомандовал хозяин. Дверь отворилась, и на пороге показался слуга – старый безбородый гном с густыми седыми бровями. Позади него стоял высокий молодой человек, с овальным лицом, на котором красовалась тонкая полоска черных усиков, кончики которых были закручены кверху.

– К вам человек от его величества, – прогнусавил гном.

Гость, не дожидаясь приглашения хозяина дома, отпихнул гнома и, сделав несколько шагов внутрь гостиной, не поздоровавшись, обратился к Трэйтору:

– Король срочно вызывает вас к себе во дворец, – объявил вошедший, будто протрубил в трубу.

– Что-то случилось? У вас такой взволнованный вид, – с этими словами Трэйтор сделал такое лицо, будто им стало овладевать беспокойство.

– Я прибыл сюда только для того, чтобы передать вам волю его величества, – отвечал гость. – Скоро вам все станет известно.

– Хорошо, хорошо, – ответил Трэйтор, поднимаясь с кресла. – Я немедленно выезжаю во дворец. Так и передайте королю.

Гость поклонился и тут же вышел.

– Бернар, – обратился Трэйтор к гному, который собирался тоже выйти, чтобы проводить гостя, – вели сию же секунду запрягать.

– Что ж, Сервус, – повернулся Трэйтор к рыжему, после того, как гном закрыл за собой дверь. – Я как всегда доволен твоей работой.

Можешь идти, но будь всегда в доступности. Скоро ты мне снова понадобишься.

– Я всегда в вашем распоряжении, – ответил Сервус.

Затем он поднялся с кресла, в один миг пересек гостиную и вышел.

Трэйтор не стал особо подбирать наряд, как он обычно это делал, прежде чем отправиться во дворец. Сейчас был совсем другой случай. Необходимо было показать Милату, что Трэйтор примчался к нему со всех ног, как только ему сообщили, что его срочно вызывают во дворец. Поэтому он надел первое, что попало под руку, и спустился в конюшню. Молодой конюх как раз закончил седлать коня, и Трэйтор, довольный такой расторопностью пустил скакуна во весь дух.

Во дворце его встретил Валмер, в глазах которого читались беспокойство и тревога. Уж кого-кого, а этого человека Трэйтору совсем не хотелось ни видеть, ни слышать. Это лицо с маленьким носом, на котором расположились очки, возбуждали в нем ненависть. Трэйтор не мог даже смотреть в сторону Валмера, не испытал при этом омерзительного чувства. Однако приходилось мириться с тем, что этот человек, причитая как курица, вел его по длинным мраморным коридорам в покои короля. Все, что говорил Валмер, Трэйтор пропускал мимо ушей. Ему было противно находиться в обществе этого «слишком уж верного прихвостня». Трэйтор вполне обоснованно видел в этом человеке конкурента, которому Милат благоволил. Поэтому он ненавидел Валмера, однако, всякий раз, когда он с ним встречался, искусный лицемер делал вид, будто они неразлучные друзья. Трэйтор не раз представлял себе, каким было бы выражения лица этого человека, узнай он, что на самом деле о нем думает Трэйтор. В такие моменты ядовитая ухмылка появлялась на его лице. Но никто ее не видел, поскольку таким мыслям Трэйтор любил предаваться лишь только тогда, когда находился дома наедине с самим собой.

Под гул неразборчивых причитаний и сокрушений по поводу того, какое ужасное время настало, что даже выехать на прогулку небезопасно, Трэйтора привели в комнату с высоким расписным потолком, обставленную роскошной мебелью и драгоценной утварью. На стенах висели масляные картины, в некоторых местах вдоль стен, замерев в необычайных позах, расположились статуи из белого мрамора.

Милат сидел за столом с фарфоровой чашкой в руках, от которой медленно поднимался ароматный пар; длинные темные волосы ниспадают на плечи. Когда Валмер объявил, что прибыл Трэйтор, король, казалось, никак на это не отреагировал. Он медленно поднес чашку к губам и сделал небольшой глоток. Вид у этого человека был такой спокойный, будто никакого покушения сегодня не было, словно никто не умирал у него на руках. Король сделал еще глоток из чашки, затем поставил и, казалось, только теперь заметил, что в комнату кто-то вошел.

– Благодарю, Валмер, – проговорил он спокойно, глянув на вошедших голубыми глазами. – А сейчас я бы хотел побыть наедине с Трэйтором.

Валмер поклонился и вышел.

– Присаживайтесь, чего же вам стоять в дверях, – вежливо пригласил Милат.

Трэйтор сел на стул, обитый парчой, который располагался по другую сторону стола напротив монарха. Милат снова взял чашку и сделал еще несколько глотков. Сладковатый аромат луговых цветов и фруктов, исходящий из этого сосуда, тронул нежными кончиками крючковатый нос гостя. Это был успокаивающий отвар, который Валмер приготовил специально для короля.

Когда Милат вернулся во дворец, им овладело небывалое нервное возбуждение. Поначалу он метался по комнате, ломая пальцы на руках. Злость попеременно с ужасом кипела и бурлила в нем, словно кипящая вода в закрытом сосуде, который готовый разорваться в любую секунду, если не приоткрыть крышку. Слуги метались, не зная, что делать и как успокоить господина, который, как им казалось, был на грани безумия. Тогда Валмер предложил успокаивающий отвар, в который он добавлял несколько капель волшебного настоя из южных земель. Сделав пару глотков, Милат ощутил, как тепло, расходящееся по всему телу, снимает нервное напряжение, и приятное спокойствие окутывает его в мягкое покрывало.

– Что вы думаете о страхе? – поставив чашку на стол, спросил монарх.

– О страхе? – переспросил удивленный Трэйтор.

– Да, о страхе. Какова его роль в жизни? Почему природа наградила нас этим чувством? Как вы думаете?

Вопрос озадачил Трэйтора. С другой стороны ему стало ясно, что на самом деле, при всем своем спокойствии, Милату страшно. Иначе он не стал бы расспрашивать его об этом.

Трэйтор некоторое время сидел, молча, размышляя, какой ответ дать на столь внезапный вопрос.

– Я полагаю, страх имеет двойное свойство. С одной стороны благодаря страху мы оберегаем себя. Не совершаем опрометчивых поступков, способных нам навредить. В таких ситуациях страх, скорее, похож на мудрого старика, или, точнее сказать, на хранителя. Но это только одна сторона медали.

– Какая же вторая?

– Другая сторона заключается в том, что порой страх не позволяет нам становиться теми, кем мы хотим стать. Или теми, кем являемся в глубине души. В таких ситуациях страх напоминает мерзкого тирана с длинными ледяными щупальцами, которыми приковывает нас, не давая сделать шаг вперед или в сторону.

– То есть, вы считаете, что в одной ситуации человек, поддавшись страху, поступит как трус, а в другой, это уже будет не трусость, а благоразумие, верно?

– Да, ваше величество.

– Хм, интересно. Вы знаете о том несчастье, которое сегодня произошло, когда я возвращался со своей загородной прогулки?

– Нет, ваше величество. Мне, к сожалению, ничего неизвестно.

– Как же, вам никто ничего не сказал? – Милат удивленно посмотрел на собеседника.

– Слуга, которого вы прислали, мне ничего не сказал, однако его взволнованный вид заставил и меня ощутить волнение. Поэтому я немедленно отправился во дворец. Здесь меня встретил Валмер, он что-то говорил, но, к сожалению, его речь была такой сбивчивой и неразборчивой, что я толком ничего не смог понять.

– Сегодня днем, когда я ехал по центральной улице этого славного города, на меня было совершено покушение. Как видите, я цел и невредим, – подметил Милат, перехватив полный ужаса взгляд карих глаз Трэйтора. – Однако погиб начальник моей стражи. Преступник промахнулся и попал в него, – король выдержал небольшую паузу. – Он умер прямо на моих глазах.

Милат тяжело выдохнул, глядя куда-то в сторону.

– Я видел много смертей, – продолжал король. – Мой отец умер почти у меня на руках. Он не страдал. Много дней он лежал в бессознательном состоянии. Мне было горько, и все же, его смерть я пережил достаточно спокойно. Я видел, как казнят преступников, как они корчатся в предсмертных муках. Не самое приятное зрелище, но от него быстро приходишь в себя. Сегодняшняя смерть оказала какое-то иное влияние. Эта торчащая стрела, и хлещущая из раны кровь, – Милат так посмотрел на Трэйтора, будто он снова оказался возле умирающего Марфуса. – Какая страшная и жуткая смерть. Знаете, что я тогда испытывал, стоя возле человека, который мучился в предсмертной агонии? – король как-то ехидно посмотрел на Трэйтора. – Страх. Самый настоящий животный страх. Так вот скажите-ка мне, какой был это страх, согласно вашей теории?

Король сделал особое ударение на слове «вашей».

Трэйтор сидел, не зная, что ответить. Он ловко скорчил гримасу ужаса и недоумения, будто вся эта история была для него страшной новостью.

– Можете не отвечать. Это, в сущности, не главное, – продолжил король уже спокойнее. – Мне кажется, страх он и есть страх, ужасный и жалящий в самое сердце своим ледяным жалом.

– Вы поступили очень смело, оставшись рядом с умирающим, рискуя жизнью. Ведь могло так случиться, что убийца выстрелил бы второй раз.

– Смело или неблагоразумно? – спросил Милат, ехидно глянув на собеседника. Эта издевка не могла промелькнуть мимо Трэйтора. Он понял, что со своими теориями о страхе совершил прокол.

– Очень смело и благородно, ваше величество. Вы поступили так, как поступают истинные короли. Любой другой на вашем месте убежал бы, как можно скорее, спасая свою жизнь. Но вы ... вы показали свою силу, силу истинного монарха, которого заслуживают ваши подданные.

Эти лестные слова оказали свое действие. Трэйтор понял, что попал куда нужно. Выражение лица Милата, на котором вместо ухмылки появилось удовлетворенное выражение, говорило само за себя.

– Вы полагали, что приспешники Малкина Грея прячутся и не высовывают носа, – король допил остатки успокаивающего отвара, а затем продолжил, – смею вас огорчить, дорогой Трэйтор, вы ошиблись.

Они и не думали прятаться. Скорее, напротив, они теперь объявили мне войну.

– Вы думаете, что это они совершили на вас покушение сегодня днем?

– Кто же еще, как не они? – спросил король тоном, будто у него спрашивали очевидные вещи. – Они хотят мне отомстить за казнь этого грязного предателя.

– Ваше величество, мне кажется это всего лишь совпадение, – отозвался Трэйтор.

– О каком совпадении вы говорите? – недоумевал Милат. – Какое вообще тут может быть совпадение? По-моему, все очевидно.

– Ваше величество, мне кажется, с их стороны это было бы неразумно. Наоборот, они притихли и стараются сейчас не шуметь, справедливо полагая, что вы начали на них охоту, и не успокойтесь, пока всех не предадите справедливому суду.

– Кто же тогда, по-вашему, мог пойти на такой грязный поступок?

– Да кто угодно, ваше величество. Разве мало безумцев бродит по городу? В конце концов, мало ли кто преследует свои цели.

– Вы ошибаетесь, Трэйтор. Я не вижу здесь никаких целей, кроме как отомстить мне за то, что я заслуженно наказал подлого предателя. И клянусь, я не успокоюсь до тех пор, пока не переловлю всех сообщников Малкина Грея.

– В таком случае, им всем стоит опасаться вашего праведного гнева, – заметил Трэйтор.

– Сегодня вечером будет петь водяная нимфа, – внезапно сказал Милат. – Надеюсь, вы составите мне компанию. В большом зале будет много придворных, но мне бы хотелось видеть вас возле себя.

– Почту за честь, – ответил Трэйтор. – Но ваше величество, как же вы...

– Сегодняшнее происшествие не должно как-то отразиться на вечере, – перебил Милат. – Все должно идти так, словно ничего и не было. Ни один проходимец не должен думать, будто ему удастся меня запугать.

В скором времени Трэйтор, под предлогом сменить наряд к вечеру, отправился домой.

Дома его поджидал брат. Генри развалился на диване и раскуривал трубку; на столе стоял полупустой графин вина. Трэйтор не видел

брата с тех пор, как он явился к королю обличать Малкина Грея, а потому был рад столь внезапному визиту. Только с ним он мог делиться почти всеми сокровенными мыслями.

– Давненько я не видел Сервуса, – Генри ехидно посмотрел на Трэйтора. – Похоже, ты прибрал его к своим рукам, дорогой братец.

– Этот человек просто какая-то находка. Такие, как Сервус, рождаются один на миллион. Признаюсь, он мне очень помогает в достижении моих целей. Но, разве он тебе срочно понадобился?

– Нет-нет, раз он тебе так нужен, забирай, я не возражаю. Думаю, в твоих руках он сделает для нас намного больше полезных дел, нежели в моих.

– Полностью с тобой согласен, – сказал Трэйтор, усаживаясь в кресло.

Генри налил в кубок вино из графина и сделал пару глотков. Затем, затянувшись из трубки, откинулся на мягкую спинку дивана и принялся пускать колечки дыма.

– Я слышал, ты теперь вхож к его величеству, – заметил Генри.

– Да, король стал неплохо ко мне относиться. Кстати, сегодня вечером я приглашен во дворец.

– Хм, уж не благодаря ли Малкину Грею? Я слышал, будто у него нашли какое-то королевское послание, отчего бедняга лишился головы.

– Это маленькая жертва ради великого дела, – ответил Трэйтор.

– Брат, у тебя, похоже, совсем нет совести.

– Я не настолько богат, Генри. Совесть в подобных делах может только помешать. Если хочешь добиться власти, забудь о совести.

– Узнаю своего брата, – ухмыльнулся Генри. – Сегодня днем был убит начальник королевской стражи. Убийцу ищут по всему городу, а король собирает у себя какие-то вечера. Как же так?

– Милат не хочет подавать виду, будто сегодняшнее происшествие как-то на него повлияло. Он считает нужным показать, будто ничего не случилось.

– А что на счет убийцы?

– А что с убийцей? – переспросил Трэйтор.

– Король кого-нибудь подозревает?

– Он думает, будто тут замешаны приспешники Малкина Грея. Полагает, что они хотят ему отомстить.

– Это очень забавно, – усмехнулся Генри. – А кто же на самом деле убил начальника королевской стражи?

– Думаю, ты и сам прекрасно знаешь.

– Хм, интересно, для чего могла понадобиться смерть этого человека?

– Очень скоро тебе все станет ясно, дорогой брат. А сейчас я вынужден тебя покинуть.

– Понял-понял. Тебе же еще ехать во дворец.

Генри попрощался с братом и уехал домой. Так, по крайней мере, он сказал Трэйтору, в чем последний очень сильно сомневался. Злачное местечко, в которое Генри любил заезжать – вот куда он направился. Трэйтор ненавидел это место, и каждый раз вспоминал о нем с отвращением. Надо бы потом запретить ему туда ездить. Нечего брату делать в публичном доме. Но это потом. А сейчас надо собираться во дворец.

Зал, в котором обычно проходили представления, был, пожалуй, самым маленьким во дворце, по сравнению с другими помещениями, в которых проходили торжественные мероприятия. Однако это нисколько не сказывалось на обстановке. Отполированный до блеска паркет из красного дерева, стены, увешанные различными картинами, изображавшие пейзажи. Резной потолок, отделанный золотом, ослеплял богатством и красотой. Половина зала была уставлена роскошными креслами, обитыми красным бархатом. Посреди них, словно хозяин, расположился трон, также обитый красным бархатом, только на спинке был вышит золотом рисунок, изображавший коронованного льва, оскалившего клыки.

Другая половина зала была почти пустой, не считая трех громадных деревянных блюд, стоявших в одну линию.

Придворные давно собрались, и, в ожидании короля, жались возле стен, обсуждая дневное происшествие, отчего в зале царил легкий гул, напоминавший пчелиное жужжание. Трэйтор тоже был среди этой массы, но он держался особняком. За все время он всего несколько раз обменялся приветствиями, как того требовали приличия, да и только.

Его целью были не эти знатные, но не имевшие никакого политического веса люди.

Когда Милат вошел, разговоры стихли. Десятки глаз устремились на короля, который спокойно проследовал к трону и, прежде чем сесть, кивком пригласил всех гостей занять свои места. Пока гости рассаживались, Милат, не увидевший среди присутствующих Трэйтора, громко произнес его имя. Тот, словно этого и ждал, внезапно выплыл прямо перед королем из потока гостей, которые шумно рассаживались в свои кресла.

– Садитесь рядом со мной, – приказал король.

Трэйтор охотно повиновался.

Когда все расселись, свет в зале погас, погрузив все во тьму. Некоторое время ничего не происходило, лишь кое-где позади кто-то из придворных шепотом нарушал воцарившуюся тишину.

Наконец, из трех огромных деревянных блюд начинает вырываться голубое свечение. Оно становится все ярче, разгоняя воцарившийся мрак. Откуда-то сверху доносятся первые звуки нежной арфы. Голубое свечение становится еще ярче, а затем из деревянных блюд медленно начинает подниматься в воздух три огромные водяные сферы, напоминающие мыльные пузыри. Они переливаются то кроваво-красным цветом, то нежно-голубым, то ярко-зеленым. Эта завораживающая иллюминация вызывает аплодисменты.

Музыка становится громче, и теперь к арфе присоединяется скрипка. Этот дуэт играет несколько минут, словно пролог перед повествованием. Публика слушает, но не слишком увлеченно – некоторые гости о чем-то переговариваются.

Пролог заканчивается, музыка стихает, и из центральной сферы выныривает, словно дельфин из воды, нечто, отдаленно напоминающее молодую девушку. Ее длинные зеленые волосы, похожие на вьющиеся морские водоросли, развиваются, словно на ветру. Жабры на длинной нежной шее похожи на большие шрамы, длинные руки с перепонками и четыре щупальца вместо ног.

Дива, вынырнув из центральной сферы, начинает петь оперу. И снова зал сотрясают аплодисменты.

Представление длится почти два часа. Иногда пение прерывается, когда водяная нимфа ныряет сначала в одну сферу, потом в другую. И с каждым таким прыжком песня становится то грустной и печальной, то

живой и радостной. И музыка вторит ее пению, и цвета, которыми переливаются зависшие в воздухе сферы.

Каким бы хорошим не был голос гостыи, опера утомила половину присутствующих гостей, включая самого короля. Поэтому, когда концерт закончился, зал взорвался громкими аплодисментами более из-за того, что многие были рады окончанию этой муке, хотя сама певица об этом не подозревала, а потому осталась довольна собой.

После концерта Милат пригласил Трэйтора на ужин, отчего последний и не собирался отказываться. Во-первых, потому что у него было важное, как ему казалось, предложение для короля, во-вторых, он и в самом деле проголодался.

Они сидели в столовой и, когда их рты не были заняты едой, обсуждали оперу. Король с усмешкой говорил, что в любой опере он любит начало, но терпеть не может конца. Трэйтор же считал, что оперой можно либо наслаждаться, либо не любить ее вовсе – третьего не дано.

Когда подавали десерт, Трэйтор решил перейти к интересующей его теме.

– Ваше величество, позвольте мне дерзость задать вам вопрос.

– Спрашивайте, дорогой Трэйтор. Надеюсь, он не касается оперы, а то признаюсь, я уже вдоволь наговорился о ней, – ответил Милат.

– Нет, ваше величество. Этот вопрос касается вашей безопасности.

Милат удивленно уставился на Трэйтора.

– Я вас слушаю, – сказал король.

– Ваше величество, сегодня приключилось такое несчастье – вы лишились начальника стражи, верного и бесстрашного воина. Однако, нельзя же оставлять охрану без начальника, ведь это ставит под угрозу вашу безопасность, поэтому я хотел спросить, не нашли ли вы достойную замену почтеннейшему Марфусу?

– Ах, Трэйтор, должен признаться, мне и некогда было об этом сегодня подумать. Но, почему вы об этом спрашиваете?

– Дело в том, ваше величество, если вы не успели найти замену Марфусу, я дерзнул бы предложить вам достойную кандидатуру на этот ответственный пост.

– Вот так совпадение, – ответил Милат.

– Совпадение? – переспросил Трэйтор.

– Да совпадение. Дело в том, что Валмер опередил вас. Когда вы уехали сегодня, он предложил мне взглянуть на одного человека, который, как он считает, смог бы заменить Марфуса.

Если бы гром ударил среди ясного неба, или если бы на город обрушился торнадо, даже тогда Трэйтор был бы не так поражен. Когда этот мерзкий Валмер успел Милату кого-то порекомендовать? Как он мог опередить Трэйтора? Злость, досада и ненависть к этому человеку моментально вскипели в нем. Столь сильна была смесь взрывных чувств, что он готов был перевернуть стоящий перед ним стол. Да что там стол, он был готов разнести всю эту столовую в пух и прах, а, заодно и весь мир в придачу.

Как бы Трэйтор не старался скрыть своих чувств, по всей видимости, досада отразилась на его лице, так как Милат, взглянув на него, спросил:

– Я вижу, мой ответ расстроил вас?

– Не то, что бы очень, – соврал Трэйтор, – мне лишь хотелось помочь вашему величеству, но раз уж вы нашли человека на эту должность...

– Я еще никого не назначил, – сказал Милат. – Я всего лишь пообещал Валмеру взглянуть на его кандидата завтра в полдень. Раз у вас тоже есть подходящий человек, то приводите его. Я охотно взгляну и на него.

Надежда, словно луч солнца, среди затянутого тучами неба, забрезжила в душе Трэйтора и немного поубавила бурлящий в нём ураган чувств. Однако до конца они так и не утикли.

– Благодарю, ваше величество. Думаю, моего кандидата вы оцените по достоинству.

– Возможно. Валмер тоже нахваливает своего человека.

«Как же, еще бы он не нахваливал», – пронеслось в голове Трэйтора.

После ужина Трэйтор отправился домой в самом скверном расположении духа. Весь его план, так тщательно продуманный, был под угрозой. И все из-за этого мерзкого Валмера. И почему он не додумался еще днем высказать Милату свое предложение? Зачем было тянуть? Но, с другой стороны, кто знал, что вмешается этот Валмер? Ничего, может, все обойдется.

Вернувшись домой, Трэйтор тут же послал слугу за Сервусом. Тот, по своему обыкновению, примчался не позднее чем через двадцать

минут, однако Трэйтору казалось, что прошла целая вечность, прежде чем этот рыжеволосый человек с серыми бездушными глазами предстал перед ним. Чувства, бурлившие все это время, наконец, нашли выход, и Трэйтор принялся отчитывать Сервуса за его нерасторопность. Он изливал на него такие ругательства и сыпал на него такие гадкие слова, что будет лучше их опустить. Сервус стерпел все оскорбления спокойно и хладнокровно. Он не проронил ни слова за все время, пока его отчитывали.

Наконец, когда Трэйтор немного поостыл, он перешел к сути, а именно, к причине, по которой он вызвал к себе Сервуса.

– Завтра тебе предстоит предстать перед королем. Ты должен быть прилично одет и выглядеть мужественно.

– В каком часу я должен быть готов? – спросил Сервус.

– В полдень уже надо быть во дворце. Приезжай ко мне без четверти одиннадцать.

– Будет исполнено.

– Знаешь, для чего я тебя повезу показывать королю? – спросил Трэйтор.

– Мне это неизвестно.

– И тебя это совсем не интересует? – ядовито спросил Трэйтор.

– Раз вы собираетесь показывать меня королю, значит вам так нужно. Я не задаю лишних вопросов, вы ведь не за это мне платите.

– Это верно. Я плачу тебе за твою работу, с которой ты прекрасно справляешься. По крайней мере, так было до этого момента. Сейчас для тебя есть еще одно задание, успех которого зависит от того, понравишься ли ты завтра Милату. Изворачивайся, как хочешь, но он должен выбрать тебя, ты меня понял?

– Я приложу все усилия.

– Очень на это надеюсь. Если завтра все пройдет как надо, ты станешь начальником королевской стражи.

На следующий день Сервус явился к Трэйтору в назначенное время, и оба поехали во дворец. Пока были в пути, Трэйтор не проронил ни слова. Да и что он мог сказать? Сервус, по его мнению, выглядел очень даже прилично. Показывать его королю было не стыдно. Однако было неизвестно кого на королевскую службу проталкивает Валмер. Вдруг его человек понравится королю больше, чем Сервус?

Трэйтор вошел в кабинет короля и с облегчением обнаружил, что Валмера еще нет. После кратких приветствий Милат с удивлением заметил, что Трэйтор приехал один.

– Вы передумали показывать мне человека, который, по вашему мнению, годится на место Марфуса?

– Нет, ваше величество. Этот человек приехал вместе со мной. Он ждет в коридоре.

– Ну, так пусть он войдет. Или вы хотите, чтобы я смотрел на него в коридоре? – усмехнулся король.

Трэйтор вышел из кабинета и меньше чем через минуту вошел вместе с Сервусом.

Милат жестом руки пригласил гостя подойти ближе. Сервус сделал несколько шагов вперед и остановился, как раз в том месте, где солнечные лучи попадали сквозь окна в комнату.

– Чего же вы стоите, Трэйтор. Присаживайтесь, – пригласил Милат, а сам, откинувшись на спинку кресла, принялся изучать Сервуса.

Высокий, стройный, широкоплечий – пожалуй, он неплохо будет смотреться в королевской форме. Сразу чувствовалось, что этот человек общается с мечом на «ты». Вдобавок к этому плюсу, Милат заключил, что этот человек не обделен умом. Неплохая замена Марфусу, но, все же, кое-что сильно портило общее впечатление. Острое лицо с серыми стеклянными глазами и тонкие поджатые губы. Складывалось впечатление, что в этой телесной оболочке совершенно нет души. Однако, какая, в сущности, разница? Главное чтобы он хорошо обращался с оружием.

– Как часто вы упражняетесь с мечом? – обратился король к Сервусу.

– По три часа каждый день.

– Неплохо. Очень даже неплохо, – заключил Милат.

– А как вы стреляете из лука? – снова спросил король.

– Могу поразить движущуюся мишень с двухсот метров.

– Послушайте, Трэйтор, – заговорил король, не отрывая взгляда от Сервуса, – где вы нашли этого человека? Поразить мишень с такого расстояния не может даже лучший лучник страны. Да еще и движущуюся.

– Ваше величество относится с недоверием к словам этого человека. А я, между прочим, готов поручиться вам за этого воина. Все, что он

говорит – сущая правда, – заверил Трэйтор

– Что вы, Трэйтор, я верю словам этого человека. Кстати, как ваше имя?

– Сервус, ваше величество.

– Так вот, – продолжил Милат. – Я верю словам Сервуса. Но, признаюсь честно, с трудом. Что ж, посмотрим, кого приведет Валмер.

Трэйтор сидел все это время с надеждой, что Валмер не придет совсем. И, с каждой минутой, эта надежда начинала перерастать в твердую уверенность. Непонятно по какой причине Трэйтор думал, что никаких других кандидатур на пост начальника королевской стражи, кроме Сервуса, быть не может. Но все надежды превратились в пыль, когда в дверь постучали, и на пороге показался Валмер в своих дурацких очках!

– А вот и вы. Мы только что про вас вспоминали, – заметил Милат. – Я думал, что вы уже и не придете.

– Прошу прощения, ваше величество, но я, кажется, и не опоздал, – ответил Валмер. Милат взглянул на каминные часы, которые в этот момент начали бить полдень.

– Ах, и в самом деле. Значит, Трэйтор всего лишь приехал раньше. Но это не важно. А где же ваш человек, Валмер. Неужели вы тоже оставили его в коридоре?

– Так и есть, ваше величество.

– Ох, вы, как и Трэйтор, хотите, чтобы я смотрел на него в коридоре. Заводите его скорее.

Валмер удалился и через несколько мгновений вернулся, ведя за собой огромного мужчину, который был похож на скалу, нежели на человека. Это была гора мышц на две головы выше среднего человеческого роста. Валмер казался по сравнению с этим громилой маленькой мышкой. Все без исключения были поражены появлением этой скалы, отчего на несколько секунд воцарилось молчание.

– Да, вы меня поразили, Валмер, – протянул Милат и взглянул на кандидата. – Как вас зовут?

– Берн, – ответил человек-скала.

– Что ж, Берн, думаю, нет смысла спрашивать, упражняетесь ли вы с мечом. Ответ очевиден.

Милат жестом пригласил Берна подойти ближе. Тот сделал несколько шагов вглубь кабинета и остановился. Рядом с ним Сервус

напоминал цыпленка, который совсем недавно вылупился из яйца. Такого контраста между этими двумя людьми было невозможно не заметить. Берн был темноволосым, с густой черной бородой и такими же усами. На вид этой громадине было чуть больше тридцати. Милат отметил для себя, что в этом человеке так же, как и в Сервусе, чувствовался острый ум и отвага.

– Признаюсь честно, я нахожусь в смятении. Берн, как я вижу, тоже отличная кандидатура.

Трэйтор понял, что проигрывает эту схватку. Если срочно что-то не предпринять, Берн станет начальником королевской стражи. А этого допустить никак нельзя.

– Ваше величество, позвольте мне дерзнуть и выступить с предложением? – неожиданно обратился Валмер к монарху.

– Позволяю, – ответил король.

– Полагаю, что поединок позволит точно определить лучшего кандидата на такой важный пост.

– Да, Валмер, я и сам об этом только что подумал. Тот, кто победит, станет начальником моей стражи. Поединок состоится завтра ровно в полдень на большом поле. У вас есть сутки на подготовку.

– Позвольте, в таком случае, не терять времени и приступить к подготовке сейчас же? – попросил Трэйтор.

– Да, конечно. Ступайте и вы, Валмер.

В коридоре Валмер пытался окликнуть быстро удаляющегося Трэйтора, но тот лишь фыркнул в ответ, что у него нет времени и ушел, так его не выслушав.

Всю дорогу молчали. Настроение Трэйтора было еще хуже, нежели прошлым вечером, когда он возвращался домой. Поединок, как же! Он прекрасно понимал, что завтрашний бой между Берном и Сервусом будет, мягко говоря, неравным. Эта скала, как ему казалось, может одним ударом превратить Сервуса в жалкое подобие человека. Хотя, с другой стороны, такие громадины обычно неповоротливы. Это может стать большим преимуществом для Сервуса.

– Скажи мне, насколько хорошо ты владеешь мечом? Только честно, я не Милат и не нанимаю тебя начальником моей стражи, так что можешь не врать, – спрашивал Трэйтор, сидя у себя в гостиной с кубком вина в руке.

– А я и не врал, – отвечал Сервус непринужденно. – Все, что я говорил королю – правда. Я хорошо владею мечом, отлично стреляю из лука и арбалета, неплохо метаю ножи и это еще далеко не все мои способности.

– То есть, ты уверен, что завтра завалишь эту громадину?

– В этой ситуации трудно что-то утверждать. Этот Берн тоже хорошо владеет мечом. К тому же, как мне показалось, он совсем неглупый.

– Да, и ты смотрелся в сравнении с ним, как общипанный цыпленок, которому всего пару дней отроду. И этот Валмер со своей ухмылкой! Ух, как же я его ненавижу! Вечно путается у меня под ногами.

– Может, стоит отказаться от этой затеи?

– Ты лишился ума? – прогремел Трэйтор. – Если я попрошу короля не рассматривать твою кандидатуру на пост начальника королевской стражи, то его займет Берн. А этого допустить нельзя.

– В таком случае, я приложу завтра все усилия.

– Очень на это надеюсь. Только не вздумай сегодня доводить себя до изнеможения тренировками. Лучше отдохни, как следует.

– Разрешите удалиться? – спросил Сервус.

– Да, – ответил Трэйтор.

Солнце ласкало сиянием город. Лазурное небо напоминало огромный чистый океан. На улице внезапно наступила оттепель, и снег превратился в ледяную сероватую жижу под ногами. Такой ясной и теплой погоды уже давненько не было. Единственный месяц зимы подходил к концу, медленно уступая место прекрасной вечно-молодой весне.

Большое поле находилось позади дворца и представляло собой вытянутый овал, окаймленный трибунами. В этом месте частенько проходили различного рода состязания и поединки, на которые собирались поглазеть все придворные, делая ставки на того или иного участника. День, когда должен был состояться поединок между Сервусом и Берном не был исключением. Уже к полудню почти все трибуны были заняты. Придворные давно собрались и громко обсуждали предстоящий поединок. Всем было известно, что бой будет неравным, ведь один боец, как говорили иные «сущий дохляк,

которого прихлопнут одним ударом». Кто-то считал, что поединок будет скучным, а кто-то напротив – думал, что бой будет особо интересен, поскольку такие бои случаются нечасто, тем более, что тот, кто одержит победу, должен будет занять такую важную должность.

Оба участника давно были на месте и готовились к предстоящей битве. Валмер, сказав пару напутственных слов Берну, удалился и занял одно из мест на трибуне. Судя по поведению, он был абсолютно уверен в победе своего кандидата. Трэйтор сильнее переживал за Сервуса, не столько из человеколюбия, сколько из-за упущенной возможности в случае проигрыша в поединке. Именно поэтому он задержался рядом с Сервусом дольше, нежели Валмер с Берном. Он пытался давать советы касательно предстоящего боя, но этого и не требовалось. Сервус по этой части знал куда больше, нежели Трэйтор. Последний и сам это понимал, а потому, в скором времени отправился на трибуну, пожелав Сервусу удачи.

Перед поединком на поле вышли несколько шутов, которые изображали поединок, неуклюже махая деревянными мечами на потеху публике. Это своеобразное представление продлилось не более пяти минут, после чего на середину вышел гном с густой рыжей бородой, свисавшей ему на грудь. Грубым тяжелым басом он объявил о начале поединка и удалился.

Берн и Сервус, облаченные в доспехи с круглыми щитами в руках стали двигаться друг другу на встречу. Сервус потихоньку, словно лисица, Берн – словно медведь, который чувствует себя хозяином ристалища. Приняв настороженную стойку на полусогнутых ногах за неуверенность, Берн попытался нанести первый удар, но Сервус ловко отскочил. Тогда, улыбаясь во все зубы, Берн снял шлем и отшвырнул его в сторону. Сервус продолжал стоять в стойке, ожидая следующий выпад противника. Сам он пока бить не собирался. Берн не заставил себя долго ждать, и сделал следующий выпад. И снова Сервус отскочил, как ни в чем не бывало.

Берн атаковал раз за разом, и если бы Сервус не уворачивался, ему, как минимум, пару раз размозжили бы череп, несмотря на защищавший голову шлем. Берн быстро раскусил тактику противника – Сервус попросту пытается его измотать. И тогда он решил загнать противника в угол. Берн начал наступать словно хищник, заставляя жертву отступать. И снова выпад. Сервус не успел отскочить, но ему

удалось отразить удар мечом. И тут он споткнулся о валяющийся шлем и упал на землю. Берн воспользовался этой оплошностью и снова ударил. Сервус успел вскочить и прикрыться щитом. Еще удар и еще один. Сервус только и успевал прикрываться от сыплющихся на него ударов. Маленький щит не выдерживает один из таких ударов и разбивается в щепки. Сервус атакует в ответ, Берн легко парирует и обезоруживает противника. Меч с лязгом упал где-то в стороне. Трибуна разражается шквалом аплодисментов.

Сервус решился на отчаянный шаг и ударил металлическим кулаком в незащищенное лицо Берна. Возможно, такой удар свалил бы обычного человека, а может, даже убил бы. Но Берн только сплюнул кровь, и в ответ ударил Сервуса кулаком по голове. Несмотря на шлем, Сервус ощутил, как все зазвенело, будто его ударили не кулаком, а огромной тяжелой кувалдой. Он упал на землю и какое-то мгновение не мог понять, где находится. Его сознание пыталось уцепиться за реальность, не давая провалиться во тьму. Сервус слышал какой-то гул, отдаленно напоминающий овации со стороны зрителей. Он снял шлем и отбросил его в сторону. Он увидел свой меч, который валяется всего в двух шагах от него. Не дожидаясь, пока Берн добьет его, Сервус кинулся к мечу и поднял его. Он стал в стойку, готовясь отразить новый удар противника. И вдруг он заметил нечто странное в поведении Берна. Его лицо как-то покосилось, большие карие глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Зрачки расширились, а дыхание стало учащенным и сбивчивым. Сразу было видно, что с этим человеком что-то не так. Но, что могло с ним произойти за те секунды, пока Сервус поднимал свой меч? А между тем, Берн наступал на Сервуса, только с каждой секундой его шаги становились неустойчивыми, будто он сейчас упадет. С трибуны это вряд ли успели заметить, но вот Сервус отчетливо видел, как рука его противника стала бессильно опускаться, а изо рта показалась белая пена. Воспользовавшись этой ситуацией, Сервус нанес удар в район шеи. Берн с грохотом упал.

Сначала несколько секунд на трибунах царило молчание. Зрителям было странно, что такой огромный человек, в чьей победе они были уверены минуту назад, лежит мертвым. Милат в недоумении. Трэйтор тоже. Валмер моментально побелел, словно мел. Гном, объявивший о

начале поединка, вышел на поле и объявил Сервуса победителем. И только после этого последовали аплодисменты.

Трэйтор вскочил с места и побежал к Сервусу, который уже сидел в небольшом закутке.

– Ты меня удивляешь с каждым разом все сильнее и сильнее. Ты просто молодец, – восклицал довольный Трэйтор. – И как ты только это делаешь?

– Видимо без вашей помощи тут не обошлось, – заметил Сервус, снимая с себя доспехи.

– Без моей помощи? О чем ты говоришь? Я же сидел на трибуне.

– Ну, по всей видимости, вы мне помогли перед поединком.

– Те слова, что я тебе говорил, вряд ли как-то тебе помогли.

– Я не это имею в виду.

– А что же тогда? – недоумевал Трэйтор. Сервус посмотрел на него, пытаясь понять, шутит тот или нет.

– Чего ты на меня так уставился?

– Вы и вправду не понимаете, о чем я говорю?

– Нет, конечно. Прекрати задавать эти глупые вопросы и объясни уже, в чем дело.

– Берна кто-то отравил.

– Отравил? – изумился Трэйтор. – С чего ты это решил?

– У него пошла пена изо рта, сбилось дыхание, и нарушилась координация. Все признаки налицо.

– Может быть, это все из-за твоего удара кулаком.

– Нет, это было самое настоящее отравление. Уж я, как никто другой, разбираюсь в подобных вещах. И готов поклясться чем угодно, если бы я не нанес удар Берну в шею, через несколько секунд он бы сам упал замертво.

– Я не причастен к его отравлению. Я, конечно, очень желал твоей победы, но до этого я не додумался.

– В таком случае, непонятно, кому еще была выгодна моя победа и проигрыш Берна, равно как и Валмера.

Глава 24

Перед Вагрелом стоял молодой высокий мужчина. На вид ему было около тридцати лет. Его смуглое лицо в совокупности с длинными темными волосами, завязанными в хвост, выдавали в нем уроженца южных земель. Карие глаза, темные как ночь, напоминали два больших уголька. И, несмотря на явную усталость, если в них внимательно взглядеться, можно увидеть острый ум, непоколебимое мужество и непреклонную решительность. Этот молодой воин, такой бравый и благородный, сразу произвел приятное впечатление на Вагрела еще во время их первой встречи. Прямая горделивая осанка, широкие плечи и мощные мозолистые руки свидетельствовали о том, что этот человек проводит много времени за физическими упражнениями.

Когда Алан покинул дворец короля, он, не теряя ни минуты, тут же отправился в Батсонию, чтобы передать послание Милата. Взбудораженный той честью, что была ему оказана и, в то же время, пораженный в самое сердце печальными вестями о том, что армия короля в ходе предательства была отправлена защищать не тот город, гнал коня, что есть мочи. Алан ехал от деревни к деревне, останавливаясь лишь на ночлег. Спал он всего по несколько часов, дабы как можно быстрее сообщить Вагрелу важную весть. На третий день в очередном трактире хозяин посоветовал ему приобрести нового коня, так как его изможденный дорогой скакун мог не выдержать следующего такого заезда и издохнуть прямо на дороге. Алан, нисколько не колеблясь, послушался доброго совета, и на следующий день ехал на свежем коне. Новый жеребец продержался ровно сутки, так что поздней ночью, когда Алан решил все-таки остановиться на ночлег в очередном трактире, его конь рухнул, когда его привели в конюшню. Пришлось на следующий день покупать лошадь. Эта кобыла оказалась на редкость выносливой, и через три дня пути, изможденная, но все же в состоянии передвигать копытами, она привезла уставшего путника в Батсонию.

И вот спустя шесть дней нескончаемой дороги Алан стоял в огромном колонном зале с мраморным полом. Перед ним сидел

пожилой человек с усыпанными сединой жидкими волосами. На вид ему было лет семьдесят. И, хоть, с виду он напоминал дряхлого старика, его взгляд выдавал в нем жесткого и весьма умного человека, который, несмотря на возраст, нисколько не утратил жизненной энергии. Это был наместник Батсонии Филипп. Рядом с креслом, на котором он восседал, стоял огромный, словно медведь, мужчина с длинными вьющимися волосами медного цвета, завязанными в хвост на затылке. Его короткую бороду, того же цвета, что и волосы, испещряла редкая седина. Голубые глаза и нос картошкой делали его похожим на добродушного великана, а не на главного военного начальника страны.

– Это ты, – расплываясь в улыбке, обратился Вагрел к Алану. – Я тебя узнал. Как твои раны?

– Благодарю вас. Все раны затянулись, и я снова служу его величеству.

– Это похвально, – ответил Вагрел. – С чем пожаловал? Тебя король послал?

– Да. Король Милат велел мне передать вам очень важную весть.

– Раз велел, передавай.

– Гонцу, который передал вам послание короля, подменили письмо, из-за чего вы заняли Батсонию, а братнийцы, тем временем, скорее всего, уже захватили Керсабор. Поэтому вы должны немедленно вести армию к Палбриджу, чтобы там остановить неприятеля.

– Вот те раз, – крикнул старик. – А мы их тут с тобой ждем, Вагрел. Говорил же я тебе, что вряд ли они сюда сунутся. Не выгодно им на наш город идти.

– В послании, которое мне передали от имени короля, был написан город Батсония, – резко ответил Вагрел. Его приветливый добродушный вид сменил беспокойный и озадаченный взгляд, словно он совершил самую великую оплошность в своей жизни. – Я думал, что выполняю волю его величества.

– А кто подменил послание? – спросил Филипп.

– Этому мне не сказали. Единственное, что мне сказал король Милат – то, что послание подменил какой-то предатель.

– Да, ни одна война без предательства не обходится, – заметил старик. – Но, все равно надо будет тебе наказать того гонца.

– Само собой, – ответил Вагрел. – Нужно как можно скорее вести армию в Палбридж. Может, успеем еще встретить там неприятеля.

– Успеете, – сказал Филипп. – Если поторопитесь, то за неделю дойдете туда.

– Король передавал что-нибудь еще? – спросил Вагрел.

– Да. Он сказал, что назначает меня вашим помощником. А в подтверждение своих слов передал эту печатку.

Алан достал из внутреннего кармана плаща какой-то узел. Когда он его развязал, в нем блеснула золотом печатка с изображением льва. Вагрелу хватило пары секунд, чтобы убедиться – она принадлежит королю.

– Неплохое повышение, молодой человек, – заметил старик.

– Хороший парень, думаю, мы с ним обязательно поладим. Иди, отдохни немного, а затем возвращайся. Я поеду в начале колонны. Буду тебя ждать. После обеда выдвигаемся в путь. Времени терять нам нельзя. Наместник, распорядитесь, чтобы нашему войску выдали достаточно провианта с городских складов.

– Не переживай, Вагрел. Вам дадут столько провизии, сколько нужно. Война – дело общее. Надеюсь, вы успеете разбить братничцев до того, как они подойдут к Ландрсмиту.

– У нас нет другого выхода. Мы обязаны успеть, и мы успеем.

Дальнейший разговор остался для Алана неизвестным, так как он, распрощавшись с наместником и Вагрелом, покинул замок.

Было утро. Город давно уже проснулся, и жители, словно муравьи, сновали туда-сюда. Повсюду слышались крики и возгласы торговцев, предлагавших товар. Глядя на всю эту суету, даже не верилось, что шла война. Люди продолжали жить, как ни в чем не бывало. Единственное, что бросалось в глаза – это серебряные доспехи солдат, которых в городе с недавнего времени прибавилось на несколько тысяч. Поначалу жители города отнеслись к этому с опаской, учитывая слухи о войне, и на какое-то время город будто вымер. Только солдаты и стража – больше никого нельзя было встретить на улице. Но в скором времени выяснилось, что неприятеля на подступах к городу не видно, и жизнь в городе забурлила, как в прежние времена. Конечно, Батсонию никак нельзя было сравнить с Ландрсмитом. Алан это сразу отметил, проезжая по улицам города. И все же, назвать этот городок тихим тоже нельзя.

Алан остановился в ближайшей гостинице, позавтракал, распорядился, чтобы его разбудили к обеду, и лег спать. После такой долгой и изнурительной дороги он чувствовал себя невероятно уставшим. Ноги и спина ныли, невыносимо болели, несмотря на то, что он с детства ездит верхом. Как только его голова коснулась подушки, он тут же провалился в глубокий сон.

В обед его разбудили. Выспаться как следует за три часа не удалось. Однако, размявшись и пообедав, он почувствовал прилив сил. Все-таки даже короткий сон – это сон. Пока Алан ждал слугу с обедом, он услышал какой-то шум за окном. Одернув занавеску, Алан увидел, как по городу длинной серебряной змеей идут солдаты. Под звуки горнов войско покидало Батсонию. Горожане, расступившись, провожали их, выкрикивая что-то на прощание. Некоторые мальчишки вышагивали рядом с колонной, подражая марширующим солдатам. Все это сопровождалось веселым детским смехом и грозными окриками матерей.

Алан покинул гостиницу, а войско по-прежнему шло длинной вереницей, нескончаемым потоком. Пустив лошадь в легкий галоп, он, проехав по главной улице города, в скором времени нагнал начало колонны, которое давно покинуло Батсонию. Вагрел ехал в самом начале войска. Рядом с ним находились еще двое мужчин, которых Алан видел раньше, но познакомиться с ними ему так и не удалось. «По всей видимости, эти двое какие-то важные командиры», – пронеслось в голове Алана, когда он поравнялся с Вагрелом.

– А вот и он, – улыбнулся Вагрел. – Я только что про тебя рассказывал. Знакомьтесь, этот молодой человек ... да, кстати, как тебя зовут? Я что-то запамятовал.

– Алан, господин. Мое имя Алан.

– Точно. Ну, что скажите? По-моему парень неплохой, а?

Один из всадников лишь мельком взглянул на Алана и, развернув коня, поскакал куда-то в конец колонны. Другой наездник внимательно осмотрел молодого человека, а затем расплылся в дружелюбной улыбке.

– Думаю, ты прав, Вагрел, – заключил он. – А вот Парнел что-то не оценил твоего нового помощника.

– А, вздор. Ты же знаешь его не хуже меня. Не обращай внимания, – обратился он к Алану. – Такой уж у него характер. С ним тяжело

поладить. Поначалу.

– Меня зовут Баддиан, – представился второй наездник, протягивая Алану руку. – Как, однако, солнце припекает, – заметил Баддиан после рукопожатия.

Он снял шлем, и его длинные волосы грязно-белого цвета тут же распустились по ветру.

– Весна приближается, – заметил Вагрел.

– Надеюсь, это была не последняя зима, в моей жизни. Мне еще рановато умирать, – сказал Баддиан, отирая со лба капельки пота.

– Не переживай, братнийцы сделают все, чтобы она стала последней. Я буду тебя оплакивать, скорее всего.

– А ты умеешь приободрить, Вагрел.

– В этом деле мне нет равных.

– Скажи, Алан, а чем ты раньше занимался? – спросил Баддиан. – Насколько я помню, ты был в крепости Пирс.

– Все верно. Я был там помощником наместника Фэйтона.

– Да, хороший был старик, – заметил Баддиан. – Хоть и ворчливый. Часто тебя доставал своими поучениями?

– Бывало, но я быстро привык и не обращал на это внимания. Он был славным и заботливым командиром. Солдаты его любили. Мне он был почти как отец.

– Да. Ну, нечего печалиться о мертвых. Старик Фэйтон прожил долгую и бурную жизнь, и погиб как герой. Лучшего и не пожелаешь.

– Расскажи, как так вышло, что король назначил тебя помощником Вагрела? – спросил Баддиан после короткой паузы.

– Признаться честно, я и сам не до конца понимаю, как так получилось. Когда я приехал в Ландрсмит, его величество выслушал про то, как пала крепость Пирс и затем отправил меня залечивать раны. При этом приказал мне явиться во дворец, как только я поправлюсь. Вот я и явился к королю после своего выздоровления.

– И он сразу же тебя назначил на такую высокую должность?

– Баддиан, прекрати задавать свои вопросы. Что за допрос ты устроил?

– Прости, Вагрел, но мне стала интересна история этого молодого человека. Не каждого король назначает вот так просто помощником главного военного начальника страны. Поэтому я и спрашиваю.

– Нет, не сразу, – продолжил Алан. – Сначала король поручил мне передать господину Вагрелу послание о необходимости немедленно вести армию в Палбридж. А уже после этого сказал, что назначает меня еще и его помощником. Для меня это тоже было неожиданно. Я не считаю себя достойным такой высокой должности. Но, раз король решил, как я могу противиться его воле?

– Ты скромный человек, Алан. Думаю, Милат разглядел в тебе что-то хорошее. Признаюсь, я тоже вижу в тебе ум, отвагу и, самое главное, преданность. А такие качества любой правитель ценит.

Смущение тут же отразилось на лице Алана, и Баддиан, заметивший это, по доброму рассмеялся. Вагрел тоже его поддержал, обнажив белоснежные зубы.

– Это хорошо, что ты так реагируешь на подобную похвалу, – заметил Баддиан. – Значит, в тебе нет гордыни. И это хорошее качество. Главное, чтобы с годами она у тебя не появилась.

– Ну, ты дал маху. Впереди такая битва, а ты про какие-то года говоришь. Может он ее не переживет.

– Вагрел в своем амплуа, – сказал Баддиан Алану. – Как всегда его прекрасные речи придают небывалый заряд бодрости.

Вечером, когда разбили лагерь, Алан по приказу явился в шатер к Вагрелу. Там главный военный начальник страны официально представил его всем своим помощникам. Помимо Баддиана, там находился мужчина с жидкими седеющими волосами. Как только Алан вошел, взгляд его водянистых серых глаз тут же устремился на него. Призрение и брезгливость прочитал в этом испещренными глубокими морщинами лице Алан. Именно он демонстративно уехал, когда новый помощник подъехал днем к Вагрелу. Рядом с ним стоял высокий мужчина с длинными черными вьющимися волосами, такими пышными, что их обладатель напоминал пуделя. Вид у него был серьезный и, на первый взгляд, недружелюбный, отчего Алан очень удивился, когда тот к нему подошел и, протянув руку, вежливо представился:

– Мое имя Рудл.

– Алан.

– Очень рад знакомству, Алан. Если будут какие-то вопросы, обращайся. И не обращай внимания на некоторых, – тут Рудл кинул многозначительный взгляд в сторону Парнела. – Кое-кому кажется, что

ты не совсем достоин подобной королевской милости и слишком молод для такой должности. Но это нисколько не должно тебя волновать. Делай свое дело добросовестно, верно служи его величеству, а остальное само как-нибудь приложится.

– Благодарю вас за совет, – ответил Алан.

– Не за что.

Тем же вечером был организован скромный праздничный ужин в честь назначения Алана на его новую должность. Все кроме Парнела охотно поздравляли молодого человека с назначением и желали ему успехов в нелегком ратном деле. Еды подавали немного, пили мало. Если бы не война, то этот скромный праздничный ужин превратился бы в большую гулянку, сопровождаемую танцами, десятками закусок и реками вина.

Алан быстро стал вникать во все дела. Он с легкостью впитывал в себя все, что касалось его новой должности. Вагрел с улыбкой отмечал старания своего нового помощника и был вполне им доволен. Алану не надо было что-то объяснять по несколько раз. Иногда он понимал, что от него требуется с полуслова. Командиры и солдаты, поначалу воспринявшие Алана весьма скептически, в скором времени отмечали пытливый ум, хорошую память и отличные навыки в фехтовании у нового помощника Вагрела. Вдобавок ко всему Алан с легкостью находил общий язык со всеми. Все свои приказы он изъяснял так четко и понятно, что не возникало никаких дополнительных вопросов. При этом в его поведении не чувствовалось какой-то надменности или высокомерия. Солдаты не ощущали рядом с ним никакого напряжения. Напротив, он казался «своим», таким же простым солдатом. Однако и панибратства тоже не было. Воины быстро прониклись уважением к этому новому «командирчику», как они его поначалу называли. Прочие командиры тоже быстро увидели в нем достойного соратника. Его простота в совокупности со светлым умом делали из него превосходного руководителя. И даже если у него что-то не получалось – а такое случалось часто – ему обязательно давали добрый совет, к которому Алан не стеснялся прислушаться. Такое поведение еще больше располагало его к себе. Лишь Парнел по-прежнему смотрел на него с неприязнью. За все время их знакомства этот человек сказал ему всего лишь пару слов, и то, только потому, что Алан напрямую к нему обратился. Парнел никак не хотел признавать нового помощника и

всячески это демонстрировал. Однажды вечером, когда разбили лагерь, Рудл подсел к Алану, и у них завязался самый обыкновенный разговор. Они сидели возле костра и обсуждали какие-то мелочи, о которых тут же забываешь.

– Скажи, Рудл, а этот Парнел, он всегда такой? – вдруг спросил Алан.

– Это очень сложный человек. Характер у него тяжелый.

– Я ему не нравлюсь. Мне кажется, если бы была на то его воля, он бы убил меня.

– Нет, конечно, – усмехнулся Рудл. – Он бы тебя не убил. Но ты ему действительно не нравишься. Не потому, что ты плохой человек, а потому что он считает тебя не достойным той должности, на которую тебя назначил король. Ведь ты значительно моложе него. К тому же, солдатам ты нравишься. И это его еще больше злит. Но ты не должен принимать это близко к сердцу. Уверен – у Парнела это пройдет. Впереди нас ждет битва, об этом нужно думать.

– Как думаешь, мы успеем у Палбриджу раньше братнийцев?

– Хм, мне кажется, мы поспеем вовремя. Этой войне скоро придет конец. Братнийцев мы разобьем и прогоним с наших земель. И тогда вновь воцарится мир.

– Как могло случиться, что гонцу подменили послание? – с досадой спросил Алан.

– Не знаю. Ты же сам слышал, что он говорил, когда его допрашивали.

– Он сказал, что понятия не имеет, как это произошло. Клянется, что ехал строго в указанное место, не отклоняясь от маршрута. Должен признаться, я ему верю. У него был такой растерянный вид. Нет сомнений в том, что его вины тут нет.

– Его вина в любом случае есть. Даже если он и в самом деле не менял письмо короля – а я уверен, что так и есть – он виноват в том, что допустил подмену письма. Ему доверили очень важное послание, он должен был всю дорогу не спускать с него глаз. А если понадобилось бы, вообще не выпускать из своих рук. Он не проявил должной осторожности, в этом он, несомненно, виноват.

– Но невозможно всего предугадать, – вступился Алан за несчастного гонца.

– Значит, ему следовало бы это сделать. Он должен был проявить максимальную осторожность. Он мог даже не ложиться спать до тех пор, пока не доставит послание в нужное место. Его беспечность привела к тому, что враги захватили еще один город, который некому было защищать. А мы теперь мчимся, что есть мочи, чтобы успеть перехватить неприятеля. Такого не должно было случиться. Ты еще молод, Алан. Тебе жалко несчастного гонца. И я тебя понимаю. Мне тоже его жаль, потому что он допустил ошибку по собственной глупости. И все же, он должен понести наказание.

– Каким будет это наказание?

– Я не знаю. Парнел предлагает повесить этого несчастного, чтобы другим было неповадно. Но Вагрел вряд ли на это пойдет, – поспешил добавить Рудл, увидев, как меняется выражение лица собеседника.

– Повесить? Он же не сделал ничего такого, за что можно было бы лишить его жизни. Он же не предал страну.

– Не переживай, Алан. Парнел ничего не решает в этом деле. Говорю тебе, Вагрел вряд ли на это пойдет. Однако не стоит рассчитывать, что наказание будет мягким.

На следующее утро войско выстроили вдоль большой поляны, в центре которой находился деревянный столб. По ветру развивались серебристые знамена с изображением оскалившегося льва. В центр поляны, недалеко от деревянного столба на сером коне выехал Вагрел. В след за ним вели невысокого плотного человека с угрюмым видом раздетого по пояс. Вагрел остановился и громко обратился к солдатам и командирам:

– На войне любой промах может привести к самым печальным последствиям, – ветер уносил слова, так что половина воинов почти не слышали, что говорил главный военачальник страны.

– Безответственность этого человека, – продолжал Вагрел, указывая на стоявшего полураздетого мужчину, – привела к тому, что враги захватили Керсабор, а мы заняли не тот город. В виду тяжести этого проступка и печальных последствий, которые последовали за ним, Мартин Вокрэк приговаривается к десяти ударам плетью.

После вынесения приговора двое мужчин привязали несчастного гонца к деревянному столбу. Рослый воин, сжимая плетень в руке, приблизился к жертве. Послышался щелчок, а вслед за ним душераздирающий крик. Первый же удар рассек плоть до мяса.

Второй щелчок и новая кровоточащая полоска. Палач, орудуя инструментом, превращал обнаженную спину жертвы в кровавое месиво. После шестого удара гонец упал на колени, однако опуститься на них полностью мешали связанные вокруг столба руки. Страшные крики жертвы слышали все, несмотря на задувавший ветер. После седьмого удара Мартин Вокрэк потерял сознание. Он перестал кричать, а палач все равно продолжал делать свое дело, истязая окровавленную спину плетью, которая со страшным щелчком рассекала воздух. После порки, двое солдат отвязали гонца от столба и унесли обмякшее тело. Алан впервые видел такую порку. За свою службу он повидал, как наказывают провинившихся солдат, но подобную картину он видел впервые. Целый день он был под впечатлением. Вечером, когда остановились на ночлег, к нему подсел Рудл.

– Ну как ты? До Палбриджа осталось совсем чуть-чуть. Готов к битве?

– Я всегда готов к встрече с неприятелем.

– Ответ истинного воина, – улыбнулся Рудл. – Ну, как тебе сегодняшнее... представление?

– Ты про кровавую порку?

– Да, про нее. Спина у гонца долго еще будет заживать. Говорят, он обмочился прямо во время наказания.

– Ничего удивительного. Ты слышал, как он кричал? Я до сих пор не могу забыть эти душераздирающие вопли.

– Он еще легко отделался, Алан. Я вижу, ты жалеешь этого Мартина.

– Да, жалею, – Алан говорил, не отрывая взгляда от костра. – Я много чего повидал. Я видел раненных, искалеченных солдат. Я сам лихо орудовал мечом, разя неприятеля. Но сегодня все было как-то совсем иначе. Этот гонец, казался мне таким беззащитным, хоть я и понимаю, что он заслужил наказания.

– Хех, ты еще молод, Алан. И у тебя, по всей видимости, доброе сердце. Ничего, со временем ты затвердеешь и перестанешь обращать внимание на такие пустяки. Ты правильно сказал – этот гонец заслужил свое наказание.

Рудл поднялся и направился к своим солдатам, оставив Алана одного.

Было пасмурное утро. Небо затянуто сплошной серой пеленой. Снег подтаял, и под ногами хлюпала отвратительная жижа. В такой день совершенно не хочется выходить на улицу. Куда лучше остаться дома возле жаркого огня с кружкой горячего шоколада. Однако, несмотря на погоду, у Вагрела было приподнятое настроение. До Палбриджа оставалось всего два дня пути, и он с нескрываемым восторгом написал об этом королю Милату и послал во дворец гонца.

«Война скоро закончится, ваше величество, – говорилось в этом письме. – Верные вам войска подходят к Палбриджу в полной готовности разбить неприятеля. Скоро братнийцы ощутят на себе всю мощь фильнийской армии».

Глава 25

Грифоны спустили друзей на землю и, распрощавшись с ними, улетели на остров. Лестера и Рагнера они высадили там, где поросшее изумрудной травой поле соприкасалось с небольшой кучкой елей, которые возвышались здесь среди моря травы, словно островок. На небе не было ни единого облачка. Солнце припекало, отчего стало душно. Лестер почувствовал, как по его спине заструились капельки пота. У Рагнера на лбу тоже появилась испарина. Даже легкое дуновение ветра принесло бы облегчение. Однако, по всей видимости, вольный гуляка не хотел навещать это жаркое место. Чтобы окончательно не изжариться на солнце путники ушли в тень деревьев. Они сбросили дорожные мешки и уселись под толстым стволом одной из елей. Маг достал мех с водой и принялся жадно пить. После пережитого за этот день он вдруг ощутил небывалую жажду.

– Куда мы теперь пойдём? – спросил Рагнер, когда маг закрыл мех с водой.

– Пока не знаю. Этот камень должен указать нам путь.

– Значит, надо развести костер, – заключил Рагнер.

– Да, только давай не сейчас этим заниматься. Дождемся вечера, когда станет прохладнее. И давай уйдём отсюда куда-нибудь подальше. Мне станет намного спокойнее, если мы будем находиться подальше от этих грифонов.

– Я с тобой солидарен. Надо убираться отсюда, а то мало ли что им взбредет в голову. Вдруг они ещё нас начнут искать.

– Я так не думаю. Мы для них не представляем больше никакого интереса. Вряд ли они нас станут искать. Но сидеть здесь и знать что те, кто ещё совсем недавно хотел сварить тебя в кипятке, находятся где-то неподалеку ... мне становится не по себе от этой мысли.

– Куда мы пойдём? – поинтересовался Рагнер.

– Без разницы, куда. Мы все равно не знаем, где мы. Поэтому пойдём куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Решили пойти в противоположную сторону от того места, где находился остров. Во-первых, так они точно были уверены, что отдаляются от грифонов, а во-вторых, таким образом, солнце им

светило в спину, поэтому не приходилось все время жмуриться. Поначалу они шли по степи. Жара стояла невыносимая. Пот в три ручья тек по их спинам, отчего одежда прилипала к телу. И, как назло, ветер упрямо не хотел появляться в этих местах, словно сама природа решила послать друзьям очередное испытание. В такой духоте дорожные мешки казались вдвое тяжелее, отчего их все время хотелось сбросить. И плевать, что в них лежит провиант и вещи. Спустя пару часов изнурительного пути степь стала переходить в лесостепь. Появились деревья, и подул легкий прохладный ветерок, принесший уставшим путникам небывалое облегчение. Решили сделать привал. Расположились под первым попавшимся деревом. Как же приятно было сидеть в тени, подставляя лицо прохладному ветерку. Это дерево казалось оазисом среди пустыни. Наконец-то они нашли место, в котором можно перевести дух и подкрепиться. Они уже давно ничего не ели и, как только сели, чтобы отдохнуть, голод незамедлительно напомнил о себе. Перекусили, посидели еще немного и собрались в путь. Им казалось, что они еще недостаточно далеко ушли от острова. К тому же оба хотели найти какой-нибудь водоем, возле которого и устроили бы ночлег. К вечеру, когда сумерки опускались на землю, жара стала спадать, и идти стало намного легче. Когда солнце почти скрылось за горизонтом, путники вышли к небольшому ручейку и тут остановились на ночлег. Рядом было несколько деревьев, одно из которых давным-давно погибло и засохло.

Пока Лестер собирал ужин, Рагнер развел большой костер. Сухие ветки разгорались отлично и пламя моментально схватилось. Наконец, покончив с ужином, Рагнер достал сапфир.

– Погоди-ка, – остановил его маг, когда тот собрался бросить камень в огонь.

– Что такое?

– Давай отойдем подальше. Помнишь, как в прошлый раз искры стали разлетаться в разные стороны? Мало ли что произойдет в этот раз.

– Что ж, пожалуй, ты прав.

Оба отошли на несколько шагов от костра, и Рагнер кинул сапфир в огонь. Лестер, ожидая, что сейчас языки пламени, словно змеи станут вырываться в разные стороны, отвернулся. Рагнер тоже на всякий случай прикрыл глаза ладонью. Оба ожидали какое-нибудь шипение

хлопок или взрыв, но ничего не произошло. Первым повернулся маг. Он озадаченно посмотрел на костер и обнаружил лишь мирное потрескивание поленьев. Рагнер тоже опустил руку и удивленно посмотрел сначала на костер, а затем перевел взгляд на Лестера.

– Разве сейчас не должно было что-то произойти? – спросил он мага, который мысленно спрашивал себя о том же. Лестер постоял немного погруженный в размышления, затем подошел к огню и, взяв валяющуюся рядом ветку, вытащил сапфир из костра.

– Мы что-то не так сделали? – не унимался Рагнер, наблюдая за магом. – В прошлый раз изумруд, попав в огонь, показал нам, где искать второй камень.

– Видимо, с этим камнем дело обстоит иначе, – ответил маг, взяв в руки сапфир. Несмотря на то, что камень пролежал в огне почти минуту он нисколько не нагрелся, оставаясь по-прежнему холодным, словно вода в быстром ручье. Казалось, этот сапфир ничто не может нагреть.

– По всей видимости, нам придется решать очередную загадку, – продолжал маг. – Аксиос решил не повторяться дважды. Следующая подсказка должна открыться иным способом. В этот раз огонь нам не поможет.

– Опять ломать головы, – заключил Рагнер.

– Что поделаешь, такие вещи просто так не открываются, – маг сел рядом с костром. – Подумать только, мы с тобой первые, кто взял эти камни в руки за последние полторы тысячи лет! Представляешь как это много! Сколько разных колдунов и людей искали эти камни, в надежде обрести небывалое могущество. И только нам с тобой это удалось.

– По правде сказать, мне кажется это немного странным, – сказал Рагнер, усаживаясь напротив мага. – Столько лет кто-то пытался разыскать эти камни и только нам пока удается это сделать. Неужели все прочие колдуны были такими слабыми? Согласись, Лестер, ты не самый могущественный маг во всем мире, а я и вовсе простой человек, так почему же именно нам улыбнулась такая неслыханная удача в поисках? Мы разыскали уже два камня, а кто-то, – я в этом абсолютно уверен, – наверняка потратил всю жизнь на поиски, и так ни одного и не нашел.

– Хм, – маг задумался и принялся щипать седую бороду. – Это и в самом деле необычно. В последнее время происходит так много странностей, что не успеваешь их все подмечать. Думаю, ответ на этот вопрос когда-нибудь нам откроется.

В скором времени друзья улеглись спать. Рагнер спал хоть и беспокойно, но этой ночью кошмары ему не снились. Чего нельзя было сказать о Лестере. Так как этой ночью камни находились у него, он то и дело вздрагивал во сне и даже пару раз стонал, разбудив при этом Рагнера. Последний отметил про себя, что раньше ничего подобного за магом не замечал. Обычно Лестер спал спокойно и, зачастую, утром Рагнер обнаруживал его лежащим в той же позе, в которой старик засыпал. Но этой ночью старик, то и дело ворочался. Трудно было представить, какие кошмары его мучают, не давая погрузиться в глубокий сон. Рагнер поднялся и хотел разбудить мага, чтобы прервать его кошмар, но он не успел этого сделать, так как Лестер резко вскочил, до смерти напугав при этом склонившегося над ним Рагнера. Лицо старика исказила маска неподдельного ужаса, глаза, казалось, выкатятся из орбит. Он тяжело дышал, озираясь по сторонам, словно загнанный зверь. Но по мере того, как к нему возвращалось понимание того, где он находится, на его лице проступало облегчение, будто он благодарил судьбу, что это был всего лишь сон. Он посмотрел на Рагнера и лег на другой бок, повернувшись к другу спиной. Немного погодя Рагнер лег на свое место и в скором времени уснул.

Солнце уже поднялось из-за горизонта, возвещая всему живому о начале нового дня. Птицы весело напевали песенки, заливаясь звонкими, словно колокольчики, голосами. Легкий теплый ветерок разгуливал по окрестностям, шумно поглаживая листву на деревьях. На небе не было ни облачка, и день обещал быть таким же жарким, как и предыдущий. Когда Рагнер проснулся, Лестер уже во всю хлопотал, собирая завтрак. При этом предыдущая ночь оставила явные следы на его лице. Оно было таким помятым и несвежим, что складывалось впечатление, будто старик всю ночь не спал. Глаза покраснели, а под ними появились мешки, отчего маг казался старше лет на десять. Он не сказал не единого слова, когда Рагнер поднялся со своего теплого плаща, и отправился к ручью, чтобы умыться.

Вода в ручье приятно освежала. Она, словно волшебный эликсир, такой холодный и чистый, придавала бодрость и энергию. Когда

Рагнер побрился и был готов смыть с лица остатки щетины, он снова увидел голубое свечение в воде и, как ему показалось, какую-то фигуру в ней. Снова страх сковал его внутренности ледяными щипцами, и он отскочил от ручья словно ужаленный. Однако, в этот раз, страх быстро уступил место любопытству и Рагнер, полностью овладев собой, подошел к ручью. Но, как и в прошлый раз, он не увидел ничего, кроме собственного отражения в быстро бегущей воде. Закончив утренние процедуры, он вернулся к месту ночлега.

Во время завтрака Рагнер решил спросить старика о том, какие кошмары снились ему прошлой ночью. Лестер, при упоминании слова «кошмар», ничего не ответил. Он только нахмурился и отмахнулся, буркнув что-то себе под нос.

– Кажется, я что-то видел сегодня, когда умывался в ручье, – сказал Рагнер, когда было покончено с едой, и они с магом сидели молча, давая пище как следует усвоиться. Торопиться было некуда, а потому, можно немного полениться.

– О чем это ты? – спросил Лестер.

– Какое-то свечение в воде. И непонятный темный силуэт вместо моего отражения, словно кто-то смотрит на меня.

– Может, тебе просто показалось? – предположил маг.

– Да, я так тоже подумал, когда это произошло в прошлый раз...

– В прошлый раз? – оборвал маг. – Так это уже не первый случай? – оживился Лестер. – Расскажи-ка поподробнее, что ты видел?

– Я и сам не совсем понял, что это было. Я побрился и собирался умыться, как вдруг вижу, из воды стало вырываться какое-то голубоватое свечение. Затем, в воде вместо моего отражения появилась какая-то темная фигура.

– Что это за фигура? Как она выглядела?

– Она напоминала человека, облаченного в черный плащ. Я не видел ни лица, ни рук, ни глаз. Но я всем своим нутром почувствовал взгляд этой фигуры.

– Что было потом? – не унимался маг.

– Я испугался и отскочил в сторону. Спустя несколько мгновений взял себя в руки и подошел к ручью. Фигура исчезла, и свечение тоже. Ручей как ручей, – Рагнер пожал плечами. – Я умылся и вернулся сюда.

Маг выслушал Рагнера и о чем-то задумался. Он уставился в одну точку, пощипывая седую бороду.

– Значит, ты не в первый раз видел эту фигуру? – спросил Лестер, переводя взгляд голубых глаз на Рагнера.

– Нет, сегодня был не первый случай. Кажется, до этого был еще один раз.

– И ты также видел эту фигуру в воде?

– Да. Все было точно так же, как сегодня.

– Что ж, нам пора собираться, Рагнер. Мы засиделись, – маг внезапно поднялся и принялся укладывать вещи в дорожный мешок. Рагнер, опешив от такой внезапной смены настроения старика, некоторое время продолжал сидеть, наблюдая за магом.

– Может, объяснишь, в чем дело? И почему ты так резко засобирался в путь?

– Судя по всему, кто-то за нами следит, – ответил маг, сворачивая плащ. – Разве не очевидно?

– Ты думаешь, та непонятная фигура...

– Да, – оборвал маг. – Та непонятная фигура за нами следит. Неспроста ты стал ее видеть. Тут замешана магия, очень темная. У нас с тобой два ярмских камня, и они притягивают к себе всю нечисть. Возможно, эта фигура обычный колдун, который всю жизнь искал эти камни и теперь, почувствовав их силу, пытается разыскать того, у кого они находятся. А возможно – и это намного хуже – эта фигура, тот самый человек или колдун – впрочем, какая разница? – который украл Вестермскую книгу. А это, я повторюсь, еще хуже. Как ни крути, оба варианта нас не устраивают, второй в особенности. Поэтому, нам нужно убираться отсюда, как можно скорее. Дважды ночевать в одном месте не будем. Это опасно. А по дороге будем думать, как найти третий камень.

Собрав вещи, друзья вновь отправились в дорогу. Решили двигаться в том же направлении, что и в предыдущий день. Было жарко. Ветер, хоть и весело поддувал, особого облегчения не приносил. К полудню, когда солнце было в зените, стало совсем невыносимо, и друзья решили устроить небольшой привал под огромным деревом. Его громадные ветви разрослись в разные стороны на несколько метров, отчего оно напоминало огромный гриб с широкой шляпкой, под которой в ясный день можно укрыться от палящего солнца, а в

пасмурную погоду найти убежище от дождя. Пока отдыхали, старик не выпускал из рук сапфир, разглядывая его со всех сторон, в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку. Но все было тщетно. На вид это был самый обыкновенный драгоценный камень темно-василькового цвета ромбовидной формы. Только, в отличие от обычных драгоценностей, в этом камне была заключена темная сила, которую маг чувствовал, и которая его по-настоящему пугала. Трудно было представить, что случится, если этот камень вместе с остальными попадет в недобрые руки. Особенно в те, которые украли Вестермскую книгу.

После полудня погода стала резко меняться. На небе появились маленькие облака, ветер стал задуть сильнее и ближе к вечеру вольный гуляка нагнал огромные серые тучи, затянувшие весь небосвод. Жара спала, и, к великому счастью путников, стало прохладно. Опасаясь промокнуть под дождем, стали искать место для ночлега. Долго бродили и в итоге нашли небольшую рощу, в которой и решили разбить лагерь. Деревья в этой роще росли плотно друг к другу, большие и ветвистые, поэтому, если бы пошел дождь, они бы прекрасно укрыли путников. Однако в случае ливня деревья их не спасут. На этот случай Лестер обещал «что-нибудь придумать». К счастью, дождик так и не начался. Ветер весь вечер задувал и трепал макушки деревьев. Все шло к тому, что ночью начнется самый настоящий ураган. С наступлением темноты ветер стал ослабевать. Поужинав, друзья, уставшие за целый день пути, улеглись спать...

Он шел по выжженному полю. Огонь, казалось, поглотил все что можно, не оставив ничего живого на сотни километров вокруг. Едкий запах дыма и гари царил повсюду, отчего его стал мучить неприятный кашель. Небо было затянуто серой пеленой, не давая пробиться ни одному лучу солнца. Куда он шел, он не знал. И, все же, интуитивно понимал, что движется в верном направлении. Какая-то неведомая сила толкает его вперед. Вокруг царит гробовая тишина и не видно ни единой живой души. Несмотря на страх, который не отпускает его ни на секунду, он продолжает идти. Сколько длится путь – ему неизвестно. Вдруг он выходит к дремучему лесу, окутанному густым серым

туманом. Огромные сухие деревья со скрюченными в необычайных формах стволами, вселяют леденящий страх и ужас. Кажется, единственными обитателями этого страшного леса могут быть только призраки, пожирающие любого заблудившегося путника. Подобные места обычно описывают родители детям, рассказывая страшные сказки на ночь. И теперь эта страшная сказка оказалась былью. Рагнеру не хочется заходить в этот лес. Он чувствует – ничего хорошего там не жди, только боль и страдания. Но во сне его тело ему не подчиняется, и его ноги ступают в пронизанное ужасом место. Туман – такой жуткий и густой – не позволяет разглядеть что-либо далее полутора метров. Рагнер ступает медленно, словно зверь, который боится разбудить дремлющего хищника. Мало-помалу он продвигается вглубь леса. Рагнеру кажется, что эти огромные деревья разглядывают его, бросая на него свои недобрые зловещие взгляды. Сколько он бредет по этому лесу? Час? Два часа? Вечность? Кажется, что вечность. И куда он идет? Он не знает, однако по-прежнему уверен – там его ждет то, что он ищет. Вот только дойдет ли он? Этот страшный лес кажется ему бесконечным. Он чувствует, как кто-то или что-то из тумана следит за ним. Он то и дело оглядывается, ощущая на спине чей-то взгляд.

В очередной раз удостоверившись, что позади никого нет, он поворачивается вперед и неожиданно налетает на какой-то предмет. Секунду он пытается понять, кто или что перед ним находится. Секунда проходит и леденящий кровь ужас охватывает его. Этой секунды достаточно, чтобы разглядеть перед собой огромную фигуру. Рваный черный плащ, с наглухо скрывающим лицо капюшоном, делает ее похожим на саму смерть. Да это и есть смерть!

Рагнер чувствует, как от нее исходит леденящий душу ужас. Он не видит ее глаз, но, все равно, ощущает ее пронизывающий взгляд. И такой страх его охватил, что кровь в жилах стынет. Он хочет побежать, но его ноги одеревенели и не слушаются, вместо этого он продолжает стоять, как вкопанный. А, между тем, зловещая фигура поднимает правую руку и из-под плаща показывается кисть скелета с длинными, словно лезвие ножа, когтями. Она тянется к лицу Рагнера, издавая мерзкий скрип пальцев. Еще немного, и оно коснется его.

Тут Рагнер делает над собой усилие и бросается бежать. Бежать куда угодно. Бежать в любом направлении, лишь бы подальше от этой

твари. «Беги, беги!» – кричал внутренний голос, и Рагнер охотно слушался. Он летел так, словно сзади его подгоняли хлыстом. Как ему казалось, сейчас он несся по лесу быстрее оленя. Он не чувствовал ни усталости, ни дыхания. Даже боль в груди не посмела появиться, позволяя Рагнеру уносить подальше ноги от ужасной твари. Он бежал, и вдруг где-то впереди замаячил огонек. Рагнер понял, что ему нужно попасть именно туда. В этом месте – спасение!

Он напряг все свои силы. С каждым шагом, как он думал, он приближался к своей цели. Однако, к своему ужасу, в скором времени он обнаружил, что этот огонек так и не стал ближе. Рагнер будто топтался на месте, несмотря на то, что бежал изо всех сил.

Он выдохся и остановился. Воин по-прежнему находился в дремучем лесу, окутанном густым туманом. Ему так и не удалось выбежать из него. Он озирается по сторонам, словно загнанный зверь. От страха и усталости его пробивает дрожь. Вдруг, откуда ни возьмись, перед ним снова возникает зловещая фигура. Страх и ужас, ни на секунду не покидавшие Рагнера, еще больше поглотили его. На сей раз, эта фигура быстрым движением хватает Рагнера и начинает душить...

Было пасмурное утро. Небо затянуто сплошной серой пеленой. Дул легкий ветерок. Костер по-прежнему горел. Рагнер, открыв глаза, увидел хлопчущего мага, который, как всегда, проснулся первым и уже заканчивал готовить завтрак.

– Чудная выдалась ночка? – спросил маг.

– Лучше и не пожелаешь, – пробурчал Рагнер.

– Становится тяжелее, – сказал Лестер, протягивая другу миску с едой.

– Что ты имеешь в виду?

– С одним камнем было проще. Его было легче нести, ведь в нем скрыто меньше тьмы, чем в двух камнях. Думаю, теперь надо носить их полдня, а не по целому дню, как это было раньше. Так будет легче. Ты всю ночь стонал, кстати. Мне даже стало тебя жаль.

– Ты тоже стонал, когда камни были у тебя.

– Нам обоим стали сниться кошмары. И, чем ближе мы к достижению нашей цели, тем ужаснее они становятся.

– Так и есть. Но, хватит об этом. Лучше полей мне, чтобы я умылся.

Поели, собрали вещи и снова отправились в путь. Перед тем, как двинуться дальше, Рагнер осмотрел место ночлега и, к своему удивлению, обнаружил, что цветы, которые обычно оставались после колдовства Лестера засохли, словно они провели целую неделю под палящим солнцем без единой капли дождя. Раньше ничего подобного не было. Когда они уходили, после них всегда оставалась целая поляна прекрасных цветущих бутонов. Если они и погибали, то только после того, как друзья покидали место своего ночлега.

– Почему цветы засохли? – спросил в недоумении Рагнер.

Лестер, по всей видимости, не обращавший до этого момента на них никакого внимания, оглядел место ночлега и увидел огромную поляну погибших ландышей.

– А сам-то как думаешь? – спросил старик и, взвалив на спину мешок, зашагал прочь. Рагнер промолчал. Он все понял.

Шли дни, и друзья продолжали свой путь, ломая все время голову над тем, как им найти следующую подсказку, которая указала бы местонахождение следующего камня. Кидать сапфир в огонь они больше не стали, хоть Рагнер и предлагал. Лестер справедливо полагал, что раз не вышло с первого раза, нечего больше пробовать. Аксиос скрыл подсказку по-другому, и нужно додуматься, каким образом ее обнаружить. Но в голову никаких светлых идей не приходило, поэтому Лестер решил взяться за старое – принялся испытывать различные заклинания, в надежде, что какое-нибудь из них все-таки поможет приоткрыть завесу тайны. Рагнер подобных мыслей не разделял. Он считал, что маг впустую тратит время, однако, он старался вести себя сдержанно и ничего не говорить старику. К тому же, он был уверен, что Лестер и сам в глубине души знает, что никакое заклинание тут не поможет. За все время их пути им не попало ни одно поселение. Складывалось ощущение, что они единственные люди во всем целом свете. В каком краю, и в каких местах они идут, им тоже неизвестно. Оторванные от всего мира, они как бродяги шли неизвестно куда, ломая голову, как найти следующую подсказку.

Все это время погода была пасмурной. Ни разу солнце не порадовало их ласковым лучиком. Сплошная серая пелена тяжелых

грузных туч, казалось, навсегда затянула весь небосвод. Порой накрапывал дождик, и тогда друзья прятались под каким-нибудь деревом. Иногда, дождик перерастал в самый настоящий ливень. В такие моменты, если не помогали деревья, Лестер прибегал к колдовству, и друзья оставались сухими. На вопрос Рагнера, почему маг не может колдовать так все время, чтобы им не приходилось искать убежища под деревьями, даже от маленького дождя, Лестер отвечал, что опасается привлечь магией «непрощенных гостей», а потому старается лишней раз не колдовать. Нельзя сказать, что такой довод сильно убедил Рагнера, ведь каждую ночь горел костер, к которому Лестер применял магию, чтобы он за ночь не погас. В таком случае необходимо было отказаться и от этой идеи. Но Рагнер не стал высказывать свои мысли, хотя ему очень хотелось.

Два камня неминуемо оставляли отпечаток на друзьях. Напряжение росло с каждым днем. Они снова стали меньше друг с другом разговаривать, а если и говорили, то немного и, зачастую, в грубой форме. Особенно это касалось Рагнера. На него камни оказывали большее влияние, чем на мага. Или старик старался больше сопротивляться их силе, нежели воин. Во всяком случае, маг общался приятнее и сдержаннее, чем Рагнер. Он ни разу не сказал плохого слова, и старался никоим образом не проявлять раздражительности, в отличие от друга, который, порой, не сдерживался, и говорил неприятные слова в адрес старика, совершенно не задумываясь, как сильно они могут ранить. Но Лестер старался не обращать на это никакого внимания, понимая, что во всем виноваты камни, в которых была скрыта самая настоящая темная сила, могущественнее которой он еще ни разу не встречал.

Однажды они сидели под деревом, укрываясь от мелкого дождика, который лил, не переставая, уже добрых полтора часа. В этот день камни были у Рагнера, и он сидел с сапфиром в руках, разглядывая его в сотый раз. Он медленно крутил в правой руке красивый ромб василькового цвета.

«Такая драгоценность должна украшать корону монарха», – пронеслось в голове Рагнера.

И, в самом деле, этот камень завораживал своей красотой, тонкостью и правильностью линий. Только искусный мастер может выточить камень такой правильной формы. Эта драгоценность

завораживала и околдовывала блеском. Темно-синий цвет, такой яркий и такой мощный, радовал глаз. Рагнеру, порой, не верилось, что такая драгоценность может таить в себе темную силу, влияние которой он постоянно на себе ощущал. Только он не всегда отдавал себе в этом отчета. Временами ему казалось, что он всего лишь утомился от бесконечной дороги, от ночлега на твердой земле под открытым небом, от отсутствия простейших элементов комфорта. И еще ему ужасно хотелось встретить хотя бы какое-нибудь живое существо. Забыл Рагнер, как ему однажды стало нравится их с магом путешествие, вечера, проводимые возле теплого костра и истории, которые ему рассказывал старик. Это было раньше, до того, как они нашли первый камень. После того, как к ним попал изумруд, это путешествие перестало приносить былое удовольствие. С той поры настроение у Рагнера менялось в худшую сторону, и мрачные мысли все чаще посещали его лысую голову. Порой, ему удавалось их прогнать, а иногда они оказывались сильнее воина. Вдобавок к этому появилась тревожность. Он стал чего-то опасаться, вот только чего именно – не мог сказать. Но это гадкое чувство мучило Рагнера не меньше, чем ночные кошмары.

Ему надоело сидеть под деревом, и он решил пройтись. И плевать, что дождь не собирается заканчиваться. Его ноги затекли, а спина начала ныть. Рагнеру просто необходимо было хоть немного размяться. Когда он поднялся со своего места и собрался выйти из их укрытия, Лестер предложил ему все-таки подождать, пока не закончится дождь. Он, словно отец, заботился об этом рослом лысом мужчине с серьезным недружелюбным взглядом. Рагнер не прислушался к совету и поступил по-своему. Потом Лестер долго благодарил Рагнера за то, что тот его не послушался.

Как только Рагнер оказался под дождем он медленно побрел в сторону небольшого кустарника, который рос в сотне метрах от их с магом укрытия. Дождь был несильным, и, тем не менее, Рагнер стал быстро намочить. Но его это нисколько не останавливало, и он продолжал медленно брести к кустарнику, разминая затекшие ноги. Он и забыл, что все это время сапфир лежал у него в ладони. Когда он вспомнил о нем, то решил убрать его в нагрудный карман, в тот же, в котором лежал треугольный изумруд. Рагнер раскрыл ладонь, и капельки дождя стали попадать на сапфир, отчего тот стал намочить. И

в тот момент, как только первая капля коснулась камня, из него стали вылетать искорки, словно кто-то чиркнул кремнем, пытаясь разжечь костер. Рагнер замер, не веря своим глазам. Сапфир в ладони искрился, стал светиться темно-синим светом и начал нагреваться. Рагнер развернулся и со всех ног помчался к Лестеру. Глаза мага тоже округлились, и, казалось, сейчас вылезут из глазниц: он был удивлен не меньше друга.

– Так, значит, секрет в воде, – подытожил маг. – Теперь все ясно.

– Первый камень я взял из огня, – сказал Рагнер. Ему тоже вдруг стало ясно, как белый день, в чем был скрыт секрет. – И огонь указал нам путь.

– Да, – возбужденно протянул маг. – Этот сапфир мы подняли из воды, и вода должна указать нам путь к третьему камню.

– Все так просто, – Рагнер тоже почувствовал приятное возбуждение. Наконец-то их бессмысленные скитания закончатся. – И как мы с тобой сразу до этого не додумались?

– Какая разница? Главное, что мы теперь знаем, как открыть подсказку. Нужно просто бросить камень в воду. Какой же ты молодец, что вышел под этот проклятый дождь. Иначе мы бы долго еще ломали головы.

– Да, теперь нам нужно найти какой-нибудь водоем. Дождя видимо недостаточно. Посмотри – он начал высыхать, и искры тоже почти исчезли.

Пока они находились под деревом, скрытый от дождя сапфир почти перестал искриться, темно-синее свечение прекратилось, и он снова начал холодеть. Но, как только Рагнер выставил ладонь, в которой лежал камень, под дождь, сапфир снова ожил и начал искриться, светиться и нагреваться. Сначала Рагнер, не раздумывая, положил камень на землю, взял свой мех с водой и начал его поливать. Искры стали вырываться фонтаном, сапфир стал светиться еще ярче, но больше ничего не происходило. Нужно было еще больше воды. Тогда Лестер поднял камень и пошел в сторону большой ямы, мимо которой они проходили перед тем, как расположиться под деревом. Дождевая вода должна была стекать в нее, из-за чего неминуемо образовалась бы глубокая лужа. Маг чуть ли не бегом помчался к ней, возбужденный последними событиями. Рагнер, не мешкая, полетел следом за ним.

Так и есть. От долгого непрерывного дождя в яме скопилось много воды. Образовалась широкая и довольно глубокая лужа. Если в нее наступить, нога уйдет под воду по щиколотку. Такого количества воды должно хватить. Маг, ни минуты не размышляя, кинул сапфир в лужу. Вода забурлила, словно кипяток. Большие пузыри стали вырываться наружу. Темно-синее свечение на долю секунды стало настолько невыносимо ярким, что друзьям пришлось прикрыть глаза ладонью. Затем свет стал гаснуть, и тут мощный столп воды, словно гейзер, вырвался в пространство вместе с камнем. Он начал крутиться в воздухе, описывая огромный круг. Затем прогремел громкий хлопок, словно взорвалась большущая петарда, и перед друзьями возникла картинка, будто перед ними открылось окно в другой мир. Они увидели долину, такую серую и унылую, как если бы кто-то расплескал серые краски и размазал их на холсте. Деревья в этой долине все погибли и остались скрюченными в неестественных позах. Рагнер почувствовал, как по его спине пробежали мурашки от этой картины. Она напомнила ему кошмар, который его мучил в последнее время.

Изображение провисело в воздухе не больше минуты. Затем, водяной круг потерял форму, и вода вместе с сапфиром упали на землю.

Глава 26

Лестер поднял камень из лужи, протер полый плаща и повернулся к Рагнеру, чтобы вернуть ему сапфир. Тот стоял, как вкопанный со встревоженным видом. Картина, которая проявилась перед друзьями, произвела на него сильное впечатление. Ему показалось, будто перед ним открылось окно в его кошмар – такая же серость и безнадежность, пропитанная ужасом и страхом. Рагнер забрал у мага камень и положил в нагрудный карман.

– Что тебя так встревожило? – спросил Лестер.

– Та картина, которая только что нам открылась.

Друзья пошли прочь от лужи к дереву, укрывавшему их от дождя.

– Это неудивительно. Меня она тоже не обрадовала, – ответил маг. Рагнер посмотрел на него и только сейчас заметил, что Лестер был не меньше него встревожен.

– Ты знаешь, что это за место, которое нам показал камень? – спросил маг.

– Нет, не знаю. Но, в последнее время мне снится кошмар, в котором я броджу в похожем месте. Все так же серо и уныло. А потом я оказываюсь в страшном лесу, окутанным густым туманом, из которого мне никак не выбраться.

Маг нахмурился, сдвинув густые брови к переносице, и о чем-то ненадолго задумался.

– Это Долина тысячи смертей, – сказал маг, когда они вернулись к дереву.

– Никогда о ней не слышал, – ответил Рагнер.

– Это страшное и очень опасное место, населенное призраками убитых людей, чьи истерзанные души не смогли найти покоя после насильственной смерти, и теперь они бродят там, неприкаянные. Очень жуткое место. Там все пропитано страхом и горем. Ни один здравомыслящий человек не пойдет туда, потому что вероятность вернуться оттуда живым практически равна нулю.

– И именно туда мы должны с тобой отправиться. Все как всегда, – в голосе Рагнера чувствовалась нотка иронии. – И когда же мы отправимся с тобой в это дивное место?

– Сегодня же. Не будем зря терять времени.

– Ты знаешь, как туда попасть? Хотя, мне почему-то кажется, что это не составит особого труда.

– Бери свой мешок и хватайся за мой посох, – приказал маг. Рагнер, взвалив свой дорожный мешок на плечи, подошел вплотную к Лестеру и обхватил правой ладонью посох.

– Встань рядом со мной, а не напротив, – скомандовал маг.

Рагнер повиновался. Он встал рядом с Лестером плечом к плечу. При этом взгляд мага, устремленный куда-то далеко вперед, совсем ничего не выражал, в то время как на лице Рагнера читалось любопытство и недоумение.

– Пока будем рассекать пространство, не отвлекай меня, – сказал маг. – Мне нечасто приходится это делать.

Взгляд старика, устремленный куда-то вдаль, стал серьезным и сосредоточенным. Его рука еще крепче обхватила посох так сильно, что, казалось, сухощавая старческая ладонь вот-вот сломает его пополам. А дальше Рагнер почувствовал какой-то легкий толчок вперед, и все пространство расплылось. Предметы стали терять очертания, словно он летел с невероятно высокой скоростью. Однако, к его удивлению он не чувствовал ни малейшего дуновения ветра, который должен был бы, по его предположению, валить с ног. Скорость, с которой они неслись куда-то вдаль, была такой большой, что ни на одном предмете нельзя было остановить взгляд. Друзья проносились мимо них, словно метеор, рассекая пространство. Единственный, кто не потерял очертаний – маг, который по-прежнему стоял рядом, крепко схватившись за посох. Полёт продолжался не дольше нескольких секунд, по истечении которых Рагнер снова почувствовал толчок, на сей раз сильнее, так, что он еле удержался на ногах.

Вживую, место, в которое перенеслись друзья, выглядело намного ужаснее. Долина тысячи смертей, расположенная между двумя полосами скал вдоль высохшего русла реки, казалась самым унылым и серым местом во всем живом мире. Ни единого живого существа. Даже ветер – вольный гуляка – старался держаться подальше от этого места, словно боялся подхватить проказу. Серая дымка застилала все вокруг, а скрюченные в необычайных позах стволы погибших деревьев казались особо зловещими. Они будто призраки далекого прошлого

стояли здесь и говорили незванным гостям, осмелившимся зайти в это мрачное, гиблое место уходить отсюда как можно скорее. А еще здесь было очень холодно, как глубокой осенью. И так же серо и хмуро. После стольких скитаний в теплых краях путники почувствовали, как холод окутывает их ледяным одеялом. Чтобы не замерзнуть, они надели теплые плащи, долгое время служившие им постелью.

Рагнер, осмотревшись по сторонам, чувствовал, как все нутро кричит, что нужно убираться из мертвой долины. Внутренний голос мага тоже подсказывал, что им здесь не место. Но, несмотря на это, он пошел вперед. Рагнер последовал за ним. Они шли медленно, все время озираясь по сторонам, словно опасались внезапного нападения. Рагнер достал меч из ножен, Лестер все время держал посох наготове.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросил Рагнер, когда тот остановился.

– Да. Впереди то, что нам нужно. Я чувствую зло, которое там находится. А что с камнями?

– А что с ними? – спросил Рагнер.

– Ты чувствуешь какие-нибудь изменения в них?

Рагнер приложил ладонь к нагрудному карману, в котором лежали изумруд и сапфир, и нащупал два бугорка.

– Ничего необычного, – Рагнер покачал головой.

– Что ж, посмотрим, что будет дальше, – сказал маг, продолжая путь.

Они шли, медленно, но верно. Вокруг царило уныние и горе, окутавшие вымершую долину паутиной. Сама жизнь покинула это место, а вместе с ней вся радость и надежда. Остались лишь страх и ужас, которые повсюду преследовали друзей. Все время, пока Лестер и Рагнер находились здесь, они не переставали ощущать на себе чьи-то недобрые взгляды. Чем дальше они уходили, тем сильнее росло чувство тревоги. Особенно у Рагнера. Ему казалось, что он переживает на яву тот кошмар, который мучил его в последнее время. Те же серость и безнадежность, те же жуткие деревья, все то же чувство безысходности и тревоги, которая ни на секунду его не покидала.

Сколько времени они находились в долине, никто из них не мог сказать. Однако каждый был уверен, что прошло много времени с тех пор, как они здесь очутились. Неожиданно Рагнер почувствовал, как нагрудный карман с камнями стал тяжелеть, словно там были не два драгоценных камня, а куски металла. И с каждым шагом тяжесть

ощущалась все сильнее. Рагнеру казалось, что карман, должно быть, очень сильно обвис от тяжести, но когда он взглянул на него, то ничего подобного не заметил. Карман, как карман, из которого, как и раньше выпирали два бугорка. Рагнер остановился и запустил в него руку, чтобы достать камни. Как только они оказались в его ладони, он почувствовал насколько тяжелыми они стали. Ему показалось, что он достает два увесистых куска свинца, в которые те превратились, пока друзья двигались вглубь долины. Заметив, что Рагнер отстал, Лестер тоже остановился.

– Что такое? – спросил он.

Рагнер разжал пальцы, и маг увидел два прелестных святащихся камня: ярко-зеленый изумруд и темно-синий сапфир. Оба были так прекрасны и красивы, что невозможно было оторвать взгляда. Особенно здесь, среди этой серости и холода, они казались двумя светочами, указывающими путь заблудившимся путникам.

– Никогда еще зло не было столь привлекательным, – заметил Лестер. – Снаружи небывалая красота, внутри – тьма.

– Они стали теплыми. Попробуй, – Рагнер протянул ладонь магу.

– Я верю, – старик отпрянул от протянутой ладони.

– Что ты так отстранился, будто я прокаженный?!

– В этих камнях таится такая сила и такая злоба, растущая с каждым шагом. Чем ближе мы к цели, тем сильнее становятся они. Раз камни стали светиться, значит, мы с тобой движемся в правильном направлении, и идти нам осталось совсем немного.

Они продолжали двигаться вперед, все больше углубляясь в мертвую долину. Гробовая тишина, царившая повсюду, пугала не меньше, чем жуткие стволы погибших деревьев. Хоть бы одна птица запела, и тогда уже было бы не так страшно. Но в этом месте не то что птиц, даже насекомых не было. Да и какая птица залетит в это страшное место? Ужас, страх и безнадега надежно поселились здесь, и ничто не сможет их выселить. Даже солнце, казалось, специально оградило от этого места бесконечной пеленой серых туч.

По мере того, как друзья приближались к цели, серая дымка, заволакивающая долину, становилась гуще, превращаясь в покрывало непроглядного влажного тумана. С каждым шагом становилось тяжелее различать что-либо впереди. Вдобавок, друзьям приходилось все чаще оглядываться, смотреть по сторонам, так как чувство, что за

ними кто-то наблюдает, становилось все острее и острее. Чем ближе они были к третьему камню, тем сильнее страх сдавливал грудь Рагнера. Ему вдруг захотелось развернуться и убежать отсюда. Убежать куда угодно, в любое место, лишь бы подальше от этого проклятого места. Убежать туда, где светит солнце, где легкий ветерок нежно колышет густую зеленую траву, а на деревьях весело щебечут птицы. Туда, где царит жизнь и радость. Лестер не меньше друга ощущал пробирающий до костей ужас. И дело было не в тумане, не в этих страшных деревьях и не в серости. Какая-то сила, присутствие которой, он чувствовал с самого начала пребывания в долине, внушала ужас. Но маг сопротивлялся ему. Он продолжал идти, твердо и уверенно, понимая, что, только найдя третий камень, он сможет покинуть долину.

Серая пелена тумана внезапно исчезла, и перед друзьями возникло нечто такое, чего они раньше даже представить себе не могли. Два громадных погибших дерева стояли рядом друг с другом. Их зловещие черные силуэты напоминали врата в темный мир. Сухие ветви сплелись в огромную непроходимую паутину, расположенную между скрюченными стволами. А в центре этой мерзкой паутины, словно огромный паук, находился шар, который обвили сухие ветви. Они вцепились в него мертвой хваткой, и, казалось, ни за что на свете не выпустят его.

– Вот мы и пришли, – сказал Лестер голосом, в котором совсем не чувствовалось радости.

– Как такое возможно? – удивился Рагнер.

– Идем, – с этими словами маг направился прямо к одному из стволов.

– У меня такое ощущение, что в моем кармане лежит тяжелая гиря, – пожаловался Рагнер. – Мне нужно передохнуть.

– Присядь, пока я буду осматриваться.

Рагнер скинул дорожный мешок, и плюхнулся прямо возле него. Бесконечная дорога и ноша, что лежала у него в нагрудном кармане, отняли у него немало сил. Он чувствовал невероятную усталость, будто он несколько дней подряд шел без остановки. Ноги гудели, а спину ломило, поэтому, когда он уселся, то почувствовал небывалое облегчение. Вот бы сидеть так весь день и никуда больше не ходить. Но, стоило ему только вспомнить, где он находится, как эта мысль тут

же испарилась. Уж лучше вымотаться до изнеможения в бесконечной дороге, чем провести в этом жуткой долине лишнюю минуту.

Лестер скинул дорожный мешок и подошел к правому стволу. Черный, скрюченный так, что он напоминал огромный бараний рог. Маг медленно протянул ладонь и коснулся его. Обычная шершавая грубая кора. Он медленно поднял голову, чтобы осмотреть весь ствол. Но также не обнаружил ничего необычного. Просто мертвое дерево. Лестер подошел к другому стволу, и осмотрел его. С тем же результатом...

– Может, нужно просто разрубить эти ветки? – спросил Рагнер, который все это время наблюдал за магом.

– Можно попробовать, но я не думаю, что это поможет.

Рагнер поднялся с места и подошел к паутине, сплетенной из ветвей деревьев. Он достал меч из ножен, и с размаху ударил. В любой другой ситуации ветки разлетелись бы в разные стороны, но в этот раз меч жалобно звякнул, словно ударился о камень, и высек в пространстве несколько искр. Удар отозвался болью в руках, и Рагнер чуть не выронил меч.

– Так я и думал, – хмуро произнес маг.

– Как ... – Рагнер хотел что-то сказать, но Лестер его перебил.

– Видишь ли, это необычные деревья. В этих сплетенных ветвях спрятан очередной камень, я это чувствую. И Аксиос, пряча его здесь, не хотел, чтобы он так просто попал в руки к тому, кто явится за ним. Поэтому он и заколдовал эти деревья. Простое оружие здесь не поможет. Мы должны догадаться, каким образом можно достать третий камень. Возможно, где-то здесь есть подсказка.

Лестер снова принялся осматривать стволы деревьев. На сей раз, он делал это более тщательно, стараясь не упустить ничего, что могло бы дать хоть какую-то подсказку. Рагнер, спрятав в ножны меч, тоже принялся осматривать другой ствол. Он медленно шел вокруг него, оглядывая сверху до низу. Когда он шел с противоположного от сплетенной паутины края, то обнаружил в стволе отверстие размером с кулак. Сначала Рагнер принял его за дупло какой-нибудь птицы или животного, но тут же вспомнил, что они находятся в долине, которую жизнь давным-давно покинула, если она когда-нибудь тут вообще была. Значит, это отверстие не является чьим-либо домом. Заинтересовавшись, Рагнер подошел к нему вплотную. Он стал еще

более внимательно осматривать ствол и вдруг, к своему удивлению, обнаружил над отверстием выцарапанную надпись. Она была совсем выцветшей, а потому ее было тяжело заметить. Что означала надпись, Рагнер не знал. Он окликнул Лестера. Маг, тут же подбежал.

– Что ты нашел? – спросил возбужденно старик.

– Смотри, – Рагнер рукой указал на отверстие в стволе дерева. – И еще, погляди сюда, – Рагнер указал на надпись. – Кто-то это нацарапал. Я не знаю этого языка.

– Это древний дамгарский язык, – сказал маг, изучая надпись. – Мало кто его знает. Тут написано «освободят третий». Хм, надпись явно не полная.

– Может, начало надписи на другом стволе? – предположил Рагнер.

Друзьями овладело такое сильное возбуждение, что они чуть ли не вприпрыжку направились к другому стволу. Рагнер оказался прав. На другом стволе, с внешней стороны также на уровне головы среднего человеческого роста располагалось отверстие, а сверху него такая же выцветшая от времени надпись.

– «Объединившись, двое» здесь написано, – перевел Лестер.

– Объединившись, двое освободят третий, – произнес Рагнер. – Вот оно что, – чуть ли не крикнул он. – Все просто!

– Нам надо объединить камни, – продолжил мысль Лестер.

– Не просто объединить, а поместить в эти деревья. Вот для чего тут эти отверстия! – Рагнера так возбудило это открытие, что его большие голубые глаза заблестели.

– Ты прав! Доставай камни.

Рагнер быстро запустил руку в карман и достал содержимое. Оба камня светились так, что ночью они могли бы запросто заменить свет луны, а тепло, которое от них исходило, было сравнимо с теплом, исходящим от костра. Лестер взял изумруд, и тут же, наравне с теплом ощутил ту тяжесть, о которой говорил Рагнер.

– Первый камень я вложу в этот ствол, а сапфир ты вложи в другой.

Рагнер побежал к другому стволу. Лестер, посмотрев на изумруд, закатал рукав плаща и засунул руку в отверстие в стволе. Он почувствовал холод, словно рука оказалась не в стволе дерева, а в сугробе снега. Маг нащупал твердое дно и положил камень. Он высунул руку из ствола и крикнул Рагнеру:

– Готово!

Тот, проделав те же манипуляции, что и маг, отошел от ствола. Он хотел крикнуть в ответ Лестеру, что он тоже погрузил камень в ствол, но не успел. Как только сапфир оказался внутри дерева, из обоих стволов стал вырываться свет. Из того, в котором лежал изумруд – ярко-зеленый, из того, в котором сапфир – васильковый. Свет становился все ярче и ярче, а затем стал расползаться по обоим стволам, словно маленькие яркие змейки, пока не поглотил оба дерева от корней до макушки. Он разливался по сухим ветвям, спутанным в паутине, словно кровь, бегущая по венам. Какое-то время друзья заморожено смотрели, как два сухих скрюченных дерева охватывало сияние. На их глазах творилось волшебство, красивое и небывалое. Такой яркий свет казался чем-то нереальным среди этого жуткого серого места, пропитанного лишь страхом и ужасом. И все-таки, несмотря на красоту, внутренний голос подсказывал Лестеру, что это всего лишь оболочка. За красотой их ждет что-то очень страшное. Это всего лишь миг, передышка перед следующим испытанием.

Свет стал собираться в шар, который находился в середине паутины. Он сливался в единое целое, покидая стволы деревьев. Он бежал по сухим ветвям в самое сердце, превращаясь из зеленого и василькового в единое ярко-белое сияние. С каждым мгновением свет становился все ярче и ярче, пока на него стало невыносимо смотреть. Оглушительный треск нарушил тишину, словно что-то взорвалось. Ударная волна повалила друзей на землю. Свет погас.

Они быстро пришли в себя. Взрыв был не сильным. Обоих лишь ненадолго оглушило, но довольно скоро друзья поднялись на ноги, озираясь по сторонам. Ничего не изменилось, только два дерева и паутина между ними исчезли. Вместо них повсюду, в радиусе нескольких метров, валялись щепки. Зато на том месте, где раньше висел шар, сплетенный из паутины, лежало что-то блестящее. Лестер и Рагнер, стряхнув с себя щепки, подошли к этому месту. Их взору предстали три камня. Изумруд и сапфир, а рядом – кроваво-красный рубин, ограненный в виде правильного треугольника. Лестер присел на корточки и сдвинул все три камня друг к другу. Получился треугольник.

– Спустя столько лет эти камни снова встретились. Кто бы мог подумать, – сказал маг.

Рагнер хотел что-то ответить, но слова так и застряли у него в горле. Боковым зрением он заметил какое-то движение, и повернул голову направо. Он увидел фигуру в черном рваном плаще с наглухо закрытым капюшоном лицо. В правой руке это нечто держало косу и стремительно приближалось к друзьям. Та самая фигура из его кошмара! Только во сне она была без косы. А за ней еще одна такая же фигура. Ужас так сильно сковал Рагнера, что он не смог ни слова из себя выдавить. Вместо этого он дрожащей рукой стал хлопать мага по плечу. Тот взглянул на Рагнера. Увидев на его лице застывшую маску ужаса, он повернулся в ту сторону, куда смотрел его друг. Этого было достаточно, чтобы схватить в руки камни и пуститься бежать.

Они бежали вперед изо всех сил. Так, словно кто-то подгонял их хлыстом.

Когда Рагнер обернулся, то, к еще большему ужасу обнаружил, что за ними гонятся уже около десятка призраков. Он еще больше припустил. Маг, несмотря на возраст, нисколько не отставал от Рагнера. Бежал изо всех сил, не чувствуя дыхания. Оба неслись, как им казалось, быстрее ветра. Друзья все бежали и бежали, но это не помогало. Призраки возникали буквально из ниоткуда. Они появлялись не только сзади, но и по бокам. Вооруженные косами и серпами, они преследовали друзей, словно несущаяся волна, не давая им продохнуть. Они быстро передвигались, и если Рагнер и Лестер вдруг вздумали бы, хоть ненадолго сбавить темп, преследователи тут же их настигли бы.

Но долго убегать в таком темпе от погони невозможно. Вконец выдохнувшись, маг перешел на шаг, а затем и вовсе остановился. Грудь болела так, что невозможно было вздохнуть. В боку невыносимо колело, и старик, сообразив, что больше не может убегать, решил встретить смерть достойно, лицом к лицу. Рагнер тоже выдохся, однако, бежать он еще мог. Но бросить друга одного на растерзание своре призраков... да ни за что! Он лучше погибнет вместе с ним.

Они и встали рядом друг с другом, готовясь к последней в своей жизни битве.

Лестер первый отразил атаку призрака. Он выпустил из посоха ярко-красный шар, который попав в цель, уничтожил ее. Затем Рагнер отбил серп, нацеленный ему в лицо. Следующим ударом он отсек призраку голову, и тот растворился в воздухе. Они отбивали одну за другой

атаки. Призраки дрались совсем неумело, но их было много. На месте одного поверженного тут же возникали два других. Их было целое море, огромное черное море. И это море пыталось поглотить друзей.

Как бы воин и маг ни сопротивлялись, их силы таяли с каждой минутой. Становилось все сложнее отбивать выпады, стало трудно держаться на ногах. Уж слишком много они пережили за последнее время, чтобы справиться еще и с этой напастью.

– Их невозможно убить! – сказал Рагнер, отражая очередной выпад. – Почему не уничтожить их с помощью магии?!

– Уничтожить я их не смогу! – ответил Лестер.

Затем маг взмахнул посохом, пробубнил какое-то заклинание, и ослепительно-яркая вспышка озарила всю округу.

Когда свет погас, Рагнер увидел, что призраков отбросило от них на пару сотен метров. Маг решил воспользоваться короткой передышкой. Он скомандовал Рагнеру, чтобы тот взялся за посох. Когда призраки вновь кинулись к друзьям, Лестер и Рагнер исчезли.

Глава 27

– Нужна ли тебе какая-нибудь помощь? – спросил Трэйтор Сервуса.

Это был один из немногих моментов, когда он мог поговорить с душегубом наедине. С тех пор, как Сервус стал начальником королевской стражи, Трэйтору редко удавалось переговорить с ним с глазу на глаз, так как служба стала занимать все его свободное время.

– Нет, – ответил Сервус.

Они находились в конюшне его величества. Король собирался выехать за город на прогулку, и, само собой разумеется, Сервус и еще дюжина солдат должны были сопровождать Милата.

– В таком случае, делай свое дело, но не забывай, для чего я продвигал тебя на эту службу. Думаю, тебе не стоит напоминать, кто твой истинный господин.

– Кажется, вы стали сомневаться в моей преданности? – спросил Сервус, вперив серые глазенки в Трэйтора.

– Нет, я несколько не сомневаюсь в твоей преданности. Я остерегаюсь лишь твоей нерасторопности. Делай все, как можно быстрее и аккуратнее. Нельзя, чтобы Милат что-то заподозрил.

Сервус, облаченный в серебряные доспехи, вскочил на коня. Он готов был дать ему шпоры, но вместо этого наклонился к Трэйтору и сказал:

– Я полагал, что за все время, которое вы меня знаете, я ни разу не дал повода усомниться в себе, – затем, выпрямившись в седле, добавил, – не беспокойтесь. Я знаю свое дело. Вам не стоит переживать.

После этого он дал шпоры коню, пустив того в галоп. Он ускакал к заднему двору, где в скором времени должен появиться король Милат.

Опасения Трэйтора и в самом деле были беспочвенны. Как только Сервус надел форму начальника королевской стражи, он тут же принялся менять всю королевскую охрану. Он делал это потихоньку, совсем незаметно, стараясь не вызывать у Милата никаких подозрений. Король даже не замечал, как день за днем, один за другим, менялась охрана всего дворца. Старые солдаты уходили на покой, а

вместо них приходили совершенно новые. Таким образом, за несколько недель полностью сменилась вся охрана дворца.

Сервус превосходно справлялся со своими обязанностями начальника королевской стражи. Когда король ехал по улице, то Сервус специально находился ближе к Милату, но при этом соблюдал достаточную дистанцию, чтобы монарх чувствовал себя комфортно. Сервус как никто другой знал, какое впечатление произвело на Милата убийство Марфуса – прежнего начальника королевской стражи. Именно поэтому он старался создать у короля ощущение, что тот находится в полной безопасности. С этой целью он приказал солдатам отныне ехать не только спереди и сзади Милата, но и по бокам, окружив монарха плотным кольцом. Таким образом, возможное покушение вряд ли бы увенчалось успехом. Кроме того, впереди на расстоянии полутора десятка метров ехала еще пара всадников, которые должны были высматривать среди городских зевак всех подозрительных граждан и в случае необходимости блокировать их до тех пор, пока не проедет король. Все эти мероприятия поначалу вызывали у Милата странное чувство, будто его ограждали какой-то стеной от всего мира. Он не привык ездить в центре плотного кольца вооруженных солдат. С другой стороны, так он чувствовал себя в гораздо большей безопасности. Особенно теперь после того, как на его глазах умер Марфус. Вид торчащей из его горла стрелы и багровая лужа крови, стремительно разрастающаяся в размерах, каждый раз приводила Милата в ужас, стоило только вспомнить об этой трагедии. Что и говорить, Сервус знал свое дело, и Милат это признавал.

Трэйтор по-прежнему был вхож во дворец. Не проходило и дня, чтобы он там не побывал и не повидался с Милатом. А король всегда принимал его очень тепло. Придворные, само собой, завидовали новому фавориту его величества. Однако плести какие-либо интриги против него никто не осмеливался. Напротив, многие старались поддерживать теплые отношения с Трэйтором. Каждый хотел что-нибудь выгадать для себя через нового фаворита, а потому Трэйтора часто приглашали на различные обеды. Многие из таких приглашений он игнорировал и, порой, даже не удосуживался дать хоть какой-нибудь ответ. К иным он наведывался, впрочем, подобные встречи для него ничего не значили. Он смотрел на них лишь как на развлечение, поскольку эти люди не имели никакого политического веса. По

мнению Трэйтора, все эти придворные были всего лишь мишурой, от которой практически не было никакого толку. Именно поэтому он не оказывал этим людям помощи в решении их проблем. На всякие просьбы всегда отвечал уклончиво, не давая обещаний.

Единственные люди, которые, по его мнению, что-то значили, были члены совета. Но, на днях совет прекратил свое существование. В тот же день, когда Сервус одержал победу в поединке и стал начальником королевской стражи, король Милат подписал официальный указ, согласно которому, Верховный совет Фильнии распускался навсегда. Отныне король должен был править самостоятельно. Трэйтор, узнав об этом, высказал немало лестных слов монарху, восхваляя столь «мудрое и правильно решение». И это была искренняя радость. Трэйтор видел в этом решении выгоду для себя. Теперь, по его мнению, члены уже бывшего совета, окончательно должны ополчиться против Милата. Для него же самого совет по-прежнему представлял силу, с которой король не хотел считаться. Никакой человек не захочет просто так без борьбы отдавать власть. Тем более, в руках совета власти раньше было немало. В памяти этих людей еще слишком свежи воспоминания о тех не столь далеких временах, когда с их мнением считались. И сейчас, когда их так бесцеремонно распустили, они готовы пойти на что угодно, лишь бы вернуть прежнее могущество. Трэйтор это прекрасно понимал. Он знал, как никто другой этих людей. Вот только ему, в отличие от остальных, хватило ума воспользоваться ситуацией, и не допустить, чтобы его, как и всех остальных выкинули из политической жизни страны.

Раньше он был всего лишь членом совета, теперь же – чуть ли не личным советником короля! И хотя Милат принимал все решения самостоятельно, Трэйтор не мог не отметить, что король частенько спрашивает его мнение в той или иной ситуации. Дошло даже до того, что Милат однажды вечером, оставшись с Трэйтором с глазу на глаз, поделился с ним тайной, в которую были посвящены очень немногие. Он рассказал Трэйтору о пропаже книги из Вестермского замка. Тайну об этой пропаже охраняли, как самое драгоценное сокровище во всем королевстве. Никто из придворных даже понятия не имел об этом происшествии.

И вот, он сам все-таки решился поделиться этой тайной с Трэйтором. Он не стал рассказывать всех подробностей. Лишь

обмолвился парой фраз по этому поводу. Но даже их хватило, чтобы Трэйтор всю ночь не смог сомкнуть глаз. Даже для него это было чем-то запредельным. Ему и в кошмарном сне не могло присниться, что книгу, о силе которой ходило столько легенд, книгу, которую так тщательно охраняли, выкрадут из Вестермского замка. Вернувшись домой, он долго размышлял об этом. Король не рассказал ему, что подозревает в этом братнийцев, поэтому он все думал, кто бы это мог быть? Кто мог вообще на такое решиться? Не найдя никаких ответов, он решил больше не забивать себе этим голову. Однако про себя он в скором времени отметил, что давненько не видел во дворце мага – Лестера. И в его голове тут же возникли подозрения, что пропажа Вестермской книги и длительное отсутствие этого старика как-то связаны.

В последнее время говорили только о войне. Не только простые люди. Все придворные только ее и обсуждали. Спорили о том, дойдет ли враг до столицы, или армия все-таки разобьет неприятеля раньше. Говорили разное, однако большинство было уверено, что опасаться нечего. Да, братнийцам удалось взять Керсабор, но до Ландремита они уж точно не дойдут. Ведь Вагрел этого просто не допустит. Он же бывалый воин, преданный короне до мозга костей. Будь он плохим военачальником, Милат его уже давным-давно сменил бы. К тому же это все из-за Малкина Грея. Это он – подлый предатель – помог братнийцам. Без него они ни за что не взяли бы Керсабор. Если бы не он, Вагрел давно разбил бы неприятеля и войне пришел бы конец. Но теперь-то предатель обезглавлен, и он уже больше не сможет помешать одержать победу над врагом. Так что бояться нечего. Еще неделя-другая, и войне конец.

Однажды вечером, когда Трэйтор только вернулся домой из дворца, гном-дворецкий доложил о прибытии гостя. Трэйтор был в хорошем настроении, а потому сразу же велел проводить гостя в кабинет. Пару минут спустя на пороге появился высокий сорокалетний мужчина, у которого, несмотря на возраст, голова была почти полностью покрыта сединой. Трэйтор расплывшись в улыбке, горячо поприветствовал Дарбека Соула и предложил ему располагаться на софе. Поначалу разговор шел непринужденно о всякой всячине. Болтали обо всем подряд. Но за всей этой легкостью и непринужденностью Трэйтор

ощущал какое-то напряжение. Неспроста к нему приехал этот человек. Не светские беседы он намерен вести.

Трэйтор терпеливо ждал, когда же гость, окончив обсуждать всякую чепуху, наконец-то перейдет к делу.

– Ты знаешь, ходят слухи, что король распустил совет, – непринужденно бросил Дарбек Соул.

– Да, так и есть, – ответил Трэйтор.

– Хм, а ты стал вхож к его величеству, – сказал гость.

«Вот зачем ты пришел», – пронеслось в голове Трэйтора.

– Да, король стал часто приглашать меня во дворец. А что в этом плохого?

– С чего такое внезапное внимание со стороны монарха? Ты ведь тоже был членом совета когда-то, разве нет? – Дарбек Соул лукаво посмотрел на собеседника черными, как смоль глазами.

– Можешь не отвечать, – продолжил он после короткой паузы. – Я пришел сюда не для того, чтобы это выяснять.

– Тогда для чего же ты пришел? – Трэйтор не отрывал от собеседника серьезного взгляда.

– Позавчера мы собирались у Валлахода. Обсуждали последние новости.

«А меня не позвали», – пронеслось в голове Трэйтора.

– В числе прочего говорили о тебе, – продолжал Дарбек Соул. – Многие недовольны.

– Мной?

– Да, – ответил собеседник спокойно. – Дело в том, что во время казни Малкина Грея кое-кто видел, как ты беседовал о чем-то с королем. Многие считают это доказательством того, что ты поспособствовал его аресту и казни.

– Что за бред! – крикнул Трэйтор, вскочив со своего стула. – Какое нелепое обвинение! И кто же так считает?

– Почти все, – спокойно ответил гость.

– И ты тоже?

– Я никак не считаю. Мне нет никакого дела до того, чем ты занимаешься.

– И они послали тебя, чтобы ты мне все это рассказал?

– Нет. Присядь и успокойся. Вот так. А теперь послушай меня. Я приехал к тебе, потому что сам захотел. Как я тебе уже сказал, мне нет

никакого дела, чем ты там занимаешься. Даже если это и вправду ты повинен в казни Малкина Грея – пусть. Лично мне этот человек никогда не нравился, и я нисколько не жалею о его смерти. Я приехал, чтобы предупредить тебя. Над тобой сгущаются тучи. Многие считают, что ты набираешь слишком большую политическую силу. Мне удалось убедить их, ничего пока не предпринимать. Это было не очень просто сделать. Что бы ты там ни задумал, советую быть осторожнее. У тебя и так немало врагов. Если еще и эти люди станут тебе недругами, тебе несдобровать.

– Это что, угроза? – с вызовом спросил Трэйтор.

– Это не угроза. Разве ты не видишь, я пришел к тебе, как друг. Если бы было иначе, мы бы сейчас с тобой не разговаривали об этом. Я знаю – ты что-то задумал. Но, повторяюсь, будь аккуратнее.

– Спасибо, Дарбек, и прости, что я был так груб, – сказал Трэйтор. Несмотря на овладевшую им ярость, он старался говорить спокойно. – Я благодарен тебе за то, что ты делаешь для меня, и очень это ценю. Обещаю тебе – скоро все будет, как раньше. Не сомневайся в этом.

В скором времени гость ушел. Оставшись в кабинете один, Трэйтор дал волю гневу. Сначала он взял со стола канделябр и со всего маху запустил его в шкаф. Стекло разлетелось вдребезги, усеяв пол осколками. Затем он одним махом руки опрокинул все, что лежало на столе. Ему показалось этого мало, и он перевернул стол, стараясь чтобы тот, опрокинувшись, издавая как можно больший грохот. Затем он схватил стул и принялся с остервенением ломать его. Он бил этот несчастный стул о валяющийся стол, до тех пор, пока тот не разлетелся на куски. С каждым ударом, с каждой новой отвалившейся деталью он чувствовал какое-то опьянение. Ему хотелось еще больше ломать, крушить, разбить все, что находится в доме. Чтобы вся мебель, вся посуда, все окна и все стекла, какие только попадутся под руку, разлетелись вдребезги. Покончив со стулом, он подскочил к уже покалеченному шкафу и принялся крушить и его. Он вынимал из него книги, рвал их и разбрасывал по всему кабинету. Ярость и злоба, дремавшие внутри Трэйтора, прорвались наружу, превратив человека в разбушевавшуюся скотину. Он разломал и разбил в кабинете все, что только можно. Когда он закончил, то обнаружил в кабинете лишь гору развалин, некогда представлявшей из себя дорогую мебель. Окинув взглядом кабинет, он почувствовал

приятную слабость. Ярости и злобы больше не было. Он вышел из кабинета и направился в спальню, где в скором времени уснул сном младенца.

В тот день Трэйтор шел по длинному мраморному коридору, как друг внезапно из-за поворота вылетел Валмер и наскочил прямо на него.

– В чем дело, – спросил Трэйтор с недовольным лицом, отталкивая Валмера, стоявшего прямо на его правой ноге. – Ты совсем с ума сошел? Ты мне ногу отдал.

– Прости, пожалуйста, – стал лепетать Валмер в ответ. – Просто меня прямо переполняет радость!

Трэйтор взглянул на него: черные глаза-бусинки сквозь очки сияли от радости. Он стоял перед ним и чуть ли не приплясывал.

– В чем дело? – раздраженно спросил Трэйтор.

– Как в чем? Ах да, я же не сказал. Вот, смотри, – с этими словами он протянул запечатанный конверт.

– Ну и что это?

– Как что?! Это же письмо от Вагрела! – радостно воскликнул Валмер. – Я хотел пойти к себе и по дороге нечаянно столкнулся с гонцом. Тот сказал, что направляется к его величеству с письмом от Вагрела. Трэйтор, армия всего в сутках пути от Палбриджа! Мне это гонец сказал. Скоро они разобьют братнищев и войне конец!

– А что в этом письме? – спросил Трэйтор.

– Ну, уж я точно не знаю, но догадываюсь, что там написано.

– И что же там, по-твоему, написано? – не унимался Трэйтор.

– Наверняка Вагрел извещает короля о том, что армия подходит к Палбриджу, и вот-вот произойдет сражение. Радость-то какая! Наконец-то эти братнищевы почувствуют, что такое напасть на Фильнию!

Валмер хотел дальше пуститься в путь, но Трэйтор его остановил.

– Послушай, Валмер, – с улыбкой сказал он. – Новость и в самом деле замечательная. Но, скажи мне, пожалуйста, ты хочешь лично вручить это письмо королю, или для тебя это не важно?

Валмер озадаченно посмотрел на Трэйтора.

– Просто ты сказал, что направлялся к себе, когда встретил гонца, а я как раз шел к королю, когда ты на меня налетел. Поэтому решил, если хочешь, я могу сам передать письмо его величеству, все равно я иду туда. А ты мог бы идти к себе.

– Что же, признаюсь, мне так даже удобнее. Не надо делать крюк.

– Вот и я о том же. И я обязательно скажу Милату, что это письмо мне передал ты.

– О, это совершенно не обязательно. Какая разница, кто принесет королю хорошую весть?

– Вдруг для тебя это имеет какое-то значение.

– Нет-нет. Пожалуйста, иди, и носи королю письмо.

– Как хорошо, что скоро войне придет конец, – сказал Трэйтор с притворной радостью.

– Вот и я о том же. Ну ладно, я побежал.

– Какая замечательная новость! – воскликнул король, не сдерживая радости, после того, как Трэйтор вручил ему письмо. – Наконец-то мы побьем братнищев. Все, войне скоро придет конец. К тому же, двадцатитысячный резерв, который удалось собрать в самые кратчайшие сроки, уже находится под Палбриджем и станет отличным дополнением Вагрелу. К сожалению Юлий куда-то пропал, и наладить контакт с магами не удалось. Но ничего, я уверен мы и без них справимся

– Народ будет ликовать и прославлять своего правителя, – заметил Трэйтор.

– Да. Теперь-то братнищевы почувствуют на себе всю мощь фильнишской армии. А короля Бренера наверняка опьянили его победы. То-то будет, когда его войско разобьют в пух и прах.

– Думаю, это будет то еще зрелище, когда его солдаты побегут с поля боя, – вторил королю Трэйтор.

– Да, это будет превосходно. А знаешь, я бы хотел посмотреть на эту битву. Хотел бы я видеть собственными глазами, как враги трусливо бегут, а им вдогонку несется победный клич моей армии. Решено, завтра рано утром выезжаю в Палбридж.

– Ваше величество, я думаю, вы не поспеете к битве. Пока вы доберетесь, она закончится.

– Вздор. До Палбриджа сутки пути от Ландрсмита. А если ехать налегке, то можно и за день управиться. Так что я не только увижу битву собственными глазами, но еще успею произнести напутственную речь своим воинам. Думаю, они очень обрадуются, увидев меня. Не могу я сидеть во дворце, в такой момент. Солдаты должны знать, что король вместе с ними. Тогда они будут биться еще храбрее. Разумеется, храбрости нашим воинам и так не занимать, это же не какие-нибудь братнийцы. И, все же, мое появление окажет на них очень благотворное влияние.

– Но, ваше величество ... – хотел возразить Трэйтор,.

– И слышать ничего не желаю, – перебил его Милат. – Завтра же ранним утром выезжаю в Палбридж. Никого из придворных брать не стану. Вы, Трэйтор, тоже оставайтесь здесь.

– Слушаюсь, ваше величество.

В скором времени Трэйтор покинул дворец, и спустя две четверти часа он сидел в гостиной своего дома мрачнее самой хмурой тучи. Еще через три четверти часа к нему приехал Генри.

– Армия на подходе к Палбриджу. Вот-вот будет битва, – сказал Трэйтор, как только Генри уселся в кресло.

– Отличные новости. А откуда это тебе известно? – поинтересовался Генри.

Трэйтор рассказал брату все, что с ним приключилось во дворце. И про письмо, и про то, что король намерен завтра утром направиться к войску.

– Печальные вести, дорогой брат, – сказал Генри, когда Трэйтор закончил свой рассказ.

– Печальней некуда. Если король уедет к Вагрелу в Палбридж, это будет конец всему. Там мы его не достанем. Весь карточный домик, который я так выстраивал, рухнет, и не видать нам власти, как собственных ушей.

– В таком случае, нужно действовать. И, как можно скорее, – заключил Генри.

– Да. Сегодня ночью ты мне понадобишься, Генри. Ближе к полуночи будь во дворце. И, я тебя умоляю, не вздумай вечером пить.

– Я буду трезв, как стеклышко, – заверил Генри брата.

- Я серьезно, Генри. У тебя должна быть ясная голова вечером.
- Я не подведу тебя, брат. Можешь на меня рассчитывать.
- В таком случае ступай.

Был спокойный вечер. Плотно поужинав, король Милат отправился к себе в кабинет, чтобы почитать. У него было хорошее настроение, и так спокойно на душе. Так легко ему еще никогда не было. Все невзгоды вдруг куда-то исчезли. Остался лишь покой, тишина, книга и верный пес Гуно, мирно посапывающий подле хозяина.

Милат так погрузился в чтение, что даже не заметил, как пролетел вечер, часы стали показывать одиннадцать часов. Взглянув на время, король заложил страницу и положил книгу на стол. Он собирался отправиться в спальню, когда в дверь постучали. Этот стук был громче и резче, чем обычно, словно кто-то бил в барабан, выстукивая марш.

– Войдите, – скомандовал король.

В кабинет тут же ввалился Трэйтор, а вместе с ним Сервус и несколько солдат из стражи.

– В чем дело?– спросил король, несколько удивленный таким внезапным визитом.

– Ваше величество, беда, – сказал Трэйтор.

Его лицо с черной бородой, выбритой в виде треугольника, искажала маска неподдельного ужаса.

– Что вы хотите сказать? – спросил все еще недоумевающий Милат.

– Заговор, ваше величество, – пролепетал Трэйтор и замолчал, словно слова не шли у него из груди. При этом слове король почувствовал, как все у него внутри екнуло.

– Какой заговор? – вновь спросил он.

– Совет, ваше величество. Это все они, проклятые предатели. Нам нужно спешить, – лепетал Трэйтор.

– Куда нам нужно спешить? Объясните уже нормально, что здесь происходит! – крикнул Милат.

– Ваше величество, члены совета решили отомстить вам за их роспуск и наняли тысячу наемников, чтобы они ворвались во дворец и убили вас.

– Это какой-то абсурд. Быть того не может, – сказал Милат, стараясь делать вид, что эти слова его несколько не напугали. – Им ни за что сюда не пробраться, – продолжил он. – Этот дворец надежно охраняется, между прочим, вашими солдатами, Сервус.

– Так и есть, ваше величество. Но недругов много. Мои люди бьются за вас в эту самую минуту и готовы отдать свои жизни за своего короля. Скоро сюда прибудет подкрепление. Но, до тех пор, дабы не допустить самого страшного исхода, мы должны спрятать вас на некоторое время. Пока мои люди не разделаются с этими мятежниками.

Король выглянул в окно, которое выходило во внутренний двор, и ужаснулся. Солдаты из королевской стражи, облаченные в серебристые доспехи, сражались с какими-то людьми в синих одеждах, которых монарх видел впервые. Среди гробовой тишины, воцарившейся в кабинете, монарх различил лязг оружия и крики, доносившиеся с улицы. От увиденного все в голове Милата тут же перемешалось. Казалось что это какой-то кошмар. Он отошел от окна и тяжело вздохнул. Страх охватил все нутро ледяной рукой.

– Ваше величество, нам нужно срочно бежать, умоляю вас, пока враги не ворвались во дворец, – снова пролепетал Трэйтор.

– Разве такое возможно? – спросил Милат. Он словно впал в оцепенение.

– Ваше величество, вы же не хуже меня знаете этих людей. Они на все пойдут ради власти. И вас они ненавидят, и меня тоже. Они нас двоих убьют, а после, будут долго глумиться над нашими трупами.

Последние слова, казалось, подействовали на Милата. Он вышел из оцепенения, которое ненадолго овладело им.

– Идемте.

Милата вели по длинному коридору. Впереди шли Сервус и Трэйтор, позади – солдаты. И с каждым шагом, у Милата все сильнее разрасталось чувство тревоги. С каждым шагом это чувство, словно ржавчина, разъедала его нутро. Его ноги налились свинцом, и, казалось, отказывались двигаться. Тем не менее, он продолжал идти, не понимая, что же с ним происходит. Сердце с каждым шагом билось все сильнее и сильнее, словно собиралось выпрыгнуть из груди. Он, будто шел на эшафот. Страх сжал его ледяными щипцами и никак не хотел отпускать. Это был страх не из-за того, что ему наговорил

Трэйтор и не из-за того, что он увидел во внутреннем дворе. Нет, это был страх перед чем-то неизвестным, словно сейчас что-то должно произойти. Что-то ужасное. Что-то непоправимое. Милат чувствовал это каждой клеточкой своего тела. Он и не заметил, как они спустились по лестнице в длинный подземный коридор, пропахший сыростью. Через каждые несколько метров на стене висели зажженные факелы, словно кто-то заранее спустился сюда и зажег их, зная, что король пойдет этим путем. Пройдя довольно длинное расстояние по коридору, Сервус и Трэйтор остановились. Следовавшие позади солдаты обступили короля кругом

– Что происходит? – спросил Милат.

– Мы пришли, – твердо ответил Трэйтор.

В его руках что-то блеснуло, и через секунду монарх почувствовал ужасную боль в груди.

Трэйтор вынул кинжал и вновь вонзил. Милат почувствовал, как ноги его стали подкашиваться. Однако он не упал. Он собрал все свои силы, которые его ежесекундно покидали, и оттолкнул от себя убийцу. Но тут же, сзади в него вонзился еще один клинок. А затем еще один. Тьма поглотила Милата. Он даже ничего не сказал. Его разум быстро стал затуманиваться, а затем, огонь в его глазах окончательно погас. Король Милат был мертв.

В тот самый момент, когда короля вели по длинному коридору, верный пес Гуно не находил себе места. Запертый в кабинете хозяина, он скулил и метался из угла в угол. Он скребся в дверь и даже пытался ее прогрызть. Но все было тщетно. Не хотела эта проклятая дверь выпустить бедного Гуно к другу и хозяину. Пес продолжал жалобно скулить и лаять. Но никто не мог ему открыть, потому что никто не слышал несчастного. Наконец, Гуно сел возле двери и завыл так жалобно и протяжно, столько было тоски в этом вое, что кровь стынет в жилах. Это был первый и последний раз, когда пес выл. Закончив свою жалобную, пробирающую до костей серенаду, он лег, пискнул и издох. Не выдержало бедное собачье сердце такой тоски. Оно остановилось в тот самый момент, когда король Милат упал замертво.

Глава 28

– Уберите его отсюда, – скомандовал Трэйтор, когда обнаружил в кабинете Милата труп лабрадора. – Не хватало, чтобы тут еще дохлая псина валялась.

Двое «солдат» подняли и вынесли из кабинета труп.

– Тело короля нужно будет перенести в спальню. Постарайтесь сделать так, чтобы не было видно крови, – продолжал отдавать распоряжения Трэйтор, стоявшему на пороге Сервусу. Сам же он подошел к столу, но ни сел за него, а лишь облокотился.

– Будет исполнено, – послышался учтивый ответ.

– Ступай. Да, и еще, – спохватился он, когда Сервус собирался выйти из кабинета. – Как только Генри явится во дворец, пусть его немедленно проводят ко мне. И ты тоже не задерживайся. Ты мне еще понадобишься.

– Слушаюсь, – ответил Сервус и вышел из кабинета.

Оставшись один, Трэйтор принялся осматривать помещение, в котором он уже неоднократно бывал. Но теперь, когда хозяин кабинета был мертв, Трэйтор смотрел на всю мебель, на все эти шкафы, кресла, на этот резной стол и на бумаги, лежащие на нем, совсем по-другому. Раньше ему не было до этих предметов никакого дела теперь же, он чувствовал себя здесь хозяином. И какое же странное чувство им овладело. Вот он, стоит один посреди этого огромного, роскошно обставленного кабинета. Как долго он жаждал этого. Сколько времени он представлял себе, как он станет хозяином дворца. И теперь его мечта сбылась.

Ему даже не верится в это. Кажется, что все сон. Прямо сейчас он проснется в своей спальне, а утром вновь поедет во дворец к Милату. Но нет, этого не будет. Милат мертв. Он сам лично, своими руками вонзил в него холодное острие. Он посмотрел на свои ладони. «Это руки убийцы» – пронеслось у него в голове. – «Даже на указательном пальце есть следы крови». Он стоял, внимательно рассматривал свои ладони, словно впервые в жизни их видел. «Что ж, да я убийца. Уже давно. Ведь это я убил Малкина Грея. Хоть и не сам лично, но из-за меня его казнили. И я не чувствую никаких угрызений совести. И

сейчас мне безразлично, что я убил Милата. Я вонзил в него кинжал, я смотрел ему в глаза, когда в них погасла жизнь. Даже тогда мне было все равно. Я думал лишь о том, как бы поскорее со всем этим разделаться. Я молодец. Да, это точно. Любой бы на моем месте поступил так же. Если хочешь получить власть, нужно запрячь совесть, как можно глубже и не вспоминать о ней. Но я еще не король. Нужно много чего сделать, чтобы моя коронация все-таки состоялась». Его размышления прервал стук в дверь.

– Войдите, – скомандовал он. На пороге показалось знакомое, рябое лицо, окаймленное каштановыми волосами. – Ах, это ты Генри.

Трэйтор подошел к брату и обнял его, словно не видел десять лет. Он сделал это специально, чтобы определить, пахнет ли от Генри алкоголем. Отметив про себя, что брат сдержал обещание и не пил в этот вечер, Трэйтор выпустил из объятий брата и пригласил его сесть.

– Все свершилось? – спросил Генри.

– Да.

– Значит, король отправился к праотцам?

– Да, сегодня король Фильнии Милат, внезапно скончался, – сказал Трэйтор, усаживаясь за стол.

– Вся страна будет безмерно скорбеть. Тем более что у усопшего не осталось наследников.

– О, это не проблема. Его величество подписал указ, согласно которому, власть в стране переходит одному из его приближенных.

– Хм, вот это новость. Ты думаешь, в это поверят?

– Люди поверят чему угодно.

– А я говорю не про обычный люд, – сказал Генри. – Я имею в виду придворных, членов совета.

– Что мне придворные, – фыркнул Трэйтор. – До них мне нет никакого дела. А с членами совета я договорюсь. Я дам им то, чего они хотят, и они успокоятся.

– А если нет? Вдруг не успокоятся?

– Тогда я прибегну к жестким мерам, – отрезал Трэйтор. – Король мертв, Генри, но власти у меня почти нет, – продолжил Трэйтор после короткой паузы. – Есть одна большая угроза, которая способна выбить нас отсюда в два счета.

– Армия?

– Да. Когда Вагрел узнает, что Милат мертв, а я пришел к власти, он, одолев братнищцев, направит войско прямо сюда, в Ландрсмит. И тогда нам придет конец. Мы не должны этого допустить. Поэтому я и позвал тебя сюда, дорогой брат. Кто управляет армией, тот и сможет усидеть на троне. Я хочу, чтобы ты сейчас же направился к Палбриджу и приказал Вагрелу, чтобы он немедленно явился во дворец. Якобы его и всех его помощников вызывает король. Но это обязательно нужно сделать до начала битвы.

– Думаешь, он мне поверит? Да он тут же выпроводит меня, как только я открою рот.

– Не переживай, есть у меня одно средство, которое уже однажды выручало меня, – сказал Трэйтор доставая из внутреннего кармана гусиное перо, которое в свете горящих свечей отливало необычным зеленоватым оттенком.

– Пакманское волшебное перо, с помощью которого я однажды писал письмо от имени короля. Оно подделывает любой почерк и любую подпись, стоит им провести по буквам, написанными тем человеком, чей почерк необходимо подделать. Один темный колдун давным-давно сделал его для меня по специальному заказу. Стоит баснословных денег.

Трэйтор взял на столе пергамент, исписанный почерком Милата, провел по нескольким буквам пером, а затем, взяв чистый лист бумаги, принялся на ней что-то писать. Генри с любопытством следил за братом, который, управившись с письмом, отложил перо, взял кусок сургуча и поднес его к стоявшей свече. Красные, словно кровь, капли, образовали большое пятно внизу письма. В следующую секунду Трэйтор достал королевскую печать и приложил ее к расплавленному сургучу.

– Держи, – Трэйтор протянул письмо брату. – От почерка Милата ни за что не отличишь. И подпись как настоящая. Это поможет тебе. Вагрел может не поверить тебе на слово, но письмо с королевской печатью убедит его. Это твой козырь, который поможет тебе заставить его покинуть войско.

Генри быстро пробежался по письму, и на его некрасивом рябом лице появилась омерзительный оскал.

– А ты хитер, братец.

– Ты возглавишь армию, Генри, а с братни́цами начни мирные переговоры. Битвы не будет.

– Но тогда все захваченные территории отойдут к ним, – заметил Генри.

– Пускай. Со временем я верну их назад. Пока моя власть не окрепла, я не могу вести войну с братни́цами, – холодно сказал Трэйтор.

– Что же, в таком случае, я отправлюсь прямо сейчас, но мне нужны люди.

– Я скажу Сервусу, чтобы он тебе их дал, – сказал Трэйтор.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге появился начальник королевской стражи.

– А вот и он. Ну как, вы все сделали?

– Да, как вы и приказали.

– Превосходно. Теперь необходимо оповестить всех членов совета, что завтра к восьми часам они должны срочно явиться во дворец. И еще, Генри едет в Палбридж прямо сейчас, нужно направить с ним несколько человек. Сколько именно ему нужно людей, он сам тебе скажет.

Генри поднялся со стула и направился к двери.

– Поторопись, Генри, – сказал вдогонку Трэйтор. – Сейчас время не на нашей стороне.

Генри обернулся, кивнул и вышел.

Ранним солнечным утром Вагрел вместе с помощниками стоял в своем шатре и обсуждал план битвы. Его войско находилось всего в паре километров от города, и солдаты пребывали в легком возбуждении в предвкушении предстоящего сражения. Они подошли к городу всего пару часов назад. Пока им дали немного времени на отдых, дабы оправиться после недельного перехода. Шли быстро, стараясь подойти к Палбриджу раньше братни́цев. И вот, когда солнце еще не показалось из-за горизонта, дозорные доложили, что неприятель находится всего в нескольких километрах от города. Тогда Вагрел решил идти не в сам Палбридж, а направиться прямо к противнику, дабы встретиться с ним лицом к лицу на открытом

пространстве. Некоторые его помощники считали, что лучше было бы дать бой прямо под городскими стенами, но Вагрел был неумолим. Он не меньше простого солдата рвался в бой и мечтал, как можно скорее разбить неприятеля. Вдобавок к этому, его обрадовала весть о том, что под Палбриджем его ждет двадцатитысячное пополнение, которое прислал Милат. Вагрел тут же распорядился, чтобы это пополнение немедленно присоединилось к основному войску. К тому же, братнийцы, увидев свежие силы, подошедшие к Палбриджу, остановились, и, что самое главное, казалось, находились в замешательстве. По крайней мере, так думал Вагрел и некоторые из его помощников. И причиной тому было полное отсутствие какой-либо активности со стороны врага. Братнийцы даже не выстроились в боевые цепи, что свидетельствовало бы об их подготовке к битве. Фильнийская армия тоже пока не проявляла никакой активности, но это было временно. Вагрел полагал, что воинам нужно дать небольшую передышку, чтобы потом, полные сил, они разбили врага.

Когда Вагрел обсудил с помощниками все детали предстоящего сражения, в шатер вошел солдат и доложил о прибытии какой-то «важной персоны».

– Ну что же, пусть войдет эта важная персона, – усмехнулся Вагрел.

Через секунду в шатер вошел Генри и еще трое вооруженных солдат.

– Приветствую тебя, Вагрел – сказал вошедший, коротко поклонившись.

– Привет-привет, прости, я не помню твоего имени, но лицо больно знакомо, – сказав это, Вагрел снова засмеялся.

– Мое имя Генри, и я приехал сюда по воле его величества, – невозмутимо ответил брат предателя.

– По воле его величества? – переспросил Вагрел.

– Король Милат срочно вызывает тебя и всех твоих помощников во дворец.

На минуту в шатре повисло молчание. Алан и Баддиан обменялись удивленными взглядами. Парнел так посмотрел на Генри, будто перед ним стоял сумасшедший.

– Хорошо. Закончится битва, и мы явимся к его величеству, – ответил Вагрел. – Я лично принесу ему весть о победе.

– Боюсь, это невозможно, так как Милат повелевает отправляться во дворец до того, как начнется битва.

– Что это за бред? Вы в своем уме? – встрял в разговор Парнел. – Как можно оставлять армию без командиров накануне сражения?

– О, не переживайте. Пока вы будете отсутствовать, я буду во главе войска.

– Вот как? С чего это вдруг? – не унимался Парнел. Он был очень категорично настроен против Генри. Как только тот вошел в шатер, он сразу же произвел на него сильное негативное впечатление. Это рябое лицо, этот громадный непропорциональный лицу нос вызывали у Парнела отвращение.

– Есть ли у вас какие-нибудь доказательства, подтверждающие правдивость ваших слов? – спросил Вагрел.

– Разумеется, есть, – с этими словами Генри протянул письмо.

Вагрел вырвал его с пренебрежением и принялся читать.

– Ничего не понимаю, – буркнул, нахмурившийся Вагрел, когда закончил чтение. – Для чего мы понадобились королю в такой момент?

– Что там написано? – спросил Рудл.

– Все то же самое, что нам сказал этот мужчина.

– А королевская печать есть? – спросил Парнел.

– Конечно, есть. Вон, красуется в самом конце. Хватит задавать эти вопросы, Парнел.

– И что же мы будем делать? – не унимался Парнел.

– А ты как думаешь? – сердито спросил Вагрел.

– Мы что же, все-таки бросим войско и поедem в Ландрсмит? Да разве так можно?

– А у нас есть выбор?

– Может, нам не стоит так торопиться? – вмешался в разговор Алан.

Вагрел только хмуро взглянул на него.

– Прошу тебя, Вагрел, – не унимался Парнел. – Давай сначала разобьем братнищев, а потом уже поедem во дворец к королю. Скажешь, что когда приехал Генри, битва уже началась, и остановить ее было нельзя. Я уверен, он не станет сердиться, когда ты сообщишь ему весть о победе. Только молю тебя, давай не будем бросать армию.

Вагрел на секунду задумался. Он стоял с хмурым видом, уставившись прямо на Парнела. Внутри Вагрела шла борьба. Выполнить приказ короля или послушать совета Парнела и пойти на маленькую хитрость. К сожалению, Вагрел не осмелился противиться королевской воле.

– Едем и как можно скорее. Я хочу разобраться со всем этим недоразумением.

Через четверть часа Вагрел, Рудл, Алан, Парнел и Баддиан в сопровождении трех солдат, которые явились вместе с Генри, ехали в Ландрсмит. Все это время Вагрел не находил себе покоя. Он никак не мог понять, для чего Милату понадобилось вызывать его и всех его помощников к себе во дворец прямо накануне битвы. Может, король Бренер решил вести мирные переговоры? Тогда это объясняет, почему братнищцы, увидев фильнийское войско, не проявили никакой активности. С другой стороны, как может Милат вести подобные переговоры с Бренером, когда тот захватил часть земель так ни разу и, не столкнувшись с королевской армией? Нет, быть этого не может, чтобы Милат стал говорить о мире с братнищцами. Во всяком случае, не сейчас. Тогда почему он вызвал их во дворец, а во главе войска поставил этого Генри? Что вообще за птица этот рябой господин? Много вопросов возникло в рыжей голове, на которые он никак не мог найти ответа. Он даже представить себе не мог, что тело Милата уже давным-давно остыло. Что слуга, обнаруживший монарха мертвым в своей спальне, лишился чувств. Что Трэйтор, в этот самый момент готовится к встрече с членами совета. Не мог он всего этого знать, как и не мог догадываться, куда на самом деле их всех ведут.

Вагрел даже не заметил, как они въехали в лесную чащу. Дорога стала уже, и пришлось всем ехать в одну колонну. Огромные деревья, словно великаны, стояли плотным строем по обе стороны тропы. Они уже пробудились от зимней спячки и на их ветвях стали набухать первые почки. Еще немного и все они оденутся в пышные зеленые наряды. Но Вагрела и его помощников занимало сейчас совсем другое.

С тех пор как они въехали сюда, они не услышали ни единого звука, кроме фыркания их собственных лошадей. Ни птицы, ни зверя. Даже ветер не дул. Подозрительная тишина. Всадники то и дело настороженно озирались по сторонам. Они медленно продвигались вперед, и тут Парнел заметил, что три солдата, за которыми они ехали, куда-то исчезли.

– Так, давайте поворачивать назад, – приказал Вагрел, оглядываясь по сторонам.

Всадники развернулись, и в этот момент что-то щёлкнуло.

Все произошло внезапно. Десятки стрел обрушились, словно град. Они летели, со страшным свистом рассекая воздух. Парнел успел крикнуть слово «западня», прежде чем одна из таких стрел вонзилась ему в плечо. Другая стрела попала в коня Вагрела, и тот повалился на землю. Вагрел вскочил с мечом в руках, готовый к битве. Алан успел отъехать на несколько метров, прежде чем две стрелы нагнали его скакуна. Третья попала ему в плечо. Рудл, даже не успев что-то сообразить. Одна из стрел вонзилась ему прямо в глаз. Он с грохотом повалился замертво на землю. Тут из леса, словно призраки, с воплями и обнаженными мечами стали выбегать солдаты. Завязался бой. Баддиан, оставшись на коне, отбивал атаку за атакой. Он рубил мечом недругов, не щадя никого. Но силы были не равны. Пока он отбивал очередной удар, с другой стороны кто-то вонзил копье в шею его скакуна. Баддиан не успел вынуть ногу из стремени, когда конь, издавая предсмертное ржание, повалился на землю. Баддиан почувствовал, как хрустнула кость. Ужасная, нестерпимая боль в ноге заставила его кричать не своим голосом. Спустя мгновение к нему подбежали два солдата, и крик оборвался. Вагрел сражался как лев. Отбивая очередную атаку, он внезапно сказал недругу:

– Король же приказал нам приехать во дворец!

– Король твой давно кормит червей, идиот.

В грудь Вагрела вонзилась стрела. Любого другого человека такой выстрел убил бы сразу. Но Вагрел – огромный рыжий великан, которого не так-то просто убить. Он продолжал драться, несмотря на рану. Он отбивал все атаки. Его меч был багровым от крови неприятеля. Но тут прилетела еще одна стрела. Она вонзилась в ногу. Вагрел снова устоял. Он по-прежнему крепко сжимал меч. Третья стрела вонзилась в шею. И тут же еще одна в грудь. Вагрел с грохотом упал на землю. Еле живой он пытался что-то прохрипеть. В следующее мгновение его хрип навсегда обрывается. Парнел, уже раненый в плечо продолжал стойко биться. Он пропустил очередной выпад, и меч противника полоснул его прямо по горлу. Алан – единственный кто еще бился. Увидев, как Парнел упал замертво, он отбил очередной удар, вонзил меч в противника и пустился бежать. Он летел изо всех сил, что есть мочи. Он даже не чувствовал боли в правом плече, из которого торчала стрела. Он думал лишь о том, как спастись. Алан чувствовал, что силы его покидают. Слишком много

крови он потерял, чтобы еще убежать от этой кучки преследователей, которые неслись за ним, словно хищники за добычей. Внезапно перед ним возник овраг. В тот момент, когда он хотел прыгнуть в него, его настигла еще одна стрела. Тьма окутала Алана, и он упал, скатываясь по грязи на дно оврага.

– Кажется, мертв, – сказал один из преследователей, остановившись на краю оврага. – Пойдемте отсюда, мы свое дело сделали.

Король Бренер был в замешательстве, когда ему сообщили, что войско противника подходит к городу Палбридж. Он этого не ожидал. Ведь таинственный незнакомец, который все это время его вел от победы к победе, заверял, что Бренер должен двигаться к Палбриджу. Дескать, ему ничего не угрожает, фильнийской армии там не будет. И сейчас Кеслер докладывает, что разведчики видели фильнийское войско. Большое, свежее, рвущееся в бой. Поначалу Бренер не поверил, и посчитал, что это ошибочные сведения. Хотя сам он не очень-то верил своим словам.

– Ваше величество, в таком деле ошибиться нельзя, – возразил Кеслер. – Если бы разведчики говорили о каком-нибудь небольшом отряде, тогда еще можно было бы предполагать, что они ошиблись. Да и то, вряд ли. Но целое войско ни с чем не перепутаешь. Это же не горстка фермеров, едущих в город, чтобы продать свой товар. Это тысячи вооруженных солдат, движущиеся в направлении Палбриджа.

– И, все-таки, я не могу полагаться на сведения какого-то одного отряда разведчиков, которые, возможно, просто где-то напились, а потом им стали чудиться различные небылицы, – сказал Бренер.

Кеслера ответ оскорбил до глубины души, и ничуть не меньше удивил. Ведь это были его солдаты. Он ими командовал, и он лично принимал от этих разведчиков все донесения. А Бренер, не то что не поверил донесениям, но еще и усомнился в дисциплинированности этих ребят. Посчитал, что они запросто могут напиться во время выполнения важной задачи. Как обидны и возмутительны эти слова! Да разве Кеслер бы такое допустил? Никогда его солдаты ничего подобного не делали. В армии царила жесткая дисциплина и порядок. Каждый воин знал – если что-нибудь подобное произойдет, если кто-то

вздумает выпивать, выполняя боевое задание, его ждала самая жестокая кара. Провинившегося на первый раз подвергали порке, а если он позволял себе подобную выходку еще раз, его ждала смертная казнь. Получалось, что король оскорбил не только солдат, которые сообщали важные вести, но и самого Кеслера, который эти вести принял и изложил королю. Гордость этого бывалого воина была уязвлена, и он чуть ли не кипел от гнева и досады.

– Ваше величество, вы считаете, что ваши солдаты позволяют себе напиваться во время службы, а один из ваших командиров, коим я и являюсь, не способен не только навести порядок в армии, но и отличить пьяного солдата от трезвого?

Бренер почувствовал в голосе Кеслера еле сдерживаемый гнев.

– Нет, я вовсе так не думаю, – сказал Бренер, немного смягчившись. – Но я считаю, что эти сведения ошибочны.

– Раз вы считаете, что мои разведчики ни на что не способны, позвольте, в таком случае, больше не отнимать вашего драгоценного времени, – сказал Кеслер с подчеркнутой учтивостью.

– Я не говорил, что твои разведчики ни на что не способны, – сказал Бренер, нахмурившись.

– Прошу прощения, ваше величество, но вы именно это имели в виду.

– Убирайся отсюда, – фыркнул Бренер.

Кеслер коротко поклонился и вышел из шатра с гордо поднятой головой.

Когда Бренер остался один на один с самим собой, он весь кипел от гнева. Новости, которые принес ему Кеслер, были очень скверными. Дело в том, что его армия была почти истощена. Припасы неумолимо заканчивались, и пополнить их было неоткуда. Все поселения, которые им попадались, были опустошенными. Многие дома сожжены, и на их месте чернел обугленный фундамент. Жители, зная о приближении врага, покидали родные места, унося вместе с собой все, что могли. А то, что унести не получалось, сжигали, раздавали соседям или попросту топили в реке. Поэтому войско Бренера встречали лишь опустошенные земли, на которых совсем нечем было поживиться. Все шло так, как и предсказывал Кеслер. Но Бренер не унывал. Он полагался на незнакомца, который сулил ему победу. Он был уверен, что Палбридж быстро падет, и там он сможет с лихвой восполнить

запасы провизии. И вот теперь, когда они всего в нескольких километрах от города, ему сообщили о приближающемся войске противника. Эти вести раздосадовали короля. Не мог он в них поверить. Да и не хотел. Он был уверен, что фигура в зеркале не может его обмануть. И все же, маленький червячок сомнения поселился в его сознании. Ведь не могло же это длиться вечно. Рано или поздно он должен был встретиться с армией неприятеля. Но ведь незнакомец заверял, что этого не случится. Он обещал очередную победу. Ведь раньше его обещания сбывались. Значит, и сейчас не могло быть иначе. К тому же, Бренер считал, что если бы армия противника и вправду подходила бы к городу, этот незнакомец наверняка снова появился бы в зеркале, которое теперь постоянно находилось в его шатре. Раз он не появляется – значит, все хорошо. Вот только какая-то другая часть Бренера не верила в это. Какой-то странный голос подсказывал, что Кеслер говорил абсолютную правду. И как бы король не старался отвлечься, эта мысль нет-нет да возникала в голове. От этого он еще больше раздражался.

Через час после ухода Кеслера настроение Бренера стало еще хуже. Валтер сообщал, что вернулся еще один отряд разведчиков, который видел приближающуюся армию. Битвы не миновать.

– Отряд, вернувшийся совсем недавно, сообщает, что войско неприятеля большое. Оно быстро движется и еще до восхода солнца прибудет к Палбриджу, – докладывал Валтер.

– Сколько их там? – спросил король, глядя куда-то в пустоту.

– Тысячи свежих, рвущихся в бой, солдат, – ответил Валтер.

– Хорошо, ступай, – ответил Бренер, так и не взглянув на Валтера.

Бренер вновь остался один на один со своими мыслями. Теперь никаких сомнений быть не могло. Это правда. Войско неприятеля подходит. Как сказал Валтер, «свежие» и «рвущиеся в бой». О братнищах такого не скажешь. Бренер знал, что его армия уже совсем не та, что была в самом начале войны. Паек солдатам урезают чуть ли не каждый день. Постоянное недоедание и бесконечная дорога вымотали людей. Вдобавок к этому войско сильно поредело. Особенно в битве за Керсабор. Многие brave воины сложили головы, штурмуя стены. И теперь, если будет битва – а, судя по всему, ее не миновать – этих воинов будет очень не хватать. Его потрепанная армия не выдержит этого сражения. Она ослабла. Фильнийским солдатам будет

проще простого ее разбить. И тогда конец всему. Все его завоевания пойдут прахом. Было бы неплохо, если бы незнакомец появился и подсказал Бренеру, как поступить. Как выйти из этой непростой ситуации победителем. В последний раз этот неизвестный говорил, что сам появится тогда, когда это будет необходимо. Ну, что ж, сейчас именно тот момент, когда это необходимо, как никогда.

Бренер всю ночь не сомкнул глаз. Он все ждал и ждал, сидя перед зеркалом, в надежде что вот-вот, прямо сейчас возникнет такое знакомое ослепительно-яркое синие свечение, и в зеркале появится темный силуэт. Напрасно Бренер полагал, что незнакомец поможет ему. Случилось именно то, о чем король никогда не задумывался. Незнакомец больше не собирался ему помогать. Он больше не явится к Бренеру никогда. Еще до рассвета к нему в шатер то и дело начнут по очереди приходить то Валтер, то Кеслер, спрашивая короля разрешения готовиться к битве, так как появилось вражеское войско. Но Бренер впал в какое-то оцепенение. Он не мог поверить, что незнакомец так и не пришел на помощь. Он все продолжал ждать, придумывая для этого неизвестного различные оправдания. Трудно было подсчитать, сколько раз заходил в шатер Кеслер и Валтер. И каждый раз они уходили, так и не дождавшись ответа.

Король продолжал сидеть, упорно уставившись в зеркало. Вот почему братнийские войска не проявляли никакой активности, когда появилась армия Фильнии. Вот почему солдаты не готовились к битве. Некому было отдать такое распоряжение. Король находился в прострации, а Валтер не решился бы пойти на такой шаг, без распоряжения монарха. Кеслер же, возмущенный последней беседой с Бренером, не хотел самовольничать. К тому же, он столько раз предупреждал Бренера, что такой исход неизбежен, но король ни разу не прислушался к его мнению. «Вот и пускай теперь сам командует», – думал задетый Кеслер. К тому же, фильнская армия пока стоит на месте, значит, можно повременить. Вдруг Бренер все-таки выйдет из этого оцепенения и начнет отдавать распоряжения.

Глава 29

В большом тронном зале с высокими колоннами и мраморным полом, с великолепной лепниной и потрясающей росписью на потолке, где в самом центре по-хозяйски расположился трон, вырезанный из белого мрамора в виде пасти оскалившегося льва, находились члены совета. Как и было им велено, они пришли к восьми часам, в полном недоумении. Ведь каждому из них было известно, что король Милат распустил совет. И вдруг им сообщают, что их вызывают срочно во дворец. Некоторые предполагали, что король передумал, хотя в это было сложно поверить. Слишком хорошо они знали, как Милат относится к совету. Знали прекрасно, что король давно помышлял об их роспуске, и, вряд ли после того, как он осуществил задуманное, внезапно возьмет и передумает. Тем не менее, несмотря на недоумение и любопытство, которые их раздирали, хотя большинство из них считали, что эта встреча не сулит ничего хорошего, они стояли в огромном тронном зале в ожидании монарха.

Огромные дубовые двери закрипели и медленно отворились. Но, вместо Милата, в огромное помещение шумным маршем, отзывающимся громким эхом от мрамора, двумя колоннами зашагали солдаты королевской стражи. Колонны разделились, и они длинной серебряной змейкой расползлись по всему периметру зала вдоль стен. Находящиеся члены совета наблюдали за происходящим не без тревоги. Раньше ничего подобного не было. Впервые они стояли в окружении вооруженных людей, словно их вот-вот должны арестовать. Как только солдаты заняли свои места, воцарилось гробовая, не сулящая ничего хорошего тишина.

Члены совета нервно переглядываются, раздумывая, чтобы все это могло означать? И вот тишину нарушают чьи-то приближающиеся шаги. Еще мгновение, и в дверях появляется темноволосый мужчина с бородой, выбритой в виде треугольника. Трэйтор идет быстрой уверенной походкой прямо в самый центр, к тому месту, где располагается трон. Члены совета смотрят на него во все глаза, совершенно не понимая, что происходит. Ведь они ожидали короля, а вместо него вошел Трэйтор. Но, может быть, король появится после

него? Тогда почему, после того как Трэйтор вошел в зал, огромные дубовые двери закрылись? Если бы Милат собирался войти, то их не стали бы закрывать. И почему это Трэйтор подходит к трону, проводит по нему рукой, будто у него есть на это право, смотрит на них каким-то странным взглядом, словом, ведет себя необычно.

– Очень рад всех вас видеть, – говорит Трэйтор, остановившись справа от трона.

– Объясни, что здесь происходит? И зачем нас позвал король? – не выдержал Алфорд.

– Вас позвал не король. Вас позвал я, – ответил Трэйтор.

Он по-прежнему смотрел каким-то странным лукавым взглядом на присутствующих, словно во всем этом была какая-то сложная запутанная загадка, которую мог отгадать только он.

– Ты? – изумился Валлаход. При этом его правый, черный, как смоль глаз, чуть не выпрыгнул из глазницы. А шрам, казалось, стал еще сильнее выделяться на лице.

– Да, я. А чего тут удивительного? – с легкой иронией спросил Трэйтор. – Согласитесь, мертвый, вряд ли может кого-то позвать, даже если он когда-то жил во дворце.

– Что ты такое говоришь? – спросил Делрой.

– Он хочет сказать, что король мертв, – ответил Дарбек Соул.

– Да, верно. К великому несчастью его величество, король Фильнии Милат скоропостижно скончался этой ночью. Слуга нашел его остывшее тело утром в спальне. К счастью, по всей видимости, монарх не мучился и умер во сне.

После этих слов послышался ропот среди присутствующих.

– Так как у Милата нет наследников, – продолжал Трэйтор, – его величество подписал указ, согласно которому, я становлюсь новым королем.

– Ты серьезно? – усмехнулся Алфорд. – Думаешь, мы тебе поверим? Ты и вправду так наивен? Даже если ты и сблизился с королем, это еще ничего не значит. Все знают, что на твоей совести смерть Малкина Грея.

Воцарилось гробовое молчание. Трэйтор вперил взгляд карих глаз в старика, еле сдерживая закипевший в нём гнев.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь, – ответил Трэйтор, как можно сдержаннее. – Я не имею никакого отношения к смерти

Малкина Грея и считаю подобные обвинения более чем оскорбительными. Но, учитывая твоё положение и возраст, я не стану делать поспешных выводов. – Затем Трэйтор обратился ко всем остальным членам совета. – Я верну совету его былое прошлое. Вам снова будет дарована прежняя власть. Для этого вам всего лишь нужно признать меня королем.

– Никогда я не признаю тебя королем. Ты проклятый узурпатор и убийца, – крикнул негодующий Алфорд. Его челюсть затряслась от злости.

– Осторожнее со словами, Алфорд, – спокойно ответил Трэйтор, который еле сдерживался, чтобы не дать волю своему гневу. – Всему есть предел. Кто еще разделяет его мнение?

Дарбек Соул окинув взглядом зал и расположенных по всему его периметру вооруженных солдат, первым вышел вперед.

– Раз такова воля покойного короля, я как смиренный его слуга, охотно подчинюсь ей, – Дарбек Соул склонился в почтённом поклоне.

– Превосходно. И я ценю это, Дарбек, – ответил Трэйтор. Легкая улыбка одобрения появилась на его лице.

– Я тоже не могу противиться последней воле Милата, – сказал Делрой, последовав примеру Дарбек Соула. Вслед за ним, то же самое проделали и все остальные члены совета. Брендон, Валлаход, Эмиас – все они склонили голову перед Трэйтором. Алфорд даже опомниться не успел, как оказался в меньшинстве.

Он с ужасом взирал, как один за другим члены совета признавали Трэйтора новым монархом. Он снова хотел что-то возразить, но его тут же оборвал Дарбек Соул. Схватив Алфорда за рукав, он сказал в полголоса, так чтобы Трэйтор не мог расслышать: «Склони голову, дурак. Посмотри вокруг». Но эти слова не подействовали. Разгневанный Алфорд вырвал свою руку и вызывающе посмотрел на окружающих.

– Мне плевать, что вы продались. Позор падет на ваши головы. А ты, мерзавец, ответишь за все, что натворил. Я никогда не признаю тебя королем. Не сидеть тебе на троне. Уверен, Вагрел быстро вышибет тебя отсюда. И тогда ты прямиком отправишься на эшафот.

– Это все, что ты хотел мне сказать, Алфорд? – небрежно спросил Трэйтор. После того, как остальные члены совета охотно его признали, гнев в нем поутих и настроение стало значительно лучше. – В таком

случае, скажу тебе одно, никакой Вагрел меня отсюда не выбьет. С сегодняшнего дня армию возглавляет мой брат, Генри.

При этих словах лицо старика исказила гримаса неподдельного ужаса.

– Я дал тебе шанс, Алфорд. Я стерпел все твои оскорбления и даже клевету на счет Малкина Грея, эти почтенные господа тому свидетели. Но ты не успокоился. Ты продолжаешь упорствовать в своем безумии, не желая выполнять волю покойного Милата.

– Я не желаю выполнять волю проходимца и узурпатора, – огрызнулся Алфорд.

– Что ж, в таком случае у меня не остается иного выбора.

После этих слов Трэйтор подал знак и трое солдат мигом подскочили к старику, скрутили его и поволокли, словно мешок картошки, прочь из зала. Несчастный кричал не своим голосом, угрожал, пытался вырваться, но все попытки были тщетны. Он был словно маленький котенок, которому всего пару дней отроду, по сравнению с теми верзилами, которые волокли его в тюрьму. Трэйтор, да и все остальные, не вымолвили ни слова. Они без сожаления, наблюдали, как старика тащили под руки из зала, как он сыпал угрозами, и как за ним захлопнулась дверь. Никто за него не заступился.

– С теми, кто не желает выполнять указ короля, может быть только такой разговор, – сказал Трэйтор присутствующим. – Завтра состоится церемония похорон. Все вы на нее приглашены.

– А как же тетушка покойного? – спросил Брендон.

– Думаю, не стоит ее приглашать на эту церемонию. Боюсь, бедняжка Беатриса так разволнуется, что просто не переживет ее.

После этого Трэйтор со всеми распрощался и покинул тронный зал. По дороге в кабинет Милата его встретил Сервус.

– Ты нашел его? – спросил Трэйтор, остановившись прямо посередине коридора.

– К сожалению, нет. Мои люди упорно искали, но пока им не удалось его найти.

– Жаль. Как только найдете, сразу же убейте. Не хочу больше видеть этого Валмера. Да и еще, Лестер, это старый маг, Милат его куда-то усрал. Как только он появится, сразу же приведите ко мне.

– Будет исполнено.

Трэйтор вошел в бывший кабинет короля и уселся прямо за стол. Он взял книгу, которую читал Милат в последний вечер; закладка так и осталась где-то в середине. Трэйтор полистал ее и затем небрежно кинул на стол. Книга его нисколько не заинтересовала. Он откинулся на бархатную спинку и расслабился. Настроение у него было прекрасное.

Лестер и Рагнер шли к Ландрсмиту. В последний раз маг вынужден был колдовать в спешке, унося ноги из гиблой Долины тысячи смертей, поэтому он немного ошибся в расчетах, и они вместе с Рагнером оказались в паре километров от города. Но это их несколько не волновало. Они выполнили поручение короля. Все три ярмских камня впервые за многие века вновь оказались вместе. Осталось отнести их Милату.

Они шли по размытой грязной дороге. Снег практически растаял. Весна с каждым днем все сильнее вступала в свои права. И как приятно было идти под теплым ласковым солнышком после мрачной долины. Как радовало пение птиц, легкий, все еще по-зимнему холодный, ветерок, красивые стройные деревья, на которых уже стали набухать первые почки. Раньше Рагнер не обратил бы особого внимания на такие мелочи. Но теперь, после того, как он побывал в месте, где царит уныние и серость, где сплошная пелена туч не дает пробиться ни единому солнечному лучику, где мертвые деревья скрючены в страшных позах, ему все это казалось раем.

– Наше путешествие подходит к концу, – с грустью заметил Рагнер.

– Ну, мы свое дело сделали, – отозвался Лестер.

– Немного жаль. Я так привык к дороге. Столько необычных вещей довелось повидать за это время. Признаюсь честно, я буду скучать по всему этому. Хотя, ночевки на твердой земле могут свести с ума.

– Но и к ним тоже привыкаешь, – усмехнулся маг.

– Бесед возле костра мне точно будет не хватать.

– Сначала ты не хотел ехать со мной, помнишь?

– То было так давно. Во всяком случае, мне порой кажется, что с тех пор прошло не меньше года, а не пару месяцев.

Так они шли, весело и непринужденно болтая, и даже не заметили, как прошли мимо двух громадных каменных львов, что вечно грозно смотрят куда-то вдаль. Они миновали ворота и направились по мощеной улице к центру города. Сначала решили зайти в какой-нибудь трактир, чтобы поесть, а потом уже направиться во дворец, к королю. Они шли медленно, преодолевая квартал за кварталом. На оживленных улицах, как всегда, было много народу, снующего туда-сюда по своим делам. Иногда попадались знакомые лица, чаще всего Лестеру, они весело здоровались, и маг с улыбкой отвечал. Попадались и животные, весело болтающие о всяких небылицах, не обращая никакого внимания на двух уставших друзей, бредущих по улице Ландрсмита.

– Я одного не могу понять, – обратился Рагнер к Лестеру, когда они прошли мимо двух болтающих енотов. – Почему некоторые животные разговаривают на человеческом языке, а некоторые нет?

– О, тут все просто. На человеческом языке говорят только те животные, которые родились в Зверином царстве. Там действует особая магия.

– Тогда все понятно. Хотя, мне не совсем ясно, зачем они уходят из Звериного царства? Ведь там так замечательно.

– Тут я ничего не могу сказать.

Когда проходили мимо переулка, какой-то незнакомец, закутанный в темный плащ, схватил Лестера за руку. От неожиданности маг вскрикнул. Рагнер потянулся к рукояти меча, но незнакомец прохрипел: «не бойтесь». Магу показался этот голос знакомым. Он его уже где-то слышал. Нельзя было разглядеть лицо, так как его скрывал темный капюшон. Незнакомец повернулся в сторону переулка медленно, прихрамывая на правую ногу, поплелся куда-то вглубь, знаком руки приглашая друзей следовать за ним. Рагнер вопросительно посмотрел на мага. Тот, промолчав, последовал за незнакомцем. Рагнеру ничего не оставалось делать, как пойти вслед за магом.

Пройдя несколько метров по безлюдному переулку, незнакомец остановился и снял капюшон.

– Валмер? – от изумления у Лестера лицо вытянулось в овал. – Что ты тут делаешь?

– Я решил встретить вас, – ответил Валмер, тревожно озираясь по сторонам. – Вам нельзя появляться во дворце.

– Что? Почему? В чем дело? – недоумевал маг.

– Прошу вас, давайте отсюда уйдем, и я все вам объясню.

Валмер снова натянул капюшон и повел друзей дальше вглубь переулка.

Затем вышли к небольшой площади, на которой им встретилось всего две женщины с корзинами и два стражника, прочесывавших улицу. Они не обратили никакого внимания на Валмера и двух друзей. Миновав площадь, они снова свернули в переулок, такой же пустой и безлюдный. Валмер вел друзей, молча, не говоря ни слова. Несмотря на хромоту, двигался он быстро и довольно ловко. Наконец, они оказались возле небольшого приземистого каменного домика. Звякнули ключи, и через несколько секунд, деревянная дверь со скрипом отворилась. Валмер пропустил друзей вперед, а затем вошел сам.

Они оказались в небольшой комнатке с низеньким потолком, по углам которого висела паутина. Повсюду царил беспорядок. В самом центре находился небольшой стол, на котором были небрежно разбросаны книги. Два стула и кресло с потертой обивкой возле камина. Слева расположился небольшой, выдавший виды шкаф, а возле него сваленные в кучу различные антикварные предметы. Справа от стола находилось нечто, накрытое огромным пыльным покрывалом. Рядом с этим непонятным предметом расположилась деревянная дверь, которая, судя по всему, вела в кладовую.

Лишь после того, как они оказались внутри дома, Валмер снял плащ и повесил на вешалку, которая находилась возле входа.

– Проходите, – пригласил он друзей.

Лестер аккуратно проследовал к столу, стараясь не наступить на валяющиеся повсюду различные безделушки. Рагнер чувствовал себя великаном в этой крохотной комнатке. Он почти упирался лысой головой в потолок. Пригнувшись, он подошел к столу и сел на стул. Валмер кинул несколько поленьев в камин, чиркнул спичками, и через пару минут разгорелось жаркое пламя. Пока он хлопотал с огнем, не проронил ни слова. А, между тем, Лестер и Рагнер ждали объяснений.

– Чаю не хотите? – наконец, нарушил молчание Валмер.

– Чай подождет, – ответил Лестер. – Лучше расскажи, что случилось.

– Ох, Лестер. Какая ужасная беда. Это просто кошмар, – сказал Валмер таким голосом, что, казалось, он прямо сейчас разрыдается. – Король Милат мертв.

Эти слова прозвучали громом среди ясного неба.

– Как ... мертв. Я ... не совсем понимаю, – выдавил из себя Лестер после длительного молчания.

– Его убили, – послышался ответ.

– У ... убили? Кто?

– Заговорщики. Трэйтор и его люди.

– Расскажи мне. Расскажи мне все, что тебе известно.

И Валмер рассказал. Он рассказал о том, как армия заняла не тот город из-за подмененного послания, как Трэйтор явился к Милату, обвинив во всем Малкина Грея, рассказал о казни, и о том, как Трэйтор сблизился с королем. Не упустил убийство начальника королевской стражи Марфуса, и то, как состоялся поединок, между двумя кандидатами на эту должность, и про то, как Сервус, к удивлению Валмера, одержал победу над громадиной Берном.

Валмер рассказал все, что произошло за время отсутствия Лестера. Добрых два часа длился непрерывный рассказ. Друзья слушали, забыв о голоде и усталости.

Наконец, Валмер замолчал, и в воздухе повисла тишина. Маг и Рагнер переваривали услышанное. Их не было всего пару месяцев, а в стране произошли такие страшные изменения. Братнийцы находятся под Палбриджем, короля Милата убили, а к власти пришел Трэйтор. Требовалось время, чтобы все это, как следует обдумать и принять.

– А вы нашли камни? – прервал молчание Валмер.

– Да. Камни у нас. Вот только нести их теперь некому, – с грустью сказал Лестер. Ему вдруг стало так тоскливо. Он был очень предан Милату, и очень уважал этого монарха. И теперь, когда он узнал о его убийстве, ему стало невыносимо жалко его. Тем более, король не успел обзавестись наследником.

– Да. Все это очень печально и грустно, – вздохнул Валмер. – Но, самое главное, что камни не попадут к братнийцам.

– Да. Не попадут, – грустно сказал Лестер.

– А можно мне взглянуть на эти камни? Очень уж интересно на них посмотреть.

Лестер глянул на Валмера и задумался. Этого мужчину с темными глазами-бусинками, печально смотревшие сквозь очки, маг знает восемнадцать лет. Они вместе служили королю почти всю свою жизнь. Валмер был предан короне до мозга костей. Король всегда доверял ему. И Лестер иногда посвящал его в свои самые сокровенные тайны. Старик подружился с ним с тех самых пор, как стал придворным магом. Валмер знал, куда отправляется Лестер. Разумеется, ему хочется увидеть камни, о которых ходило столько легенд. Именно поэтому маг достал из кармана все три камня: изумруд, сапфир, рубин и положил на стол. Нет причин не доверять Валмеру.

– Какая страшная сила в этих камнях, – сказал Валмер, взяв все три камня в руки. – Какая мощь заключена в них. Слушай Лестер, их нельзя вот так просто носить. Нужно сдерживать их силу, иначе они изведут любого, с кем они будут. Есть у меня один сосуд, в который их стоит поместить. Ты не возражаешь, если я их уберу?

– Нет, какое теперь до этого дело? Камни в надежном месте и в надежных руках. Если у тебя есть такой сосуд, который позволит сдерживать их силу, то я буду только рад, если ты их туда поместишь.

– Конечно, – сказал Валмер. Он как-то странно посмотрел на мага, и легкая улыбка тронула его губы. Не выпуская камни из рук, он отворил дверь, которая находилась возле странного предмета, накрытого пыльным покрывалом, и проскользнул за нее.

Маг и Рагнер по-прежнему сидели, размышляя о том, что им рассказал Валмер. Вдруг Лестер странно посмотрел на друга. В его голубых глазах читалась невероятная тревога, будто вот-вот должно произойти нечто ужасное и непоправимое. Маг встал и медленно, словно охотничий пес, идущий по запаху, подошел к предмету, накрытому пыльным покрывалом.

– В чем дело? – спросил Рагнер.

Вместо ответа Лестер продолжал стоять, странно осматривая накрытый предмет.

– Что ты такого нашел в этом старом рваном покрывале? – не унимался Рагнер.

– Я чувствую тьму, – ответил Лестер.

– Это не удивительно. Мы принесли сюда камни, помнишь?

– Нет. Это совсем иное. Эта тьма все время присутствовала здесь, просто камни, которые были у меня, не давали мне ее ощутить. А

теперь я ее чувствую. Она давно поселилась в этом месте. Я ощущаю, как она исходит от предмета, который накрыт этим покрывалом.

Рагнер поднялся со своего места, подошел к Лестеру и сдернул покрывало. Оно повалилось на пол, и друзьям предстало большое прямоугольное зеркало в деревянной раме.

– Обычное зеркало, – заметил Рагнер.

– Нет, не обычное. Я чувствую тьму. Это зеркало заколдовали с помощью черной магии.

Рагнер посмотрел в него и никого, кроме рослого лысого мужчины и сухого старика с посохом в руках не увидел. Было непонятно, почему Лестер так встревожился. Они ведь находятся у Валмер. А он служит при дворе так давно, что даже Рагнер его помнит. И все же, если Лестер говорит, что чувствует тьму, значит, так оно и есть.

Вдруг маг схватился за грудь, выронил посох и со стоном опустился на пол. Перепуганный Рагнер мигом подскочил к Лестеру.

– Что случилось? Тебе плохо?

Но Лестер ничего не отвечал. Он лишь тяжело дышал и продолжал держаться левой рукой за грудь.

– У тебя болит сердце? – бедный Рагнер не знал, что ему делать и как помочь другу.

Вдруг из помещения, в котором находился Валмер, раздался звук чего-то бьющегося. Лестер тут же схватил посох, и вскочил со своего места, словно с ним ничего не было, будто он не сидел всего секунду назад на полу, схватившись за грудь. В один миг он подбежал к двери, за которой скрылся Валмер, и с силой дернул ее на себя. К удивлению он оказался не в кладовой. Это была комната намного больше и просторней той, в которой они только что находились. Она была почти пустой, за исключением большой деревянной подставки для книг на одной ножке и небольшого стола возле нее – больше ничего не было. На столе валялись осколки какой-то разбитой посуды. То, что увидел маг, привело его в ужас. На этой подставке лежала раскрытая книга, а над ней стоял Валмер, уткнувшись в нее. Он что-то читал, и из книги вырывалось яркое свечение. Он не обратил внимания на Лестера. А маг стоял в полном оцепенении, не веря своим глазам. «Валмер. Это был Валмер. У него Вестермская книга. Это он ее украл. Это были не братнищи!» – пронеслось в голове Лестера. И тут прямо на глазах у мага лицо Валмера изменилось до неузнаваемости. Оно стало таким

безобразным, таким сухим и морщинистым, словно он прожил тысячу лет. Страшный оскал обнажил гнилые зубы. Некогда пышные вьющиеся волосы, которые тронула первая седина, превратились в седые жидкие волосенки; очки валяются на полу. Перед Лестером стоит не Валмер, а страшный колдун, с натянутой на череп кожей, из которого тьма в один миг высосала всю жизнь!

– Мать честная! Это что такое? – воскликнул изумленный Рагнер, входя вслед за магом в комнату.

Свечение погасло, и Валмер, вернее то, что когда-то звалось Валмером, закрыл книгу и, продолжая скалиться, повернулся к друзьям. В этот момент Рагнер бросился на него с мечом, в готовности нанести удар. Ярко-красная вспышка осветила комнату, и в следующее мгновение Рагнер отлетел в сторону. Меч со звоном упал на пол. Рагнер лежал возле стены и не подавал никаких признаков жизни. Лестер хотел нанести удар, как вдруг снова полыхнуло ярко-красным светом, и сотни молний отбросили мага в сторону. Чувствуя ужасную боль во всем теле, Лестер в первые несколько секунд даже не смог пошевелиться.

– Удивлен? – раздался хриплый голос. Маг повернул голову и увидел ужасное лицо Валмера, которое исказила мерзкая улыбка. Он медленно двигался на старика. Лестер перевел взгляд в сторону и увидел валяющийся посох. Тот лежал слишком далеко, и дотянуться до него незаметно не получится. Валмер перехватил взгляд мага и в следующую секунду снова ярко-красный свет озарил комнату. Посох превратился в щепки, как и надежда Лестера убить врага.

– Тебе не нужна эта палка, – прошипел Валмер.

– Это ты украл Вестермскую книгу, – сказал маг.

– Да, как видишь. Книга все это время была у меня, – ответил Валмер. Мерзкая улыбка не сходила с его ужасного лица.

– И война с братницами тоже твоих рук дело?

– Да, – с каким-то удовольствием ответил Валмер.

– Но зачем?

– Что ж маг, ты заслужил узнать правду перед смертью. Все очень просто. Я приготовил усыпляющее зелье, а один мой помощник по имени Берн, который заканчивал свою службу в Вестермском замке, подлил его в чан с едой. Когда вся охрана уснула, он помог мне проникнуть в самое сокровенное место, где хранилась книга. Но я не

хотел, чтобы Милат стал подозревать кого-то из «своих». Нужно было убедить его в том, что это сделали внешние враги. И на эту роль отлично подошли братнийцы, с которыми мы раньше часто воевали.

– И ты подкинул ту братнийскую застежку для плаща, – догадался маг.

– Верно. Я подкинул ту застежку. Видишь ли, к тому моменту я смог убедить короля Бренера напасть на Фильнию. И, должен тебе сказать, это было не очень легко. Бренер поначалу не доверял мне. Но я пообещал помогать ему в этой войне, и он все-таки согласился. Общался я с ним через то самое зеркало, которое тебя так заинтересовало. Я подсказал Бренеру тайный проход в крепость Пирс и та в скором времени пала. С того момента Бренер стал доверять мне, а король Милат был убежден, что книга у братнийцев.

– Но Милат отправил меня на поиски камней до падения крепости, – заметил Лестер, после того как уселся на полу и облокотился спиной о стену.

– Да. Это я его убедил в том, что нужно найти камни и опередить братнийцев.

– Зачем? – недоумевал маг.

– Все просто, старик, – ухмыльнулся Валмер. – Многие искали эти камни. Сотни лет разные колдуны желали ими овладеть. Но все они были заранее обречены на неудачу. Никто из них не учил историю. Никто не читал нужных книг. А ведь в них все написано. В них скрыт ключ к успеху.

– Я ничего не понимаю.

– Камни может найти лишь тот, чьи помыслы чисты. Тот, кто преследует благородную цель. Аксиос не успел понять, как их уничтожить, и он их спрятал. Но он надеялся, что спустя века найдется тот, кто сможет завершить его дело. Но он не хотел, чтобы камни и книга оказались в плохих руках. Вот поэтому он и сделал так, что камни может найти тот, кто не захочет воспользоваться этой страшной силой. Вот почему я убедил Милата отправить именно тебя, Лестер. Ты на светлой стороне. А я давно примкнул к темной. Так что, если бы камни начал искать я, у меня бы ничего не вышло. Помнишь, в день твоего отъезда, когда Милат посвятил тебя в эту историю, я сказал тебе, что только ты можешь найти эти камни. Как видишь, я не врал.

Лестер вспомнил тот пасмурный день, когда он в последний раз виделся с Милатом. Как король поручил ему найти эти камни. Да, Валмер и в самом деле тогда сказал нечто подобное. Но тогда Лестер даже не мог предположить, чем все это обернется.

– Я следил за вами. С помощью того же зеркала. Я должен был знать, что с вами все в порядке.

– Так это тебя Рагнер видел в воде?

– Да, признаю. Несколько раз я был недостаточно осторожен.

– Получается, мы были твоими марионетками. Все это время мы искали камни для тебя? – это открытие поразило мага.

– Да, Лестер, все это время вы со своим дружкой искали камни для меня. Но ты не расстраивайся. Не только вы были моими марионетками. Бренер тоже был. Ах да, Трэйтор тоже моя марионетка.

– Трэйтор? – вновь удивился Лестер.

– Я знал, как этот человек желает власти и решил ему помочь. Для этого я подсказал ему, что Вагрел отправил гонца с письмом, в котором тот будет спрашивать, двигаться ему в Керсабор или в Батсонию. Трэйтор быстро понял, какие выгоды можно из этого извлечь. Дальше я просто наблюдал за ним, на тот случай, если он вдруг начнет двигаться по другому, не нужному для меня, пути. Но Трэйтор делал все как надо. Он оболгал Малкина Грея и втерся в доверие к Милату. А затем, благодаря Сервусу убил начальника королевской стражи. Все шло по плану. Разумеется, во дворец поступала информация о том, что Трэйтор ведет себя подозрительно, и что члены совета пару раз у него собирались. Однако благодаря моим стараниям и магии, вся эта информация не доходила до короля. Как и его обращение к Юлию, с просьбой помочь наладить контакт с магами, чтобы они помогли одолеть братнийцев. Мне не нужен был еще один колдун во дворце. Уж Юлий наверняка, почувствовал бы тьму. Все шло как надо, но тут у меня появилась одна проблема. Берн, тот самый, который подлил усыпляющее зелье солдатам в Вестермском замке, стал шантажировать меня. Он хотел занять пост начальника королевской стражи и требовал, чтобы я помог ему в этом деле. В противном случае он грозился все рассказать королю. Я не мог этого допустить. Поэтому пришлось немного вмешаться и посоветовать его Милату, как одного из кандидатов на эту прекрасную должность. Это произошло в тот самый момент, когда Трэйтор презентовал Милату Сервуса. Ох, и

взгляд же был у Трэйтора, когда вошел Берн. Он так меня ненавидел. Думал, что я и в самом деле хочу, чтобы Берн стал начальником королевской стражи вместо его рыжего Сервуса. Вот дурак! Я предложил провести поединок между двумя кандидатами. Я не хотел, чтобы победил Берн. Мне нужно было, чтобы именно Сервус стал начальником королевской стражи. И я помог ему. Перед самым началом турнира я дал воды Берну. Дурачок осушил мигом кубок, не подозревая, что внутри столько яда, что можно убить лошадь. Так я устранил этого шантажиста и Сервус стал охранять короля. А в скором времени Трэйтор убил Милата. И теперь сам будет править. Если сможет.

– Я не понимаю, для чего тебе понадобилась смерть Милата? – спросил потрясенный Лестер. – Ведь он тебе не мешал.

– Убив Милата, я посеял в стране смуту. Фильния сильная страна с мощной армией, но без короля эта армия ничего не сможет сделать. Единственная страна, которая могла бы помешать всем моим планам, обезглавлена. Братнийское войско тоже ослабло. И теперь я смогу захватить весь этот мир. Ты помнишь сафра, которого вам показывали кентавры?

– Это тоже твоих рук дело. Это ты подстрекаешь этих тварей нападать на кентавров.

– Все верно. Я объединил сафров. Это я руковожу ими. И благодаря мне они вновь превратились в мощную свирепую армию, которая покорит все земли, а я стану единственным правителем во всех уголках той страны, которая когда-то называлась Дамгария. Да, Лестер. Это я тот темный маг, чей приход предсказывали древние легенды. Это я Аррадон. И теперь, когда книга в моих руках, я уничтожу все страны. Разделаюсь с кентаврами, а затем возьмусь за Фильнию. И теперь, зная всю правду, ты можешь со спокойной душой отправиться к праотцам.

Аррадон хотел нанести удар, но в этот момент в его лицо попала книга. От неожиданности Аррадон растерялся на секунду, которой хватило Лестеру, чтобы схватить стул. Он успел им прикрыться как раз в тот момент, когда враг нанес удар. Стул разлетелся в щепки. Хорошая попытка отбиться, но без посоха Лестер не мог ничего сделать против Аррадона, которого Вестермская книга наделила небывалым могуществом.

Следующий удар отбросил мага к шкафу. Он почувствовал ужасную боль, но не потерял сознание. Аррадон с дьявольской ухмылкой взял книгу и исчез.

Некоторое время Лестер лежал неподвижно. Ужасная боль не позволяла даже пальцем шевельнуть.

«Вероятно, он решил, что я мертв», – подумал маг. И тут страшная мысль пришла в его седую голову. Рагнер! Он же так больше не пошевелился после того, как упал. Это ужасное открытие подействовало на старика, как ушат ледяной воды. Он медленно, преодолевая боль, поднялся с места и поплелся к лежащему в противоположном конце дома, другу.

– Ты жив? – прохрипел старик. Ответа не последовало. Страшное предчувствие мгновенно охватило все его нутро. Страх сжал сердце мага ледяными щипцами. Он ударил ладонью по щекам, в надежде привести друга в чувство. Реакции нет. Рагнер лежал неподвижно.

Конец первой части.

Хроники Фильнии. Пробуждение тьмы.

18+

Михаил Важинский

